

ВИШЕРА

ВАРЛАМ ШАЛАМОВ

АНТИ

РОМАН

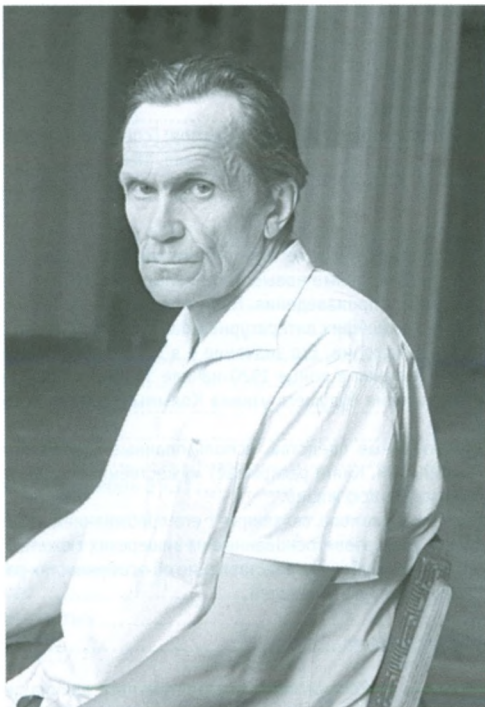
ВАРЛАМ ШАЛАМОВ

ВИШЕРА

Библиотека Уполномоченного по правам человека в Пермском крае

Варлам Шаламов

ВИШЕРА

Очерки, рассказы, стихи

Пермь
2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6
Ш18

Уполномоченный по правам человека в Пермском крае

Государственное бюджетное учреждение культуры Пермского края
«Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий "Пермь-36"»

Редакционная коллегия:

*П.Н. Бахарев, В.В. Дегтярников, В.В. Есипов (научный редактор),
М.Г. Нечаев (ответственный редактор), П.В. Миков, К.А. Остальцев, Н.Ю. Семакова.*

Шаламов, Варлам Тихонович.

Ш18 **Вишера: рассказы, очерки, стихи** / Варлам Шаламов; [сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент.: В.В. Есипов]. – Пермь: ИП Худяков С.А., 2021. – 304 с.: илл. 18+

ISBN 978-5-6047513-0-5

В издании впервые публикуется полное содержание книги В.Т. Шаламова «Вишерский антироман», включающее недавно найденные новые материалы из архива писателя. Они существенно дополняют известный ранее текст произведения. Несмотря на свою незавершенность, «Вишерский антироман» относится к ряду ценнейших литературных памятников XX века, равно принадлежащих и к памятникам отечественной истории. Его значение – в воссоздании реальной картины становления сталинской лагерной системы в конце 1920-начале 1930-х годов на примере Вишлага, где проходил первый срок заключения будущего узника Колымы и автора всемирно известных «Колымских рассказов».

Художественно-документальные средства, использованные Шаламовым, позволили сделать эту картину яркой и убедительной. Книга раскрывает мужественный характер писателя и его убеждения, которые он пронес через всю жизнь.

В издание включены стихи Шаламова, связанные с его пребыванием на Северном Урале, а также произведения из «Колымских рассказов», основанные на вишерских сюжетах. Комментарии и иллюстрации помогают получить более глубокое представление об особенностях ранней советской эпохи.

Книга адресована широкому кругу читателей.

Для бесплатного распространения.

Использованы фотографии из Российского государственного архива литературы и искусства (фонд В.Т. Шаламова), архивного отдела администрации Красновишерского городского округа, рисунки Ф.К. Лехта из собрания сайта «Масловка. Городок художников» и Березниковского историко-художественного музея им. И.Ф. Коновалова, материалы музея «Пермь-36», современные фотографии П.Н. Бахарева.

© Уполномоченный по правам человека в Пермском крае, 2021

© ГБУК ПК «Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий "Пермь-36"», 2021

© Шаламов В.Т., наследники, 2021

© Есипов В.В., составление, вступительная статья, комментарии, 2021

Отпечатано в типографии «Форвард-С» (ИП Худяков С. А.). 614033, г. Пермь, ул. Куйбышева, 1406.
Тел. (342) 205-54-41. E-mail: forward-s2011@yandex.ru Тираж 500 экз. Заказ № 5151

Содержание

«Жизнь – штука серьезная, но бояться ее не надо»

Предисловие В. Есипова 5

Вишерский антироман. Сборник очерков и рассказов 35

Бутырская тюрьма (1929 год).....	36
Вишера.....	40
Лазарсон	62
Ушаков	67
<i>Вредители и грызуны</i>	69
Миллер, вредитель	78
Дело Стукова.....	89
Кузнецов	98
Жидков и Штоф	99
Осипенко	101
Павловский.....	102
Васьков	103
Поездка в Чердынь	105
Степанов.....	108
Русалка	111
Федя Андреев	114
<i>Усть-Улс. Апрель – октябрь 1931</i>	116
Лагерная свадьба.....	127
Блюменфельд.....	130
<i>Покер</i>	137
<i>Рука всевышнего</i>	139
В лагере нет виноватых.....	145
Эккерман	152

Другие редакции и варианты 153

<i>Вишера до вредительских процессов</i>	155
<i>Этап Москва – Вишера</i>	161
<i>Вишера. Апрель – октябрь 1929</i>	164
<i>Шахматистка Лимберг</i>	170
<i>Поездка на Вижаху</i>	171
<i>Мой конвоир</i>	173
<i>Голубые штаны</i>	174
<i>Набросок к рассказу «Уроки любви»</i>	175
<i>Отдельные фрагменты рукописей</i>	177

Курсивом отмечены впервые публикуемые тексты.

Вишера в «Колымских рассказах»	181
Алмазная карта.....	183
Эхо в горах.....	187
Магия	193
Первый зуб	195
Протезы	199
У стремени	200
Хан-Гирей	207
Вечерняя молитва.....	214
Борис Южанин	216
Визит мистера Поппа.....	220
Галина Павловна Зыбалова.....	226
Сергей Есенин и воровской мир	235
Карта (ранний вариант рассказа «Алмазная карта»)	239
Стихи о Вишере	243
Хроника пребывания В. Шаламова в Вишлагае	252
Приложение	255
1. Следственное дело В. Шаламова 1929 г.	255
2. Протокол допроса В. Шаламова в Усть-Улсе 17 мая 1931 г.	264
3. Письма инженера В.П. Покровского из Вишлага	266
4. Документы о Вишлагае из архива г. Красновишерска	269
К. Остальцев.	
Вишерский край: история и современность	277
Именной указатель	294

**«ЖИЗНЬ – ШТУКА
СЕРЬЕЗНАЯ, НО БОЯТЬСЯ
ЕЕ НЕ НАДО»**

В.Шаламов после Вишеры <1932>

Судьба Варлама Шаламова столь нерасторжимо и столь *кровно* (в буквальном значении) породнена с трагической стороной истории российского XX века, что ее можно назвать одновременно и жертвенно-героическим символом эпохи, и ее же наиболее подлинным и точным (как анализ крови) отражением.

Осознание последнего факта, пришедшее после долгих увлечений иными литературными фигурами, вынесенными силой политического спроса на «лагерную тему» на авансцену публичного внимания, составляет один из важных признаков постепенного отрезвления нашего общества. Высокий нравственный смысл судьбы и творчества автора «Колымских рассказов», его мужественной одинокой борьбы за горькую, беспримесную правду – с отторжением всего, что он называл «спекуляциями на крови», особенно отчетливо обнажается в новейшее время. Неутихающая борьба за прошлое, острые дискуссии о роли и значении 70-летнего советского периода в истории России вновь и вновь концентрируют основное внимание на 25-лети, связанном с личностью и деятельностью Сталина. Казалось бы, всем очевидны колоссальные контрасты этой эпохи, вмещающей в себя и героический созидательный труд народа, и его подвиг во время Великой Отечественной войны, и преступные злодеяния, унесшие жизни сотен тысяч людей. Тем не менее, преобладают сегодня во многих случаях высокомерно-нигилистические характеристики этого сложного времени. С другой стороны, опять раздаются призывы «забыть» злодеяния Сталина и его подручных («забыть, забыть велят», как писал некогда А. Твардовский), а «лагерная тема», благодаря открытию архивов, во многом уже изученная, становится предметом недобросовестной эксплуатации во имя разнообразных политических выгод.

В связи с этим издание полного варианта «Вишерского антиромана» Варлама Шаламова, основанного на известном читателям тексте издания 1989 года¹ и на недавно обнаруженных в архиве писателя неизвестных главах, является, на наш взгляд, чрезвычайно актуальным.

Напомним, что «Вишерский антироман» – последнее крупное прозаическое произведение писателя, создававшееся в начале 1970-х годов и оставшееся незавершенным. Оно посвящено первому лагерному сроку автора, пришедшему на пору его молодости, на 1929–1931 годы, и в этом смысле является ценнейшим историческим источником для познания всех особенностей начального этапа формирования пенитенциарно-лагерной системы в СССР. Шаламов лично, будучи заключенным с правом занимать инженерно-технические должности (такую систему ввел и широко практиковал директор ВИШХИМЗ Э.П. Берзин), принимал участие в строительстве Вишерского целлюлозно-бумажного комбината и Березниковского химического комбината – важнейших объектов первой пятилетки на Северном Урале.

Нет сомнения, что постройка этих предприятий сыграла огромную роль в развитии экономики страны, в обеспечении острой потребности в бумаге, минеральных удобрениях и другой продукции (в том числе оборонного значения), дала мощный толчок цивилизационному развитию глухого края. Вишерский ЦБК был построен в рекордные сроки, всего за 18 месяцев. На строительстве работали не только заключенные, но и немалое количество вольнонаемных, приехавших сюда по организованному набору из разных концов страны, и местных жителей-крестьян. При этом участие заключенных в то время не скрывалось, а, наоборот, афишировалось как пример разумно-целесообразного исполь-

---

¹ Первое издание, подготовленное И.П. Сиротинской, вышло в 1989 г. в Москве в издательстве «Книга» (серия «Российский летописец»). В дальнейшем текст «Вишерского антиромана» без изменений печатался в отдельных изданиях и в собраниях сочинений В. Шаламова, был переведен на многие языки.

зования труда людей, лишенных свободы за различные преступления и получивших возможность – вместо того, чтобы прозябать в тюрьмах (или домзаках, как они назывались в 1920-е годы) – работать на благо общества, и за добросовестную («ударную», на языке эпохи) работу получать досрочное освобождение. Например, журнал «Огонек», посвятивший в октябре 1931 года (№ 32) пуску Вишерского ЦБК несколько официально-оптимистических страниц, писал:

«Для постройки целлюлозно-бумажного комбината “Вишхимз” в подавляющей своей части была использована рабочая сила исправительно-трудовых лагерей ОГПУ (курсив наш. – В.Е.). Люди разных профессий, заключенные в лагеря за различные преступления, были широко использованы в этом строительстве... В торжественный момент пуска фабрики эта категория рабочих тоже не была забыта. Коллегия ОГПУ отметила лучших из них сокращением сроков и полным освобождением некоторой их части. В день пуска комбината перед ними открывались двери в новую жизнь: они освобождались из заключения и тут же вступали в строй вольных рабочих...»

Газетчики тех лет, по обычаю, привирали, говоря, что «бывшие преступники, воры-рецидивисты, сегодня стали полноправными гражданами СССР» (рецидивистов, как правило, не освобождали), но, согласно архивным данным, получило свободу все же довольно большое количество заключенных: 261 человек и сокращены сроки: на 1 год – 784 человек, на 2 года – 327, на 6 месяцев – 626². То есть, льгота коснулась в итоге почти 2 тысяч человек из работавших тогда в Вишерском отделении 12 тысяч человек (данные на 31 января 1932 г.³)...

Так же досрочно, на полгода раньше, и тоже за добросовестную работу, был освобожден из Вишлага в октябре 1931 года и Варлам Шаламов.

За что же его отправили сюда?

Недавний студент факультета советского права Московского университета, он был осужден за участие в антисталинской оппозиции, конкретно – за распространение известного «Завещания» Ленина, его «Письма к съезду», скрытого от широких масс⁴. Заметим, что на следствии Шаламов вел себя необычайно мужественно и смело – он не признал предъявленного ему обвинения по статье 58 п. 10 УК РСФСР 1926 г. («пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти, а равно и распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания»), заявив: «Считаю обвинение клеветническим и противоречащим содержанию 58 статьи. 58 статья направлена против контрреволюционеров»⁵.

2 Из приказа зам. начальника Главного управления ОГПУ Л. Когана от 31 октября 1931 г. – Архивный отдел администрации Красновишерского городского округа. Ф.205. Оп.1. Д.5. Л.38.

3 Обухов Л. История строительства Вишерского целлюлозно-бумажного комбината // Хрупкая летопись: фотоальбом. – Пермь, 2012. С.14.

4 Ключевым пунктом письма, надиктованного В.И. Лениным 4 января 1923 г., являлась фраза: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места». (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М. 1970. Т.45. С. 346). Письмо было оглашено после смерти Ленина на XIII съезде ВКП (б) в мае 1924 г., но не на общем заседании, а по делегациям, и опубликовано в малоизвестном бюллетене. В дальнейшем, в годы правления Сталина, письмо было объявлено «фальшивкой», и его распространение сурово наказывалось, что ярче всего проявилось в судьбе В. Шаламова. Некоторые новые детали участия Шаламова в распространении «Завещания» Ленина впервые приводятся в публикации «Отдельные фрагменты рукописей» на стр 177-178.

5 См. Приложение 1. Более подробно об участии В. Шаламова в оппозиции, а также о ярлыке «троцкиста», безосновательно присвоенном ему, см: Есилов В. Шаламов. М.: Молодая гвардия. 2012; 2019 (серия ЖЗЛ). С. 73-89; 100-104.

Еще более важное свидетельство о характере и взглядах Шаламова дает его письмо в адрес Коллегии ОГПУ, ЦК ВКП (б) и Прокурора ОГПУ, написанное уже в Вишерском лагере летом 1929 г. Протестуя против приговора, который бросил его «в концентрационный лагерь, в среду уголовников, растратчиков, шпионов и контрреволюционеров – среду, с которой я не только никогда не имел ничего общего, но, где можно, боролся против них», он делает принципиальное заявление: «Политика не может знать злобы»⁶. Отчетливо видно, что Шаламов опирается здесь на известные фразы из «Завещания» Ленина: «Сталин слишком груб»; «озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль».

Несмотря на молодость (в момент ареста в феврале 1929 г. ему был 21 год, а при освобождении в октябре 1931 г. – 24), Варлам Шаламов обладал достаточной политической зрелостью, чтобы ориентироваться в общественной ситуации тех лет, и ясно сознавал, что ужесточение режима («злоба») идет по всем направлениям. Уже в Бутырской тюрьме он понял, что сталинская власть не собирается ни с кем «цацкаться»: за отказ от дачи показаний на товарищей его посадили на полтора месяца в одиночную камеру, а по итогам следствия присвоили литер СВЭ («социально-вредный элемент»), приравняв к уголовникам.

Знавший основы права, Шаламов, как мы видели, даже в лагере открыто протестовал против произвола и беззакония. Это стоило ему и первого зуба, выбитого начальником конвоя на пешем, 130-километровом этапе из Соликамска в Вишлаг в апреле 1929 г., и полугодовой ссылки на северную штрафную зону в верховьях реки Вишеры (поселок Усть-Улс) в 1931 г. Сфабрикованное Березниковским отделением ОГПУ в 1930 г. «дело Стукова» о «вредительстве» провалилось, однако Шаламов, попавший под следствие по этому делу по навету, просидел четыре месяца в следственном изоляторе. В итоге вместо благополучной карьеры иных «тихих» заключенных, отработавших весь свой срок на инженерно-технических должностях, Шаламов с его честным, неуступчивым характером терпел постоянные лишения, и вершок его карьеры стала работа в начале 1931 г. в должности старшего инспектора УРО (учетно-распределительного отдела) Вишлага. После досрочного освобождения в октябре 1931 г. он несколько месяцев работал начальником бюро экономики труда Березниковской ТЭЦ и затем вернулся в Москву. (См. *Хронику пребывания В. Шаламова в Вишлаг* в конце книги).

За два с половиной года на Вишере и в Березниках недавний студент очень много повидал и испытал: и барачные нары, и таскание бревен, досок на лесоскладе (с этого началась его работа в Вижаихе), и встречи с глазу на глаз с лагерным начальством, и сытные обеды в столовой для иностранных специалистов (куда он некоторое время как ИТР имел допуск), и оставившие у него только горечь инспекторские поездки в дальние леспромхозы, где работали голодные и бесправные раскулаченные-спецпереселенцы с их семьями. И любовь не миновала его в эти молодые годы: именно в штрафной зоне в Усть-Улсе летом 1931 года он познакомился с будущей женой Галиной Гудзь. Она добралась сюда из Москвы, чтобы получить согласие на развод от своего ссыльного нелюбимого мужа, и встретила высокого, статного Варлама. Разыгрался бурный роман: по семейной легенде, объяснение в любви с клятвой об обязательной встрече в Москве, произошло на пристани, перед отплытием Галины из Усть-Улса...

Сегодня трудно судить, как воспринимал Шаламов свой первый лагерный опыт по свежим следам, в 1930-е годы, и в какие произведения этот опыт мог бы тогда воплотиться. В 1932–1936 годах он полностью отходит от политики и, работая журналистом в различных изданиях, все свободное время отдает литературе: пишет рассказы, очерки, стихи. После нового ареста в январе 1937 года весь его литературный архив был сожжен женой

⁶ Письмо было изъято лагерной цензурой и приобщено к следственному делу Шаламова. См. *Приложение 1*.

Г.И. Гудзь, с которой он вступил в брак в 1934 году. По признанию самого Шаламова, он и на Вишере, в лагере, писал стихи «о Каме, об Урале, какими я их видел тогда». Но даже вся эта безобидная пейзажная лирика поэта была сожжена перепуганной женой⁷...

Арест и постановление Особого совещания при НКВД – «за контрреволюционную троцкистскую деятельность заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на пять лет» – были фактически противозаконными, т.к. никаких доказательств о «контрреволюционной», а тем более «троцкистской» деятельности Шаламова не было: ему просто припомнили «старые дела», за которые он уже понес наказание. Десятилетний срок, который ему добавили уже на Колыме в 1943 году «за антисоветскую агитацию», тоже был основан на сфабрикованном обвинении. Все это подтвердила в 1956 году Военная коллегия Верховного суда СССР, реабилитировавшая Шаламова по обоим делам «за отсутствием состава преступления». (Заметим, что по первому делу 1929 года он был реабилитирован лишь в 2000 году, после ходатайства его литературной наследницы И.П. Сиротинской в Генеральную Прокуратуру Российской Федерации⁸).

Пятнадцатилетнее заключение на Колыме, естественно, заставило Шаламова забыть о Вишере, который в сравнении Севвостлагом мог казаться едва ли не «курортом». Особенно резко и жестоко этот контраст ощущался в 1937–1938 годах, когда на Колыме шли массовые расстрелы – «за невыполнение нормы», «за любое самое невинное замечание в адрес Сталина», «промолчать, когда кричат «ура» Сталину – тоже достаточно для расстрела» (все это будет позднее описано Шаламовым в «Колымских рассказах»). Не менее страшными были и военные годы, когда при нехватке продовольствия и прекращении подвоза новых «контингентов» план по добыче золота увеличивался, и тысячи заключенных умирали от голода и невыносимых условий. Шаламов сам не раз становился «ходячей», и его спасла только лагерная медицина, особенно помогли врач Н.В. Савоева и врач-заключенный по 58-й статье А.М. Пантюхов, который в 1946 г. спас его от губельного этапа на далекую Индигиру и, приержав в больнице в Сусумане, дал затем направление на фельдшерские курсы, где обучали заключенных, поскольку медперсонала катастрофически не хватало. Окончив эти курсы, Шаламов до конца срока работал в центральной лагерной больнице Севвостлага в поселке Дебин на левом берегу реки Колымы. В 1949 году, когда его временно перевели на медпункт лесозаготовительного участка на ключе Дусканья, он впервые за много лет получил, как сам выражался, «право на одиночество» и начал тайно писать стихи. Здесь Шаламов впервые и вспомнил о Вишере, написав, кроме многого другого, необычайно теплое, посвященное жене стихотворение «Усть-Улс», где этот лесной поселок сравнивается с городом Ромео и Джульетты:

Деревенская Верона,
Юности моей пора,
Дай тебя на память тронуть
Острым кончиком пера...

Вернувшись в Москву в ноябре 1953 года, Шаламов встречается с Б. Пастернаком и, окрыленный этой встречей, продолжает писать стихи, составившие в итоге его поэтический дневник, «Колымские тетради». Но уже в 1954 году он берется за прозу, за ставшие

7 Уцелевшими оказались только несколько ранних рассказов Шаламова, переданных им в 1930-е годы в журнал «Октябрь» и обнаруженных в архиве журнала И.П. Сиротинской в 1990-годы. Среди них рассказ «Карта», посвященный Вишере и воспроизводящий сюжет будущего рассказа «Алмазная карта». Публикуется в данном издании.

8 Сиротинская И. Реабилитирован в 2000-м // Знамя, 2001, № 6. См. также Приложение 1.

ныне всемирно известными «Колымские рассказы». К 1962 году, когда «лагерная тема» впервые была открыта для советской литературы (благодаря усилиям А. Твардовского, уговорившего Н. Хрущева напечатать в журнале «Новый мир» повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»), Шаламов написал уже около шестидесяти рассказов колымского цикла. Но ни один из них (как и последующих) ему так и не удалось напечатать при жизни – все журналы и издательства, куда он ни обращался, отказали ему. Шаламов мог утешаться лишь отзывами отдельных писателей, например, О. Волкова, тоже отсидевшего много лет в лагерях: во внутренней рецензии для издательства «Советский писатель» тот, довольно скептически отозвавшись о повести Солженицына (она, по, его мнению, «оставляет незадетыми ворохи жгучих вопросов»), противопоставлял ей «Колымские рассказы» как «совершенно правдивые, без преувеличений и сгущения красок». Другие же рецензенты, например, А. Дремов, наоборот, ставили Шаламову в пример «Ивана Денисовича»: «Если Солженицын старался и на лагерном материале провести мысль о нестигаемости настоящего человека, то Шаламов, наоборот, всем содержанием рассказов говорит о неотвратимости падения». В итоге издательство «Советский писатель» отвергло рукопись «Колымских рассказов» с убийственной резолюцией редактора В. Петелина (от 30 июля 1964 г.): «Герои Ваших рассказов лишены всего человеческого, а авторская позиция антигуманистична».

Но Шаламов не сдавался. Он продолжал писать самую горькую правду – не только о лагере, но и о человеке, его психологии, о «зыбкости человеческой природы», слишком легко поддающейся, по его мнению, разнообразным формам давления и нравственного гнетения не только за колючей проволокой, но и на воле. В сущности, это и являлось главной философской темой его рассказов, в которые постепенно стал входить не только колымский материал, но и вишерский, причем иногда и не связанный с лагерной темой.

Начало этому было положено еще в 1959 году – в рассказе «Алмазная карта», начинавшемся фразой: «В тридцать первом году на Вишере были часты грозы...» Эта романтическая новелла о старике с фамилией Бугреев, живущем вместе с семьей в тайге, вдали от цивилизации, очень далека от основной проблематики «Колымских рассказов», – о лагерях здесь нет ни слова. Мотив хранимой стариком тайны об алмазах, скрытых в недрах этого далекого края, кажется сказочным, а финал – о том, что алмазы на Вишере все-таки нашли тридцать лет спустя – слишком радужным. Тем не менее, и здесь проявилась склонность Шаламова к многозначительной символике – недаром фраза из «Алмазной карты»: «Всего двадцать лет. Двадцать травяных поколений: поря, осоки, кипрея... И нет цивилизации. И ястреб сидит на заводской трубе» – сегодня, с учетом печальной участи Вишерского бумкомбината, воспринимается как пророческая...

Возможно, Шаламов хотел напечатать эту новеллу отдельно, но по каким-то причинам это не удалось, и он включил ее в колымский цикл. Стоит заметить, что включение подобных вещей в общую мозаику «Колымских рассказов» у Шаламова не является случайным – они несут (как и лирические новеллы «Стланик», «Тропа» и другие) функцию своеобразной «разрядки» для читателей в общем контексте трагического материала. Весьма характерно, что та же история об алмазах и том же старике (названном уже реальной фамилией – Степан Ширикин) вошла позднее в «Вишерский антироман», точнее, в недавно найденную главу об Усть-Улсе, и описана она без всякой беллетризации в жестком очерковом стиле. В том и другом случае Шаламов основывался на личных впечатлениях, а также отчасти на легендах, и его можно считать одним из первооткрывателей темы уральских (пермских) алмазов в литературе⁹.

С начала 1960-х годов писатель все чаще вспоминает Вишеру. Память его была поразительной: он мог, при достаточном напряжении, воссоздавать мельчайшие детали про-

9 Эта роль Шаламова отмечена в работах ряда авторов. См: Харитонов Т. Алмазы Урала. URL: <https://uraloved.ru/geologiya/uralskie-almaz>

шлого и помнил не только фамилии, но и имена и отчества многих людей, с которыми его сводила жизнь. Поставив перед собой высшую цель – «ничего не забыть, ничего не простить», «сначала возвернуть пощечины, и только после – подаяния», Шаламов в своей прозе сосредоточил внимание прежде всего на том, что видел и пережил в сталинских тюрьмах и лагерях. В течение 1962–1967 годов он создает целый ряд очерков и рассказов, толчком к которым служат вишерские впечатления: «Лагерная свадьба», «Вишера», «Магия», «Первый зуб», «Эхо в горах», «Протезы», «У стремени», «Хан-Гирей», «Вечерняя молитва», «Борис Южанин», «Визит мистера Поппа». Опыт общения с уголовной средой конца 1920–1930-х годов нашел отражение в «Очерках преступного мира».

Весь огромный и разноплановый материал, объединенный изначальным замыслом написать около сотни историй из лагерной жизни («рассказов по задуманной архитектуре нужно сто», – писал Шаламов еще в 1955 г. своему колымскому другу А. Добровольскому), требовал композиционной упорядоченности, и это было непросто задачей. Если состав первого сборника, названного «Колымские рассказы» и включавшего 33 произведения (те, что отвергло издательство «Советский писатель»), был давно и твердо определен, то над другими сборниками писателю пришлось немало думать. Как показывают архивные материалы¹⁰, очерк «Лагерная свадьба» поначалу входил в состав второго сборника «Левый берег», но затем писатель отказался от этой идеи и включил туда «Алмазную карту». Следует заметить, что и название «Левый берег» к Шаламову пришло не сразу: он намеревался назвать этот сборник «Уроки любви» по одноименному рассказу, написанному в начале 1960-х годов. Об этом свидетельствует, кроме прочего, сохранившийся в архиве того времени набросок к рассказу «Уроки любви», связанный с Вишерой и посвященный истории заключенной москвички Кати Аристарховой, которая упоминается и в «антиромане» (этот набросок включен в данное издание). Другие вишерские рассказы были рассредоточены Шаламовым по следующим сборникам «Артист лопаты» и «Воскрешение лиственницы», вполне органично вписавшись в них, т.к. между колымскими и вишерскими сюжетами есть несомненная связь, скрепленная образом автора-рассказчика. Примечательно, что многие литературоведы до сих пор воспринимают рассказ «Протезы» как колымский по материалу, хотя в нем воспроизведены детали обыска Шаламова при помещении его в следственный изолятор по «делу Стукова» на Вишере. Очевидно, что ставшая крылатой последняя фраза рассказа: «Нет, – сказал я. – Душу я не сдам» – имеет не какой-либо локальный, а универсальный смысл, ярко раскрывающий характер героя и автора.

Такова вкратце история подступов Шаламова к более полному и многоплановому отражению вишерского опыта, что он попытался осуществить в начале 1970-х годов в «Вишерском антиромане».

* * *

Почему «антироман»? Как отмечала И.П. Сиротинская, это определение не жанра, а идеи книги – без вымысла, без сквозного сюжета, и в сущности, это сборник рассказов и очерков о Вишере¹¹. По мнению некоторых исследователей, Шаламов решил прибегнуть к вызывающе смелому термину, полемически откликаясь на злобу дня – на литературоведческие дискуссии о французском «новом романе» (Н. Саррот, А. Роб Грийе и другие), отвергавшем каноны традиционного жанра и называвшемся критиками «антироманом». Однако проблема здесь глубже. Сам Шаламов и раньше не раз заявлял об исчерпанности

¹⁰ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф.2596. Оп.2. Ед.хр.169. Л.9.

¹¹ Заглавие «Вишерский антироман. Сборник рассказов и очерков» занесено И.П. Сиротинской на лицевую сторону архивной папки с рукописями этого произведения (РГАЛИ. Ф.2596. Оп.2. Ед.хр.68).

формы романа: «Роман умер... Людям, прошедшим революции, войны и концентрационные лагеря, нет дела до романа»¹². Синоним художественного вымысла, заведомой «выдуманности», «сочиненности», роман, по его убеждению, должен уступить место «прозе бывалых людей», основанной на личном опыте, на лично пережитом. Французский «новый роман», ставивший во главу угла скорее формальные эксперименты, таковым, увы, не являлся¹³. Но свои «Колымские рассказы» Шаламов с полным правом называл «новой прозой».

Обобщение вишерского материала требовало другого подхода (заглавие «Вишерские рассказы» после «колымских» явно не годилось), и об этих проблемах Шаламов писал И.П. Сиротинской в крайне важном и напряженном для него 1971 году, когда ему исполнилось 64 года, и он стоял перед выбором:

«Написать ли пять рассказов, отличных, которые всегда останутся, войдут в какой-то золотой фонд, или написать сто пятьдесят – из которых <каждый> важен как свидетель чего-то чрезвычайно важного, упущенного всеми, и никем, кроме меня, не восстановимого. Этот второй случай отнюдь не требует меньшей работы, чем в случае пяти рассказов. А пять рассказов не требуют большего усилия на каждый рассказ. И в том, и в другом случае количество усилий нравственных, нервных, физических, духовных примерно одинаково. Речь идет только об очерченности – и те и другие требуют разного настроения, разной подготовки, разной организации. Чему отдать предпочтение... Или закончить “Вишерский антироман” – существенную главу и в моем творческом методе, и в моем понимании жизни? (курсив наш. – В.Е.)»¹⁴.

Заметим, что заглавие произведения к этому времени уже утвердилось, хотя еще недавно, в 1970 году, у Шаламова был и другой, весьма многозначительный его вариант – «русский антироман»¹⁵, с очевидным полемическим противопоставлением французскому и с акцентом на уникальности исторического опыта своей страны. То, что Шаламов в итоге отказался от эпитета «русский» в пользу более конкретного «вишерский», может свидетельствовать о его нелюбви к претенциозности. Тем не менее ответ масштабной силы обобщения, которая заключена в первоначальном варианте, присутствует в этом произведении, особенно в кратких и емких философских отступлениях автора, а также в раскрытии преемственности между русской каторгой XIX века и сталинскими лагерями. Как уже говорилось, суть шаламовского «антиромана», его творческого метода – в полном отказе от художественного вымысла (в той или иной мере присутствующего в «Колымских рассказах»), от любых литературных «побрякушек», по его мнению, опешляющих главную тему. Поэтому в его произведении нет и намека на столь присущую жанру традиционного романа любовную линию (хотя материал для нее у него, как мы знаем, был богатый, и под пером иного писателя мог бы превратиться в захватывающее чтиво). Шаламов подчеркнута сух, аскетичен (графичен, если воспользоваться термином изобразительного искусства), и при обращении к своей молодости его волнует совсем иное.

В связи с этим задержимся на фразе писателя о том, что каждый его будущий рассказ «важен как свидетель чего-то чрезвычайно важного, упущенного всеми, и никем, кроме меня, не восстановимого». Можно лишний раз убедиться, что Шаламов глубоко осознавал

12 Эссе «О прозе»(1965) – Шаламов В.Т. Собр. соч. в 7 томах. М.: Терра – Книжный клуб – Книговек. 2013. Т.5. С.144. Далее ссылки на это издание обозначаются ВШ7 с ук. тома и страницы.

13 Шаламов отмечал: «Опыты французского “нового романа” интересны, но победа не на этом пути» (ВШ7, 5, 158).

14 ВШ7, 6, 494-495.

15 РГАЛИ. Ф.2596. Оп. 2. Ед.хр. 68. Л.3. Вариант заглавия: «Вишерский антироман, или русский антироман» зафиксирован в наброске плана, о котором речь пойдет ниже.

уникальность своего личного опыта – не только лагерного (хотя людей с двумя сроками заключения, один которых пришелся еще на 1920-е годы, к тому времени оставалось крайне мало), но и общего социального опыта проживания в переломном для России XX веке – начиная с дореволюционной поры в родной Вологде и кончая личным наблюдением за всей «кухней» становления сталинской диктатуры в 1920–1930-е годы. О неповторимости своего опыта он писал еще в стихотворении 1956 года:

Я вроде тех окаменелостей,
Что появляются случайно,
Чтобы доставить миру в целости
Геологическую тайну...

Одной из таких «геологических тайн» на рубеже 1960–1970 годов оставался период зарождения лагерной системы в СССР, о котором практически не было никаких свидетельств. В массовом сознании ударные стройки первых пятилеток связывались только с энтузиазмом комсомольцев-добровольцев, с романами «Время, вперед!» В. Катаева, «День второй» И. Эренбурга, а если говорить о Березниковском химкомбинате, – с очерком К. Паустовского «Великан на Каме» (переименованным в «Соль земли» и вошедшим в собрание сочинений писателя 1958 года). О Вишерском же ЦБК и рождении города Красновишерска выпускались только официозные брошюры¹⁶.

Разумеется, Шаламов отдавал себе полный отчет в том, что давно вынашиваемая им тема запретна для подцензурной советской литературы, что задуманному произведению уготована участь «Колымских рассказов» – лежать в столе, дожидаясь своего часа, либо мелкими ручейками перетекать в круг особо доверенных людей, в Самиздат. Впрочем, к тому времени Шаламов, наученный горькой практикой, уже разочаровался в Самиздате, увидев в нем канал нелегальной переправки своих произведений на Запад, что принесло ему огромные неприятности. В его записной книжке начала 1972 года сказано на этот счет вполне однозначно:

«...Обрезав все отношения с миром, шесть лет я сижу в совершенном одиночестве и ни одного рассказа не выпускаю из стола, боясь подогрева и без того популярности, которой я вовсе и не заслуживаю. Вот я и желаю развеять весь этот туман, привести в полную ясность все мои дела, хоть на шестьдесят пятом году жизни»¹⁷.

Все это, включая фразу: «Желаю развеять весь этот туман, привести в полную ясность все мои дела», – имеет самое непосредственное отношение к «Вишерскому антироману».

«Туман», как и саркастически обозначенная «популярность», были связаны с ложной репутацией, которая сложилась вокруг Шаламова среди либеральной московской интеллигенции, в том числе ее радикального крыла – диссидентов, где его по недоразумению (из-за одностороннего прочтения «Колымских рассказов») стали считать «своим». При этом происходило невольное – а иногда и вольное, сознательное – сближение его позиции с позицией А. Солженицына, ставшего с середины 1960-х годов, после отказа ему в присуждении Ленинской премии за повесть «Один день Ивана Денисовича», достаточно недвусмысленно заявлять о своем тотальном отрицании основ советского строя и о своей новой литературно-политической стратегии со ставкой на поддержку Запада. Стоит заметить, что Шаламову эта позиция была известна из первых уст – из личной встречи, устроенной ему тайно Солженицыным 30 августа 1964 года для обсуждения возможности совместной

16 Ср. брошюру «18 месяцев, которые создали комбинат "Вишхимз"». Красновишерск, 1933.

17 ВШ7, 5, 355.

работы над «Архипелагом ГУЛАГ»¹⁸. Ее результатом стал решительный отказ Шаламова от этого предложения, сформулированный с предельной ясностью в его записной книжке:

«Почему я не считаю возможным личное мое сотрудничество с Солженицыным? Прежде всего потому, что я надеюсь сказать свое личное слово в русской прозе, а не появиться в тени такого, в общем-то, дельца, как Солженицын. Свои работы в прозе я считаю неизмеримо более важными для страны, чем все стихи и романы Солженицына»¹⁹.

Характерно здесь, кроме прочего, – «важными для страны», т.е. Шаламов органично ощущает себя гражданином СССР и горячо надеется, что его произведения рано или поздно будут напечатаны и поняты на родине.

В дальнейшем Шаламов полностью порвал свои отношения с автором «подпольно» сочинявшегося «Архипелага». Но в замысел и в план этой книги он был в общих чертах посвящен. Сама идея создания «энциклопедии лагерной жизни» всего советского периода со стороны человека, родившегося в 1918 г., после революции, и практически не сидевшего в лагерях (Шаламов хорошо знал, что опыт Солженицына ограничен пребыванием в московской «шарашке» и в «легком» послевоенном ИТЛ в Казахстане²⁰), представлялась ему авантюрой. А использование чужих рукописей и воспоминаний он считал морально недопустимым для любого писателя («я никогда не мог представить, что может в двадцатом столетии появиться художник, который может собрать воспоминания в личных целях»). В связи с этим он передал Солженицыну (через посредников), что запрещает ему использовать материал своих произведений – это условие, увы, не было выполнено. Что касается расчета автора «Архипелага» на публикацию своей «лагерной эпопеи» на Западе, то Шаламов ясно и трезво понимал не только ее прагматическую подоплеку (ср. «делец»), но и политическую: недаром в 1974 году он назовет Солженицына «орудием холодной войны»²¹, констатируя тем самым, что это «орудие» служит разрушительным интересам стратегических противников своей страны...

Высокие этические требования, предъявлявшиеся Шаламовым к литературе (она должна создаваться, по его словам, «собственной кровью, собственной судьбой»), были обусловлены прежде всего заботой о строгой исторической правде. Несомненно, одним из мотивов, побудивших писателя к созданию «Вишерского антиромана», было стремление – в противовес Солженицыну и в предвидении, что тот может исказить реальную картину зарождения лагерной практики в послереволюционные годы – дать личное свидетельство об этой эпохе. Конечно, полемизировать напрямую с автором «Архипелага» Шаламов не мог, но уникальную ценность своего опыта на весах истории (с пониманием того, что эти «весы» вступят в

---

18 Подробнее см. нашу статью «В. Шаламов и «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына» – Шаламовский сборник. Вып. 5. Вологда-Новосибирск. Common place, 2017. С.282-333; то же: *Есипов В.В.* О Шаламове и не только. М.: Летний сад, 2020. С.322-358. URL: <https://shalamov.ru/research/317/>

19 ВШ7, 5, 363.

20 Знаменитая характеристика казахстанского лагеря, описанного в «Одном дне Ивана Денисовича», была дана Шаламовым в письме Солженицыну в ноябре 1962 г.: «Около санчасти ходит кот – вероятно для настоящего лагеря – кот давно бы съели» (ВШ7, 6, 278).

21 Ср. в неотправленном письме Солженицыну: «Я знаю точно, что Пастернак был жертвой холодной войны, Вы – ее орудием» (ВШ7, 5, 367). Сам Солженицын всегда заявлял, что борется против «коммунистического режима», но объективно его устремления играли на руку Западу. Чтобы у читателей не было сомнений в точности и прозрачности оценки Шаламова относительно политической роли автора «Архипелага ГУЛАГ» в изменении баланса сил на мировой арене, стоит привести отклик крупнейшей американской газеты *The Wall Street Journal* 5 августа 2008 на смерть Солженицына: «*Правда и воля, которые воплощала собой Солженицын, укрепили Запад и помогли ему восторжествовать в «холодной войне»*. – URL: <http://inosmi.ru/irussia/20080805/243009.html>. Подробнее: Книга, обманувшая мир: сб. критич. статей и материалов об «Архипелаге ГУЛАГ» А.И. Солженицына / Сост. и ред. В.В. Есипов. М.: Летний сад, 2018.

действие скорее в будущем, чем в настоящем) очень хорошо осознал. Главное же, как мы знаем, писателю было важно «развевать туман» вокруг своей личности и своих взглядов, т.е. вполне определенно заявить о своем идейном, мировоззренческом кредо.

Все это и воплотилось в «Вишерском антиромане», хотя и не законченном.

Разумеется, высказывания Шаламова не могли носить характера какой-либо декларации – он оставался писателем и в «антиромане», и как писатель был неизбежно, даже подчеркнуто, субъективен, не раз повторяя: «Я не историк, не летописец лагерей, я летописец собственной души». Но всякая писательская субъективность, как известно, может приобретать объективное значение, когда опирается на глубокое знание и понимание того, о чем он пишет, на историческую зоркость, в конце концов – на талант художника («на свете тысяча правд, но в искусстве есть только одна правда – правда таланта», – одно из главных убеждений Шаламова).

Основополагающая мысль писателя в отношении к 1920-м годам и к сталинской эпохе, высказанная в «Вишерском антиромане», звучит неожиданно и парадоксально:

«Я ведь был представителем тех людей, которые выступили против Сталина – никто и никогда не считал, что Сталин и советская власть – одно и то же».

Отчетливо видно, что Шаламов говорит здесь не только от себя, но и от имени поколения 1920-х годов, связанного с борьбой против диктатуры нового вождя партии и государства. Poleмичность этой мысли очевидна – она направлена как против сталинистов, поднявших головы в стране в середине 1960-х годов, после смещения Хрущева, так и против набирающего силу нигилизма по отношению к завоеваниям советской власти. «Скрытое от народа завещание Ленина казалось мне достойным приложением моих сил», – продолжает Шаламов, многозначительно добавляя: «Конечно, я был еще слепым щенком тогда». Эта оговорка означает, что в молодости он далеко не все понимал, и что вопрос о преемственности в деяниях двух вождей оказался на поверку гораздо более сложным. Но, тем не менее, – совсем не таким, как безапелляционно провозгласил в «Архипелаге» Солженицын: «Сталин шагал в указанную ленинскую стопу». Шаламов, на себе испытавший весь сталинский гнет, никакими фибрами души не может принять солженицынской идеи о том, что между политикой двух вождей нет принципиальной разницы, и убежден, что Сталин своей «стопой» (обутой в «сапог» – то в грубый, безжалостный, то в мягкий, скрывающий коварство) растоптал многое из того, что несли в себе идеалы советской власти. «Преступления Сталина велики безмерно», – подчеркивает он в «антиромане».

Это свое непоколебимое кредо писатель подкрепляет конкретными наблюдениями и фактами. Одной из главных «новаций» сталинской политики Шаламов считает метод «амальгам», применявшийся не только в борьбе со своими противниками, но и в создании многочисленных мнимых «внутренних врагов» государства. «Для Сталина не было лучшей радости, высшего наслаждения во всей его преступной жизни, как осудить человека за политическое преступление по уголовной статье», – пишет он, относя это и к себе (осужденному с литером СВЗ), и ко многим другим интеллигентам, попавшим в Вишерский лагерь. Среди них была особенно велика прослойка так называемых «вредителей», поступавших сюда по статье 58, п. 7 после известного, инспирированного ОГПУ по прямому заказу Сталина, «шахтинского процесса» 1928 года²². Шаламов упоминает одного из быв-

22 О роли Сталина в подготовке этого процесса см: Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги: В 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред. С. А. Красильников. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2010. (Серия «Архивы Кремля»). Следует подчеркнуть, что курс на поиски «вредителей» среди инженеров-специалистов, принятый при Сталине, прямо противостоял политике Ленина в этом вопросе, настаивавшего на всемерной «защите спецов». Эту же политику проводил Дзержинский в период своего руководства Высшим Советом народного хозяйства (ВСНХ) в 1925–1926 гг. См: *Валентинов Н. (Вольский Н.)*. Нэл и кризис партии после смерти Ленина. М. 1991. С.182-185

ших инженеров-«шахтинцев», главного инженера треста «Донуголь» Н.П. Бояршинова, с которым он встречался на в лагере, но, очевидно, не был близко знаком. В главе «Миллер, вредитель» писатель подробно рассказывает об одном из своих непосредственных начальников в Березниковском отделении Вишлага П.П. Миллере, бывшем инженере-строителе из Самары. «В моем «вредительстве» единственный факт, который я подтвердил при допросе, был тот, что асфальт на дворе конторы полопался – убыток был на пятнадцать рублей. Все же остальное – выдумка, чепуха», – говорил Миллер.

Подобные «вредители», как подчеркивает Шаламов, составляли едва ли не большинство специалистов стройки. В дополняющей текст «антиромана» главе «Вредители и грызуны» он пишет с полной определенностью: «Я не ставлю слово вредители в кавычки только потому, что эти кавычки жизнь ставила сама с самого начала»; «вредительские процессы были сфабрикованы властью»; «после Колымы тридцать восьмого года и Колымы военных лет я смотрю на вредительские процессы как на нечто полунаивное, которое если и было необходимо, то лишь затем, чтобы приучить население к еще большей крови...».

Последняя оговорка, наполненная печальной иронией, ясно раскрывает циничный прагматизм сталинских репрессий, всегда рассчитанных на то, чтобы «убивать двух зайцев» – искореняя «вредные элементы», держать людей в страхе и одновременно решать экономические проблемы. Это с полной наглядностью проявилось во время насильственной коллективизации, начавшейся как раз в то время, когда Шаламов оказался на Вишере. Эшелоны с раскулаченными и их семьями стали прибывать на Северный Урал весной 1929 года, их в основном расселяли по лесным необжитым районам. Шаламов, вспоминая свою поездку с комиссией в Чердынский леспромхоз, свидетельствовал: «Все они были с Кубани, леса не знали, их сгрузили тысячами прямо в снег, и они рубили себе избы по-черному. Умирали и работали на лесозаготовках. Голод. За буханку хлеба матери приводили начальству дочерей».

Много крестьян шло и в общих этапах, прибывавших в Вишлаг. Яркая сцена отбора на самую востребованную на стройке специальность плотника, которую вел начальник Березниковского отделения Вишлага М.В. Стуков, приведена в рассказе «Магия» (кратко она воспроизведена и в «антиромане»). Стуков обладал редкой способностью угадывать в пестрой массе заключенных их бывшие профессии и делился с Шаламовым своим секретом: «Я просто крестьян отбираю. Всякий крестьянин плотник. И добросовестных работников ишу из крестьян. И не ошибаюсь...Кулаки – самый работающий народ».

Тем самым Шаламов подчеркивает, что, задумывая коллективизацию, Сталин и его соратники так же прагматично рассчитывали прежде всего на то, чтобы использовать трудолюбие согнанного с земли русского мужика на многочисленных стройках.

Эпизод со Стуковым интересен и тем, что многоопытный начальник умел угадывать среди вновь прибывших заключенных секретных осведомителей ОГПУ. Для Шаламова тема «стукачества», буйным цветом расцветшего в сталинскую эпоху, – одна из важнейших, и в «Колымских рассказах» он прямо говорит о доносах «брата на брата» в 1937 году как главным признаке растления, которое внес Сталин в души людей. В «Вишерском антиромане» писатель дает множество примеров доносительства, и самый яркий описан в главе «Дело Стукова». Будучи арестован по этому липовому делу, Шаламов был на допросе у следователя, и, когда тот ненадолго отлучился из кабинета, успел разглядеть на его столе письма осведомителей. «Это были заявления, информация сексотов как раз по моему адресу и вообще о лагере, о производстве, – пишет он. – Я, конечно, сразу все понял и познакомился со списком сексотов основательно. Это был поразительный случай доносительства абсолютно всех».

С людьми из ОГПУ, особенно из СПО (секретно-политического или «третьего» отдела), Шаламов сталкивался на Вишере постоянно, и в этом смысле особенно интересен найденный в архиве очерк «Рука всевышнего» о последних днях его пребывания в Березниках. Вызвавший Шаламова начальник отдела ОГПУ Атаманов попросил его «помогать органам в их работе», заявив: «В нашей власти из бывшего заключенного сделать снова настоящего. Вам, как бывшему, некуда податься...» И Шаламову, чтобы избавиться от грозных неприятностей, пришлось срочно уезжать подальше от Березников – в Москву.

Но в пестрой мозаике «Вишерского антиромана» нет одномерности, предвзятости, стремления только «обличать» (как это делал Солженицын). Объективность Шаламова проявляется в том, что он стремится отразить лагерную жизнь прежде всего глазами того молодого человека, каким был тогда, – горячо преданного советской власти и чуткого к любой несправедливости. Очень показательны в этом смысле коррективы, введенные писателем в эпизод с избиением конвоем сектанта Петра Зайца на этапе в Вишеру по сравнению с тем же эпизодом в рассказе «Первый зуб» (1964). Если в рассказе автобиографический герой, выйдя из строя, заявляет начальнику конвоя: «Не смейте бить человека», то в «антиромане» фраза в прямой речи автора звучит иначе: «Это не советская власть. Что вы делаете?». Нет сомнения, что это изменение сделано не случайно – оно служит одной из главных смысловых точек книги, переключаясь с программной фразой о том, что «Сталин и советская власть – не одно и то же», и показывая ее, хотя и частное, но выразительное жизненное преломление (конвой, как и резко размножившиеся сотрудники ОГПУ, олицетворяют сталинские методы, открыто заявившие о себе как раз в 1929 году). В более общем плане, в контексте начала 1970-х годов, такая апелляция к идеалам советской власти служила весьма красноречивым знаком, демонстрировавшим общественную позицию Шаламова, его кредо. (Все это лишний раз показывает, что его слова в известном письме в «Литературную газету» 1972 года: «Я – честный советский писатель», – были абсолютно искренними).

Особую важность в той же связи имеет прямое свидетельство Шаламова о том, что после первых, самых тяжелых, месяцев на Вишере он воспрянул духом, когда осенью 1929 года было объявлено, что лагерная система перестраивается и теперь «все будет по-новому». «Когда приехал Берзин, а главное, приехали берзинские люди, все казалось мне в розовом свете, и я готов был своротить горы и принять на себя любую ответственность», – признается он. Участие в совещании, где ему, в числе других образованных заключенных, предложили перейти на административную работу, он воспринял не только как знак доверия, но и как знак того, что новые люди – в тех же фуражках, с ромбами и квадратами в петлицах, что носили сотрудники ОГПУ, – призваны сюда не для того, чтобы ужесточить лагерный режим, а, наоборот, смягчить, очеловечить его²³ – и благодаря этому совершить неслыханное, фантастическое дело постройки в глухой тайге комбината по последнему слову техники. Эта идея горячо увлекла Шаламова, и он со всей молодой энергией отдался ей...

Поскольку с личностью Э.П. Берзина связана и особая, по-своему уникальная для сталинского времени, система работы с заключенными, которую проводил в жизнь директор ВИШХИМЗа, на этой теме стоит остановиться подробнее. Тем более, что «Вишерский антироман» и другие произведения Шаламова дают к ней необычайно богатый и разноплановый материал (к сожалению, до сих пор не подвергавшийся внимательному анализу).

23 Кроме прочего: «Начальники должны были называть заключенных на «вы» (см. наст. издание, с. – глава «Вишера. Апрель – октябрь 1929»).

Шаламов, судя по тексту книги, в том числе по ее впервые публикуемым главам, знал Берзина неплохо, но все же недостаточно близко. По своему статусу заключенного и «маленького начальника» он не мог часто встречаться с начальником «большим», даже «набольшим», который был сверхзагружен делами на строительстве Вишерского ЦБК, в то время как Шаламов свой основной срок провел в Березниках, а также в дальнем Усть-Улсе. Вероятно, они виделись главным образом на производственных совещаниях в начале 1931 г., когда Шаламов работал в УРО под началом Р.И. Васькова, и могли пересекаться в здании управления Вишлага, находившемся в Вижайхе (будущем Красновишерске). По крайней мере о личных встречах и беседах с Берзиным Шаламов нигде не говорит. Совместные полеты на служебном гидросамолете Берзина, о которых вспоминал Шаламов в одном из поздних писем²⁴, возможно, сочетались с каким-либо неформальным общением, позволявшим ему лучше понять характер Берзина, однако в «антиромане» эти эпизоды не воспроизведены – писатель говорит лишь о пилоте гидросамолета Володе (Владимире) Гинце, которого, видимо, хорошо знал. Очевидно, что Шаламов, молодой высокий инспектор УРО, отличавшийся добросовестностью и энергией (ср. «я готов был своротить горы»), был на особой примете у директора ВИШХИМЗа. Об этом можно судить по известной фразе: «Берзин хотел взять тебя на Колыму», звучащей из уст начальника Вишлага И.Г. Филиппова в эпизоде выхода Шаламова на свободу в конце 1931 г. (глава «Блюменфельд»).

Ответ Шаламова: «Я, товарищ начальник, на Колыму – только с конвоем» (названный Филипповым «плохой шуткой») в контексте книги служит своего рода мостиком, перебрасывающим внимание к главной для писателя колымской теме. Эта тема не раз возникает на страницах нового произведения, поскольку Шаламову хорошо известно, что многие его герои – Филиппов, Васьков, Майсурадзе, Вальденберг, Тамарин-Мерецкий, Егоров, Ушаков, Будзко, Мордухай-Болтовский, Эпштейн, Цвирко и другие – после окончания строительства Вишерского ЦБК были приглашены Берзиным на Колыму, и большинство из них погибло в 1937–1938 годах как «враги народа» вместе со своим руководителем. Шаламов, доставленный на Колыму в августе 1937 года и сразу отправленный на дальний прииск «Партизан», уже не застал никого из них живым (кроме Ушакова, оперативного работника, продолжавшего свою деятельность в отделе уголовного розыска), и потому воспоминания о встречах с ними на Вишере приобрели для него новый смысл и новую окраску. Во многом они опирались на принцип «о мертвых (убитых) либо хорошее, либо ничего», формулировавшийся писателем по-своему («людям не делают чести презрительные тирады в адрес людей, убитых за их жизнь и убеждения»²⁵), но иногда писатель и отступал от этого принципа.

Это касается прежде всего Берзина. Следует заметить, что к его судьбе Шаламов начал обращаться еще в конце 1950-х годов, когда бывший директор ВИШХИМЗа и Дальстроя, обвиненный в «шпионаже в пользу Японии», был полностью реабилитирован, и в литературе восставливались яркие эпизоды его биографии, связанные с ликвидацией «заговора Локкарта» в 1918 году в составе латышских стрелков, с работой в ВЧК и ВСНХ вместе с Ф. Дзержинским

24 «Я ведь много летал еще в конце 20-х годов на гидроплане Берзина на Северном Урале» (из письма Ю.А. Шрейдеру 16 октября 1976 г. – ВШ7, 6, 560). Заметим, что фраза «много летал» не означает, что летал вместе с Берзиным: служебный гидросамолет директора ВИШХИМЗа Ю-20 был двухместным (максимум трехместным, и, учитывая высокий рост и грузность Берзина, взятие на борт третьего пассажира являлось редкостью). Возможно, Шаламов совершал облет северной территории с пилотом В. Гинце. См. фото гидросамолета на с. 127.

25 ВШ7, 6, 139. Конкретно речь идет о судьбе писателя, редактора журнала «Красная новь» А.К. Воронского, глубоко уважавшегося Шаламовым.

и т.д. В Красновишерске и Магадане вновь появились улицы имени Берзина и памятные доски, посвященные бывшему директору, что свидетельствовало о возвращении исторической справедливости. Шаламов тоже был рад этому, т.к. в то время оценивал личность Берзина исключительно в положительном ключе. Например, в очерке «Зеленый прокурор» (1959) он писал о его деятельности на Колыме: «...Эдуард Петрович Берзин пытался, и весьма успешно, разрешить проблему колонизации сурового края и одновременно проблемы «перековки» и изоляции. Зачеты, позволявшие вернуться через два-три года десятилетникам. Отличное питание, одежда, рабочий день зимой 4-6 часов, летом – 10 часов, колоссальные заработки для заключенных, позволяющие им помогать семьям и возвращаться после срока на материк обеспеченными людьми. В перековку блатарей Эдуард Петрович не верил, он слишком хорошо знал этот зыбкий и подлый человеческий материал...»²⁶. В трагическом, основанном на сугубо личных впечатлениях, рассказе «Как это началось» (1964) Шаламов проводит четкую границу между Колымой берзинского (1932 – осень 1937 гг.) периода и последующим временем, когда начались массовые расстрелы и жестокая эксплуатация заключенных.

Такое позитивное отношение Шаламова к Берзину сохранялось до второй половины 1960-х годов, получив наиболее яркое воплощение в произведении «Берзин», жанр которого он обозначил как «схема очерка-романа» (возможно, это было ступенькой к «антироману»). Здесь бывший директор ВИШХИМЗа и Дальстрой выступает в образе глубоко порядочного и честного человека, чекиста «школы Дзержинского», строго соблюдающего законы и нормы человеческой справедливости. Шаламов не был знаком с документами по делу Берзина (как, впрочем, и с другими документами, закрытыми в то время – они до сих пор полностью не открыты, увы), но главную причину его ареста и гибели в 1938 году указал достаточно точно – это был протест против сталинской политики превращения Колымы в место «сброса» политически неудобных и последующей расправы с ними: Шаламов прямо указывает, что Берзин вместе с И.Г. Филипповым написал по этому поводу «докладную записку» в Москву²⁷. Заметим, что и в очерке «Вишера», написанном в начале 1960-х годов и ставшем второй главой «антиромана», также дается вполне однозначная характеристика директора ВИШХИМЗа: «Берзин, старый чекист, очень хорошо понимал механизм... провокаций и, веря в человека, а не в бумагу (курсив наш. – В.Е.), принял горячее участие в судьбе старика Шан-Гирей»²⁸.

Однако в 1967 г. Шаламов пишет рассказ «У стремени», в котором пытается переосмыслить образ Берзина или «развезть легенду» о нем (в которую сам недавно глубоко верил). Думается, есть основания рассматривать этот полемический рассказ скорее как «летопись души» автора в плане его творческой психологии, нежели как достоверную историю о Берзине. Заметим, что склонность к категоричности в оценках людей, в том числе

26 ВШ7, 1, 596-597.

27 ВШ7, 5, 570. Вероятно, до Шаламова дошли отголоски сведений об этой записке, впервые попавшей в руки магаданского писателя Н.В. Козлова, работавшего над романом «Хранить вечно» о Э.П. Берзине (первая часть вышла в Магадане только в 1974 г.). Документ под названием «Объяснительная записка к контрольным цифрам треста Дальстрой на 1938-й год» (составлен осенью 1937 г. Э.П. Берзиным и его заместителем по экономике Л.М. Эпштейном – а не И.Г. Филипповым, как полагал Шаламов) вошел в обиход магаданских историков лишь в конце 1980-х годов. См: Козлов А.Г. Из истории колымских лагерей (1932–1937) // Краеведческие записки. Вып. XVIII. Магадан. 1991. В «Объяснительной записке» говорилось, что «в Дальстрой направляется неполноценная рабочая сила, состоящая почти исключительно из троцкистов, контрреволюционеров, рецидивистов», т.е. выражалось открытое недовольство тенденцией, отчетливо наметившейся еще в 1936 г., с приходом к руководству НКВД Н.И. Ежова, исполнявшего сталинскую волю.

28 См. наст. издание, с. 54. Шан-Гирей – имеется в виду агроном-заключенный А.А. Тamarin-Мерецкий, герой рассказа «Хан-Гирей».

исторических фигур, на основе «элементарной морали»²⁹, стала особенно проявляться у Шаламова с середины 1960-х годов и была во многом связана с крушением надежд «оттепели» и свертыванием критики сталинизма. Новой литературы о сталинском периоде не появлялось, и писатель вынужден был обращаться к такому ненадежному источнику, как газеты. Как он сам отмечает в рассказе, ему попала в руки газета «Советская Колыма» за 1936 год, «полная извещений, статей о процессах, призывов к бдительности, к жестокости и беспощадности»; «с этими речами выступал сам Берзин»; «расстрелы врагов народа на Колыме шли и в тридцать шестом году». На основании всего этого Шаламов и делал категорический радикальный вывод о Берзине: «Он погиб, убивая для того же Сталина»³⁰.

Характерно, что этот новый взгляд отразился и в описании вишерских эпизодов периода деятельности Берзина в рассказе «У стремени»: Шаламов и здесь пытается развевать легенду о нем как о «большом демократе», заявляя, например, что тот якобы «с полным презрением относился к инженерам-«вредителям», приписывая ему введение «шкалы питания» или утверждая, с явным преувеличением, что убитых при попытке к бегству из Вишлага было «очень много» (явное противоречие с рассказом «Зеленый прокурор» и «Вишерским антимораном», где он приводит только один такой случай).

Как нетрудно понять, рассказ «У стремени», был написан спонтанно, сгоряча, в момент эмоционального «взрыва» писателя. Некритическое восприятие газетных материалов (при том, что Шаламов, казалось бы, хорошо знал цену официальной печати сталинского времени), наложившееся на нравственный максимализм, привело его к серьезному отступлению от принципов исторической и художественной объективности³¹. Основная причина этого, повторим, – информационный вакуум, полная закрытость «лагерной темы» в архивах и в исторической литературе тех лет. Как показывают современные исследования, Э.П. Берзин не был причастен ни к процессам в 1936 г., ни к расстрелам в 1937 г. на Колыме, которые были инспирированы из центра – НКВД во главе с Ежовым, при этом сам Берзин и его верный соратник И.Г. Филиппов находились под наблюдением секретно-политического отдела местного УНКВД, подчинявшегося непосредственно Москве³².

29 «Из-за независимости поведения, из-за элементарности моей морали: пьяница – отрицателен, вор – отрицателен, доносчик – отрицателен <...> – эти качества ранее всякого суждения о человеке» (Записные книжки – ВШ7, 5,354).

30 См. рассказ «У стремени» в нашем издании.

31 Вероятно, первоначальный импульсом к пересмотру отношения Шаламова к Берзину послужила встреча в Москве и спор с бывшим заключенным Вишлага, инженером В.П. Покровским, упоминаемым в рассказе «У стремени», а также в «Вишерском антиморане». См. Приложение 3. Следует заметить, что в рассказе «У стремени» Шаламов пытался поднять глубокую философскую проблему, связанную с этикой ответственности в условиях жесткой системы власти. Об этом говорит приводимый им в контексте истории Берзина пример со знаменитым американским физиком Р. Оппенгеймером, участником «манхэттенского проекта» по созданию атомной бомбы, примененной в Хиросиме. Нравственную позицию Оппенгеймера Шаламов считал несовместимой со званием ученого и оценивал как «реальное предательство» (ВШ7, 6, 487). Очевидно, что здесь также сказались его максимализм, склонность к упрощению сложных моральных коллизий. Подробнее см. примечания к рассказу «У стремени».

32 Эта общая подоплека «дела Берзина» была раскрыта еще в 1960-е годы в материалах, собранных в Магадане Н.В. Козловым (см: Соучастники: архив Козлова. Т.Т. 1, 2 / сост. С.С. Виленский, К.Б. Николаев. – М. Возвращение, 2012, 2015). Парадоксально, что сами составители указанного сборника предвзято и антиисторично оценивали роль Берзина, относя его к тем, кто «поддерживал и укреплял тоталитарную систему». Тот же взгляд, с тенденциозным подбором фактов, сохранен К.Б. Николаевым в книге «Жизнь и смерть Эдуарда Берзина» (Воронеж. 2011). Объективная картина деятельности руководителя Дальстроя дана в трудах магаданских историков А.Г. Козлова и И.Д. Бацаева (см. напр: *Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Дальстрой и Севостлаг НКВД СССР в цифрах и документах.* – Магадан. 2002). Фальшивую, основанную на клевете и домыслах, суть «дела Берзина» наглядно иллюстрирует протокол допроса Э.П. Берзина от 25 марта 1938 г., представленный Н.И. Ежовым И.В. Сталину – РГАСПИ, ф. 17, опись 171, ед. хр. 345, л.л.56-86. Некоторые ссылки на последний документ, а также обобщающую картину дела см. в нашей работе: *Есупов В.* Как включить дифференциатор? (Начальник лагеря И.Г. Филиппов: глазами Шаламова и глазами современных «энциклопедистов») – URL: <https://shalamov.ru/research/428/>

Заметим, что некоторые черты нового взгляда Шаламова на Берзина отразились и в «антиромане» – например, в главе «Вредители и грызуны» (в подглавке «Каждому по специальности») он весьма саркастично отзываясь об уровне политической грамотности героя и об отсутствии у него чувства юмора (и то, и другое видится натяжкой). В главе «Усть-Улс» писатель иронизирует над идеей Берзина о создании в лагерных поселках «Домов свиданий» для мужчин и женщин-заключенных при условии их «ударной» работы на производстве. Разумеется, эта идея отдавала легкой долей абсурда (напоминая некоторым образом о запрещенных после революции публичных домах), тем не менее, появление «Домов свиданий» нельзя не признать признаком здравого житейского мышления Берзина, противостоявшего в этом смысле официальному (и во многом лицемерному) аскетизму послереволюционной эпохи.

В целом личность Берзина выступает на страницах «антиромана» достаточно противоречивой, и это связано прежде всего с тем, что в произведении объединены очерки разного времени – «Вишера» и «Лагерная свадьба», напомним, принадлежат началу 1960-х годов, а другие главы – началу 1970-х. В то же время *система* или *стиль работы* Берзина воспроизведены Шаламовым без каких-либо пристрастий, только на основании того, что он реально видел и запомнил.

Многочисленные детали, приводимые писателем, свидетельствуют о том, что бытовые условия в Вишлага были на максимально возможной для тогдашних лет высоте: «Лагерная зона, новенькая, с иголочки», блестела»; «не была и намек на вошь»; «в лагере никто не голодал». На вопросе питания Шаламов останавливается неоднократно, приводя и нормы (минимум 800 граммов хлеба на человека) и обычное меню заключенного («каши, винегреты, супы с мясом, с рыбой»), при этом арестанты, работавшие на строительстве, могли получать премию от 2 до 5 рублей и тратить ее на дополнительное питание («порция антрекота стоила пятнадцать копеек»). Заметим, что сам Шаламов, став инженерно-техническим работником, получал в Березниках тридцать рублей, и это позволяло ему лучше питаться (в том числе в столовой для иностранцев). На строительстве была столовая для заключенных, в которой кормили, как отмечает Шаламов, гораздо лучше, чем в столовой для вольнонаемных. Еще две выразительные детали на эту тему приводит он: приметой стройки считались «раскормленные рожи лагерных работяг», а после поездки в Чердынский леспромхоз ему запомнилась картина, как голодные спецпереселенцы умоляли *взять их в лагерь*. Таким образом, можно сделать вывод, что строительство осуществлялось силами сытых, хорошо обустроенных заключенных, которым завидовали и вольнонаемные, и спецпереселенцы.

Стройка кардинально отличалась по условиям от северных лесозаготовок. Голоду, недоеданию всегда сопутствует цинга, и прибывавшие с севера инвалиды, а также саморубы, по свидетельству Шаламова, «переполняли бараки»: «Цинготные раны, цинготные шрамы и рубцы... Черные шрамы, черная, темно-фиолетовая кожа. Зрелище было впечатляющим. Инвалидов отправляли вниз по Каме...». Правдивость Шаламова в этом отношении подтверждают современные данные: смертность в Вишлага была выше, чем в других лагерях, и, очевидно, за счет северных леспромхозов³³.

33 В 1932 г. уровень смертности в Вишлага, при средней по лагерям 4,0 процента, составил – 4,9 процента (примерно 50 человек на тысячу заключенных), более ранних данных нет. См. *Обухов Л.* История строительства Вишерского целлюлозно-бумажного комбината // Хрупкая летопись: фотоальбом. – Пермь, 2012. С.11. Следует заметить, что в фильме П. Печенкина и В. Шмырова «Варлам Шаламов. Опыт юноши» (Пермь, 2014), крайне тенденциозно изображающую историю Вишлага и роль Берзина со стремлением убедить, будто Вишерский ЦБК был построен «на костях заключенных», муссируется цифра о резко повысившейся смертности – до 34, 6 процента – в 1933 г., однако не оговаривается, что это произошло из-за эпидемии завезенного сюда сыпного тифа намного позже отъезда Берзина (ноябрь 1931 г.).

Важно другое: Шаламов, проехавший по командировкам «весь штрафняк, весь северный район Вишлага», свидетельствовал, что не нашел там «никаких следов кровавых расправ», т.е. произвола и массовых расстрелов, с которыми он столкнулся только на Колыме³⁴. Этот многозначительный факт, наряду с изображенной писателем картиной повседневной жизни лагеря, показывает, что режим здесь был относительно мягким (даже на официальном языке он назывался «облегченным» – см. ниже), и поддерживался он не только самим Берзиным, но и всей командой его единомышленников, начиная с заместителя по лагерю (фактического начальника Вишлага) И.Г. Филиппова.

С Филипповым по службе Шаламов встречался чаще, и изначальное впечатление о нем, высказанное в «схеме очерка-романа» «Берзин» («полный, добродушный, веселый Филиппов любил людей, любил и умел делать добро людям... Авторитет у него среди лагерных работников, среди заключенных был огромным»), в «антиромане» несколько не изменилось. Шаламов пишет о нем, «старом чекисте, бывшем путиловском токаре», всегда с симпатией, упоминая, что тот был председателем разгрузочной комиссии на Соловках, и о нем блатные поэты сочинили песню: «Каждый год под весенним дождем мы приезда комиссии ждем...» Демократичность, открытость Филиппова, как отмечает Шаламов, оттеняла «сухость» Берзина, и эти черты начальника Вишлага были незаменимы в «живой, ежедневной работе с людьми». Ту же роль он играл при Берзине на Колыме, будучи начальником Севвостлага до ареста в ноябре 1937 г., и сохранившиеся о нем воспоминания подтверждают положительные характеристики, данные ему Шаламовым³⁵.

Для того, чтобы читатели смогли лучше понять особенности лагерного режима на Вишере периода работы Берзина и Филиппова, описанного Шаламовым (а также и периода их работы на Колыме до осени 1937 г.), приведем выдержку из официального документа – принятого в 1930 г. «Положения об исправительно-трудовых лагерях», регламентировавшего порядок содержания заключенных:

«...16. К заключенным в лагерях применяются три вида режима: первоначальный, облегченный и льготный режим.

Заключенные, подвергающиеся первоначальному режиму, используются на общих работах, проживают в пределах лагеря, в специальных помещениях, не имеют права свободного выхода из этих помещений и направляются на работу по общему списку.

Заключенные, подвергающиеся облегченному режиму, используются для постоянной работы в учреждениях, предприятиях и на промыслах, проживают в общежитиях, прикрепленных к предприятиям, имеют право отлучки, направляются на работы по рабочим книжкам и могут быть премированы.

Сверх условий, установленных для облегченного режима, заключенные, подвергающиеся льготному режиму, имеют право на выход за пределы лагеря и занятие административно-хозяйственных должностей в управлении лагерем и по производству работ.

Примечание. Нетрудовые элементы и лица, осужденные за контрреволюционные преступления, не могут занимать административно-хозяйственных должностей³⁶.

Внимательные читатели «Вишерского антиромана» заметят, что Шаламов (как и основная масса других заключенных-специалистов), пройдя «первоначальный» режим,

34 Заметим, что Шаламов делал поправку к словам «не нашел следов кровавых расправ»: «А между тем следы эти были, не могли не быть». Одиночные расстрелы, в том числе по политическим мотивам, санкционированные ОГПУ, в Вишлага были, но производились они в особых местах. См. Приложение 2.

35 Подробнее: *Есипов В.* Как включить дифференциатор?.. – URL: <https://shalamov.ru/research/428/>

36 Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1930 год, стр. 407-415. Введение этого Положения, кроме прочего, отменяло прежнее именованное исправительных лагерей как «концентрационных», принятое в 1928–1929 г. В приговоре Шаламова 1929 г. значился «концлагерь».

находился затем на «облегченном» и «льготном». Очевидно, что в этом отношении Берзин и Филиппов строго следовали инструкциям, однако их личной «вольностью» или «самодеятельностью» являлось постоянное и последовательное нарушение нормы, включенной в *Примечание*: практически все осужденные за «контрреволюционные преступления» (по разным пунктам 58-й статьи) использовались на административно-хозяйственных должностях. Шаламов, как мы знаем, был сам тому примером, но он приводит десятки подобных фактов: даже личный пилот гидросамолета Берзина В. Гинце являлся заключенным за «вредительство в авиации». Несомненно, Берзин, как и Филиппов, серьезно рисковали перед ОГПУ и Главным управлением лагерей, нарушая столь серьезную политическую инструкцию, но, тем не менее, эту практику они продолжали широко использовать и на Колыме³⁷. В этом смысле слова Шаламова о том, что Берзин «верил в человека, а не в бумагу» являются ключевыми для понимания его реальной личности и стиля работы (относ эскапады писателя об «убийствах для Сталина» в область бездоказательных эмоций).

Подводя некоторый итог и суммируя приведенные выше Шаламовым факты о хорошей организации быта заключенных и их питания в Вишлаге, о широком применении досрочного освобождения за ударный труд, а также добавляя к ним другие, с которыми читатели могут познакомиться во впервые публикуемых главах «антиромана», есть, как представляется, все основания назвать систему работы Берзина с заключенными вполне гуманной, точнее, *рационально-гуманистической*, т.к. в ее основу были положены прежде всего деловые, хозяйственно-прагматические интересы руководителя строительства Вишерского ЦБК, направленные на сохранение работоспособного контингента. Этот вывод, думается, позволяет скорректировать и представления о характере труда заключенных, который теперь нередко рисуется исключительно подневольным или даже «рабским». Учитывая, что комбинат был сооружен в небывало короткий срок, всего за 18 месяцев, фактически на пустом месте, этого вряд ли можно было достичь путем принудительного труда, как бы хорошо он ни был организован. На стройке существовала своя система материальных и моральных стимулов³⁸. В итоге работа и вольнонаемных, и заключенных основывалась в немалой мере на трудовом энтузиазме (сколько бы ни было позже скомпрометировано это понятие), и она действительно шла «не на страх, а на совесть», наполняя жизнь многих заключенных особым ценностным смыслом, которого они не могли приобрести нигде больше – ни в тюрьмах, ни даже на воле в других условиях: ведь они участвовали в огромном солидарном деле и ощущали личную причастность к тому, что среди североуральских лесов и болот вырос, как чудо, как сказка, современному слову техники, комбинат... В этом, пожалуй, и состояла главная притягательная сила «берзинского эксперимента» на Вишере, вовлекшего в себя тысячи людей, многие из которых, может быть, впервые и почувствовали здесь себя людьми, т.к. испытали не только доверие и уважение к своему труду, но и такое редкое и ценное качество, как самоуважение – прежде всего от сделанного, от того, что их труд, говоря словами поэта, влился «в труд моей республики».

Нельзя с сожалением не заметить, что в наше время эта сторона строев Вишеры и Березников, как и других строев первых пятилеток, в наибольшей степени подверглась высокомерно-нигилистическим, подчас откровенно циничным переоценкам. Между тем трудовой энтузиазм заключенных (пусть и мотивированный у части из них лишь перспек-

37 Либеральное отношение к «контрреволюционерам», использовавшимся в Дальстрое на административно-хозяйственных должностях, было одним из главных обвинений против Берзина.

38 О характере труда заключенных (по крайней мере, во время «штурма» – завершающего этапа стройки) можно судить по договору между Вишлагом и дирекцией ВИШХИМЗ от 15 августа 1931 года: «...п. 34. Оплата сверхурочных работ, оплата простоев не по вине рабочего и др. производится на тех же основаниях, что и вольнонаемных рабочих». См. документ 1 в *Приложении 4*.

тивной досрочного освобождения) представлял реальность стройки, которая запечатлена в многочисленных документах и фотографиях. Следует заметить, что сократить сроки пуска ЦБК позволила работа в три смены (что смягчало тяжесть физической нагрузки на людей), зимой широко использовались «тепляки», поощрялся премиями не только сам труд, но и его рационализация. На эту тему есть множество свидетельств участников стройки. Некоторые фотографии, а также графические работы художника Ф. Лехта, сделанные в начале 1930-х годов на Вишере и в Березниках, приведены в нашем издании, и они, как представляется, хорошо иллюстрируют общий дух эпохи, на котором – по вполне понятным причинам – не останавливал внимания Шаламов в своем позднем произведении (заметим, что этот дух не только присутствует, но и пронизывает его очерки и статьи 1930-х годов, когда, вернувшись с Вишеры, он работал в отраслевых журналах, в том числе в журнале «За промышленные кадры» Наркомата тяжелой промышленности, возглавлявшегося Г.К. Орджоникидзе).

Как показывает Шаламов, в целом социальные условия Вишлага глубоко отличались не только от условий Соловецкого лагеря особого назначения 1920-х годов и колымского Севвостлага после 1937 года, но и от Беломорско-Балтийского канала, строившегося с конца 1931 до середины 1933 г., и от канала Москва-Волга (1932–1937). Замечание писателя о том, что «берзинская идея была раздавлена в болотах Москанала»³⁹, лишний раз подчеркивает, что система работы с заключенными на строительстве Вишерского ЦБК (а также и в первый период Дальстроя) во многом основывалась на личных качествах Берзина. Следует отметить, что утопическая «перековка» заключенных, насмешкам над которой посвящено немало страниц «Вишерского антиромана», строго говоря, не относится к кругу берзинских идей, и сам этот термин в Вишлага не применялся – как известно, он возник лишь на строительстве Беломорско-Балтийского канала и затем стал широко культивироваться в прессе и литературе, включая пьесу Н. Погодина «Аристократы» (1934 г.), которую Шаламов всегда подвергал уничтожительной критике.

Вряд ли необходимо объяснять, что общая тональность «Вишерского антиромана» и сосредоточенность Шаламова на резко негативных оценках «перековки» и системы принудительного труда (особенно в главе «В лагере нет виноватых») во многом являлись проекцией его тяжелого колымского опыта. Нет сомнения, что и ключевые философские мысли из этой главы, наиболее часто цитируемые исследователями: «Лагерь – мироподобен. В нем нет ничего, чего не было бы на воле, в его устройстве, социальном и духовном», – относятся в большей мере к сталинской эпохе в целом, нежели к Вишерскому лагерю. В сущности, в «антиромане» соединены два авторских взгляда: взгляд «снизу», изнутри давнего времени, принадлежащий молодому Шаламову, и взгляд «сверху», с поздней дистанции, воспроизводящий мироощущение много испытавшего, умудренного и усталого, отягощенного своим историческим знанием, 65-летнего писателя. С высоты лет Шаламову отчетливее видны «grimасы» быта и нравов эпохи, пестрота характеров людей, оказавшихся в лагере и вынужденных приспособиваться к новым обстоятельствам (главы «Лазарсон», «Миллер, вредитель», «Павловский» и другие). О целом ряде ситуаций, ввиду их явно абсурдного или трагикомического характера, он пишет с большим сарказмом («Вредители и грызуны», «Русалка», «Блюменфельд», «Голубые штаны»). Яснее становятся ему и некоторые завуалированные стороны организации строительства, позволявшие мелким и крупным начальникам устранять собственные ошибки путем использования дешевого или вовсе бесплатного труда заключенных-транзитников, проходивших этапами через Березники. Стоит заметить, что акцент Шаламова на последнем факте (в очерке «Дело

---

39 ВШ7,4, 566.

Стукова») с мыслью о том, что «если транзитников миллион, то десяток таких гигантов, как Березниковский, можно было построить», – является памфлетной гиперболизацией, во многом свойственной писателю. По крайней мере, очевидно, что подобные факты – как и другие факты о «темных» сторонах лагерной жизни и строительства в Березниках (а также и в Красновишерске) – нуждаются в исследовании и документальном подтверждении. Это тем более необходимо, что общая картина жизни Вишлага, изображенная Шаламовым, нередко трактуется односторонне, с акцентом на «обличении»: примером тому является не только упомянутый фильм П. Печенкина и В. Шмырова, но и книга «“Красное колесо” Вишеры» (Пермь. 2008. Редактор О. Лейбович), и вышедшая ранее в «Новой газете» (14 сентября 2007 г.) громкая статья журналистки Э. Горюхиной, посвященная мероприятиям в связи со столетием со дня рождения Шаламова, проводившимся в Красновишерске⁴⁰.

Заметим: все эти артефакты свидетельствуют о большой сумятице, начавшейся в головах многих людей еще в 1990-е годы, в известной степени под влиянием проходившей тогда «солженизациии всей страны» (это остроумное выражение принадлежит М.В. Розановой), породившей мощную волну негативной мифологии. Нельзя не отметить, что именно 1990-е годы ознаменовались в Красновишерске печально-символическим событием: была облита краской памятная доска Э.П. Берзину на здании управления Вишерского ЦБК. В какой мере это связано с постепенным хищением комбината, приведшим к его закрытию в 2014 году, судить трудно, однако очевидно, что кроме экономических и экологических причин тому способствовали радикально-деструктивные перемены в общественном сознании. И тот факт, что в какой-то период имя Шаламова – на основании поверхностного прочтения его произведений, прежде всего «Вишерского антиромана» – сделали в Красновишерске едва ли не «знаменем» этих перемен, не может не вызывать глубокого сожаления.

Напомним, что Шаламов не терпел, когда его личность, его судьбу и его произведения использовали в каких бы то ни было спекулятивных целях. Очевидно, что «Вишерский антироман» не являлся произведением, направленным против советского строя⁴¹, его сила и значение – в воссоздании реальной картины становления сталинской системы на рубеже 1920–1930-х годов. Художественно-документальные средства, использованные писателем, позволили сделать эту картину яркой и убедительной. Для того, чтобы оценить историческую достоверность тех или иных эпизодов «Вишерского антиромана», нужна углубленная архивная работа, дополненная внимательным анализом. Четыре ценных документа, характеризующих деятельность Вишлага, впервые публикуются в *Приложении 4*. Однако материалов о деятельности Э.П. Берзина пока выявлено крайне мало. Не прослежена судьба многих из тех специалистов-энтузиастов (а их было несколько сотен человек), кто,

---

⁴⁰ Само название книги «“Красное колесо” Вишеры» указывает, что она складывалась под влиянием идеологии Солженицына. Несмотря на то, что в ней приведен ряд ценных документов, в целом она базируется на политизированных и весьма поверхностных суждениях местных краеведов. Например, составитель книги Н. Бондаренко утверждала, что в «Вишерском антиромане» Шаламов «запутывает время, мешает факты» (с.55); И. Яковлев назвал Берзина «фанатиком революции» и заявил, что «Шаламов и сам до конца не разобрался в характере Берзина и в своем отношении к нему» (с.74). Статья Э. Горюхиной наполнена откровенным кликушеством: постоянно клянясь именем Шаламова, она использовала его для нападок на первостроителей Красновишерска, прежде всего на Э.П. Берзина, который до сих пор является почетным гражданином города: «–Вот интересно, – размышляя я вслух, – возможно ли, чтобы начальник Аушвица или Дахау сделался почетным гражданином?..»

⁴¹ Весьма показательно, что в очерке «Усть-Улс» Шаламов замечает: «Я прочел из газет в 1970 году, что на участке Вая три тысячи лесорубов и аэропорт...». Нет сомнения, что писатель радовался огромным переменам, произошедшим на Вишере за сорок лет.

откликнувшись на призыв Берзина, поехал с ним осваивать Колыму – известно лишь то, что подавляющее большинство из них было расстреляно в 1937–1938 годах, о чем писал и Шаламов⁴². Крайне скупы сведения о судьбах целого ряда упоминаемых писателем инженеров, осужденных за «вредительство» и работавших на строительстве Вишерского ЦБК и Березниковского химкомбината. С сожалением приходится констатировать, что материалы следствия ОГПУ по «делу Стукова», в свое время хранившиеся в одном из пермских архивов, до сих пор не найдены⁴³. Остаются вне поля зрения исследователей и материалы, касающиеся структуры Вишлага⁴⁴ и могущие пролить свет на состав заключенных (хотя Шаламов не раз отмечает, что большинство из них представляли уголовники и бытовики, многие мог бы прояснить постатейный состав, в том числе по пунктам 58-й статьи).

Все это затрудняет решение чрезвычайно важной задачи – написания полноценного научного комментария к «Вишерскому антироману». В нашем издании он сделан с максимальной возможной на данный момент полнотой, охватывая наиболее существенные пояснения и корректируя отдельные ошибки памяти Шаламова, неизбежные в его возрасте и связанные с отсутствием документов. Учитывая, что в произведении упоминается огромное количество – около ста – фамилий разных людей, решено составить и приложить к изданию *Именной указатель*, который поможет читателям оценить установку Шаламова на воспроизведение и фиксацию жизненных реальностей и в ряде случаев исправить некоторые биографические неточности (с учетом важности таких фигур, как Э.П. Берзин, И.Г. Филлипов, А.А. Тамарин, В.А. Гинце и другие, о них приведены более подробные справки).

...Возвращаясь еще раз к автобиографической стороне «Вишерского антиромана», подчеркнем, что он является действительно «летописью души» писателя и потому имеет огромную ценность – не только историческую, но и духовно-нравственную. Читатели смогут убедиться в том, сколь чисты и возвышенны были помыслы молодого Шаламова, вступившего на нелегкий и опасный путь противостояния складывавшейся в конце 1920-х годов сталинской диктатуре. Недаром он писал, что он и его товарищи принадлежали «к рядам тех, кто пытался самыми первыми, самоотверженно отдав жизнь, сдержать тот кровавый поток, который вошел в историю под названием культа Сталина. Оппозиционеры – единственные в России люди, которые пытались организовать активное сопротивление

---

42 Ср. в рассказе «Как это началось»: «...Все эти мертвые – люди из ближайшего берзинского окружения. По “берзинскому делу” арестованы и расстреляны или награждены “сроками” многие тысячи людей, вольнонаемных и заключенных – начальники приисков и лагерных отделений, лагпунктов, воспитатели и секретари парткомов, десятники и прорабы, старосты и бригадиры... Сколько тысячелетий выдано “срока” лагерного и тюремного? Кто знает...» (ВШ7, 1, 428). В справке по делу «о Колымской антисоветской, шпионской, повстанческо-террористической, вредительской организации» (все это – «дело Берзина»), составленной к началу лета 1938 г., отмечалось, что уже «арестованы и осуждены 3302 заключенных Севвостлага. В их число входило троцкистов и правых 60%, шпионов, террористов, вредителей и других “контрреволюционеров” – 35%, бандитов и воров – 5%». Расстрелы заключенных проходили в Магадане, на так называемой Серпантинке, недалеко от Хатыннаха, на “Мальдяке” и других приисках Дальстроя. Причем они часто являлись массовыми, устраивались для устранения прямо на глазах вольнонаемных работников востлага». (*Бацаев И.Д., Козлов А.Г.* Дальстрой и Севвостлаг ОГПУ-НКВД СССР в цифрах и документах. Магадан. 2002. Ч.1. С. 218). О целенаправленном уничтожении сотрудников Берзина говорит тот факт, что арестовывались и расстреливались и те из них, кто выехал с Колымы, находился в Москве и других местах (З.А. Алмазов, П.П. Будзко, Э.О. Лапин, А.А. Тамарин, А.С. Майсурадзе и другие).

43 О том, что он лично видел эти материалы, говорил автору этих строк в 2011 г. бывший председатель пермского «Мемориала» В.А. Шмыров.

44 Согласно справочнику «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: 1923–1969» (Сост. М.Б. Смирнов, научн. редакторы Н.Г. Охотин, А.Б. Рогинский. М.: Звенья, 1998) архив Вишлага до 1956 г. хранился в архиве Дубравлага, а после 1996 г. перешел к преемнику Дубравлага – учреждению ЖХ-385 УФСИН.

этому носорогу»⁴⁵. Испытания первой тюрьмой и первым лагерем Шаламов прошел с честью. Об этом ярче всего свидетельствует его признание: «Что мне дала Вишера?.. Необычайную уверенность в своей жизненной силе. Испытанный тяжелой пробой – начиная с этапа из Соликамска на Север в апреле 1929 года, – один, без друзей и единомышленников, – я выдержал пробу – и физическую, и моральную. Я крепко стоял на ногах и не боялся жизни. Я понимал, что жизнь – это штука серьезная, но бояться ее не надо...»

Познавательное и нравственно-воспитывающее значение «Вишерского антиромана» тесно переплетены, и с этой точки зрения интересен взгляд одной из зарубежных исследовательниц, находящей в этом тексте своеобразную модификацию классического «романа воспитания»⁴⁶. Как представляется, более точно в этом смысле говорить о шаламовском произведении как «романе самовоспитания». Процесс самовоспитания – со строгим следованием избранным в юности нравственным ориентирам (его любимыми героями были участники освободительной борьбы в России) – сопровождал, собственно, всю биографию автора «Колымских рассказов». Но именно в «Вишерском антиромане» эта его черта проявилась особенно наглядно и осязаемо – начиная с установления для себя, молодого з/к в лагере, «нескольких обязательных правил поведения» и главных из них: «Я не должен ничего просить у начальства и работать на той работе, на какой меня поставят, если эта работа достаточно чиста морально», «я не должен ничего и никого бояться», «прежде всего быть честным человеком»... С этими правилами будущий писатель прожил всю жизнь, и его верность идеалам молодости, его гордая и смелая независимость – не принесла ему никаких житейских благ, а только бесконечные тяготы и лишения – в конце концов одарила мир таким величественным явлением, как творчество Варлама Шаламова. В этом, наверное, и состоит главный урок его судьбы, преодолевшей время.

* * *

История текста «Вишерского антиромана», его создания и публикации чрезвычайно сложна, экстраординарна, и требует отдельного разговора.

То, что одна из глав – «Лагерная свадьба» – впервые увидела свет на Западе, в лондонском издании «Колымских рассказов» 1978 года⁴⁷, можно считать одним из казусов нелегальной, несанкционированной автором переправки его произведений за границу, начавшейся еще в середине 1960-х годов. Как можно полагать, кто-то из «доброхотов», имевших у себя ранние самиздатские машинописи Шаламова, отправил этот очерк в общей массе рассказов. Возможна и другая версия: очерк был украден из домашнего архива писателя вместе с другими произведениями, за которыми охотились падкие на «лагерную тему» западные издатели.

45 При этом Шаламов подчеркивал характер оппозиции: «Не Троцкого – к Троцкому большинство оппозиционеров относилось без большой симпатии» («Краткое жизнеописание Варлама Шаламова, составленное им самим» – URL: <https://shalamov.ru/library/35/>). Ряд новых деталей на эту тему приведен в публикации «Отдельные фрагменты рукописей» в данном издании.

46 *Джезфина Лундблад*. Роман воспитания наоборот: «Вишерский антироман» В.Т. Шаламова как переосмысление жанровых традиций // Варлам Шаламов в контексте мировой литературы и советской литературы. Сборник трудов международной научной конференции / Сост. С.М. Соловьев. М. Литера. 2013.

47 *Шаламов В.* Колымские рассказы. Предисл. М. Геллера. – London : Overseas Publ. Interchange, 1978. Шаламову принесли эту книгу в дом инвалидов и престарелых, куда он, будучи уже тяжело больным, был помещен в 1979 г. Он не выражал радости и только сказал равнодушно: «Я понимаю, что издали Там, но ведь должны быть деньги...» (*Сиротинская И.* Мой друг Варлам Шаламов. М., 2006. С.51). Ни за одно из многочисленных западных изданий Шаламов не получил ни копейки – он был попросту ограблен. Об этом строки его иронического двустихия 1970-х годов: «Мы гордимся грабежом, / Но, увы, за рубежом...»

Следует иметь в виду, что в 1977 году здоровье Шаламова начало резко сдавать, и он не всегда мог следить за сохранностью рукописей в своей коммунальной квартире. Хотя основная часть материалов через И.П. Сиротинскую была им передана на хранение в Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ, ныне – РГАЛИ), произведения последних лет, в том числе незавершенные, оставались на домашних стеллажах. В сентябре 1978 г. в отсутствие Шаламова его знакомые Л.В. Зайва и Ю.А. Шрейдер, желая якобы «спасти» произведения писателя, забрали себе значительную часть его архива⁴⁸. В их числе оказалась и машинописи отдельных глав «Вишерского антиромана». Долгое время о них не знала И.П. Сиротинская, вступившая в права наследования Шаламова после его смерти в 1982 г. и требовавшая от «спасителей» вернуть материалы, полный состав которых ей был неизвестен. Л.В. Зайва так и не откликнулась на эти законные требования, а Ю.А. Шрейдер лишь в 1998 г., т.е. двадцать лет спустя после инцидента, принес в РГАЛИ два чемодана рукописей, среди которых оказалась и папка с 120-страничной (черновой, не вычитанной Шаламовым) машинописью неизвестных глав «антиромана». Но к тому времени И.П. Сиротинская уже издала и не раз переиздала текст основных глав, имевшийся в РГАЛИ, и это породило те непростые проблемы, с которыми пришлось столкнуться после ее ухода из жизни в 2011 г.

Нельзя не заметить, что первая публикация глав «Вишерского антиромана» в СССР состоялась в журнале «Уральский следопыт» (1989, № 2) и получилась весьма курьезной. Публикатором выступил Г. Трифонов, ленинградский поэт и диссидент, подвизавшийся тогда на ниве «сбора материалов» о Шаламове (его упоминает в своих дневниках – в крайне негативном ключе – И.П. Сиротинская). Двигали им, как можно понять, сугубо корыстные интересы. Трудно установить, где раздобыл Трифонов некоторые копии машинописей Шаламова – скорее всего, у Л.В. Зайвой, с которой он установил контакты, но весьма показательно, что он и понятия не имел, что печатает главы «Вишерского антиромана», т.к. публикация была им названа «Уральские очерки» (!). В номер журнала вошли лишь две главы – «Вишера» и «Миллер, вредитель», сильно сокращенные. При этом Г. Трифонов, показав себя полнейшим профаном, в предисловии заявил: «Варлам Тихонович не умел (!) и не мог (!) превращать им написанное в литературную продукцию (!) и в этом отношении относился к редкому у нас разряду писателей (!). Вот почему уральские очерки, как и многое другое в творческом наследии Шаламова (так!), не были опубликованы при жизни Варлама Тихоновича»...

Кроме прочего, публикация в «Уральском следопыте» была незаконной, т.к. к этому времени вступила в права наследницы Шаламова И.П. Сиротинская.

Вскоре после этого «Вишерский антироман» впервые вышел к широкому читателю: московское издательство «Книга» выпустило его в мягкой обложке (наподобие «Роман-газеты»), с предисловием О. Волкова и копирайтом Сиротинской, которая провела и всю необходимую подготовку текста.

И.П. Сиротинская всегда оговаривала, что это незавершенное произведение, и даже состав его не был окончательно определен автором⁴⁹. Подготовленный ею текст пред-

48 Обстоятельства этого «спасения» изложены в воспоминаниях Л.В. Зайвой («Общая газета», 11-17 июля 1996 г. – URL: <https://shalamov.ru/memory/168/>)

49 Об этом приходится лишний раз напомнить в связи с появлением весьма спорной статьи австралийской исследовательницы Елены Михайлик «"Вишерский антироман" как неопознанный объект» (Новое литературное обозрение, 2015, № 3; опубликовано в кн: Михайлик Е. «Незаконная комета. Варлам Шаламов: опыт медленного чтения» – М.: НЛО, 2018). Не считая с особенностями этого произведения и его незавершенностью, она объявила его «неудачей» автора, «несвободным» и «апериферийным» в его творчестве. Претензии Е. Михайлик к Шаламову построены на чрезмерно политизированном и при этом эстетском подходе.

ставлял собой основной корпус очерков и рассказов, доведенных Шаламовым до стадии белой рукописи и расположенных в том порядке, в каком они находились в писательской папке с надписью «Вишера. Антироман»⁵⁰. Законченных вариантов в архиве было немного, и публикатор сочла необходимым включить в первую публикацию 1989 г. два из них – «Поездка в Вижаиху» и «Голубые штаны» (последнее являлось сильно сокращенным, сжатым в короткую новеллу, вариантом главы «М. А. Блюменфельд»). При этом она замечала:

«Каждое свидетельство о лагере, тем более о лагере 20-х годов, ценно не только с точки зрения его художественности, но и как исторический источник. Поэтому представляется полезной публикация некоторых вариантов текста, содержащих какие-то новые факты, мысли автора, черточки лагерного быта»⁵¹.

Такой подход являлся абсолютно верным и с позиции литературоведения, и с позиции читательских интересов. Хотя варианты произведений любого автора обычно публикуются лишь в академических изданиях, случай с «Вишерским антироманом» Шаламова во всех отношениях исключителен. Разумеется, присваивать вариантам значение, равное «каноническому» тексту, нельзя, ибо их содержание не отвечает последней воле писателя, а отражает промежуточный этап работы. Приобщив поступившие от Шрейдера материалы к личному фонду Шаламова (ф. 2596, оп. 2, ед. хр. 71), И.П. Сиротинская оценила их как варианты, требующие дополнительного изучения, и не стала их присоединять к уже апробированному в разных изданиях тексту книги. Вероятно, она рассчитывала, что в перспективе эти материалы можно будет напечатать в одном из «Шаламовских сборников», что и было осуществлено нами уже после ее ухода из жизни, в 2017 году⁵².

Рассмотрение основных и неизвестных ранее глав «Вишерского антиромана», а также других материалов, имеющих отношение к этому произведению (они занимают в общей сложности семь папок архива), показывает, что работа над этой книгой складывалась у Шаламова очень непросто. Надо напомнить, что в отличие от большинства писателей советского времени, имевших возможность нормально издавать и переиздавать свои книги, делая их редактирование и корректуру, он вынужден был держать большинство прозаических рукописей и машинописей в «столешнице», не имея возможности по-настоящему их перечитать и отредактировать, и со временем у него образовался целый «завал» таких материалов. Поэтому, возвращаясь к тому или иному эпизоду своей жизни, Шаламов часто писал его заново, без оглядки на предыдущий текст, что неизбежно влекло за собой самоповторы. И в белых, и в черновых материалах к «Вишерскому антироману» их особенно много. Кроме того, содержание архива показывает, что писатель был озабочен поисками формы и структуры новой книги.

Шаламов предполагал видеть в ней «существенную главу и в своем творческом методе», однако, в чем состоит своеобразие этого метода, он не пояснил. Реальная повествовательная структура «антиромана» имеет в основном очерковую природу и близка жанру мемуарного очерка – с той лишь (огромной!) разницей, что, в отличие от традиционных мемуаров, тексты Шаламова пронизаны столь глубоким и сильным личностным мышлением, что иногда напоминают философские эссе. В этом плане «антироман», несомнен-

50 Шаламов В. Собр. соч.: в 4 т. М., 1998. Т. 4. С. 479 (прим. И.П. Сиротинской).

51 Шаламов В. Вишера. Антироман. М.: Книга, 1989. (Серия «Российский летописец»). С. 56 (прим. И.П. Сиротинской).

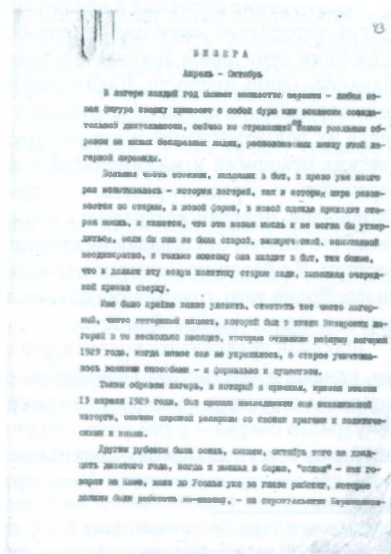
52 См.: Из литературного наследия В.Т. Шаламова. Неизвестные главы «Вишерского антиромана» // Шаламовский сборник. Вып.5 Вологда – Новосибирск. Common place. 2015. С. 63-151.

но, продолжает линию «новой прозы» писателя. Как показывает признание Шаламова (в главе «Вишера до вредительских процессов»), он намеревался изложить в книге и «свою историю искусства», однако в итоге от замысла остался лишь набросок с заглавием «Эккерман». При этом наряду с очерками в материалах представлены короткие новеллы, основанные, как правило, на фабулах очерков («Мой конвоир», «Федя Андреев», «Покер» и другие). Сочетание разных жанровых форм, объединенных нелинейной, т.е. не скованной строгой хронологией, композицией, по-видимому, и являлось главной структурной чертой задуманного произведения.

Об этом можно судить по единственному сохранившемуся в архиве писателя наброску плана «Вишерского антиромана», относящемуся к 1970 году, т.е. к самому началу замысла. Приводим его ниже, с сохранением авторского написания сокращений, указывающих на то, что поначалу Шаламов хотел использовать в произведении часть рассказов вишерской темы из сборников «Воскрешение лиственницы» (сокращения «ВЛ», В листв), «Левый берег» («ЛБ») и «Артист лопаты» (Арт лоп). Дополнение: «В антироман. Сюда же рискнуть?» ярко показывает, что план имел сугубо предварительный, гипотетический характер.

Обложка папки с материалами
«Вишерского антиромана»

Фрагмент машинописи

Вишерский антироман

1. Эхо в горах - Вишера
2. Есенин и преступный мир (из "Очерков прест. мира")
3. Вишера апрель - октябрь
4. Вишера до вредительских процессов
5. Поручик Ангельский
6. Шахматистка Лимберг
7. Социально-опасный
8. Миллер, вредитель
9. Лазарсон
10. Тamarin-Мирецкий
11. Эхо в горах
12. Вредители и грызуны
13. Дело Стукова
14. Магия
15. Протезы
16. Визит мистера Поппа
17. Борис Южанин
18. У стремени
19. Павел Кузнецов
20. Федя Андреев
21. Усть-Улс
22. Вечерняя молитва
23. Макс Блюменфельд
24. Рука всевышнего
25. Русалка
26. Покер
27. В лагере нет виноватых

3

5 Вишерский антироман

Сюда же рикнуть:

1. Поручик Ангельский (лист)
2. Магия
3. Протезы
4. Южанин Борис
5. Тamarin-Мирецкий
6. Эхо в горах
7. Усть-Улс

Вишерский антироман
или русский антироман

«Вишерский антироман

1. Этап Москва – Вишера
2. Есенин и преступный мир (из "Очерков прест. мира")
3. Вишера апрель – октябрь
4. Вишера до вредительских процессов
5. Поручик Ангельский
6. Шахматистка Лимберг
7. Социально-опасный
8. Миллер, вредитель
9. Лазарсон
10. Тamarin-Мирецкий
11. Эхо в горах
12. Вредители и грызуны
13. Дело Стукова
14. Магия
15. Протезы
16. Визит мистера Поппа
17. Борис Южанин
18. У стремени
19. Павел Кузнецов
20. Федя Андреев
21. Усть-Улс
22. Вечерняя молитва
23. Макс Блюменфельд
24. Рука всевышнего
25. Русалка
26. Покер
27. В лагере нет виноватых

В антироман
Сюда же рикнуть?

1. Поручик Ангельский
  2. Магия
  3. Протезы Арт лоп
  4. Южанин Борис
  5. Тamarin-Мирецкий
  6. Эхо в горах
- И еще ряд того же рода

Вишерский антироман
или русский антироман»⁵³.

Очевидно, что сам Шаламов вскоре отказался от намерения использовать в новой форме «антиромана» произведения из уже сложившихся сборников «Колымских рассказов». В целом, свой замысел ему пришлось забросить, оставить фактически на полпути к цели – прежде всего из-за огромного вала проблем, обрушившихся на него в 1972 году в связи с письмом в «Литературную газету». (Напомним, что в этом письме Шаламов решительно и резко протестовал против публикации «Колымских рассказов» на Западе, за что был подвергнут обструкции среди либеральной московской интеллигенции). В 1973 году он вновь обратился к колымской теме, завершив сборник «Перчатка, или КР-2», и, возможно, после этого хотел вернуться к «Вишерскому антироману», но силы его были на исходе – в последующие годы он почти не писал прозы, отдавая предпочтение стихам своего поэтического дневника. Основную часть глав «антиромана» он не успел даже перепечатать, чтобы затем отредактировать (правка в рукописях при испортившемся почерке имела мало смысла, т.к. никакая машинистка не разобрала бы такого текста, тем более, что к тому времени Шаламов отказался от услуг своей постоянной машинистки Е.А. Кавельмахер). Соответственно, не отредактированными остались и рукописи, и те машинописи, которые он успел сделать – в них нет даже следов вычитки. В связи с этим на плечи И.П. Сиротинской, готовившей первое издание «Вишерского антиромана», легла огромная работа.

Несомненно, что И.П. Сиротинская была знакома и с наброском плана, опубликованного выше. Однако отсутствие у нее в тот период материалов, забранных Л.В. Зайвой и Ю.А. Шрейдером, не оставляло ей иного выбора, как печатать только имеющиеся материалы. Они и составили, как теперь можно строго говорить, *первую редакцию* «Вишерского антиромана». *Вторая редакция*, предлагаемая нами, представляет плод весьма трудоемкой работы, связанной с решением трех сложных, достаточно рискованных, но необходимых с научной точки зрения задач: 1) определения состава и композиции основного текста произведения с максимальным приближением к авторскому замыслу и его логике; 2) определения состава раздела «другие редакции и варианты»; 3) выверки и редактирования текста в соответствии с требованиями текстологии.

При решении первой задачи, естественно, учитывался прежде всего состав редакции И.П. Сиротинской. В связи с этим очевидно, что наилучшим зачином «Вишерского антиромана» является очерк «Бутырская тюрьма (1929 год)», которого не было в наброске плана 1970 г. и который, вероятно, был написан позднее, что учла Сиротинская. Принималась во внимание также степень завершенности неизвестных глав и принципы композиции, намеченные Шаламовым в машинописи этих глав (они расположены в хронологическом порядке: «Этап Москва – Вишера», «Вишера. Апрель – октябрь <1929>» и т.д.). Этот хронологический принцип, в отличие от нелинейного, облегчающий восприятие событий, решено распространить на весь текст. Степень завершенности у новых глав разная, о чем ярче всего свидетельствуют многочисленные повторы (самоповторы), кочующие из главы в главу и указывающие на неотредактированность текста. По этой причине, а также ввиду слишком большого числа пропусков и опечаток, нами исключены из публикации начальные очерки машинописи «Заметы детства» и «Социально-опасный», а глава «Вишера до вредительских процессов» помещена в раздел «другие редакции и варианты». Однако ряд повторов оставлен ради сохранения аутентичности текста, а также ради некоторых важных деталей исторического и биографического характера. Наиболее законченными и при этом содержащими новый, практически не известный материал, являются главы «Усть-Улс. Апрель – октябрь 1931» и «Вредители и грызуны» (разбитая на подглавы). Несомненные признаки завершенности имеют рассказы-новеллы «Мой кон-

воир», «Федя Андреев», «Рука всевышнего», «Покер». Все они включены в состав основного текста второй редакции.

В раздел «другие редакции и варианты» помещены также очерки «Этап Москва – Вишера» и «Вишера. Апрель – октябрь <1929>», являющиеся в сущности повторением, с некоторыми новыми деталями, ряда эпизодов большого очерка «Вишера», вошедшего в основную текст. Новеллы «Поездка на Вижайху» и «Голубые штаны» уже публиковались И.П. Сиротинской как дополнение к основному тексту, и эта их роль сохранена, с присоединением к ним новеллы «Мой конвоир» из машинописи. Глава «Шахматистка Лимберг», упоминаемая в наброске плана, в архиве не найдена, однако, как представляется, Шаламов имел здесь в виду историю из своего рассказа 1960-х годов «Шахматы и стихи», в которой фигурирует эта героиня. Данную историю, вычлененную из рассказа, легко воспринимать и как самостоятельную, поэтому она достаточно органично, на наш взгляд, входит в раздел. Что касается новеллы «Поручик Ангельский», упоминаемой в наброске плана, то в архиве удалось обнаружить лишь ее короткое начало:

«Самым первым моим соседом по первым арестантским нарам, которых так много было в моей жизни, был весной 1929 года бывший поручик Петр Иванович Ангельский.

Срок у него был три года, и Ангельский кончал этот срок той же осенью. Несколько дней просидеть рядом в лагере – большое дело.

Я работал тогда на погрузке пиломатериала на лесозаводе как чернорабочий. Ангельский был табельщиком.

Статья у него была пятьдесят восьмая, три года, и по 58-й давали в те времена...<обрыв>»⁵⁴.

Читатели, хорошо знакомые с первыми изданиями «Вишерского антиромана», наверное, заметят, что в составе нашего издания отсутствует очерк «Бутырская тюрьма (1937 года)». Как явствует из архивных данных, очерк был написан еще в 1961 году, и этот факт отметила И.П. Сиротинская при его публикации в первой редакции. Однако с ее выводом о том, что очерк о 1937 годе «тематически примыкает к циклу новелл и очерков «Вишерского антиромана»⁵⁵, трудно согласиться. Очевидно, что это самостоятельное произведение, возможно, предназначавшееся поначалу в один из сборников «Колымских рассказов», но затем отложенное на будущее, и теперь логичнее было бы присоединить его к циклу мемуарных очерков Шаламова. По крайней мере в составе «Вишерского антиромана» он выглядит все же чужеродным. Весьма показательным, что этот очерк даже не упоминается в наброске плана Шаламова.

Подготовка данного издания потребовала крайне серьезной текстологической работы. В ходе нее проводилась дополнительная сверка текста первой редакции с рукописями, результатом чего стало восстановление (расшифровка) части трудночитаемых фрагментов, пропущенных по этой причине И.П. Сиротинской. Целый ряд расшифрованных частей текста имеет большую биографическую и историческую ценность, и потому они также включены в раздел «другие редакции и варианты» (под общим заглавием «Отдельные фрагменты рукописей»).

При дополнительной сверке текста первой редакции с рукописью, а также с документами, выявлен и исправлен ряд неточностей. Например, приведена к правильному написанию фамилия А. А. Тамарина-Мерецкого (у Шаламова было «Мирецкий») и еще несколько фамилий реальных персонажей. В соответствии с общим стилем названий очерков и рассказов, где упоминаются фамилии, первоначальное название «М.А. Блюмен-

54 РГАЛИ. Ф.2596. Оп.2. Ед.хр.65.Л.19.

55 ВШ7, 4, 294.

фельд» заменено кратким «Блюменфельд». Исправлены наиболее очевидные опечатки, особенно в машинописях впервые публикуемых глав. Поскольку с черновой машинописью (при отсутствии рукописи) иметь дело гораздо труднее, чем с рукописью, решение этой проблемы потребовало немалых усилий. Машинистка, перепечатавшая рукопись Шаламова, не могла не ошибаться: почерк писателя к началу 1970-х годов сильно ухудшился, к тому же он явно спешил, нередко не дописывая окончаний слов. Наши правки опирались прежде всего на контекст. Типичный пример из новеллы «Рука всевышнего», где было напечатано: «Я отрицал преступление начисто – слепили обвинение из показаний сектантов». Очевидно, что здесь должно быть не «сектантов», а «сексотов». «Черномазый матрос» (в очерке «Усть-Улс») при обращении к контексту прочитывается как «черноморский матрос», «шайтан» – как «шантан», а загадочное «Берды. Он же» (в очерке «Вредители и грызуны») – как «Берды Онже», поскольку Шаламов говорит здесь о своем рассказе с таким названием... Все случаи подобных правок нами не оговариваются. Лакуны и непонятные места в тексте (иногда с предполагаемым вариантом их прочтения) даются в угловых скобках.

Учитывая, что «Вишерский антироман» содержит большое количество исторических фактов и деталей, требующих пояснений и уточнений, текст сопровождается обширным реальным комментарием.

Хочется надеяться, что новая редакция одного из важнейших прозаических произведений Варлама Шаламова позволит глубже оценить замысел писателя и его воплощение. Несмотря на свою незавершенность, «Вишерский антироман» относится, несомненно, к ряду ценнейших литературных памятников XX века, равно принадлежащих и к памятникам отечественной истории.

Валерий ЕСИПОВ

ВИШЕРСКИЙ АНТИРОМАН

Сборник очерков и рассказов

Река Вишера. Камень Говорливый (фото начала 1930-х гг.)

Бутырская тюрьма (1929 год)

19 февраля 1929 года я был арестован. Этот день и час я считаю началом своей общественной жизни – первым истинным испытанием в жестких условиях. После сражения с Мережковским в ранней моей юности¹, после увлечения историей русского освободительного движения, после кипящего Московского университета 1927 года, кипящей Москвы – мне надлежало испытать свои истинные душевные качества.

В наших кругах много говорилось о том, как следует себя держать при аресте. Элементарной нормой был отказ от показаний, вне зависимости от ситуации – как общее правило морали, вполне в традиции. Так я и поступил, отказавшись от показаний. Допрашивал меня майор Черток, впоследствии получивший орден за борьбу с оппозицией как сторонник Агранова, расстрелянный вместе с Аграновым в 1937 или 1938 году.

Потом я узнал, что так поступили не все, и мои же товарищи смеялись над моей наивностью: «Ведь следователь знает, что ты живешь в общечитити с Игреком, так как же ты в лицо следователю говоришь, что не знаешь и не знал Игрека». Но это обстоятельства, о которых я узнал в 1932 году, после моего возвращения в Москву. В 1929 же году мне казалось все ясным, все чистым до конца, до жеста, до интонации.

Следователь Черток направил меня для вразумления в одиночку Бутырской тюрьмы. Здесь, в мужском одиночном корпусе, в № 95 я и просидел полтора месяца очень важных в моей жизни.

Здесь была возможность обдумать, продолжить и закончить дискуссию с Мережковским, начатую в школе второй ступени. Здесь была возможность понять навсегда и почувствовать всей шкурой, всей душой, что одиночество – это оптимальное состояние человека. Написаны горы философских трактатов на тему об отчуждении – об истинном праве духовных и душевных качеств человека. Написаны десятки книг о цифровой символике, где цифра единица представляет собой самую важную цифру нашего счета – духовного, технического, поэтического, бытового!

Если лучшая цифра коллектива – два: взаимопомощь, как фактор эволюции, продолжения рода, то уже коллектив из трех человек, трех живых существ, три и больше – вовсе отличается от заветной «двойки». При двойке прощаются все ошибки, улаживаются все споры по тем же причинам, что при тройке возникают. Ребенок, семья, общество, государство. Эти бесконечные споры двоих вовсе не неизбежны, но отнюдь не идеальны.

Идеальная цифра – единица. Помощь единице оказывает Бог, идея, вера. Только здесь – во взаимной помощи, в проверке и справедливости – допустима двойка. В практической жизни эта двойка – второй человек, а может и не быть <человека>.

Достаточно ли нравственных сил у меня, чтобы пройти свою дорогу как некоей единице, – вот о чем я раздумывал в 95-й камере мужского одиночного корпуса Бутырской тюрьмы. Там были прекрасные условия для обдумывания жизни, и я благодарю Бутырскую тюрьму за то, что в поисках нужной формулы моей жизни я очутился один в тюремной камере.

Я принюживался к лизолу – запах дезинфекции сопровождает меня всю жизнь.

---

¹ Юношеские дневники Шаламова о его споре с идеями религиозного философа и писателя Д.С. Мережковского (об этом споре он упоминает и в «Четвертой Вологде») не сохранились. Можно предполагать, что в Мережковском Шаламова отталкивала метафизичность, книжность, уход от живых запросов жизни.

Я не писал там никаких стихов. Я радовался только дню, голубому квадрату окна – с нетерпением ждал, когда уйдет дежурный, чтобы опять ходить и обдумывать свою так удачно начатую жизнь.

Никакой подавленности не было, точно все это – и цементный пол, и решетки – все это было давно видено мной, испытано в снах, в мечтах. Все оказывалось таким же прекрасным, как в моих затаенных сновидениях, и я только радовался.

Нам давали газеты. Если был выходной – «Правду». Впервые в жизни я так солидно <подначитался> прессы.

Заключенный сам убирает парашу, ходит на оправку по тому же звенящему железному коридору, который снят в фильме «Крах» при сцене побега Павловского². Была прогулка в одном из тюремных дворики с «выводным» конвоиром. Книги же давали только <по бумаге>, по заявлению. Обход коменданта – комендантом был толстый грузин Адамсон – ежедневный.

Одним из главных моих требований к людям всегда было соответствие слова и деяния, «что говоришь – сделай» – так меня учили жить. Так я учил жить других. Нет вождей, нет авторитетов. Перед тюрьмой все равны.

Я надеялся, что и дальше судьба моя будет так благосклонна, что тюремный опыт не пропадет. При всех обстоятельствах этот опыт будет моим нравственным капиталом, неизменным рублем дальнейшей жизни.

Мне очень хотелось встреч в тюремной <камере>, в свободной обстановке с вождями движения, ибо вожди есть вожди, и было бы хорошо взять у них какое-то ценное моральное качество, которым они, несомненно, обладают. Я почувствую, если не пойму, присутствие этого тайного бога. И по ряду предметов хотел бы скрестить с ними шпагу, поспорить, прояснить кое-что, что было мне не совсем ясно во всем этом троцкистском движении.

Стремление скорее встретиться с вождями движения уравнивалось возможностью обдумать свою жизнь в камере Бутырской тюрьмы. Именно здесь, в стенах Бутырской тюрьмы, дал я себе какие-то честные слова, какое-то слово, встал под какие-то знамена.

Какие же это были слова?

Главное было соответствие слова и дела. Я не сомневался, даже в тайниках души не сомневался в том, что уже вышел на яркий тюремный свет, пронизывающий насквозь человека.

Способность к самопожертвованию.

Я и сейчас могу заставить себя пройти по горячему железу, и не в рахметовском плане – как раз этот герой меня никогда не увлекал. И не как факир идет – просто <чтобы> сделать физическое движение. Я был тем сапером, который разрезает колючую

В. Шаламов – студент МГУ.
1926 г.

² «Крах» – фильм (1968) по роману В. Ардаматского «Возмездие», основанному на реальных фактах операции ОГПУ. В роли Б. Савинкова – В. Самойлов, в роли полковника Павловского – Е. Матвеев, С. Рейли – А. Ширвиндт. Очевидно, что Шаламов смотрел этот фильм вскоре после его выхода.

проволаку. Жертва должна быть достойна цели. Вот об этой-то цели мне хотелось побеседовать где-нибудь в политизоляторе с кем-нибудь постарше. Жертва была – жизнь. Как она будет принята. И как использована.

Физические неудобства классического вида давно уже были для меня предлогом и поводом для душевного подъема. Этот подъем, который я почувствовал в Бутырской тюрьме за все полтора месяца одиночки, не был приподнятостью нервной, которую так часто ощущают при первом аресте. Подъем этот был ровен: я ощущал великое душевное спокойствие. Мне удалось найти, нащупать ту форму жизни, которая очень проста и в своей простоте отточена опытом поколений русской интеллигенции. Русская интеллигенция без тюрьмы, без тюремного опыта – не вполне русская интеллигенция. И в Бутырской тюрьме, и раньше у меня не было преклонения перед идеей движения – тут много было спорного, неясного, путаного. Поведение мое мне отнюдь не казалось романтическим. Просто – достойным, хотя на протяжении многих лет мои старшие товарищи, старшие не по движению, а по судьбе и быту, упрекали (не упрекали, а квалифицировали, что ли) мое поведение как романтизм, тюремный романтизм, романтизм жертвы.

Как раз ничего романтического в моем поведении не было, просто я считал эту форму поведения достойной человека, может быть, единственно достойной в тот миг, в тот год для себя – без предъявления требований вести себя так. Я никого не учил, учил только самого себя. Никого не звал к подражанию. Вся романтика подражательная, хорошо освоенная людьми, меня особенно не привлекала.

В Бутырской тюрьме я выходил на какое-то особенное, определенное место в своей собственной жизни.

За полтора месяца меня вызывали два или три раза на допрос, но я, как и в начале следствия, не давал никаких показаний. Последнюю подпись об окончании следствия дал я в марте, а уже 13 апреля 1929 года пришел пешим этапом в концентрационный

Бутырская тюрьма

лагерь³ Управления Соловецких лагерей особого назначения, в 4-е отделение этого лагеря, расположенное на Вишере.

Я пришел с приговором – три года концентрационных лагерей особого назначения. По окончании срока дается свидание с родными и высылка в Вологодскую область на пять лет. Я отказался расписаться в том приговоре. Приговор был громовый, оглушительный, неслыханный по тем временам. Агранов и Черток решили не стесняться с «посторонним». Опасен был троцкизм, но еще

Фото из следственного дела. 1929 г.

была опасней «третья сила» – беспартийные знаменщики этого знамени.

Если оппозиция – это комсомольцы, партийцы – свои люди, над их судьбой надо еще подумать: быть может, завтра они вернутся в партии к силе. Тогда чрезмерная жестокость будет обвинением. Но беспартийному надо было, конечно, показать пример истинной мощи пролетарского меча. Только концлагерь. Только каторжные работы. Только клеймо на всю жизнь, наблюдение на всю жизнь.

Майор Черток вел мое следствие по статье 58, пункт 10, и 58, пункт 11, – агитация и организация. А в приговоре, в той выписке из протокола Особого совещания, которую мне вручил комендант Бутырской тюрьмы в коридоре тюремном, было сказано: «... осужден как социально опасный элемент»⁴. Я приравнивался к ворам, которых тогда судили по этой статье.

С ворами в одном вагоне отправился в лагерь на Урал. Высшие власти просили меня запомнить, что они не намерены со мной считаться как с политическим заключенным, да еще оппозиционером.

Высшая власть рассматривала меня как уголовного. Эта чекистская поэзия коснулась не одного меня.

Следствие было начато и закончено по 58-й статье. А приговор был вынесен по уголовной, как потом у писателя Костерина, которого Берия судил в 1938 году на Колыме как СОЗ⁵. Это – традиция <не> новая.

3 Официальное именование трудовых лагерей «концентрационными» (употреблявшееся во время гражданской войны) применялось в краткий период 1928–1929 гг. После принятия постановления СНК СССР от 11 июля 1929 г. «Об использовании труда уголовно-заключенных» лагеря стали называться исправительно-трудовыми. Окончательно это название было закреплено в «Положении об исправительно-трудовых лагерях», принятом 7 апреля 1930 г.

4 В приговоре Шаламова 1929 г. значилось СВЗ («социально-вредный элемент»), но литеры СВЗ и СОЗ равнозначны.

5 Костерин Алексей Евграфович (1896–1968) – писатель. С 1936 г. работал в Магадане в газете «Советская Колыма». В 1938 г. был осужден на 5 лет как «социально-опасный элемент» (СОЗ). Очевидно, что Шаламов узнал об этом из «Дневника» его дочери Нины Костериной, опубликованного в «Новом мире» в 1966 г. Ср. запись Н. Костериной от 30 ноября 1940 г.: «Первая весточка от папы и какая же страшная: он особым совещанием при НКВД признан «социально опасным элементом» и приговорен к заключению на пять лет. Он просидел в тюрьме под следствием больше двух лет – двадцать шесть месяцев».

Для Сталина не было лучшей радости, высшего наслаждения во всей его преступной жизни, как осудить человека за политическое преступление по уголовной статье. Это и есть одна из сталинских «амальгам»⁶ – самая поначалу распространенная в 1930 году в Вишерских лагерях статья.

Вишера

На каждой станции я просовывал в щель записки: перешлите в Москву, в университет, меня везут в лагерь, везут вместе с уголовниками, протестуйте, добейтесь моего освобождения, перевода к своим. Голодовку было поздно объявлять, меня взяли прямо из 67-й камеры Бутырской тюрьмы, после полуторамесячной одиночки № 95 МОКА – мужского одиночного корпуса. В этой одиночке я сидел вместе с Попермейстером, но ушел раньше, чем он.

Приговор – три года концлагеря – был по тем временам жестким. Давали ссылку, политизолятор, но со мной было решено рассчитаться покрепче – показать, где мое место.

Со мной не было никаких вещей, никаких денег – пайка и дорожная сеledка уравнивали меня в социальном отношении с обитателями вагона.

Татуированные тела, технические фуражки (половина блатных маскировалась в двадцатые годы инженерскими фуражками), золотые зубы, матерщина, густая, как мажорочный дым...

Полное мщение, удар в спину Особого совещания, великого мастера пресловутых амальгам. Но я еще мало тогда знал об амальгамах. Через четверть века, через двадцать пять лет, в 1954 году в кабинете районного уполномоченного МВД, когда я устраивался на работу агентом снабжения Решетниковского торфопредприятия⁷, «начальник» просмотрел мои документы – «социально опасный».

– Вор?

– Да вы с ума сошли! Тогда так давали...

– Ну, не знаю, не знаю...

И я едва не был выброшен за порог.

Много раз в жизни я мог оценить пресловутую амальгаму.

В 1937 году в Москве во время второго ареста и следствия на первом же допросе следователя-стажера Романова смутила моя анкета. Пришлось вызвать какого-то полковника, который и разъяснил молодому следователю, что «тогда, в двадцатые годы, давали так, не смущайтесь», и, обращая ко мне:

– Вы за что именно арестованы?

– За печатание завещания Ленина.

– Вот-вот. Так и напишите в протоколе и вынесите в меморандум: «Печатал и распространял фальшивку, известную под названием «Завещание Ленина».

6 Амальгама (фр. *amalgame* – сплав) – термин, употреблявшийся в судах во время террора в годы Французской революции XVIII в. В рамках одного судебного процесса рассматривалось несколько дел, что создавало видимость «обоснованности» единого для всех подсудимых приговора. Фактически та же практика использовалась при Сталине, начиная с «шахтинского» дела и кончая московскими процессами 1936 и 1937 годов.

7 Решетниковское торфопредприятие в Калининской (Тверской) области, где Шаламов работал с 1954 г. до реабилитации в 1956 г.

И полковник, любезно улыбнувшись, удалился. Было это в январе 1937 года в городе Москве, во Фрунзенской «секции революционной законности», как именовались тогда местные НКВД.

В дневнике Нины Костериной ее отцу дают в 1938-м – СОЗ⁸. Мне этот литер давали в 1929 году. Следствие вели по 58-й (10 и 11), а приговорили как СОЗ, чтоб еще больше унижить – и меня, и товарищей. Преступления Сталина велики безмерно.

И все-таки я не один был в уголовном вагоне с пятьдесят восьмой статьей. Со второй полки глядели на меня добрые серые глаза, крестьянские глаза молодого парня. Терешкин была его фамилия. Это был красноармеец, отказавшийся от службы по религиозным соображениям.

Вагон наш то отцепляли, то прицепляли к поездам, идущим то на север, то на северо-восток. Стояли в Вологде – там в двадцати минутах ходьбы жили мой отец, моя мама. Я не решился бросить записку. Поезд снова пошел к югу, затем в Котлас, на Пермь. Опытным было ясно – мы едем в 4-е отделение УСЛОНа на Вишеру. Конец железнодорожного пути – Соликамск.

Был март, уральский март. В 1929 году в Советском Союзе был только один лагерь – СЛОН – Соловецкие лагеря особого назначения. В 4-е отделение СЛОНа на Вишеру нас и везли.

Соседи мои хвалили вагонных конвоиров. Это хороший конвой, московский. Вот примет лагерный, тот будет похуже.

В Соликамске сгрузились – арестантских вагонов оказалось несколько. Тут было много людей с юга – с Кубани, с Дона, из Грузии. Мы познакомились. «Троцкистов» не было ни одного.

Была даже женщина – зубной врач – по делу «Тихого Дона»⁹. Этап был человек сто, чуть побольше.

Всех завели в сводчатый подвал Соликамской городской милиции, в бывшей церкви. Крошечный низкий подвал. А нас 100 человек. Я вошел одним из первых и оказался у окна, застекленного окна на полу, с витой церковной решеткой.

Коротким быстрым ударом ноги мой знакомый по вагону – опытный урка – выбил стекло. Холодный воздух хлынул в подвал.

– Не бойся, – сказал он мне. – Через десять минут здесь будет нечем дышать.

Так и оказалось. В подвале было бело от дыхания, пара, а людей все вталкивали и вталкивали. Не то что сидеть, стоять было тяжело. Люди проталкивались к двери, к тяжелой двери с «глазком», чтоб подышать. За дверью стоял конвойный и время от времени тыкал в глазок наугад штыком. Удивительным образом никто задет не был.

Начались обмороки, стоны. Мы лежали лицом к разбитому стеклу, нам было немного легче. Мы даже пусkali «подышать» других.

Бесконечная ночь кончилась, и дверь в коридор распахнулась.

– Выходи!

«Выгрузка» из подвала на улицу длилась не меньше часа. Мы выходили последними. Туман в подвале уже развеялся, открылся потолок, белый, сводчатый, низкий потолок. На нем крупными буквами углем было написано:

«В этой могиле мы умирали трое суток и все же не умерли. Крепитесь, товарищи!»

---

8 См. прим 3.

9 О каком именно деле идет речь, установить не удалось. Возможно, имеется в виду условное название одного из выступлений против насильственной коллективизации на Дону. См. также упоминание о деле «православного «Тихого Дона» в очерке «Блюменфельд».

Соликамский мужской монастырь, где с конца 1920-х гг. размещалась пересыльная тюрьма

Построили всех без вещей, вещи сложили на телегу. Засверкали штывки. Вперед вышел гибкий рябой начальник конвоя – Щербаков. Помощником был одноглазый Булаков – лицо его было разрублено казацкой шашкой во время гражданской войны.

Этап двинулся. Первый отрезок – километров пятнадцать.

К моему величайшему удивлению, в конвое оказался один знакомый. Я был с ним в 67-й камере Бутырской тюрьмы. Это был Федя Цвирко – начальник какой-то пограничной заставы. Он приехал в отпуск в Москву, напился в «Континентале» и открыл ночью стрельбу из маузера по квадриге Аполлона над Большим театром. Очнулся он в тюремной камере на Лубянке без ремня, со споротыми петлицами, получил три года лагерей и был отправлен в нашем же этапе. Шинель со следами от петлиц была еще на нем. Он уже успел переговорить с конвоем и перейти «на сторону победителя», – он был уже в охране, ехал как «передовой» для подготовки помещения для этапа. Я было сунулся к нему с какой-то просьбой (по Бутыркам я знал его отлично), но встретил такой отсутствующий холодный взгляд, что больше на протяжении многих лет не обращался к нему. Цвирко сделал большую лагерную карьеру – был начальником «командировки» Потьма близ Вижаихи, любимцем Берзина, с ним уехал на Колыму, был там начальником Северного горного управления в тридцатые годы, во второй половине, и вместе с Берзиным был расстрелян.

Идти нам было пять дней – сто с чем-то километров – до Вижаихи, до Управления 4-м отделением СЛОНа.

Уральский апрель – везде ручейки, проталины, горячее жгучее солнце бледную тюремную кожу наших лиц превращало за несколько часов в коричневую, а рты делало синими. «И кривятся в почернелых лицах голубые рты» – это сказал про весенний этап поэт¹⁰.

10 Строка из стихотворения С. Есенина «В том краю, где желтая крапива...» (1915). Цитируется также в очерке «Сергей Есенин и воровской мир».

Идти было не тяжело. Было много привалов, сзади этапа плелись сани-розвальни, в них ехали зубная врачаха и начальник конвоя Щербаков.

Засветло мы подошли к деревне, где нам отвели две избы для ночевки – одна побогаче, обыкновенная северная изба, а другая – сарай с земляным полом, на который была брошена солома.

Весь этап вели мимо Щербакова, и, глядя в лицо каждому, начальник конвоя изрекал:

- В сарай!
- В избу!
- В сарай!

Способ этот – выбирать «на глаз» – очень распространен в лагерях, где только опытный может справиться с отбором. Как отбирают: крестьян – без промаха, богатых – без промаха, грамотных – без промаха.

Старые начальники гордились этой своей «опытностью». В 1930 году близ станции Березники выстраивались огромные этапы, следующие в управление, и вдоль рядов проходил Стуков, начальник Березниковского отделения. Люди были построены в две шеренги. И он просто тыкал пальцем, не спрашивая ничего и почти не глядя, – вот этого, этого, этого, – и без промаха оставлял работяг-крестьян по пятьдесят восьмой.

- Все кулаки, гражданин начальник.
- Горяч еще, молод ты. Кулаки – самый работающий народ... – И усмехался.

Иногда приходилось задавать вопросы.

– А нет ли здесь, – Стуков повышал голос, – нет ли здесь, кто раньше работал в органах?

– В органах! В органах! – эхом откликался этап. Работавших в органах не находилось.

Вдруг откуда-то сзади протиснулся к Стукову человек в штатском бумажном костюме, белокурый, а может быть, черноволосый, и зашептал:

- Я осведомителем работал. Два года.
- Пошел прочь! – сказал Стуков, и осведомитель исчез.

У меня не было «багажа»: солдатская шинель и шлем, молодость – все это было мигсом в глазах Щербакова, – я попадал неизменно на глиняный пол сарая.

Приносили кипяток, давали хлеб на завтрак, селедку, ставили парашу. Смеркалось, и все засыпали всегда одинаково страшным арестантским сном с причитаниями, всхлипываниями, визгом, стонами...

Утром выгоняли на поверку и двигались дальше. Первым же утром под матерщину, окрики проволокли перед строем чье-то тело: огромного роста человек лет тридцати пяти, кареглазый, небритый, черноволосый, в домотканой одежде. Подняли на ноги. Его втолкнули в строй.

- Драконы! Драконы! Господи Иисусе!

Сектант опустился на колени. Пинок ноги начальника конвоя опрокинул его на снег. Одноглазый и другой – в пенсне, Егоров (потом он оказался Субботиным), стали топтать сектанта ногами; тот выплевывал кровь на снег при тяжелом молчании этапа.

Лесная биржа в Вишерском лагере. 1930 г.

Я подумал, что, если я сейчас не выйду вперед, я перестану себя уважать.

Я шагнул вперед.

– Это не советская власть. Что вы делаете?

Избиение остановилось. Начальник конвоя, дыша самогонным перегаром, придвинулся ко мне.

– Фамилия?

Я сказал.

Избитый черноволосый сектант – звали его Петр Заяц – шагал в этапе, утирая кровь рукавом.

А вечером я заснул на полу в душевой, хоть и нетопленной, избе. Эти избы хозяева охотно сдавали под этап – небольшой доход для бедной пермязской деревни. Да и весь этот тракт оживился с открытием лагеря. Шутка сказать – за беглеца платили полпуда муки. Полпуда муки!

Было жарко, тесно, все сняли верхнюю одежду, и в этой потной духоте стал я засыпать. Проснулся. По рядам спящих ходил Щербаков, и другой боец подсвечивал ему «летучей мышью». Кого-то искали.

– Меня?! Сейчас оденусь.

– Не надо одеваться. Выходи так.

Я даже испугаться не успел – они вывели меня на двор. Была холодная лунная ночь уральского апреля. Я стоял под винтовками на снегу босиком, и ничего, кроме злости, не было в моей душе.

– Раздевайся.

Я снял рубашку и бросил на снег.

– Кальсоны снимай.

Я снял и кальсоны.

Сколько простоял времени, не знаю, может быть, полчаса, а может быть, пять минут.

– Понял теперь? – донесся до меня голос Щербакова.

Я молчал.

– Одевайся.

Я надел рубашку, кальсоны.

– Марш в избу!

Я добрался до места. Никто меня ни о чем не спрашивал. Мои опытные соседи, блатари, видели и не такие вещи. Я для них был фраер, штымп.

Когда этап прибыл в лагерь, принимать вышел комендант 1-го отделения Нестеров.

– Претензий к конвою нет?

– Нет, – сказали.

– Нет, – сказал Петр Заяц.

Через год я случайно встретил Зайца на улице, на лагерной улице. Поседевший, изможденный. Вскоре я узнал, что он умер.

Никогда и никто не вспоминал этого случая. Но через два года, когда я работал уже на большой лагерной работе (в те годы заключенный мог занимать почти любую лагерную должность), в наше отделение в качестве младшего оперуполномоченного был переведен Щербаков. Он счел нужным отдать мне визит, хоть и был вольнонаемным, а я – заключенным. Он пришел ко мне вечером.

– Работать вот сюда приехал.

– Как же ты думаешь здесь работать? – сказал я.

– Да ведь слышь, тогда с нами беглецы были. Ведь нельзя было иначе.

– Да ты что – боишься, что я начальству заявление подам?

– Да нет, просто так.

– Не мели, Щербиков. Не мели и не бойся. Заявлений я никаких подавать не буду.

– Ну, до свидания.

Вот и весь наш разговор в 1931 году, летом.

Этап – первый этап в моей жизни – подходил к концу. Командировки Вая, Ветрянка и, наконец, Вижаиха – Управление 4-го отделения СЛОНА.

Этап пришел днем, и для встречи вышел сам комендант 1-го отделения Нестеров. Грузный, с иссиня выбритыми щеками, с огромными кулаками, поросшими черной шерстью. Кулаки эти заметились сразу, и не напрасно.

К Нестерову подвели поочередно тех трех беглецов, которых привел наш конвой из Соликамска (полпуда муки!).

Нестеров узнавал каждого, называл по фамилии.

– Ну, – сказал он первому. – Бежал, значит.

– Бежал, Иван Степанович.

– Ну, выбирай: плеска¹¹ или в изолятор?

– Плеска, Иван Степанович.

– Ну, держись. – Волосатым кулаком Нестеров сиби беглеца с ног. Беглец лежал, выплевывая сломанные зубы на песок.

– Марш в барак! Следующий.

– Ну, а ты? Плеска или в изолятор?

– Плеска, Иван Степанович!

«Плесок» – значило пожертвовать зубами, костями, но не попасть в ШИЗО – штрафной изолятор, где пол железный, где после трех месяцев выходят только в больницу, где дневальный за малейший шорох в камере ставит на камерной двери мелом крест: лишить питания на неделю.

Притом срок пребывания в ШИЗО исключается из общего срока наказания. Поэтому все выбирали «плеска». Для самого Ивана Степановича эти сцены были развлечением, и себя он считал «котцом родным».

Через два года с этим Нестеровым ездил я в одной комиссии на Чердынский леспромхоз по поводу произвола с переселенцами-кулаками. Все они были с Кубани, леса не знали, их сгрузили тысячами прямо на снег, и они рубили себе избы по-черному. Умирали и работали на лесозаготовках. Голод. За буханку хлеба матери приводили начальству дочерей.

Вот в чердынской гостинице ужинал я с Иваном Степановичем Нестеровым. Котлет у него с собой был целый огромный баул. Мороженые котлеты ему супруга изготовила, опытная северянка. И вся наша комиссия жила этими котлетами. В эту поездку я рассмотрел очень близко знаменитые нестеровские кулаки. Кулаки, верно, были тяжелы, волосаты.

Все казалось, что я читаю хорошо знакомую книгу. И было очень трудно. Как я должен вести себя с начальством? С уркачами? С белогвардейцами? Кто мои товарищи? Где мне искать совета?

Разве можно допустить, чтобы про меня сказали что-либо нехорошее? Не в смысле лагерных установлений и правил, а некрасивый поступок любой. Как все продумать? У кого найти помощь?

---

11 Ударения в рукописи проставлены Шаламовым и присутствуют в первых изданиях «Вишерского антиромана». Странно, что в сериале «Завещание Ленина» (сценарист Ю. Арабов, режиссер Н. Досталь, 2007) актеры говорят «плёска», хотя далее в тексте ясно написано «плесок» (от «плеснуть» – ударить наотмашь).

Уже осенью 1929 года я знал, что все мои товарищи по университету, те, кто был в ссылке, в политизоляторе, вернулись в Москву. А я? Я пробовал писать – никакого ответа.

Я написал заявление, ничего не прося, просто: «Присоединяюсь к заявлению Раковского», которое мне казалось наиболее приличным из написанного «возвращенцами»¹².

Вскоре меня вызвал заместитель начальника лагеря Теплов.

– Вы подавали заявление?

– Да.

– У вас есть жалобы? Просьбы?

– Никаких просьб и жалоб нет.

– Хорошо. Ваше заявление будет отправлено в Москву.

С этим заявлением я встретился в 1937 году на следствии. Заявление было просто приобщено к делу, а мне не было сообщено ничего. А я ведь ждал этого ответа.

К этому времени я твердо решил – на всю жизнь! – поступать только по своей совести. Никаких других мнений. Худо ли, хорошо ли проживу я свою жизнь, но слушать я никого не буду, ни «больших», ни «маленьких» людей. Мои ошибки будут моими ошибками, мои победы – моими победами.

Я возненавидел лицемеров. Я понял, что право приказывать дается тому, кто сам, своими руками умеет сделать все то, что он заставляет делать других. Я был нетерпелив, горяч.

Блатная романтика не привлекала меня. Честность, элементарная честность – великое достоинство. Самый главный порок – трусость. Я старался быть бесстрашным и несколько раз доказал это.

Ушли обрадованные беглецы – ведь и дело не будут заводить, вот счастье, вот золотой мужик Иван Степанович.

Дополнительного срока тогда за побег не давали. Чаще всего убивали в побеге. Но если приводили назад – ничего, кроме побоев или изолятора, беглецам не грозило.

Нас привели в новый барак, новую девятую роту сделали из нашего этапа, а командиром роты был назначен Раевский, бывший офицер.

Он несколько раз нас построил. Подрепетировал.

– Здравствуй, девятая рота!

– Здра! – И отпустил нас в барак.

Чистенький, новенький. Нары везде сплошные.

Нары вагонной системы были только в бараке лагерной obsługi в четвертой роте. Здесь была не только «вагонка» – все нары были скреплены общей проволокой, и вся система нар качалась от движения каждого, кто садился или влезал вверх. Поэтому барак четвертой роты был всегда наполнен мелодичным шумом – негромким скрипом. К этому проклятому скрипу надо было привыкать.

Огромная площадь лагеря, «зона», как ее называли в будущие годы, была окружена проволокой с караульными вышками, с тремя или четырьмя воротами, откуда выходили на работу арестанты.

Слова «зэк» не было тогда. Лагерь блестел чистотой. Чистота, порядок были главным достижением лагеря, предметом неустанных забот многочисленной его obsługi. Еще бы!

---

¹² Речь идет о письме Шаламова в Коллегию ОГПУ и ЦК ВКП(б) от 6 июля 1929 г., приобщенном к его следственному делу. См. *Приложение 1*. О связи письма с одним из заявлений участника левой оппозиции Х.Г. Раковского см: *Есипов В. Шаламов. М. 2012, 2019 (ЖЗЛ). С.106-109.*

На каждую арестантскую роту в 250 человек (на это количество и был рассчитан барак типовой) назначались (из заключенных и обязательно по бытовой статье) командир роты, нарядчик, три командира взводов, завхоз, шесть дневальных, один из которых был хлеборезом.

Вся уборка и барака и зоны велась всегда обслугой – работяг не трогали никогда.

Потом, когда стали экономить, сократили командиров взводов до двух человек (ночного и дневного дежурных), дневальных стало 3 человека (ночью не дежурили), а дневальный вставал на час раньше, чтоб вынести огромную парашу, которая на ночь ставилась у дверей барака. И упаси боже было выйти и помочиться мимо. Ночные бессонные дежурные командиры лагеря сновали по зоне беспрерывно, и человек, вышедший помочиться не в парашу, рисковал не вернуться в барак.

Барак стояли рядами. Летом вечерняя поверка и сдача дежурства проводилась в 7-8 часов. Арестантов выстраивали около барака, командир роты писал «строевку», и два коменданта – сдающий дежурство и принимающий – двигались быстро вдоль выстроенных арестантов. Каждый командир роты рапортовал. Рота стояла по команде «смирно».

– Здравствуй, девятая рота!

– Здра!

– Вольно.

Этим процедура ежедневной поверки кончалась. После звонка в рельс каждый мог заниматься своим делом до 10 часов вечера, до отбоя.

В лагере не было никаких клубов, красных уголков, никаких газет. Все это появилось позднее, после «перековки». Лагерные рассказы, певцы, частушечники развлекали особенно в тех бараках, где жили блатные покрупнее.

Тогда еще не было никакого «сучьего» движения¹³. «Суки» были одиночки, вроде Сергея Попова – коменданта из блатарей. Блатные жили по должности – то в бараке обслуги, то в рабочем бараке. Статьи были все перемешаны.

Одежда была своя, вольная, и только по мере того, как она изнашивалась, арестанту выдавали казенное – брюки солдатского сукна, бушлаты солдатского сукна, ушанки «соловчанки» солдатского сукна. Словом, весь наряд арестанта был точной копией арестантской одежды царского времени и по материалу, и по покрою.

Кормили тогда по-особому. Еще никто не додумался сделать из пайки средство выколачивания плана – каждый получал один и тот же казенный паек, арестантскую пайку. Каждый имел право на восемьсот граммов хлеба, на приварок – каши, винегреты, супы с мясом, с рыбой, а то и без мяса и без рыбы – по известным раскладкам на манер тюремных.

Хлеб выдавался на каждый барак, и хлеборез барака резал пайки с вечера. И каждому клал на постель его пайку. В лагере никто не голодал. Тяжелых работ не было. На работе никто не попукал.

Дневальные приносили к обеду в бачках суп и второе, и тот же хлеборез раздавал суп и кашу черпаком. Мясо было порезано на кусочки и выдавалось с весу. Вечером давали то, что положено вечером.

За работу не платили никаких денег. Но ежемесячно составляли списки на «премию» – по усмотрению начальников, и по этим спискам давали два, три, редко пять рублей в месяц. Эти два рубля выдавались лагерными бонами – деньгами вроде «кереенок»

13 «Сука» – уголовник, нарушивший воровской закон. Ср. очерк Шаламова «Сучья война», посвященный послевоенному периоду на Колыме (ВШ7, 2, 57-78).

Лагерные боны

по размеру, с подписью тогдашнего деятеля лагерей Глеба Бокия¹⁴. Эти лагерные боны стоили гораздо выше, чем вольные деньги. В лагере был магазин, где можно было купить все что угодно.

Была в лагере и столовая – ресторанного типа, только для заключенных, где принимались деньги – боны. И где, например, порция антрекота стоила пятнадцать копеек. Так что двухрублевая премия ежемесячная кое-что значила. Кроме того, каждый имел на руках «квитанцию» на сумму, которую можно было истратить в лагерных магазинах. С этой суммы «списывал» завмаг красными чернилами, а лагерная бухгалтерия делала расчеты. Словом, по тюремному типу.

Тем, кто имел деньги из дома, начальник разрешал выдачу – или квитанцией, или бонами. Бонами стали рассчитываться с конца 1929 года, во время перековки. «Касса № 2» – так назывался по-бухгалтерски расчет этими бонами. А квитанционный, тюремный, расчет был отменен.

Было трудно и обидно, что и товарищам я нужен для какой-то их игры, что то, что мной сделано, было лишь мелкой монетой в каких-то расчетах.

Трудно было быть одному – месяцы и годы среди чужих людей, ненавидящих мои «преступления». Но с каждым днем я чувствовал себя все крепче – душевные силы нашлись, оказывается, у меня. То ли воздух ураль-

ский горный был слишком целебен. То ли я молод был очень тогда.

Впоследствии я узнал, что товарищи не бросили меня, что они тщетно пытались со мной связаться и, думая, что лагерь, каторга – это нечто вроде ссылки, писали мне туда много и неосторожно. Об этом мне пришлось узнать в следственных органах. Но все это было много позднее, а сейчас я был один – один среди тысяч.

В один из первых в моей жизни «разводов» я увидел какие-то три ящика, поставленных около «вахты».

Я спросил у соседа, что это.

– Беглецы! Трупы!

Вперед выходила какая-то фигура в шинели.

– Вот так будут поступать со всеми беглецами.

Значит, отсюда бегут.

Я работал на лесозаводе, таскал бревна, доски.

Помню, той же весной в один из первых дней всю нашу партию отвели в глубокий снег, – а под снегом вода, и ноги промокли мгновенно, – чтобы дать дорогу лошади с санями порожняком. Так понял я, что лошадь ценится больше человека.

Помню еще первую лагерную баню, где раздевались прямо на улице, а была еще весна, продувало холодным ветром, и давали ковш воды: что тут было мыть? Как мыть-ся? Белье было мокрое, холодное...

¹⁴ Более подробно об этих бонах в главе «Вишера. Апрель – октябрь 1929» раздела «Другие редакции и варианты».

Меня отыскал Матвеев, ротный нарядчик:

– Ты грамотный, кажется. Хочешь идти ко мне табельщиком?

Нарядчику помогал тогда и помощник. Это было еще до перековки, весной 1929 года.

– Надо подумать!

– А чего тут думать? Идем завтра же к Николаю Ивановичу.

Николай Иванович Глухарев был в лагере начальником отдела труда, ведающего использованием рабсилы. Так как никаких «завоевательных» планов насчет заключенных у начальства в то время не было, и арестантский труд – само собой считалось – есть труд низкой производительности (главный секрет будущей перековки и был в плане, в перевыполнении нормы, в процентах). Даже будущие «дома свиданий» (они так и назывались – «дома свиданий») рассчитаны были на перевыполнение нормы, не говоря уже о подписке на заем, о шкале питания, о сборе подписей под Стокгольским воззванием¹⁵ и прочих высотах злобного и изобретательного ума, всевозможных вариациях лозунга «кто не работает, тот не ест».

В лагере 1929 года было множество «продуктов», множество «обсосов», множество должностей, вовсе не нужных у хорошего хозяина. Но лагерь того времени не был хорошим хозяином. Работа вовсе не спрашивалась, спрашивался только выход, и вот за этот-то выход заключенные и получали свою пайку.

Считалось, что большего спросить с арестанта нельзя.

Зачетов рабочих дней не было никаких¹⁶, но каждый год, по примеру соловецкой «разгрузки», подавались списки на освобождение самим начальством лагеря, в зависимости от политического ветра, который дул в этот год – то убийц освобождали, то белогвардейцев, то китайцев.

Эти списки рассматривались московской комиссией. На Соловках такую комиссию из года в год возглавлял Иван Гаврилович Филиппов, член коллеги НКВД, бывший путиловский токарь. Есть такой документальный фильм «Соловки»¹⁷. В нем Иван Гаврилович снят в своей наиболее известной роли: председателя разгрузочной комиссии. Впоследствии Филиппов был начальником лагеря на Вишере, потом – на Колыме и умер в Магаданской тюрьме, не дождавшись конца следствия по делу Берзина. Но о Филиппове рассказ мой впереди.

Списки, рассмотренные и подготовленные приезжей комиссией, отвозились в Москву, и та утверждала или не утверждала, присылая ответ через несколько месяцев.

«Разгрузка» была единственным путем досрочного освобождения в то время.

15 Анахронизм, наложение колымского опыта Шаламова. Стокгольское воззвание сторонников мира было принято в 1950 г. В широком смысле подразумевается принуждение заключенных в участии в массовых общественных акциях, вроде подписки на займы, что стало применяться в 1930-е годы.

16 Приказ Главного управления лагерей № 190736 о применении зачетов рабочих дней в лагерях вышел 30 июля 1931 г. Приказом допускалось при добросовестной работе заключенных засчитывать им три дня за четыре дня срока или четыре дня за пять дней срока. Позднее, в декабре 1931 г., решением ВЦИК СССР была принята особая система зачетов для колымского Дальстроя: рабочий день заключенных засчитывался за два. Эта система существовала при Э.П. Берзине до конца 1937 г.

17 Документальный фильм «Соловки» (1928, реж. А. Черкасов) был снят по заказу ОГПУ и являлся пропагандистским. Очевидно, Шаламов смотрел его в Москве после Вишеры. И.Г. Филиппов фигурирует в фильме мельком, лишь в одном кадре. О ложной идентификации этого героя и мифах о нем см.; *Есинов В.* Как включить дифференциатор? (Начальник лагерей И.Г. Филиппов глазами Шаламова и глазами современных «энциклопедистов»). URL: <https://shalamov.ru/research/428/>

П.Г. Алешко-Ожевский.
Вишера. 1929 г.

Николай Иванович Глухарев, начальник отдела труда (в будущем этот отдел был реорганизован в УРО¹⁸), был черноморский матрос, участник революции, потом чекист московский, попавший по служебному преступлению не то за взятку, не то за превышение власти.

Всегда в тельняшке, в вольном каком-то темно-синем кителе, красавец Николай Иванович хотел людям только хорошего и рад был оказать помощь всякому человеку. Следствие не укрепило в нем классовых позиций. И хотя им никто не командовал и подбор штата зависел исключительно от него самого, мне кажется, что некоторые тайные подарки он получал – от блатных главным образом. У него было два заместителя: Остап Семенович Козубский – украинский какой-то деятель, осужденный на 5 лет, и Руденко – бывший жандармский полковник. Козубский управлял своим царством (разнарядки по всему лагерю) охотно и с энергией, Руденко – довольно вяло. Срок у Руденко был тоже пять лет. В те времена больших сроков не давали, и осужденных на десять лет в лагере на две тысячи человек было всего двое – их все знали, показывали пальцем на них. Большие сроки приносила перековка, то, что шло за перековкой. Среди нарядчиков было много блатарей,

причем самых видных.

Старший нарядчик, выполнявший функции помощника Козубского, был потомственный блатарь Николай Иванович Кононов – парень лет тридцати. Нарядчиком четвертой роты (обслуги), где все дело было в табеле и подаче рапортичек, работал Володенков – блатарь лет сорока. Еще были блатари, и даже мне в помощь был дан блатарь Баранов, но на его советы «оставить дома кого-то» я ответил резко, он пообещал пожаловаться Кононову, но дело кончилось ничем. У Глухарева Кононов, по-видимому, не нашел поддержки.

В отделе труда была задняя комната – «картотека», где работало несколько украинцев под началом Алешко-Ожевского¹⁹. Это уже была фигура, известная мне по процессу украинских националистов.

Ожевский и его помощники с шумной и чуждой им компанией нарядчиков не общались вовсе. Делопроизводителем отдела труда, сидевшим вместе с нами, был старик Маржанов Федор Иванович, кажется, десятилетник.

Это был живой старик, который вечно вмешивался со своими замечаниями, не оставляя ни одного нарядчика в покое.

Его провокационные разговоры вывели меня из терпения, и в споре с ним я сказал:

18 УРО – учетно-распределительный отдел лагеря. В низовых подразделениях назывался УРЧ – учетно-распределительная часть.

19 Из-за неразборчивого почерка Шаламова (даже в беловых рукописях) в изданиях «Вишерского антиромана» печаталось «Алешка Ожевский». Это дало повод сыну упомянутого героя, геологу и писателю Ю.П. Алешко-Ожевскому (ныне покойному) высказать в 2003 г. критику в адрес Шаламова – абсолютно незаслуженную, см. URL: <http://www.uglitskih.ru/critycs/vishera.shtml>. Польза данной сетевой публикации прежде всего в том, что благодаря ей можно немного уточнить биографию бывшего сослуживца Шаламова. Он являлся секретарем ассоциации баптистов в Киеве, за что и был осужден. Впоследствии адаптировался в советском обществе и работал на нефтепромыслах в Башкирии. Самое ценное – дневник П.Г. Алешко-Ожевского времен Вишеры (отчасти цитируемый сыном) и фотографии, приводимые в наст. издании.

– Вы, Федор Иванович, наверняка в царской полиции служили.

Боже мой, что было. Маржанов стучал кулаком по столу, бросал бумаги на пол, кричал:

– Мальчишка! Дворянин не мог служить в полиции!²⁰

На шум вышел из своей комнаты Глухарев (он жил за картотекой в кабинке), но, узнав, в чем дело, рассмеялся.

После этого случая я был оставлен в покое Маржановым – перестал для него существовать.

Была в лагере больница, была амбулатория, но я туда не обращался, а медики жили жизнью особой. Впрочем, во главе санитарного отдела стоял вовсе не медик. Им был некто Карновский, самый обыкновенный лагерный администратор.

Начальник санчасти нашего отделения, «доктор» Жидков, тоже не был ни доктором, ни врачом, ни фельдшером, он был студентом медицинского факультета, как он сам говорил, а сидел за то, что был провокатором в царской охранке. Лет ему было не больше сорока.

Штат его был подобран по принципу, неоднократно декларированному Жидковым.

– Был бы честный человек. Спирт не выпьет, а медицинские знания – это дело дешовое.

Это «десятое» дело привело к огромной распространенности цинги. Цингой болели сотни людей, передвигались на палочках по лагерю. И лечили цинготников не врачи, а начальники.

У моего командира роты Васьки Журавлева были черные пятна по всему телу, половина тела была в цинготных пятнах.

А у Василия Ивановича, нарядчика, не было пальцев на правой руке. Василий Иванович был саморуб.

Я понял, что лагерь открылся мне еще не весь.

Воскресенье было днем отдыха. Почему-то весь лагерь сбежался к проволоке – от вахты дорога на север уходила вверх, и сейчас на этой дороге в жаркий летний день что-то двигалось.

Двигалась только туча пыли, медленно поднимаясь откуда-то издалека вверх. Туча подползла ближе, сверкали штыки, а туча ползла и ползла. В десяти шагах от лагеря туча остановилась. Это был этап с севера – серые бушлаты, серые брюки, серые ботинки, серые шапки – все в пыли. Сверкающие глаза, зубы незнакомых и страшных чем-то людей.

«Этап с севера».

Понятно, этап с севера – с лесозаготовок, где рубят руки, где цинга губит людей, где начальство ставит «на комарей» в тайге, где «произвол», где при переходах с участка

Сослуживцы Шаламова, заключенные Вишлага: П.Г. Алешко-Ожевский (слева), Ф.П. Маржанов (в центре). 1929 г.

20 Ср. ту же сцену в главе «Вишера. Апрель – октябрь 1929», где вместо автора-рассказчика фигурирует Матвеев, «ленинградский блатарь».

на участок арестанты требуют связывать им руки сзади, чтобы сохранить жизнь, чтобы их не убили «при попытке к бегству».

Я помню эту тучу пыли и сейчас.

С недавнего времени по лагерю ползли слухи, что меняется начальство, что в Соловках аресты начальников, что и наш лагерь накануне больших перемен. К лучшему? К худшему?

Бежал Володенков, нарядчик, на моторной лодке вместе с мотористом.

Бежал Кононов, старший нарядчик, лесами ушел.

Приехала московская комиссия, расстрельная комиссия²¹. Начальник управления Муравьев был арестован. Арестован был, к моему величайшему удивлению, Николай Иванович Глухарев – за взятки, за связь с блатарями. Пять лет получил он «довесок» и ушел работать монтером на строительство. И по зачетам освобожден.

Приехал новый директор строительства Вишхимза Эдуард Петрович Берзин, бывший командир латышской дивизии, герой дела Локкарта. С ним приехало много латышей – нового лагерного начальства: Лимберг, Теплов, Вальденберг.

ОГПУ были переданы исправдома, начиналось широкое лагерное строительство – перековка. Концлагеря были переименованы в исправительно-трудовые. Население арестантское росло. День и ночь шли поезда, этап за этапом. 4-е отделение Соловков было преобразовано в самостоятельный лагерь УВИТЛ. Общее количество заключенных в нем к январю 1930 года достигло 60 тысяч²². А в апреле, когда пришел наш этап, было только две тысячи.

Открыли Темники, Ухта-Печору, Караганду, Свирлаг, Бамлаг, Дмитлаг...

Наш лагерь был «опытным хозяйством» перековки.

Весной двадцать девятого года в отделе труда познакомился я с Александром Александровичем Тамариным.

К вечерней «разнарядке» – назначению на завтрашние работы – пришел огромный седой старик, грузный, большерукий.

– Вот заявка, – протянул он бумагу Козубскому.

– Хорошо, вот из третьей роты Шаламов и пошлет.

– Трех человек, только тех, что были раньше, я фамилии сейчас дам. А вы новенький?

– Новенький, – ответил за меня Козубский, – и из самой Москвы, Александр Александрович.

– Вот что. А что же вы делали в Москве?

Седой старик повернулся ко мне.

– Учился в университете.

– Вот что. Вы не могли бы завтра, после развода, ко мне зайти? В сельхоз, на тот берег.

21 Очевидно, имеется в виду одна из проверочных комиссий ОГПУ по наведению порядка в северных лагерях. Не исключено, что, называя ее «расстрельной», Шаламов ведет речь о комиссии под руководством А.М. Шанина, работавшей в Соловецком лагере и его филиалах в конце 1929-начале 1930 гг.: по ее результатам было расстреляно несколько сотрудников Соловков, отличавшихся особой жестокостью по отношению к заключенным (в том числе не раз упоминаемый Шаламовым «Курилка» – командир комендатской роты И.А. Курилко, ставивший раздетых заключенных «на комарей»). См. далее примеч. 29.

22 Не исключено, что это описка, т.к. в очерке «Вишера. Апрель – октябрь 1929» Шаламов пишет о 16 тысячах заключенных на данный срок, что соответствует реальности. По современным архивным данным, максимальное количество заключенных во всех отделениях Вишлага, включая Березниковское, в конце 1931 г. составляло 39 тысяч человек. См. *Обухов Л. Ук. соч. С.14.*

– На вахте не пустят, – сказал Козубский.
– Пустят, я скажу. К Тамирину, скажете, в сельхоз.

Старик ушел.

– Это Тамарин Александр Александрович, агроном сельхоза, – объяснил мне Козубский. – Это человек не простой.

На следующий день я был в сельхозе. Огромные оранжереи, парники – дело было ранней весной, – подготовленные рассады, зелень, теплый парниковый запах земли. Седой огромный старик в татарском бешмете. Две женщины около него – одна такая же огромная, как он, с таким же огромным носом и такая же седая, другая – маленькая, с желтым сморщенным лицом, маленькими ручками.

– Моя мама, – указал Тамарин на седую женщину. – И моя сестра.

Я поздоровался.

– Я писал раньше обзоры в «Комсомольской правде», – сказал старик. – «Тамарин-Мерецкий» – такая подпись. В отличие от просто Тамарина... Тамарин – это псевдоним Окулова Алексея. Знаете такого писателя?

– Да, слышал. Крестьянский писатель.

– Ну, крестьянского в нем ничего нет.

– Мне нравится здесь, на Севере. И маме нравится. Маме восемьдесят шесть лет, и она всю жизнь прожила на юге. И сестре нравится. Она работает машинисткой в конторе. А я вот увлекался с юности цветами – пригодилось.

Александр Александрович вздохнул. Он дал мне журналы, книги, и мы распрощались. Разговоры с Тамариным, сельхоз на том берегу, тишина оранжерей...

– Вы еще молоды. Очень молоды. Но старше – будете ценить тишину. Мне – шестьдесят пять.

Срок у Тамарина был три года, три года концлагерей.

Александр Александрович был не Тамарин и не Мерецкий. Настоящая его фамилия была Шан-Гирей²³. Он был татарский князь из свиты Николая П. Когда Корнилов шел на Петроград, князь Шан-Гирей был начальником штаба пресловутой «Дикой дивизии». А потом по призыву Брусилова Шан-Гирей перешел на службу в Красную Армию, командовал корпусом в гражданскую войну. Корпус Тамарина принимал участие в операциях против Энвер-паши, против басмачей. Энвер был разбит, но ушел из окружения, перешел границу и исчез, а Тамарин был обвинен в военных ошибках, в помощи бегству Энвера. Тамарин был демобилизован из Красной Армии, жил в Москве, работал в газетах. Вскоре был арестован и заключен в концлагерь на три года. Любитель цветоводства и огородничества стал агрономом сельхоза.

– На досуге подумайте, – говорил мне Александр Александрович. – Царские офицеры, особенно высшие, вовсе не были бездельниками. Каждый знал, и хорошо знал, какую-нибудь рабочую профессию. Граф Игнатъев – кузнец, и хороший кузнец, я – агроном, цветовод, а полковник Панин, что пришел с вами одним этапом, – великолепный столяр. И сейчас заведует столярной мастерской.

Да, позднее я знал еще замечательного мастера парикмахерского дела – забыл его фамилию... Тот был тоже, как и Тамарин, близок царскому двору.

– После революции, – рассказывал он, – я понял, что спасти меня может только ремесло. Не профессия, а именно ремесло. Вы понимаете меня? Я пошел к своему парикмахеру, который брил меня каждый день в течение десяти лет для двора. Тот за полгода научил меня всем премудростям. И вот я – парикмахер. Высококвалифицированный мастер. И в лагере не пропаду!

23 См. уточнения с биографии А.А. Тамарина в комментарии к рассказу «Хан-Гирей» и *Именном указателе*.

– Да и здесь, на Вишере, из трех лагерных дежурных комендантов только один – бывший штабс-капитан Александров – дежурил так, что сто дневальных и тридцать взводных боялись задремать хоть на секунду.

– Когда меня освободят – мне осталось меньше года, – я останусь здесь навечно. Маме здесь нравится, сестре тоже.

Эти беседы в сельхозе были очень хороши. Но продолжались они недолго. Внезапно Александр Александрович был вызван в Москву.

– На освобождение, – уверяли все.

– Нет, это не на освобождение, – говорил Александр Александрович, – это другое.

Мы расцеловались, и я не думал, что встречу его когда-нибудь.

Но через несколько месяцев в Березниках на пересыльный пункт «Лёнва», куда я был переведен работать, прибыл из Москвы спецконвой. Конвоиры ушли обедать, а тот, кого они везли, сидел в камере на чемоданах и смотрел в окно, курил. Человек был сед, небрит. Орлиный профиль его был очень знакомым.

– Александр Александрович!

Мы расцеловались, и Тамарин рассказал свою историю.

За эти три года, что он сидел, за границей вышли многочисленные мемуары. И в каких-то воспоминаниях говорилось, что Энвер, старый знакомый Шан-Гирея – Тамарина, переписывался с ним во время гражданской войны, чуть ли не встречался. И Тамарин помог Энверу бежать.

– Но ведь это провокация, Александр Александрович. Ведь это делается для того, чтобы огоршить, вызвать подозрения. Это же...

– Конечно, провокация. Цель Энвера я очень хорошо понимаю. Скомпрометировать меня в глазах советской власти. К тому же лично я Энвера действительно знал. Был с ним знаком. Мое дело пересмотрели и дали мне десять лет. Даже старые почти три года не зачли. Будет мне семьдесят пять, когда освобожусь. А маме – девяносто пять. – Александр Александрович улыбнулся. – Я просил одного – пошлите меня на старое место, на Вишеру, в сельхоз. Там я и умру. Меня и послали обратно.

Мы расцеловались, и больше я Тамарина не видел. Но кое-что знаю о нем. Когда Александр Александрович вернулся обратно, директор Вишхимза был уже новый – Эдуард Петрович Берзин. Берзин, старый чекист, очень хорошо понимал механизм подобных провокаций и, веря в человека, а не в бумагу, принял горячее участие в судьбе старика Шан-Гирея. Тамарин представлен был им на сокращение срока, а в 1932 году Берзин, уезжая на Колыму, взял Тамарина с собой, и Александр Александрович стал заведующим КОС – Колымской опытной станцией, работавшей по изучению и внедрению на Севере сельского хозяйства. Именно Тамариным заложены основы сельского хозяйства на Крайнем Севере. В 1935 году, когда Дальстрой отмечал свое трехлетие, Александр Александрович Тамарин был награжден орденом Ленина. Судимость с него была снята. Тамарин умер на Колыме глубоким стариком, не дожив до ареста Эдуарда Берзина как японского шпиона. От всей свистопляски 37-38-х годов Тамарина избавила смерть. Все друзья последних лет жизни Александра Александровича – Берзин, Майсурадзе, Егоров, Лагин – расстреляны. До реабилитации их оставалось очень много лет. Александр Александрович, умерший раньше этих расстрелов, не нуждался в реабилитации.

Что там за люди были на Вишере летом двадцать девятого года до перековки?

Было большое количество блатарей, которые работали тогда и нарядами. Кононов, Володенков, Баранов – все они были «люди» преступного мира.

Был Карлов, пятидесятилетний карманник, грузный, опухший человек с огромным животом и пухлыми короткими пальцами. С огромной лысиной, остриженными

длинными поповскими волосами, голубоглазый, Карлов носил кличку «подрядчик», и можно только поражаться точности этой клички. Пальцы Карлова были пухлые, короткие, и он был искуснейшим карманником, признанным мастером этого дела. Много поздней, в тридцатых годах, довелось мне читать в «Правде» об аресте Карлова – он много лет орудовал в Москве, в вокзальной уборной, одеваясь, раздеваясь, умывая руки и не теряя из виду чужие бумажники.

В конце двадцатых годов он был признанным «авторитетом» воровского мира, мира уркачей. Ни одна правилка – «суд блатарской чести» – не обходилась без его участия.

Среди блатарей есть два мнения о «товариществе», о помощи сильным слабым. Одни считают, что «большой» блатар должен помогать малому в организации краж, например, а другие считают, что молодой «уркач» должен сам доказывать свои способности, свою принадлежность к блатному миру, суметь себя «прокормить». Карлов как раз держался второй точки зрения.

«Урчите, ребята, урчите, а у меня не просите», – таков был его постоянный совет.

В лагере он работал поваром в той самой столовой для заключенных, где продавались антрекоты на лагерные бонны.

Карлова вызывали и пред светлые очи начальства. Большое лагерное начальство любит поговорить с блатарями, и блатарям это известно. Я был свидетелем такого разговора, происшедшего у начальника ГУЛАГа Бермана с Карловым. Показ невиданного зверя происходил в коридоре административного управления лагеря.

– Ну, как ты живешь? Жалоб нет? – спросил Берман.

– Нет, – ответил Карлов. – Да и почему бы, гражданин начальник, ко мне относиться плохо? Крови рабочих я не пил, да и нынче, – «подрядчик» посмотрел на петлицы Бермана, – ромбов не ношу...

– Уведите его, – сказал Берман.

Так и кончилось это свидание.

Блатной мир двадцатых годов еще соблюдал «старые заветы»: за оскорбление матерной бранью блатарем блатаря виноватого загоняли под нары, били, а в начале века, говорят, убивали.

Хранителями преданий выступали и два, как их звали, «каторжанчика», и несколько старых блатарей, издевавших еще царские арестантские роты и носивших кличку «староротский», или просто «ротский».

«Каторжанчик» значило, что арестант побывал на Сахалине или на Байкало-Амурской «колесухе». К лингвистическому спору Тимофеева и Ожегова о разнице в значении слова «каторжник» и «каторжанин»²⁴ можно добавить еще один оттенок воровского «каторжанчика».

А.А.Тамарин. Фото из следственного дела. 1938 г.

²⁴ Подробности спора литературоведа Л.И. Тимофеева (он был знакомым Шаламова и имел с ним переписку – см. ВШ7, 6, 575–576) и лингвиста С.И. Ожегова не выяснены. В «Толковом словаре» Ожегова: «КАТОРЖАНИН. Человек, отбывающий каторгу (в 1 знач.) или бывший на каторге (чаще об осужденных за политическую деятельность)».

Тип блатаря-уголовника.
Фото из коллекции С. Быченко.

«Каторжанчики» и «староротские» – блюстители традиций, хранители истинной веры – были непременно участниками всех воровских «судов чести».

В воровском мире правят не наиболее сильные или наиболее удачливые «добытчики», а правит потомственная воровская аристократия. Конечно, нужен какой-то «душок», какая-то определенная смелость, близость слова и дела, но решение вопросов воровского мира зависит не от «чужаков», как бы они ни были удачливы и признаны. Эти «чужаки» всегда одиночки и стоят несколько в стороне (не по собственному желанию) от внутренней жизни блатарей. «Чужаки» помогают, работают с ними вместе, но глубина блатного мира закрыта для них.

Среди этих чужаков есть много удачливых, даже знаменитых налетчиков, прославленных «медвежатников», осужденных много раз за грабежи, убийства и ограбления.

Их уважают и побаиваются. Такой «тяжеловес» может блатарей пристукнуть запросто и их за людей не считает.

В двадцатых годах на Вишере таким прославленным тяжеловесом был медвежатник

Майеровский, Першин-Майеровский. Уже позднее, в тридцатых годах, Майеровский ограбил Московский кожаный институт, взломал там несгораемый шкаф, совершил подряд несколько ограблений. Майеровский работал в Ростокине заведующим гаражом. Его арест и прошлые подвиги описывала «Правда».

Я знал Майеровского хорошо. Он был грамотен и получил кое-какое образование. Родной брат его, как говорили, был одним из видных работников ОГПУ. Черноволосый, лет тридцати, Майеровский работал дневальным в одной из лагерных рот. Был любитель поговорить о прочитанных книжках и художник неплохой, очень способный акварелист. Все, что рисовал – а он рисовал много, – было порнографического содержания. У меня был даже от него подарок – акварель на промокательной толстой бумаге, Майеровский подарил ее вместе с рамочкой, снабженной занавеской, но однажды, вернувшись домой, я не нашел под занавеской картины – кто-то взял на память.

В самом конце двадцать девятого года Майеровский был арестован и послан в ШИЗО за подделку собственноручных записок Ивана Гавриловича Филиппова в магазин на вино. Магазин был общий – для вольных и заключенных. Старик Филиппову был предъявлен магазинный счет на какое-то несусветное количество самого дорогого вина, которое было выдано магазином по запискам Филиппова. Филиппов, тяжелый сердечный больной, и капли вина не пил, а в магазин посылал только в одно из воскресений – за вином для гостей. Но еще до того, как началось следствие, Филиппов потребовал к себе «свои» записки из магазина.

– Все мои, – сказал он, внимательно пересмотрев бумажки. – Выпустите Майеровского.

Клуба в лагере не было (клубная деятельность началась с «перековки»), и каждый вечер, незадолго до отбоя, жаждущие «хавать культуру» собирались возле третьей роты, где жил Пименов, уже пожилой блатарь. Он долго себя упрашивать не заставлял и пел приятным тенорком «Соловецкое»:

Каждый год под весенним дождем
Мы приезда комиссии ждем...

и многое другое, сложенное тут же, на Вишере. Он был импровизатор, частушечник, лагерный Гомер, творец эпоса.

«Классическое» пение исполнялось тоже блатарем, помоложе Пименова. Фамилия его была Рахманов.

Помню я ночь осеннюю, темную –
В легких санях мы неслись втроем...–

и прочая блатная классика.

Пел Рахманов и «фраерские» песни – «Кочегара», «Подружку». Тенор у него был отличный, толпа всегда собиралась возле завалинки, где напевал Рахманов.

В хорошую погоду пели чуть ли не каждый день и только блатные.

Перековка и все, что стоит за словом «Беломорканал», еще не нашло себе правильной оценки ни со стороны юристов, ни со стороны писателей.

Перековка – не только яркий пример догмы мертвого теоретического построения (чудодейственное воспитание трудом, благотворное влияние среды и т. д., по политграмоте Коваленко²⁵), в жертву которому приносились жизни и души людей.

Начальники-практики давно знают цену этой перековке.

Это и яркий пример лицемерия, призванного скрыть далеко идущие цели.

Перековка ворами была разгадана с первого дня.

Проценты перековывания были не большими, чем обычный процент «завязавших», «сук» и т. д.

Воровские кадры были не только сохранены, но небывалым образом укреплены перековкой. Каждый блатарь был готов перековаться и явиться «Коськой-капитаном» из погодинских «Аристократов»²⁶. Блатари очень живо чувствуют «слабину», дырку в том неводе, который власть пытается на них набросить.

Какой начальник рискнет связываться с блатарем, если тот решил перековаться, требует перековаться? Какой лагерный начальник, будучи убежден, что перед ним – обманщик, лжец, рискнет не выполнить приказа свыше, «новой установки», о которой блатари осведомлены не хуже лагерного начальства?

Такому «начальничку» (блатари их так и зовут в глаза и за глаза – «начальнички») блатари не будут давать никаких взяток. Они будут требовать «свое»: они хотят перековаться, они требуют внимания, помощи. Они и сами могут оказать помощь. Ведь, по мнению правительства, они – «друзья народа».

²⁵ Имеется в виду «Книжка политической грамоты» П. Коваленко, выдержавшая в 1920-е годы более десятка изданий и предназначенная для массового читателя.

²⁶ Комедия Н. Погодина «Аристократы»(1934) была посвящена строительству Беломорско-Балтийского канала. В 1935 г. поставлена театром им. Вахтангова, широко разошлась по стране, ставилась и в 1950-е годы. Основной темой комедии являлось «трудовое перевоспитание» («перековка») уголовников на примере героя Кости-капитана. Шаламов не раз указывал на фальшивость пьесы и ее огромный вред в создании ложно-романтизированных представлений об уголовном мире.

Пресловутая 35-я статья²⁷ превратилась из клейма в подобие медали.

А уж начальники-новички, необстрелянная в лагерной работе молодежь, те и впрямь видят в каждом блатаре Костю-капитана.

И выходит, что отличить «случайного преступника» от злостного рецидивиста необычайно трудно, практически невозможно.

Этим пользуется преступный мир. Нужен процент? Вот справка, что я целый год каждый день выполняю по 200% нормы. Справка с подписями и печатями. Ведь по поводу каждой справки не будешь вести особое следствие. Да и следствие ни к чему не приведет – все подписавшие справку подтвердят все и лично, ибо и они боятся блатарей больше, чем автора перековки.

Так рождается и царствует пресловутая туфта. Так рождается поговорка:

Без туфты и аммонала

Не бывало бы канала.

Начальство видит явную ложь – все лодыри, все профессиональные тунеядцы представили справки: на высокий паек, на высокий процент.

В забоях начинают играть на «кубики» с бригадирами. Но «кубики», то есть выполненные плана, поставленные на карту в буквальном смысле слова, – это еще небольшое зло.

Хуже то, что пять блатарей представили фальшивую, завышенную справку. Значит, у кого-то (у «чертей», у «мужичков») надо убавить, чтоб свести больше нормировщику, мастеру, десятнику.

Значит, кто-то должен мучиться, <отрабатывая за> блатарей, которые ведь будут из-за своих высоких процентов представлены и на досрочное освобождение.

Ведь всю эту механику блатарии понимают очень хорошо. Оказывается, можно не работать, получать благодарности, и высокий паек, и зачеты рабочих дней. И досрочно освобождаться. Трудовой подвиг блатаря.

Перековка открыла, что унижительность принудительного труда – сущие пустяки, пережитки наивного XIX века, что из заключенного можно не только и не столько «выбивать» работу, а лишь достаточно ударить по животу и угрозой голода заставить арестанта работать, перевыполнять план. Довольно сентиментальностей. Заключенные будут сами пожирать друг друга, сами будут охранять друг друга – выписывать наряды, проверять, давать и принимать работу.

Перековка на Беломорканале привела к страшному растлению душ – и заключенных и начальства – и именно из-за процентов, из-за выполнения плана.

Перековка провозглашала, что только в труде, активном труде – спасение. Маленькие сроки перестали давать – сыпались пятерки и десятки, которые надо было разменивать по «зачетам рабочих дней». Теоретически считалось, что срок – «резинка»: хорошо работаешь, выполняешь высокий процент – получаешь большие зачеты, выходишь на волю.

Плохо работаешь – тебе могут и сверх твоей десятки добавить.

Было опытным путем доказано, что принудительный труд при надлежащей его организации (без всяких поправок на обман и ложь в производственных рапортчиках) превосходит во всех отношениях труд добровольный.

---

²⁷ Статья 35 УК РСФСР 1926 г.: «Удаление из пределов РСФСР или из пределов отдельной местности с обязательным поселением или запрещением проживать в других местностях или без этих ограничений, в соединении с исправительно-трудовыми работами или без исправительно-трудовых работ, может применяться судом в отношении тех осужденных, оставление которых в данной местности признается судом общественно-опасным». Статья о высылке применялась как к уголовникам, так и к политическим.

И это касалось не только черных работ, неквалифицированного труда. Нет, даже инженеры, осужденные по так называемым вредительским процессам, работали по своей специальности (или по любой специальности интеллигентного труда) лучше, чем вольные специалисты. Я участвовал в большом количестве совещаний по этому поводу и хорошо помню примеры, доказательства.

Лагерь, перестроенный на деловую ногу, уже не терпел той ненужной обслуги, а каждого человека старался использовать, чтобы он давал доход.

Эта деловая сторона перековки была ее душой.

Перековка показала, как легко человеку забыть о том, что он – человек. Была создана, все сложнее и тоньше год от году, система поощрения. Святая тюремная пайка была заменена питанием по тонко разработанной шкале так, чтобы каждый рабочий час и день отражался на еде будущего дня; обычно питание менялось раз в десятидневку, иногда в пятидневку, а позднее на ключе Алмазном²⁸ с вечера объявляли, кому не дадут хлеба завтра.

Вместо восьмисотки арестант стал получать трехсотку, пятисотку, шестисотку, семисотку, восьмисотку и килограммную пайку. Целая гамма ударов по желудку. А приварок, начав с премиальных блюд, перешел на стахановское, ударное и производственное питание – и далее до 8 различных пайков.

Лагерь – его устройство – есть величина эмпирическая. То совершенство, которое было встречено мной на Колыме, не было продуктом чьего-то гениального злого ума – все создавалось мало-помалу. Копился опыт.

«Давай, давай» – это и был лозунг перековки.

Первым советским лагерем были Холмогоры, родина Ломоносова. Холмогоры открыты в 1924 году²⁹. В них содержались остатки кронштадтских матросов – участников мятежа. Когда мятеж был подавлен, матросов-мятежников выстроили на молу в Кронштадте. Была команда – рассчитаться на первый-второй. Нечетные сделали шаг вперед и были расстреляны тут же, на молу, а четные получили по десять лет и сидели до 1924 года в тюрьмах, пока не запросились на «чистый воздух», и был открыт лагерь в Холмогорах. Питание там было плохое, побои, цинга. Матросы бежали, бросились в Москву. Из Москвы в Холмогоры была послана воинская часть. Красноармейцы окружили лагерь, и комендант лагеря, латыш Оле, застрелился. Холмогоры были закрыты, уцелевшие матросы переведены в Соловки. В 1925 году был создан СЛОН – на Соловках 1-е отделение и управление, в Кеми – 2-е отделение, в Усть-Цильме – 3-е, на Северном Урале, на Вишере – 4-е.

Сейчас только что созданный самостоятельный УВЛОН преобразовывался в Управление Вишерских исправительно-трудовых лагерей с центром в местечке Вижаихе (нынешний Красновишерск) – УВИТЛ.

Начались собрания за собраниями. Хорошо помню заместителя начальника управления Теплова – ярко-огненного, рыжего, бородатого человека.

Доклад. Мы создаем, все будет по-новому...

Рядом со мной стоял Петр Иванович Пешин³⁰, бывший ректор Свердловского партийного института.

– Скажите, гражданин начальник, есть ли разница между концлагерем и исправительно-трудовым?

28 Ср. рассказ «Ключ Алмазный» (о Колыме) – ВШ7, 1, 569-576.

29 Холмогорский лагерь был создан в 1921 г. для содержания пленных белогвардейцев. Очевидно, что многое у Шаламова в данном эпизоде апокрифично и требует уточнений.

30 В первом издании «Вишерского антивоенного романа» фигурировала странная фамилия Ишшин, что является опечаткой, т.к. в чертке «Вишера до вредительских процессов» тот же герой назван Пешиным.

В. Шаламов в Вишлаг. 1931 г.

- Нет разницы.
- Вы меня не поняли, гражданин начальник.
- Я вас понял. Хватит.
- И еще вопрос. Вот вы говорите, что надо каждого наблюдать, – может быть, осужденный по пятьдесят восьмой статье вовсе и не враг вам, а в обыкновенном бытовике сидит ярый контра, – узнавать, разоблачать. Не значит ли это, что приговорам судов нельзя доверять?
- Как ваша фамилия?
- Пешин.
- Зайдите ко мне после собрания.

Ничего Пешину не было.

Но еще раньше митингов, собраний и совещаний в лагерь приехали гости – несколько следователей. Начались допросы, аресты вольнонаемного состава. А еще раньше прилетели вестки: в Соловках арестован знаменитый «Курилка»³¹ – комендант одного из островов, ставивший людей «на комарей» и

моривший их голодом. Соловки закрыты! Реорганизованы в политизолятор! Лагерь ждет новая жизнь.

Неожиданно был арестован Николай Иванович Глухарев, начальник отдела труда, мой прямой начальник. Он получил пять лет за взятки, за пьянство. Все проститутки лагеря, все блатные дружно утопили Николая Ивановича. После суда новая администрация предложила Глухареву прежний пост, отдел труда был реорганизован в УРЧ, в УРО. Но Глухарев отказался. Он пошел на общие работы, не на общие, а на строительство электромонтером, а через два года был освобожден за хорошую работу.

Новая жизнь входила в лагерные двери. Тридцать заключенных по выбору начальства были вызваны в кабинет нового начальника. Лагерь подчиняется директору Вишхимза – Вишерских химических заводов. Директор – Эдуард Петрович Берзин. Его заместитель по лагерю – Филиппов Иван Гаврилович. Заместитель Филиппова – Теплов. Конечно, подлинная «философия» перековки определится позднее, а тогда, когда приехал Берзин, а главное, приехали берзинские люди, все казалось мне в розовом свете, и я был готов своротить горы и принять на себя любую ответственность.

Совещание это, самое первое, было проведено в разгар рабочего дня, и все тридцать заключенных пришли в кабинет начальника прямо с работы. В кабинете стояли скамейки, табуретки, и все мы расселись по стенам, и начальник начал свою удивительную речь. Начальник был вовсе не Берзин, а Лимберг.

31 См. примеч. 19. О «Курилке» (И.А. Курилко) упоминает также Д.С. Лихачев – как в раннем варианте своих воспоминаний, записанном во время пребывания в Соловецком лагере в 1928–1930 гг., так и в позднем, создававшемся в начале 1990-х гг. (см.: *Лихачев Д.* Воспоминания. СПб. Logos, 1995).

Правительство перестраивает работу лагерей. Отныне главное – воспитание, исправление трудом. Всякий заключенный может доказать трудом свои права на свободу. Административные должности, вплоть до самых высших, разрешается занимать заключенным.

– И всех вас,– Лимберг обвел правой рукой,– администрация лагеря приглашает принять участие в этой почетной работе именно в качестве администраторов.

Через неделю я выехал в Соликамск для организации <строительства>.

Я ведь был представителем тех людей, которые выступили против Сталина,– никто и никогда не считал, что Сталин и советская власть – одно и то же. Как же мне себя вести в лагере? Как поступать, кого слушать, кого любить и кого ненавидеть? А любить и ненавидеть я готов был всей своей юношеской еще душой. Со школьной скамьи я мечтал о самопожертвовании, уверен был, что душевных сил моих хватит на большие дела. Скрытое от народа завещание Ленина казалось мне достойным приложением моих сил. Конечно, я был еще слепым щенком тогда. Но я не боялся жизни и смело вступил с ней в борьбу в той форме, в какой боролся с жизнью и за жизнь герои моих детских и юношеских лет – все русские революционеры.

Я считал себя приобщенным к их наследию, готов был доказать это. Но в глубине души я тосковал по товаришу, по человеку, по единомышленнику, которого я обязательно встречу на жизненной дороге, в самых глухих углах жизни, примеру которого буду следовать. Человек, у которого я буду учиться жить.

Увы, все оказалось гораздо страшнее. Мой лагерный приговор был первым по тем временам. Мне предстояло сойти в ад, как Орфею,– с сомнительной надеждой на возвращение, с «амальгамированным» клеймом. Пришлось поступать по догадке: что достойно? Что недостойно? Что мне можно и чего мне нельзя? Этого я не знал, а жизнь ставила передо мной один за другим вопросы, требовавшие немедленного разрешения.

За протест против избиений я простоял голым на снегу долгое время. Был ли такой протест нужным, необходимым, полезным? Для крепости моей души – бесспорно. Для опыта поведения – бесспорно. Не уважать такой поступок нельзя, наверное. Но тогда я об этом не думал. Это было импровизацией. И в дальнейшем я решал для себя, что, поскольку я в лагере – один из двухтысячного тогдашнего населения, я должен себя вести по правилам элементарным, не забираясь в тонкость политики и не выступая с «анализами» и декларациями.

Я установил для себя несколько обязательных правил поведения. Прежде всего: я не должен ничего просить у начальства и работать на той работе, на какую меня поставят, если эта работа достаточно чиста морально. Я не должен искать чужьей помощи – ни материальной, ни нравственной. Я не должен быть доносчиком, стукачом.

Я должен быть правдив – в тех случаях, когда правда, а не ложь идет на пользу другому человеку.

Я должен быть одинаков со всеми – высшими и низшими. И личное знакомство с начальником не должно быть для меня дороже знакомства с последним доходягой.

Я не должен ничего и никого бояться. Страх – позорное, растлевающее качество, унижающее человека.

Я никого не прошу мне верить, и сам не верю никому.

В остальном – полагаться на собственную интуицию, на совесть.

Так я начал жить в лагере, все время думая о том, что я здесь – от имени тех людей, которые посланы сейчас в тюрьмы, ссылки, лагеря. Но это я должен только думать про себя, помнить, что каждый мой поступок и друзьями, и врагами будет оценен именно с этой, политической, стороны.

Быть революционером – значит прежде всего быть честным человеком. Просто, но как трудно.

Лазарсон

Осенью двадцать девятого года я в компании Ангельского, бывшего офицера, бежавшего из Перми как раз в этот самый рейс, плыл из Вижаихи в Усолье, в поселок Лёнва, с пятьюдесятью заключенными, чтобы открыть, основать первую, новую командировку Вишерского лагеря, положить начало гиганту первой пятилетки – Березникам.

Я плыл, не особенно разбираясь в причинах своего назначения, не доискиваясь корней или поводов для столь неожиданного поворота в моей судьбе. Я чувствовал только, что волна судьбы выносит меня если не на стрежень, то, во всяком случае, на достаточно мощное течение, противоречить которому я не могу, да и не надо.

Я призван был возглавить рабочую силу лагеря на Березникхимстрое, ехал маленьким начальником из заключенных, призванных дать барыш лагерю.

Арестанты, которые ехали вместе со мной в трюме баржи, были плотники, землекопы, просто здоровые люди «четвертой категории», как они именовались в документах.

В Лёнве на содовом заводе уже года два работала группа заключенных-грузчиков с бытовыми статьями – двенадцать или шестнадцать человек. Они жили в общежитии для рабочих содового завода. Завод этот старый, построен до войны, принадлежал он Сольвэ³². Фирма эта была хорошо известна в России. После гражданской содовый завод и был опорой, кузницей и разведочных работ, и производственных кадров.

Ф. Лехт. «Разбор старого Строгановского сользавода». 1930 г.

32 Речь идет об акционерном обществе «Любимов, Сольве и К°», учрежденном в 1867 г. основателем Березниковского содового завода И.И. Любимовым и бельгийским ученым-химиком и предпринимателем Э. Сольве.

Рабочие там были вольные, специалисты и конторщики частью ссыльные – вроде Павла Осиповича Зыбалова, члена ЦК меньшевиков.

У содового комбината узким местом были погрузка и разгрузка, ибо вагоны требуется разгружать вовремя, а также грузить красивые барабаны с продукцией содового завода.

Движение грузов шло неравномерно, и задержки и в погрузке, и в разгрузке приводили к бесчисленным штрафам, пока не догадались заарканить на содовом заводе бригаду грузчиков из заключенных, которых можно было вызвать для погрузки и разгрузки в любое время. С этими грузчиками жил и конвоир, а десятником, соблюдающим интересы лагеря – расчеты и прочее, был заключенный по фамилии Питерский, по словам, из уральских троцкистов, получивший срок и отбывавший его.

Мое срочное назначение прямо с работы и было вызвано тем, что я должен был сменить Питерского, у которого кончался срок и он должен был освободиться.

Никакой сдачи-приема сделать не удалось: Питерский самовольно уехал «освободиться» в управление – наши баржи на Каме разошлись, не узнали друг друга, и я так в жизни Питерского и не видал.

После прибытия в Лёнву – размещение пятидесяти людей на пересыльном пункте – лагерь арендовал полукаменный дом, где низ занимал кабак местного «целовальника» с продажей распивочно и на вынос, кажется, модной водки «рыковки». Эта водка «рыковка» – первая сорокаградусная, которой внезапно стало торговать государство, выпуск ее наделал немало шума и в Москве. Ведь в России с 1914 года, с войны, был сухой закон, а в революцию даже самая мысль, что государство может торговать водкой, отвергалась. После гражданской Россия знала только самогонку, и немало славных страниц написано тогдашней милицией в борьбу с самогонварением.

Торговля водкой в «казенке», водочные откупы считались смертным грехом царского правительства.

А Рыков, ставший после смерти Ленина председателем Совнаркома, подписал...

Я сам помню, своими глазами видел разбиваемый водочный магазин на Тверской пьяной толпой. На Пушкинской площади толпа окружила милиционера, велела ему плясать, и милиционер плясал.

В кругах партийных, чтобы несколько снизить то сильное впечатление, которое произвела во всей стране продажа водки, был распространен и усиленно муссировался слух, что Рыков ввел продажу водки от горя. Плакал после смерти Ленина и пил, пил без конца.

Так народная легенда дала объяснение «рыковке» – сорокаградусной новой водке. Вот этой-то водкой и торговал хозяин нашего дома. Был нэп в разгаре. Хозяева вернулись к выполнению дореволюционных обязанностей, и весь нижний каменный этаж нашего полукаменного дома был отведен под продажу вина, и вином торговал тот же самый целовальник, что и в царское время.

А наверху в деревянной постройке жил уже не хозяин. Он снимал дом где-то поблизости, а в одной стороне жили восемь конвоиров на топчанах, а на другой – пятьдесят работяг-арестантов на нарах. Двенадцать грузчиков содового завода остались в своем прежнем помещении – близ железной дороги, в одном из общежитий для рабочих завода Сольвэ.

Рабочие были крайне недовольны моим назначением, очень хвалили Питерского, и мне не стоило труда понять ситуацию.

В двадцать девятом году вокруг был крайний голод на рабочую силу. В Усолье и Лёнве было много агентств вроде Камометалла и Госпароходства. У них были грузы, товары – не было только рабочих рук.

Безработные. Рис. Ф.Лехта. 1926 г.

Потребность в нормальной документации ни для кого из этих агентств не была острой. Можно было писать и давать какие угодно фальшивые счета – лишь бы работа была сделана.

Все эти агентства располагали и крупной суммой для расчетов наличными.

Двенадцать арестантов-грузчиков могли выйти сверхурочно на полчаса-час и заработать по рублю, скажем. Да пятьдесят рублей давались их десятнику, который делил этот свой заработок с конвоиром. Конвоир был один и тот же. Десятник один и тот же. Словом, Питерский и работяги были богатыми людьми, учитывая курс червонца и нэповские цены.

Вот злоупотребления такого рода и стубили Питерского. По доносам – главное средство и дисциплинарной, и управленческой морали вообще – начальство получило «сигналы» и, когда количество доносов увеличилось, решило Питерского снять.

Следствие о злоупотреблениях Питерского было начато тогда же в управлении, но Берзин и Филиппов решили не мешать освобождению, и уже поздней осенью, с последним пароходным рейсом, а то и позже, Питерский вполне благополучно проехал наш пересыльный пункт, превратившийся за это время в 10-е отделение Вишерских лагерей.

Ко мне тоже агенты обращались неоднократно, зная, что мне передана эта власть, но я гнал их от себя. Рабочим не были разрешены такие работы, а рисковать ссорой со мной никто из наших ни конвоиров, ни арестантов не хотел.

Думаю, что доносы полетели на меня в управление с того самого часа и мига, как моя нога, обутая в лагерьный кожаный ботинок, ступила на березниковский причал.

Я думаю, что доносы эти исходили отовсюду – и от уполномоченного Ушакова, и от начальника конвоя Хрипка, и от начальника пересыльного пункта Солодовникова, и от всех работяг содового завода на Березникхимстрое.

Каждый рассчитывал хоть как-нибудь обогатиться, хоть трешку урвать, хоть яблочко из бесконечных садов яблоневого райского сада.

Физиогномисты, лафатеристы³³ делали свой вывод и писали донос после первой встречи со мной. Начальник информационно-следственной части Ушаков лихорадочно листал бедные странички моего тощего личного дела, следил за моей перепиской. Представитель Госпароходства шестидесятилетний Миронов – бывший хозяин пароходства, нанятый лагерем как свой представитель и агент, считал, что я слишком молод даже юн и не знаю «жизни».

33 По имени швейцарского писателя и ученого И.К. Лафатера (1741–1801), основателя криминальной антропологии и физиогномики.

Впрочем, это кажется мне так сейчас, а возможно, что все они думали только о том, как бы прожить сегодняшний день, не думая о завтрашнем, ибо лагерь – не такое место, где нужно и можно думать о завтрашнем дне.

Может, все совершалось в силу каких-то высших законов, удивительно совпавших в данном случае с общим желанием рассчитаться скорее с этим опасным чудачком, который вступил в такое резкое столкновение с конвоем этапа всего несколько месяцев назад – в апреле того 1929 года.

Словом, после парохода «Красный Урал» пришел еще один буксир. Из управления приехал новый десятник, спешно назначенный на мое место, старый соловчанин, уже кончающий свой срок по служебному преступлению, Борис Маркович Лазарсон. Мне было предписано «сдать дела». Подпись – Вальденберг, та же, что и в моих документах.

– А мне – возвращаться?

– Нет, нет. Остаться здесь. На словах Вальденберг передал: «Работать в контакте».

Я ничего не имел против, тем более что и Лазарсон мне очень понравился. Притом же старый соловчанин, знающий лагерь. Начальство лагеря Борис Маркович все знал – и все они звали его по фамилии.

– Эй, Лазарсон!

– Здесь Лазарсон, – изгибался Борис Маркович.

Лазарсон был старшим десятником, а я – младшим.

Борис Маркович Лазарсон был очень хороший человек лет сорока, даже сорока пяти, и какой-то мелкий коммерсант, оказавший ряд услуг нэповским растратчикам и воротилам российского бизнеса двадцатых годов. Тех расстреляли, а Лазарсон, кому революция открыла путь к служебной карьере, занимал важную должность где-то в Челябинской области, оказал ряд «услуг» своим друзьям. Оказал отнюдь не бескорыстно.

Но, воспитанный в старинной морали еврейских коммерсантов русской провинции, не мог и представить себе, как бы он мог отказать дать какой-то фальшивый документ. Лазарсон был осужден по статье 109³⁴. Срок лагерный Лазарсон считал обычной ставкой, риском: проиграл – отбывай, и не собирался ни на минуту изменить свое отношение к государству как к дойной корове, которую нужно не только доить, но и рвать с нее шерсть, драть кожу. Сколько успеет и может. Ни о каком исправлении, разумеется, не могло быть и речи, да Лазарсон и не чувствовал за собой какой-нибудь вины, как не чувствовали и его начальство, подчиненные и друзья.

К назначению на место Питерского Лазарсон стремился сознательно, ибо «здесь можно заработать», как кратко выразился Борис Маркович.

После приезда Лазарсона мне не пришлось жить в общей казарме на тех же нарах. Борис Маркович привез разрешение на то, чтобы мы снимали комнату по вольному найму. В этой комнате мы и прожили несколько дней.

Вскоре я заметил, что те «представители и агенты», которых я гнал от себя, вертятся вокруг Лазарсона, и Лазарсон что-то кому-то обещает, кому-то отказывает.

Обученный не соваться в чужие дела, я пренебрегал такими картинками. Но чувствовал, что – в лагере мы ведь сутки на глазах друг друга – наступило какое-то облегчение, спало какое-то напряжение. Это чувство относилось к конвою и к начальнику пересыльного пункта, и в глазах всех семидесяти с лишним работяг я тоже читал облегчение.

Работяги с конвоем ходили в какие-то неположенные часы в какое-то место – на пристань, на станцию железной дороги – и возвращались в лагерь обрадованные.

---

34 Статья 109 УК РСФСР 1926 года предусматривала наказание за злоупотребление служебным положением в корыстных целях.

Секрет долго хранить было, конечно, нельзя, и в конце одного трудового дня Лазарсон вынул из бумажника и дал мне «пятерку».

– Твоя доля.

Я не взял. Вот тут-то Лазарсон и рассказал мне о деле Питерского – «твой брат, троцкист», и почему он, Лазарсон, стремился попасть сюда, в Лёнву, в Березники, где золотое дно. «Нужно только взять, нагнуться в траву», – говорил Борис Маркович, предвосхищая до буквальности известные слова Пастернака о поэзии³⁵. Но слова о траве были сказаны гораздо позже, да речь шла не о траве.

Я не взял. Борис Маркович сердился. Когда он сердился, волновался, он плевался, испуская пузыри пены.

– Ты же понимаешь, – орал Лазарсон, прыгая до потолка той комнаты, где мы с ним жили, – что мне осталось шесть месяцев срока. Должен я что-то заработать? У меня копейки на текущем счету. Должен же выйти из лагеря с чем-то, смотря реально. Но и ты будешь получать свою долю – честное слово Лазарсона.

Я ушел из этой комнаты опять на арестантские нары. И хотя я не писал никаких доносков, настороженное отношение всегда окружало меня.

Донос – столь универсальный рычаг лагерной жизни, что я не удивился, что на смену Солодовникову, отличному парню, но абсолютному бездельнику, приехал новый начальник – Михаил Васильевич Стуков, бывший начальник хозяйственной части управления.

Первым его приказом была реорганизация наших «трудовых» дел.

И Лазарсон, и я отстранялись от руководства использованием рабсилы заключенных – все это отныне вверялось инженеру из вредителей Павлу Петровичу Миллеру, выбранному и назначенному Стуковым из многочисленных вредителей, потоком двигавшихся из управления на Вишхимз, на комбинат, но оседавших и у нас, на Березникхимстрое. Гигант первой пятилетки начинал работу.

Мне было совершенно все равно, но Лазарсон, хорошо знавший Стукова и рассчитывавший на его благоволение, пришел в бешенство от назначения Миллера.

– Ты увидишь, – плюясь слюной и харкая, шептал он мне на ухо. – Миллер хочет сам заработать мои деньги. Но мы еще поборемся. У меня тоже есть в управлении блат.

Но с Миллером дело обстояло иначе. Миллер назначал своих людей – Павловского, Кузнецова, Иноземцева – из инженеров и техников, комплектуя руководителей работ, а Лазарсон, поскольку он был бытовик и кончал большой срок, был оставлен на должности начальника участка, участка поменьше, не столь важного, как главный, на самих Березниках. Именно потому участок Лазарсона был назван первым, а участок Павловского – вторым. Все это были фокусы Миллера – бывшего начальника Самарского военного строительства, осужденного на 10 лет за вредительство, – вполне в духе Миллера, хитрожопого до мозга костей, хитрившего всю жизнь, но не перехитрившего власть. Власть оставила ему строить уборные на восемь очков в лагерной зоне и отводить душу, именуя участок Павловского вторым, а Лазарсона – первым. Получали они оба премии – три рубля в месяц, одинаковые – по решению Миллера.

Простой и хороший, откровенный до дна человек, Лазарсон ненавидел Миллера, видя в нем причину, почему Лазарсону не дают в лагере заработать.

Агенты, которые вились вокруг Лазарсона, перешли к Миллеру, но здесь им не пришлось ничего добиваться, ибо Миллер их гнал, как и я. Однако весь вопрос приписок, жульничества, очковтирательства – все, что называлось секретом большого строитель-

---

35 Имеются в виду слова Б. Пастернака из речи на Парижском конгрессе писателей в защиту культуры (1936): «Поэзия останется всегда той, превыше всяких Альп прославленной высотой, которая валяется в траве, под ногами, так что надо только нагнуться, чтобы ее увидеть и подобрать с земли».

ства, – был перенесен в высшие сферы, где Миллер только подсказывал, а решений не принимал.

Все решения, мне кажется, больше принимались в Москве, смотревшей сквозь пальцы на то, что делается, и не только на Березникхимстрое.

Я тоже работал там десятником, стал быстро не нужен и отправлен в управление внезапно со спецконвоем и обратно возвращен без конвоя совсем³⁶ и работал весь тридцатый год в Лёнве как начальник отдела труда – Миллер нашел удовлетворяющую его форму моей деятельности на комбинате, – и работал там, пока не был арестован по делу начальника отделения Стукова.

Лазарсон же окончил срок и, проклиная Миллера, вернулся к семье куда-то в Челябинскую область.

Все приказания Миллера Лазарсон, разумеется, выполнял добросовестно и честно, даже чересчур активно, со всей энергией и душой, что было вообще свойственно горячей натуре Бориса Марковича.

Апостол старой школы, он и плюху может преподнести работяге для вразумления, на что, конечно, Миллер не был способен.

В событиях Борис Маркович не очень разбирался.

Когда кто-то из младших десятников – а их было очень много на быстро растущем строительстве Березников – проявил недостаточное рвение в исполнении приказов Лазарсона и лазарсоновского начальника Миллера, Лазарсон в присутствии десятка работяг, меня и самого Миллера разорался на десятника из заключенных: «Я тебе покажу, сволочь, вредитель!»

Слово «вредитель» было сказано с такой яростью, что потрясло Миллера. Вечером на разрядке в комнате Миллера, когда все ушли, он шагал долго из угла в угол.

– Вот так и относятся к нам, – грустно сказал Павел Петрович.

– Да, наверное. Но вам не нужно, Павел Петрович, требовать много от Лазарсона. Борис Маркович – хороший человек, просто он пользуется популярным словарем.

– Вот это-то и грустно, что словарь популярный.

Ушаков

Не успел я поработать всего несколько месяцев в новой роли, дожить до зимы 1929/30 года, как был арестован и направлен с конвоем – конвоиром был местный вольнонаемный боец пермской крови, едва говорящий по-русски и объяснявшийся со мной знаками. Впрочем, знаки эти, их смысл были достаточно отчетливы.

Пятидневный путь, тот самый, который я весной проходил с этапом и где меня били из-за сектанта, где я потерял свой первый зуб, выбитый сапогом начальника конвоя Щербакова, я проходил снова уже в одиночестве. До управления, до местечка Вижаиха, из Соликамска можно было добраться и скорее, но конвоир мой не спешил. Такие командировки оплачиваются, и терять лишний день из-за каприза арестанта конвоир не хотел. Останавливался он со мной в избах его знакомых, каждый хозяин имел заслуги перед лагерем – ловил беглецов, получая за каждую голову двадцать пять фунтов муки.

---

³⁶ Речь идет об аресте и вызове Шаламова в управление Вишлага из-за обнаруженных почтовой цензурой ОГПУ писем на его имя от оппозиционеров-троцкистов, находившихся на воле или в ссылке. См. далее. См. также рассказ «Мой конвоир».

– Мучица у нас ныне есть, слава богу, – сказал мне один из пермяков. – Но вот ходят слухи, что норму сбавят: будут платить только пятнадцать фунтов за человека. Правда ли это? Уж ты, Петя (он – к моему конвою), выясни это на Вижаихе в управлении.

Каждый день конвой мой напивался самогону до бесчувствия. Сажали его в передний угол как хозяина жизни, как пермского бога. Каждую ночь приводили «играться» какую-нибудь из местных девок, а то и не одну. Я категорически отказался от того и другого угощения, чем вызвал неодобрение.

– Ну, бражка – ладно, нам больше останется, но девок за что обижать? Ведь им тоже хочется поиграть. Конвоира твоего на всех не хватит.

Конвой скрипел на полотах, обнимая девуку.

Наконец я был доставлен в управление, сдан – куда? Кроме листка и аттестата, никаких особых пакетов мой конвой не привез. Но сдал он меня в третью часть, в следственный отдел. Я долго сидел на завалинке, дожидаясь начальника третьей части Петра Бладзевича. Это была первая и последняя в жизни встреча. Бладзевич был в бешенстве от моего прибытия – самовольства Ушакова, важного начальника того же отдела.

Бладзевич тут же позвонил Вальденбергу, начальнику производственного отдела управления, Вальденберг был рассержен еще больше.

– Тут же послать Шаламова назад на ту же должность, а Ушакову сказать, что если еще раз повторит такое самоуправство – полетит с работы.

В тот же день я один с каким-то обозом уехал в Соликамск, а из Соликамска добрался до Усоля, до Лёнвы, где был пересельный пункт лагеря. Возвращение мое было встречено совершенно спокойно. Стукову, начальнику лагеря, из которого я был отправлен, я показал документы еще в Соликамске. Стуков вскрыл пакет, прочел и сказал:

– Ну, тем лучше, возвращайся.

Тайну моего спешного отъезда мне удалось все же раскрыть, хотя и не сразу. И не от тех людей, которые, казалось бы, должны рассказать, в чем дело.

Причиной были письма, которые я получал с воли. Цензор Журавлев доложил начальнику следственной части Ушакову, а тот начальнику отделения Стукову, какие письма я получаю, и было решено перевести меня в управление для безопасности.

А писем в лагере я не получал никаких – ни в Березниках, ни в Красновишерске, ни в Усть-Улсе. Все два с половиной года я прожил без единого письма товарищей или родных. Товарищей у меня было немало, и я иногда удивлялся, почему мне нет писем. А письма были, и даже очень много со всех концов Союза от разосланных по окраинам ссыльных оппозиционеров. А так как тогда была мода рассылать по почте так называемые «документы» – копии всяких статей, заявлений оппозиционных вождей (я сам такой переселькой занимался не один год), то, кроме новостей оппозиционной подпольной жизни, присылали и работы, выходящие из-под пера оппозиционных теоретиков и практиков. Мои товарищи не могли думать, что лагерь – это не ссылка, куда такие письма могут проникать без больших затруднений. Адрес мой они получили, выделили людей, которые должны были мне все посылать, писать, держать связь, присылать адреса ссыльных для переписки, но все это попало в руки начальства.

Судить меня за такие вещи было бы чересчур – до 1937 года было еще целых восемь лет, – но и оставлять у себя такую взрывоопасную личность ни Стуков, ни Ушаков не желали. Они хотели без шума перевести в центр, обрезать мои связи – на докладную у них не хватило не то времени, не то ума, не то догадки, да и для управления тогда такого рода корреспонденция была очень и очень внове.

Каторга, концлагерь – это режим особый. Засылка туда подобных сюрпризов лишь увеличивала внимание к моей особе.

Ушаков показал самоуправство и даже обидел забеганием вперед. Ушаков был хорошо грамотный человек, бывший агент МУРа, сидевший за какое-то бытовое преступление. В лагере он сделал большую карьеру, уехал с Берзиным на Колыму и на Колыме, уже в чине полковника, был то начальником режимного отдела, то начальником розыскного отдела («сидит за Ушаковым», как говорили в лагере). Никакие колымские расстрелы Ушакова не коснулись. Возможно, он сам принимал участие в организации этих расстрелов по поговорке: «Кто не убивает, того убивают самого».

Я сам сидел в бараке с конституцией зэка (права и обязанности заключенного – конституция, которая по правилам вывешена на стене каждого барака). Конституция была подписана – «начальник режимного отдела полковник Ушаков».

Конечно, на Колыме я никогда к Ушакову не обращался, хотя и был с ним хорошо знаком в 1929–1930 годах по лагерю. Я не пытался искать помощь и поддержку: в те времена привлечь к себе внимание какого-либо лично знакомого высокого начальника, в том числе и Ушакова, значило умереть.

Но он был человек грамотный, разбирался в троцкизме, понимал, что к чему и чего хочет Сталин. Бладевич же и Вальденберг ждали прямого приказа. Вот эти начальники, ждущие чужого приказа, – лучшие начальники.

Вредители и грызуны

<I. Вредители>^{*}

Вредителей в 1929, 30 и 31 году в Вишерских лагерях, которые в конце 1929 года отделились от УСЛОНА, от Соловков, и стали самостоятельным управлением Вишерских лагерей со всеми льготами в смысле увеличения штатов и смет, – было достаточно. Управление помещалось на Вижаихе и обслуживало строительство бумкомбината. Управление вольнонаемное на службе ОГПУ, техническое руководство – сущие и бывшие зэка – «сущие» с перспективой быстро стать бывшими. Здесь технические кадры командные – во всех отделениях и назначались из вредителей, из осужденных по статье 58-7. Вот этот седьмой пункт пятьдесят восьмой статьи плюс с другими пунктами – 10 (агитация), 11 (организация) и составили юридическую основу вредительских личных дел.

Я не ставлю слово вредители в кавычки только потому, что эти кавычки жизнь ставила сама с самого начала. И так называемый «народ», и само начальство с первых дней заключения вредителей назначало их на командные, самые высшие посты. Лишь бы дали личное согласие. Инженер Капеллер с 15-летним сроком по 58-7 управлял Березниковской ТЭЦ, не испытывая никаких формальных затруднений в своей работе. Капеллер подписывал те бумаги, какие полагалось подписывать директору ТЭЦ.

Это происходило в 1931 году – я был у Капеллера на ТЭЦ заведующим бюро экономики труда после освобождения из лагеря, и во время моего приезда Капеллер встречал вызванных из Москвы консультантов. ТЭЦ строили немцы и англичане и более чем на ¼ мощности станция не пошла, несмотря на вызов главного инженера Холли с фирмы «Бабкок-Вилькокс».

^{*} Из трех глав этого очерка в машинописи обозначена римской цифрой II и имеет название только вторая.

Зарисовка Б. Владимирского с процесса «Промпартии». 1930 г.

я встретился с инженером Свешниковым – как раз очередным вредителем в очередном вредительстве на Березниках. Свешников сообщил, что ТЭЦ и сейчас не работает более, чем на тридцать процентов мощности.

Знал я Бояршинова, бегло беседовал во время его консультационных объездов Севера, тех самых бельгийских шахт, за которыми молва тогдашняя скрывала алмазные копи. Бояршинов тогда тоже алмазов не нашел, как и разведчик Вилемсон, как и управляющий конторой бельгийцев Степан Петрович Ширинкин³⁸, патриарх, член большой семьи, познавший взлеты и падения и, как Руссо, приблизившийся к природе.

37 Данные о приезде Л.К. Рамзина в Березники не имеется. В связи с тем, что имя Рамзина часто встречается в последующих текстах, справка о нем дается не в *Именном указателе*, а в подстрочном комментарии ниже. Рамзин Леонид Константинович (1887–1948) – видный ученый-теплотехник. С 1927 г. член Госплана и ВСНХ, не раз выезжал за границу в служебные командировки. В 1930 г. был арестован по инспирированному ОГПУ по личному указанию Сталина делу «Промпартии», якобы занимавшейся вредительством и шпионажем. Показательный процесс по этому делу (как и процессы «Трудовой Крестьянской партии» и «Союзного бюро меньшевиков») имел целью отвлечь внимание от провалов в промышленности и сельском хозяйстве. На следствии и на суде Л.К. Рамзин дал ложные показания, признав себя главой «Промпартии», а семь других обвиняемых, крупных ученых и инженеров, назвав своими сообщниками. Приговорен к расстрелу, замененному 10 годами заключения. В период работы в опытно-конструкторском бюро для заключенных (т. н. «шарашке») Рамзин изобрел прямоточный паровой котел оригинальной конструкции, за что был позднее, в 1943 г., удостоен Сталинской премии I степени.

Шаламов с глубоким презрением относился к личности Рамзина. Кроме прочего образ Рамзина стал у него нарицательным для обозначения судеб технической интеллигенции, которая, по его мнению (в отличие от интеллигенции гуманитарной), пользовалась большими привилегиями при сталинском режиме. Ср. в письме А. Солженицыну 1964 г.: «Противопоставление судеб гуманитарной и технической интеллигенции неизбежно – слишком велика разница «ущерба» (ВШ7, 6, 299). Далее в письме эта полемичная мысль еще более заострена: «Любой прямоточный котел и любой космический корабль в миллион раз стоят меньше, чем стихи Мандельштама» (ВШ7, 6,300).

38 Подробнее о Ширинкине см. очерк «Усть-Улс. Апрель – октябрь 1931».

Тогда Капеллер обратился к русскому консультанту. Наркомат электростанций прислал не кого иного, как Леонида Константиновича Рамзина³⁷. Рамзин осмотрел котел, дал консультацию в том смысле, что нужно сделать перестройки так-то и такие-то. После перестройки котел будет работать на 30% мощности. Для того, чтобы котел работал на сто процентов, надо все сломать, разобрать до последнего кирпича – и начать строить сначала. В одной из камер Бутырской тюрьмы в 1937 году

Нашли алмазы на Северном Урале, в верховьях Вишеры, в Кутиме только-только в 1968 году, те самые, которых искали³⁹.

Знал я Виктора Петровича Финдикаки⁴⁰, инженера, первого в России организовавшего прокат цветных металлов и получившего срок в пять лет по 58-7. Койки наши, наши топчаны, были рядом в Березниках, и Виктор Петрович, отходя ко сну, повторял, как молитву – жизнь это говно, говенная штука, пять лет...

Этот вздох относился к незаслуженному сроку. Виктор Петрович в своем деле показал еще больше: оклеветал всех знакомых хоть чуть-чуть, всех проезжих молодцов, оклеветал даже больше, чем Пестель у декабристов⁴¹. Хотя рекорд Пестеля держался более столетия и казался непревзойденным. Современные биографы Трубецкого и Рылеева обвиняют их в слабости духа, но история показала, что главный клеветник был именно Пестель. Именно Пестель был прямым предтечей, учителем Нечаева – в лозунге «цель оправдывает средства»⁴².

Конечно, Виктор Петрович Финдикаки – не Пестель, поэтому его и не расстреляли, а дали всего пять лет, «детский срок», как говорили даже в то время, не говоря уже о половине тридцатых годов.

Виктор Петрович был поначалу чрезвычайно подавлен этим своим предательством, слабостью воли своей. Он решил искупить не вину – вины никакой и не было – а вот эту свою слабость душевную тем, чтобы проработать весь срок на тяжелых физических работах. Здоровый человек «четвертой категории», невысокий, крепкий, Виктор Петрович стал работать грузчиком, которых возглавлял бригадир Юдин – фигура из крестьянских убийц. Грузчики получали паек лучше, не ходили на развод. <...> Работал весьма усердно, настолько усердно, что когда Виктора Петровича Финдикаки назначили на работу инженером в управление Березникхимстроя, то Юдин закатил скандал, что он разоблачит людей, оказывающие «блат» его грузчику, и дойдет до самого начальника.

За каждый такой инженерный мозг строительство платило – по полной инженерной ставке минус стоимость питания, одежды, коммунальных услуг в виде конвоя и лагерной баланды. Денежный заработок Виктора Петровича поступал на счет лагеря от управления Березникхимстроя.

Финдикаки был не один. Там же работал профессор Сотонин, автор ряда книг по экономике труда.

---

39 Шаламов не знал, что пермские (уральские) алмазы были обнаружены еще в конце 1930-х годов, когда сам он находился на Колыме.

40 Об этом герое см. также рассказ «Вечерняя молитва» и *Именной указатель*. Шаламов, вероятно, не знал, что в 1951 г. В.П. Финдикаки, как и Л.К. Рамзин, стал лауреатом Сталинской премии.

41 Критическое отношение Шаламова к поведению П. Пестеля и других декабристов на следствии определялось прежде всего его собственным мужественным поведением в аналогичных ситуациях (их было три: в 1929, 1937 и 1943 гг.: в первом он вообще отказался от дачи показаний, в двух других случаях отрицал ложные обвинения и никого не оговорил). О подробностях следствия над декабристами Шаламов мог помнить отчасти по исторической литературе 1920-х годов, однако очевидно, что в данном случае он опирался на книгу Н. Эйдельмана «Лунин» в серии ЖЗЛ, вышедшую в 1970 г. Именно в ней были впервые описаны «слабости» П. Пестеля и других декабристов перед следствием, руководимым Николаем И. Несомненно, максималистские оценки Шаламова не учитывают культурной специфики эпохи декабризма, особые понятия о чести у дворянских революционеров в условиях абсолютной монархии.

42 В данном случае важна негативная характеристика, данная Шаламовым С.Г. Нечаеву (одному из прототипов роман «Бесы» Ф.М. Достоевского), о котором он прежде судил, исходя из революционно-романтических представлений своей молодости. Эти представления отчасти отразились в «Четвертой Вологде». См. комментарий к изданию: *Шаламов В. Четвертая Вологда*. Вологда: Древности Севера, 2017.

В лагере же работал с Финдикаки и занимал топчан по соседству тоже инженер и тоже вредитель Иноземцев Николай Иванович – главный инженер Мотовилихинского станкостроительного завода. У Иноземцева был тоже седьмой пункт, а срок вдвое больше, чем у Виктора Петровича.

Иноземцев не прошел ни процесса, ни следствия, показав все, что просило следствие.

Инженер Долгов из Москвы из управления машиностроения, также 58-7, срок десять лет и также моральный распад, признался во всем, что хотелось следствию.

Наконец, Павел Петрович Миллер, мой и Виктора Петровича прямой начальник, получил 10 лет и дал следствию все, что просило следствие.

Виктор Петрович Финдикаки работал уже на строительстве в главной конторе Березникхимстроя, а жил все в лагере, спал на топчане рядом с моим – летом тридцатого года. Стало быть, инженеру поручили отредактировать учебник по техминимуму для каких-то курсов мастеров – брошюрку, изданную комбинатом.

Виктор Петрович, показывая мне корректуру этой книжки, с гордостью заявил:

– Я, Варлам Тихонович, везде в учебнике заменяю слово «вредит» словом «препятствует».

Это был единственный протест Виктора Петровича от всей души, крайнее мужество, удивительное в действиях человека, который завалил на своем процессе всех соседей.

Увидев, что он не один в своей позорной судьбе, Виктор Петрович не только ожил, видя что его никто не упрекал, что «все выдавали» и, значит, подлецу можно <нрзб>. Забегая вперед, скажем, что пределы подлости, вынуждаемые за допросным столом, а то даже и не вынуждаемые, а делаемые в порядке вдохновения перед полицией государства – безграничны, безмерны. Что нет у человека подлости, которую нельзя было превзойти, нет в человеке распада, который был бы последним распадом, нет черты, которая была бы последней чертой.

После Колымы тридцать восьмого года и Колымы военных лет я смотрю на вредительские процессы как на нечто полунаивное, которое если и было необходимо, то лишь затем, чтобы приучить население к еще большей крови.

Первое чувство, которое должны были встретить вредители в лагере, это то, что никто, ни начальство, ни соседи по нарам не считают их вредителями.

Осужденные же по 58-7, прибывшие раньше, прошли тот же путь сознания в преступлении, которых они не совершали.

В мемуарах декабристов усматривается знаменитое правило, принятое после приговора перед отправкой на каторгу: никого не упрекать, что он недостаточно твердо вел себя на процессе.

Но это правило единодушно поддержали только потому, что на следствии позорном декабристы показывали все или почти все (кроме Пущина и Крюкова 2-го), все, что требовало следствие. Каждый был замаран, запачкан, опозорен собственными показаниями.

Вредительские процессы были такими же. В отличие от декабристов все эти процессы были сфабрикованы властью, не хотевшей сознаться в своих действиях.

Вместо того, чтобы отменить приговоры, власти пошли по другому пути – вредителям была дана возможность «искупить» свою вину честным трудом.

Этот труд по мысли власти вовсе не должен быть физическим. На любой должности вредители должны доказать свою лояльность.

Освобожденный вредитель (вроде, например, Жука⁴³) сам становится во главе лагерного учреждения, сам разрабатывает новые пути использования арестантского труда, отыскивая новые возможности. Эти возможности оказались беспредельными, и каждому заключенному давали место внести свой вклад в великое дело концентрационных лагерей.

Все они завидовали Рамзину, как ловкачу, сумевшему вовремя договориться с властью.

II. Грызуны

Мне везло на грызунов – на аферистов, которые точили дерево государства, не желая получить пятьдесят восьмой статьи и политической клички вредителя.

Разумеется, <нрзб> примерялись и к ним. Ведь речь идет о двадцатых годах – о выработке правовых норм, о первом опыте молодого государства.

Поэтому грызунов сажали за кражи, за аферы, а не за то, что они грызуны.

Знаменитый господин Самойленко-Гольдман был ярчайшим примером подобных. Его дело разбиралось в Москве, в Верховном суде, все газеты были переполнены отчетами о его процессе. Как же. Политэмигрант царской России, беженец откуда-то из-под Минска, революционер, получивший инженерное образование в Америке и вернувшийся после Октября служить родному народу как пролетарский спец и занимавший ряд должностей – до руководителя каким-то трестом.

Оказалось, что Самойленко-Гольдман вовсе не инженер, а если и эмигрант, то с каким-то уголовным багажом.

Суд заинтересовался чикагским дипломом Самойленко, фальшивым, приобщенным к уголовному делу. Казалось, это американский диплом, и на нем были подписи, печати, пышная рамка.

Самойленко-Гольдмана я знал еще по Березникам, где он тщетно пытался приземлиться и было преуспел у Стукова. Но соединенные усилия Миллера и Кузнецова укрепили волю начальника, и Самойленко отбыл в будущий Красновишерск, на Вижаиху. Здесь он был назначен заведующим механической мастерской, и я еще раз разговаривал с ним. Историю с предъявлением вместо чикагского диплома разрешения на чтение в чикагской библиотеке Самойленко объяснил очень спокойно.

---

43 Имеется в виду Сергей Яковлевич Жук (1892–1957) – видный советский гидротехник, участвовавший в строительстве Беломорско-Балтийского и Волго-Донского каналов. В 1931 г. осужден за принадлежность к «контрреволюционной офицерской организации», в 1932 г. освобожден для использования по специальности. Шаламов не совсем прав, обвиняя С.Я. Жука в прямой причастности к развитию лагерной системы: тот на всех стройках являлся главным инженером, занимаясь техническими проблемами. Стоит заметить, что в 1948 г. на строительстве Волго-Донского канала непосредственно лагерями и заключенными распоряжался генерал-полковник МВД К.А. Павлов, бывший начальник колымского Дальстроя, сменивший на этом посту в конце 1937 г. Э.П. Берзина и установивший на Колыме самый жестокий расстрельный режим, описанный Шаламовым. На новом месте Павлов отличался «самодурством», что констатировал в своем рапорте С.Я. Жук, добившийся его снятия. («Действия т. Павлова бываюи иногда настолько нелепы, что граничат с самодурством. Наряду с беспочвенным упрямством чрезвычайно груб с подчиненными», – гласил рапорт С.Я. Жука, см.: Сталинские стройки ГУЛАГа (1930–1953) / сост. А.И. Кокурин, Ю.Н. Моруков. М.: 2005. С. 106). В 1957 г., после разоблачений Сталина на XX съезде КПСС, К.А. Павлов – главный палач Колымы 1937–1938 годов – застрелился. Шаламов знал о самоубийстве Павлова, однако вряд ли был осведомлен о подробностях биографии С.Я. Жука.

«В Америке не бывает дипломов для таких специалистов, как я. Там я действительно работал на должности инженера год и более. В Москве же оказалось, что нужен диплом. Так как выписывать диплом из Чикаго было бесполезно, я придумал эту маленькую шутку, в которой не было никому никакого убытка – ни мне, ни государству, а русские начальники удовлетворили свою страсть к дипломам. И моя бумажка считалась дипломом до самого суда – английский в нашем наркомате знали немногие».

Гольдман был осужден за мошенничество на целых семь лет, но не мог привести из своего дела более отягчающего примера, чем этот чикагский диплом.

И вдруг на Север, в Усть-Улс, Самойленко-Гольдман прибывает из управления с личным мандатом Берзина – инженеру Самойленко поручается обследовать Северный район для организации ледяной дороги, осмотра местности... Ему дали двух рабочих, кое-какие продукты.

Самойленко-Гольдман подал обширный доклад об экономических преимуществах ледяной дороги, известный ему, Гольдману, по его работе в Канаде.

Да ведь в Усть-Улсе ледянку хотели устраивать еще французы пятьдесят лет назад. Ведь весь Север об этом знает. Там перепад высот слишком велик, чтобы ледянка была выгодной на лесозаготовках.

Оказывается, Самойленко сняли с должности заведующего механической мастерской – за полным несоответствием назначению. При всем этом Самойленко-Гольдман был трезвенник.

Я изложил ему свое мнение по поводу изысканий трассы для ледянки.

– Возможно, – сказал Самойленко. – Но на обследование у меня уйдет месяца два, да на составление доклада месяц. Я буду рекомендовать строить. А если не буду и меня куда-нибудь опять назначат – предложу строить завод по переработке пихтовой смолы. Здесь для такого завода сам бог создал природу.

Но по части пихтового масла Самойленко опоздал. Еще в начале лета из управления прибыл инженер Залан с письмом Берзина. Наметил ряд деревьев, сделал насечки, отвел трубки, куда текла смола. А Залан в брезентовом плаще и высоких резиновых сапогах обходил насечки раз в неделю, что-то считал и уверял, что завод пихтового масла будет.

<III. «Каждому по специальности»>*

Берзин был тугодум, тяжелодум, начисто лишенный чувства юмора. Полный теоретический невежда. Даже известной в те годы популярной «Политграмоты в вопросах и ответах» Коваленко, где вся мировая философия была уложена в 27 – помнится – ответах и двадцати семи вопросах, набранных жирным шрифтом, – Берзин, мне кажется, не держал в руках.

В 1930 году на узком инструктивном совещании управления Вишлага, он, начальник управления, выступая с докладом, сказал буквально следующее.

«Лагерь делает свой вклад в строительство социализма именно тем, что одна из заповедей социализма будет нами выполнена...»

Я навострил уши...

Но последовало:

---

* Глава в машинописи не отделена от предыдущей, но очевидно, что она самостоятельна. Название дано публикатором, исходя из контекста (памфлетно-саркастического по своему характеру, в том числе по отношению к Э.П. Берзину: очевидно, что Шаламов нарочито и пристрастно снижает его образ).

«Все заключенные будут трудиться по специальности».

Не проговорил формулу «от каждого по труду», отвечая на нее по-своему – «от каждого по специальности». Но заключил: «Мы обеспечим выполнение этого лозунга партии».

Это было совещание человек на шестьдесят, заключенных и вольных, в кабинете заместителя Берзина – Филиппова.

Для 1930 года в этом не было ничего удивительного. Ведь даже в 1970 году Мао Цзедун видит преодоление умственного и физического труда – тоже теоретическая проблема – в ежедневном физическом труде интеллигентов – это должно сближать «верхи и низы», напоминая чем-то «бег от инфаркта», столько модный совет врачей в наше время. Но главное, по мысли китайских теоретиков, вносит столь практическое решение в столь сложную теоретическую проблему, как сближение противоречий умственного и физического труда.

Берзин был таким же догматиком, как и Мао Цзедун, и искал таких, валяющихся под ногами, неожиданно простых решений сложнейших проблем.

Инструкции Берзина чем-то переликаются и с желанием объявить коммунизм (или социализм) уже наступившим, уже завоеванным. Это – болезнь России – нетерпение.

Случай с Берды Онже – трагедия обмолвки – описан мною в рассказе «Берды Онже», тоже относится к берзинскому времени⁴⁴. Все фамилии действующих лиц там сохранены.

Конечно, тут дело не только в аферах, а в том, что лагерь искал экономического оправдания для своего существования и находил это экономическое оправдание в принципе «от каждого – по труду». Этот принцип не очень хорошо разумеется по-русски Берзиным. Человек, чуждый юмору, не улавливающий иронической, сатирической, гротескной стороны дела ни в лагерных свадьбах, ни в «доме свиданий» для рекордистов, ни в странном понятии лагерного социализма, который, по Берзину, строили мы на Вишере.

Поправят меня, что, дескать, Берзин говорил по-русски с детства и говорил без акцента. Я говорю не о таком знании, а о самом существовании языковой проблемы, о ее живой душе, о ее живом носителе, который даст другое наименование казенным лозунгам, найдет им иное применение.

«От каждого по труду» – в понимании Берзина-реалиста было всего лишь использование каждого по труду.

Я писал пейзажный портрет ударного строительства из вольнонаемных⁴⁵. Правда, главная группа художников молниеносными темпами лепила «Утро в «сосновом» лесу» и «Смерть Ивана Грозного». Но были и пейзажисты настоящие, были ли они членами Союза художников – не знаю, но на Сретенке у них был магазин открытый свой, где эти пейзажи продавались по выставочным ценам любому, посетившему магазин.

Обувная продукция Вишеры вступила в соревнование с сапожной мастерской Бутырской тюрьмы – освященной чуть не столетним юбилеем деятельности.

Даже «бахромщики» – изготовители тесьмы были собраны по всем отделениям ГУЛАГа со всей России к Берзину, и для них была открыта специальная бахромная мастерская.

Вот такова была еще одна из сторон деятельности Берзина.

Сельхоз, выращивающий какие-то рекордные урожаи, северное цветоводство, чем руководил седой татарский князь, десятник-арестант Тamarin-Мерецкий. Особенно же внимательно, повседневно Берзин занимался блатарями, перековкой уголовников-рецидивистов. Это кажется карикатурой, но китайские «большие скачки» недалеко ушли

44 Действие рассказа «Берды Онже» (ВШТ, 1, 632-635) относится к военному, т.е. послеберзинскому времени.

45 Гротескно-абсурдистская метафора, соответствующая общему характеру очерка.

Вид на территорию комбината и 1 отделение УВИТЛ ОГПУ. 1931 г.

от этих карикатур. Маозеудуновское сближение умственного и физического труда, <превозношение> физической работы с лопатой на субботнике – все это Берзину не показалось бы карикатурным.

Лозунг «каждого использовать по труду» Берзин понимал как использование по специальности. Это было выгодно для заключенных, ибо если их труд и был бесплатным, то навыков рабочих, специальности они не теряли.

Поэтому на берзинской Вишере и появилось огромное количество всевозможных мастерских⁴⁶.

Поэт Борис Южанин стал во главе эстрадного лагерного коллектива – «Синей блузы». Актеры Удальцов, <нрзб>, играя в лагерном театре, освобождались от работ, как ведущие артисты, руководители кружков самодеятельности.

Сапожники тачали сапоги, а портные шили одежду. Художники – москвичи и ленинградцы и со всех концов СССР – были собраны в отделении.

Сразу было понято, что растущее строительство не обойдется без инженерного ума на службе лагеря.

В лагере было немало инженеров по бытовым статьям и до вредительства. Так даже в этапе со мной в апреле 1929 года в Вишерский лагерь пришел московский инженер-механик Сиваш. Подлая звероподобная личность, осужденный за какие-то мошенничества и растраты. И в вагоне Сиваш держался так, что это он – бог, что стоит только ему добраться до конца пути, и он уже почти на свободе. А уж думать о том, что ему будет плохо и он не будет работать по специальности – он и не думал. Так и случилось. И в лагере он продолжал выпивать с начальством, был первым человеком.

⁴⁶ Общее количество построек Вишлага, включая объекты т.н «соцкультбыта», составляло около 200.

Был Юра Пернов, молодой москвич, кончивший институт инженеров транспорта. Юра так был разочарован – он приехал позднее, после первых вредителей, – что в лагере ему не отводят почетной роли как бутювику, чего он требовал у Стукова на моих глазах. Юрочка Пернов сразу же был этапирован в управление.

Наконец был Петр Будзко, будущий знаменитый строитель магаданского мола. На Вишере его Берзин не оставил и поручил ему заведовать вторым участком самого здания бумкомбината. Там же работая, он потом уехал с Берзиным на Колыму, выстроил Магадан, был освобожден, получил снятие судимости, орден... Дальнейшей судьбы не знаю. У Будзко было 7 лет по убийству брата.

Вместе с Будзко уже в 1931 году, в год моего отъезда с Вишеры, работал заключенный инженер Покровский, строитель водопровода⁴⁷. Покровский через 40 лет мне рассказывал, что он просился у Берзина на Колыму, но Берзин ответил:

– А какой у тебя срок? – Десять лет. – Нет, не возьму. Видишь ли, если бы у тебя был срок в три года или в пять, я бы взял, но десять – значит, что-то было.

Весь этот разговор велся эффектно. Берзин ежедневно принимал пять человек заключенных с любой просьбой прямо «в седле» – в момент отъезда на работу. И здесь Покровский ловил Берзина два дня, пока через два дня удостоится беседы у стремени⁴⁸.

Покровского поражает вера Берзина в правосудие, а меня – вера Покровского в Берзина. Берзин был самый заурядный человек, самый заурядный.

Интересовало Берзина в лагере то, что интересует всех высоких начальников – кого из его подчиненных поймали с бабами. И что это за бабы?

В 1931 году летом после сплава попал в воду курьер, везший почту из управления в Усть-Улс, где я в тридцать первом году работал и откуда освободился. (См. р.<рассказ> «Феда Андреев»).

Лошадь сбросила курьера, и он замочил почту – пришлось ее сушить.

Ну, чтобы не выдавать курьера, чтоб его не огрели за оплошность, заключенный Вениаминов, секретарь начальника Северного района, дал курьеру справку, что все получено сполна.

Мы жили с Вениаминовым в одной комнате и решили сами просушить почту.

Конверты, адресованные в следственную часть, Вениаминов не вскрывал, откладывая, а то что было адресовано на других – вынимал из сырых конвертов не промокшими. В этой почте в конверте на имя начальника района Степанова с шифром «совершенно секретно» и «лично» была вложена какая-то объемистая переписка, разорвавшая почти размокший конверт. Мы посмотрели друг на друга. Вениаминов двинул локтем, и конверт окончательно распался. В нем был донос на заместителя начальника района, бывшего офицера и бывшего эзка Дмитрия Николаевича Александрова, которого мы с Вениаминовым хорошо знали и под его началом служили именно здесь на севере.

Э.П.Берзин. 1930-е гг.

⁴⁷ Подробнее о В.П. Покровском в *Приложении 2*.

⁴⁸ Аллюзия на рассказ «У стремени». См. наст. издание, с.200-207.

Это был огромный донос на имя Берзина лично с указанием, с какой из заключенных Александров спал и когда. Список был длинный. Большинство свиданий, по информации следственной части, происходило прямо в 9 часов утра в кабинете начальника. А кабинет начальника был одной комнатой с деревянным диваном. Тут же стоял стол секретаря, того же Вениаминова. Берзин своим круглым неторопливым почерком опровергал разоблачения:

«Что за чепуха! Я был в этой комнате сам несколько месяцев назад. Там этого сделать нельзя».

Ввиду важности сведений мы решили не дожидаться утра, а показать Александрову эту переписку той же ночью.

Александров уже спал. Он оделся и вышел к нам. Он жил в отдельном домике с женой и ее сыном лет восьми.

Вздули керосиновую лампу. Александров углубился в чтение.

– Что за чушь, ребята! – сказал он. – Даже Берзин не верит.

И крепко, со значением, пожал нам руки. Мы ушли. Через день ему письмо показал сам Степанов, рассчитав, что конверта-то он сам не вскрывал.

Так вот интерес Берзина к таким проблемам был не единичен. Показывая себя человеком опытным и даже решавшим судьбы людей, Берзин не хотел заставлять себя подумать, что все происходило именно так, как указывали ему информаторы. Каждый день в 9 часов утра к Александрову вызывалась новая.

А может, Берзин не хотел следствия по таким проблемам?

Миллер, вредитель

Павел Петрович Миллер был первым вредителем, которого я наблюдал близко, повседневно.

По моей исповедуемой с детства теории узнавание человека не делается путем расспроса, анкеты. Общее впечатление не результат каких-то где-то замеченных, зафиксированных вовремя фактов. Поэтому писателю не нужно что-то записывать, запоминать, наблюдать, достаточно присутствовать рядом – видеть, слышать и понимать.

Павел Петрович Миллер был сыном крупного сибирского золотопромышленника, единственным сыном. Отец дал Павлу Петровичу техническое образование. Павел Петрович был инженер-строитель, главный инженер Самарского военного строительства в момент ареста в 1928 году.

Эти процессы возникали после Шахтинского во всех отраслях промышленности, ясно показав, что техническое образование не может спасти, увести в сторону от бурных волн политики.

Ибо следовательское воображение – надежный аппарат в борьбе с иллюзиями. Иллюзии и реальность полноправны не только в литературе, но и в повседневной жизни. Единственная реальность, бесспорность миллеровского следствия была его анкета, социальное происхождение. Возможности легко превратились в реальность.

– В моем «вредительстве» единственный факт, который я подтвердил при допросе, было то, что асфальт на дворе конторы полопался – убыток был на пятнадцать рублей. Все же остальное – выдумка, чепуха.

Я никогда не спрашивал Миллера, как именно он «вредил». В лагере такие вопросы ни к чему. В лагере нет виноватых. А потом – для Миллера его работа была первой после следствия, процесса и тюрьмы, и, естественно, изливать душу или давать запоздалый бой он не собирался. Но я думаю, что Павел Петрович чрезвычайно болезненно ощущал именно эту рану. И еще не привык к лагерному языку и возмущался, что его помощник Лазарсон кричит, распекая работягу: «Вредитель!»

Ф. Лехт. Перед строительством химкомбината.
Солеварни времен Строгановых.

Всю зиму двадцать девятого – тридцатого года заключенные «обживали» каменные коробки, воздвигнутые по вольному найму в Городе Света, на Чуртане⁴⁹. Размещаясь там на сырых досках-нарах, а то и просто вповалку, тысячи, десятки тысяч людей⁵⁰ строили Город Света, работали на комбинате и строили себе лагерь поближе – на Адамовой горе. С Чуртана до «площадки» было километра четыре, и каждое утро конвой «прогонял» в направлении Камы десятки и сотни строительных бригад. Как только на Адамовой горе был построен лагерь, работяги строительства перешли жить туда, где их ждали сорок барakov двухъярусной общенарной соловецкой системы, а также обслуга лагеря.

Из всех этапов отбирались самые лучшие специалисты, и любой, кто работал похуже, вечером же включался в этап на Вижаиху, в управление, где строился бумкомбинат. Наше отделение имело право задерживать, оставлять у себя лучших работников, хотя и без «личного дела».

Все же каменные коробки Чуртана были отданы под транзитку, под ночевку этапов, которых проходило в день не одна тысяча.

Этапы там ночевали, а если не было сразу поезда на Соликамск, откуда начинался пеший пятисуточный маршрут в Красновишерск, то задерживались на Чуртане и больше, и всякий раз их заставляли выполнять, чтобы не даром кормить, какую-нибудь черную общую работу, вроде разгрузки пароходов или копки котлованов. Котлованов, впрочем, на Березниках не было. Березники стоят на подсыпанном грунте по той евангельской поговорке, которую любили приводить в своих речах и Стуков, и Миллер.

49 Чуртан – одно из сел (наряду с селами и поселками Веретье, Дедюхин, Ленва, Усть-Зырянка и городом Усолье), послуживших основой образования в 1932 г. города Березники. «Город Света» – вероятно, Шаламов обыгрывает название известной утопии «Город Солнца» Ф. Кампанеллы в применении к строившемуся на Чуртане «соцгородку».

50 Преувеличение. Согласно архивным данным, в 1932 г. в Лёнвинском отделении Вишерского ИТЛ числилось 12 228 заключенных. См: *Сидорова И.Т.* Березниковский химкомбинат в годы первых пятилеток // Материалы международной научно-практической конференции «Стратегия экономического, политического, социокультурного развития в условиях глобализации». Березники, 2012. С. 307.

К осени тридцатого года лагерь был построен на Адамовой горе на 10 тысяч человек. В Березниках было две смены, тысячи по четыре только чернорабочих грузчиков, навальщиков песка, который на поездах широкой колеи возили с Веретья. Вокруг Усолья много песчаных гор. Вот оттуда и возили песок, на котором вставал Березниковский комбинат.

У Миллера были основательные надежды после бесед со Стуковым и Берзиным, что его усердие и рвение заметят, поэтому Павел Петрович сменил весь свой аппарат десятников, работал день и ночь, успевая всюду. От лагеря у Миллера даже была верховая лошадь, но и то за день он не управлялся посмотреть все участки комбината, где работали заключенные. И я, и Лазарсон, и Кузнецов, и Павловский имели также верховых лошадей. На новой конюшне лагеря, которой заведовал вольняшка, герой гражданки вредитель Карваев, стояли триста лошадей.

Миллер, бывший главный инженер Самарского военного строительства, решил тряхнуть стариной и спроектировал весь лагерь сам. Вот это будут новинки.

– Уборные, Варлам Тихонович, – рассуждал Миллер оживленно, – строились всегда в каторжных учреждениях на десять очков – я добился, что наши уборные будут строиться на двенадцать. Чтобы не теснились – тюремная, этапная память свежа.

Наконец настало время сдать великолепную работу, показать свои труды высшему начальству. Этим высшим начальством был для нас тогда ГУЛАГ и его начальник Берман – старый чекист 1918 года, первый, получивший это самое назначение.

Миллер связывал с посещением лагеря Берманом какие-то особые надежды. По совету Стукова он решил обратиться с личной жалобой, вручить, так сказать, свою судьбу в руки самого высокого начальства. Этот совет Стукова поддержал и Берзин. Берзин даже взял на себя добиться столь важной аудиенции.

День приезда комиссии настал. Кто бы в лагерь ни приехал, всегда говорят: «Комиссия! Комиссия приехала!» С Соловков, что ли, идет эта терминология.

Летом 1930 года в лагерь пожаловало высшее начальство – сам начальник ГУЛАГа Берман. Берман приехал с большой свитой, в шинелях с петлицами, где виднелись

Местные жители на стройке. Начало 1930-х гг.

по два и по три ромба. Берзин, начальник Вешлага, человек огромного роста, в длинной кавалерийской шинели с тремя ромбами, с темной бородкой, бросался в глаза среди всей этой комиссии, и военный фельдшер Штоф, начальник санчасти из заключенных, рапортуя комиссии, как положено, разлетелся с крыльца санчасти военным шагом и, встав перед Берзиным, излил именно на него поэзию лагерного рапорта.

Но Берзин отступил в сторону со словами «вот начальник», выдвигая на первый план невысокого крепыша с белым тюремным лицом, одетого в заношенную черную куртку – бессменную форму ЧК первых лет революции.

Помогая растерявшемуся фельдшеру, начальник ГУЛАГа расстегнул кожаную куртку, показав свои четыре ромба⁵¹ в петлицах. Но Штоф онемел. Берман махнул рукой, и комиссия двинулась дальше.

Лагерная зона, новенькая, «с иголки», блестяла. Каждая проволока колючая на солнце блестяла, сияла, слепила глаза. Сорок барачков – соловецкий стандарт двадцатых годов, по двести пятьдесят мест в каждом на сплошных нарах в два этажа. Баня с асфальтовым полом на 600 шаек с горячей и холодной водой. Клуб с кинобудкой и большой сценой. Превосходная новенькая дезкамера. Конюшня на 300 лошадей.

Самое расположение лагеря в центре Адамовой горы, всюду господствующей здесь еще со времен походов Ермака, – именно здесь был Орел – городок, откуда Строгановы вели завоевание Сибири и где имел дом сам Ермак⁵².

Колонны лагерного клуба чем-то напоминали Парфенон, но были страшнее Парфенона.

По совету Стукова и Берзина Миллер подготовил заявление – жалобу-просьбу по своему делу (в лагере каждый за себя), с тем, чтобы вручить какому-нибудь высшему начальству. Гомеровскому богу лично. По русской традиции такие жалобы, поданные «на высочайшее», вручаются лично. И Берзин, и Стуков, и Миллер блюли традицию. Сигнальщик Берзин махнул платком, и Миллер переложил поближе свою тщательно обдуманную и подготовленную «жалобу».

Действительно, Берман, умиленный зрелищем новенького лагеря, согласился принять заключенного Миллера по его просьбе для личных переговоров.

После отъезда комиссии я вошел в нашу контору. Павел Петрович стоял у окна и смотрел на отъезд высоких гостей.

– Хотите знать, какая была у меня беседа с начальником ГУЛАГа? Полезно для истории.

– Хочу.

– Берман сидел за столом, когда я вошел и встал как положено. «Так расскажите, Миллер, как именно вы вредили?» – сказал начальник ГУЛАГа, отчеканивая каждое слово. «Я нигде не вредил, гражданин начальник», – сказал я, чувствуя, как гортань моя пересыхает. «Так зачем же вы просите свидания? Я думал, что вы хотите сделать важное признание. Берзин!» – громко позвал начальник ГУЛАГа. Берзин шагнул в кабинет. «Слушаю, товарищ начальник». – «Уведите Миллера». – «Слушаюсь».

– Когда это было?

Э.П.Берзин выступает на
первомайской демонстрации.
Начало 1930-х гг.

51 Знак принадлежности к высшему начальствующему составу ОГПУ.

52 См. примечание к стихотворению «Кама тридцатого года».

– Час тому назад.

Павел Петрович вынул из кармана заготовленное заявление, разорвал бумагу и бросил в топящуюся печурку. Бумага ярко вспыхнула.

– А вы не пишете заявлений?

– Мне не о чем просить.

Берман был деятелем круга Ягоды, расстрелянным вместе с Ягодой Ежовым. Берман лучше понимал политику, чем Миллер.

Вскоре иллюзии Миллера рассеялись. Вместе с этим – как некое второе начало того же процесса «возрождения» или «искупления» – Павла Петровича перестала удивлять, оскорблять кличка вредителя. Так много вредителей было вокруг.

Не только Берман не хотел рисковать, оказывая покровительство справедливости, но все начальство держалось тогда этой удобной формулы, этой удивительной точки зрения.

Миллер пожал плечами.

Моя оппозиция ему была абсолютно чужда. Павел Петрович никак не хотел понять, как это молодой человек, студент двадцати лет, решается на такие сомнительные, с его точки зрения, дела. Мои рассказы об университете Миллер слушал как сказку, как светлую легенду юности своей, оценивая, впрочем, осуждающе обе стороны. Павел Петрович, потерпев неудачу с Берманом, стал ждать уже не случая, а оценки заслуг за верную Миллерову службу в лагерях.

Это свидание было ошибкой, конечно, но при утверждении досрочных освобождений Берман запомнил бы такую фамилию. У всех высоких лагерных начальников память змеиная, но нужно было рисковать, и Миллер рискнул, рассчитывая, что не испортит каши маслом.

И каша была слишком крута, такую не доводилось пробовать Миллеру, и масло в лагере надо применять очень умело и в меру. Миллер был человек очень энергичный. Обещание Стукова представить его к досрочному освобождению продолжало сохранять силу.

Жена Миллера приехала и по разрешению начальства жила с ним на поселке около месяца. Даже я однажды там пил чай и познакомился с его женой – рано постаревшей женщиной с измученным, каким-то особым, прошедшим тюремные приемы лицом.

Катастрофа была впереди.

У Павла Петровича была неприятная привычка: всякую неприятную лагерную новость – перевод, понижение, снятие с должности – своим подчиненным объявлять, обнимая за плечи, прижимаясь.

Хорошие новости (например, включение в список пропускников в столовую для иностранцев) объявлялись Миллером, наоборот, торжественно – раздельным чтением выписок или просто сведений.

Вот это обилие миллеровских объятий, которым я подвергся по возвращении в Березники, и заставило меня (позднее) подумать, что в инициативе этапирования меня спецконвоем в управление доля Павла Петровича была, хотя и небольшая, быть может. Как бы то ни было, в кармане Стукова лежала бумажка: «По распоряжению начальника управления Берзина возвратить Шаламова для исполнения своих обязанностей».

Я застал реорганизацию в полном разгаре. Мне там было отведено место начальника по отделу труда (а не руководителя работ). Руководителем же работ был назначен не Лазарсон – он тоже был смещен и понижен, а Павловский – бывший московский бухгалтер и офицер, проигравший 10 тысяч на бегах.

– Вы ведь не инженер, – говорил мне Павел Петрович.

– Ведь Павловский тоже не инженер, Павел Петрович, его считают...

Я в лагере все эти объяснения всегда считал и считаю лишними, они только вносят фальшь, неправильную ноту.

УРЧ так УРЧ – учет так учет.

– Знаешь, что такое «хитрожопый»? В острой, в стрессовой ситуации он отойдет в сторону, даст работать времени, а ты тем временем погибнешь на виселице, в подвале или в Бабьем Яру.

Хитрожопость – вечная категория. Хитрожопые есть во всех слоях общества. Думают самодовольно: «А я вот уцелел – в огонь не бросался и даже рук не обжег». Омерзительный тип. Да еще думает, что никто не видит его фокусов втихомолку.

Павел Петрович Миллер был сама хитрожопость. Профессиональный ловчило с угрызениями совести. Как уж его затолкали во вредители – уму непостижимо. Не рассчитал какого-то прыжка. Все он понимал вокруг себя в своем окружении – всех людей объяснял для себя. Миллер был неплохой психолог, логик по преимуществу, вечно хитрил, что-то от кого-то скрывал, что-то кому-то шептал. Всех вокруг себя в меру своего ума объяснял. Всех – кроме меня. Я был загадкой для Миллера – он не хотел поверить, что я бросил университет для какой-то подпольной работы, для каких-то туманных идей.

Если власть нельзя подчинить, надо ей служить честно, ловчить лишь в бытовом, в мелком, в незначительном. Увы, масштабы диктовал не Миллер. Миллер получил десять лет за вредительство, работая в Самаре главным инженером военного строительства. В военном ведомстве и ставки были больше. Конечно, Миллер был грамотнее, образованнее других инженеров, что были в Березниках, – кроме Павла Павловича Кузнецова. «Капитаны» Гумилева⁵³, которых декламировал Миллер по вечерам, вспоминая неточно, неверно. Говорили, что со стихами в своей работе Миллеру не приходилось иметь дела до встречи со мной в Вишерском лагере.

На ежедневные Миллеровы чаепития я ходил без большой охоты. Развлекаться Миллер после его трудового дня не хотел. Но чай был хороший, миллеровский, горячий и крепкий. Подсыпал ли Миллер соду в свой чай для оживления краски, как делают рестораны, не знаю. Но этот крепкий чай был вовсе не чифирь – знаменитый колымский рецепт – по пачке на кружку, а обыкновенный крепкий, густой, горячий чай. Горячий. Миллер был сибиряк, любил горячий и чай, и суп. Любил определенную температуру. Я тоже был родом с Севера.

Пил я этот красивый чаек и думал про себя, что, если что-нибудь со мной случится, Миллер, во всяком случае, не заступится. Отойдет в сторону и палец о палец не ударит для моего спасения.

Миллер почему-то считал личной своей обидой, если ближайшие его сотрудники попадались в каких-либо нарушениях лагерного режима. Так его ближайший помощник Иван Дмитриевич Иноземцев, состоявший в штатной должности нормировщика (58-7-10, 11, срок 10 лет), бывший главный инженер Мотовилихи, выполнявший деликатную функцию предварительных расчетов и проверок во взаимоотношениях с Березниковским химстроем, человек, которому Миллер верил не как себе, а немногим меньше, вдруг был вызван и подвергнут допросу. Стукач. Завербованный осведомитель.

Оказывается, Иноземцев, любивший поесть, выпить, закусь, поспать, был приглашен на ужин в какой-то барак к какому-то старшему бригадиру в лагере. На этом вечере угощали телятиной, и, так как в лагере скрыть ничего нельзя, все участники ужина через неделю были приглашены в барак следственной части.

53 «Капитаны» – романтическое стихотворение Н. Гумилева (1909).

Вдобавок оказалось, что и телятина – не телятина, а собачатина – мясо какой-то овчарки.

Иноземцеву грозили общие работы, этап, он был незаменимый. Проступок по лагерным понятиям незначителен, но Миллер даже шага в защиту Иноземцева не сделал. Только когда начальник отделения Стуков сам спросил Миллера, что делать с Иноземцевым – оставить тебе или отправить, Миллер попросил оставить.

Выпивка, «бабы» – преступления в лагере простительные.

Техник Кузнецов был алкоголик запойный и после каждого запоя, попадая в изолятор, терял место работы – Миллер не заступался никогда.

Всем пострадавшим приходилось искать защиту самостоятельно, пользуясь «блатом» не миллеровским.

При Стукове Миллер был ученым, облакающим в технические формы обширные замыслы начальника-дилетанта. Стуков был любителем разговоров о технике, о механике. Но такая тонкая механика, как стихи, была ему абсолютно чужда. Как, впрочем, и Миллеру.

Но если Стуков просто был чужд этому миру, никогда с ним не соприкасался и даже о существовании Аполлона на свете не подозревал, то Миллер, цитировавший на память гумилевских «Капитанов», старался воскресить в мозгу увлечения и открытия юности. Впрочем, и в юности Миллеру поэзия ничего не открыла.

Я ездил со Стуковым в командировки, но он предпочитал спутников повеселее.

– Вот Миллер – у него всегда есть что рассказать, скоротать дорогу. Бруклинский мост, сколько верст до луны – а ты молчишь и только отвечаешь на вопросы.

Всякую политику Миллер считал пустяком, недостойным занятием для человека. Образование признавал только техническое. Стремлений к науке у него было мало, зато большое желание практически попробовать свои знания в живой работе.

– Почему вы выбрали строительство?

– Знаете, мне лишь только специальность строителя доставляла удовлетворение. Не было ничего – и выстроен дом.

– Чисто поэтическое ощущение, – сказал я.

– Ну, как там с поэзией, я не знаю, а строить могу. Я не хотел жить в столице. В столице можно тратить щедро, мотать заработанные деньги, а работать лучше в глуши. Поэтому я и был в Самаре.

Рассказывал Миллер и о первых своих инженерских шагах: как ему предлагали взятку и он ее не взял.

– Десять тысяч. Я выгнал его.

Я слушал эти звонкие речи, как давно забытое пение соловья.

Именно Миллер возглавлял весь обман по Березникам, дал техническое оформление идее начальника лагеря Стукова. Так что совесть давно успокоилась.

Отметным обстоятельством было то, что Миллер с первых дней решил спастись сам, думая только о себе. Всем остальным была дана та же возможность личного спасения. Никакой помощи Миллер не оказывал, и не в его натуре было оказывать кому-то значительную помощь. Например, решением подавать на освобождение. Здесь страдали именно близкие сотрудники, ибо Миллер боялся, что его обвинят в протезировании, в блате. Хотя никто бы его не обвинял. Вся лагерная жизнь держалась на этих знакомствах. Но Миллер использовал такой путь только для себя. Использовал неудачно, плохо зная лагерь, плохо понимая высшее начальство.

Это не равнодушные, а еще не описанное человеческое качество хитрожопости.

Равнодушных осуждают, осуждают трусов, но кто осудил хитрецов и ловчил?

В лагерных условиях хитрожопость может быть и смертельной, ибо собственная хитрость приводит к пренебрежению человеческой жизнью других.

Для того чтобы заткнуть дыру в перерасходах комбината, немало пролито и арестантской крови, и арестантского пота по инициативе Павла Петровича Миллера и при техническом оформлении карьеристских идей начальника Березниковского лагеря Стукова.

И еще одно, очень сильное обстоятельство, характерное для лагерей.

Я не был на войне, не знаю, как там решается подобная ситуация. Возможно, что на войне иные психологические связи. Во всяком случае, подобные ситуации возникают, и побывавший на войне командир, превращаясь в лагерного начальника, не замечает или не хочет заметить, что обстановка-то в лагере другая, абсолютно не похожая на фронтовую, даже противоречащая в самой своей сути фронтовой.

Все это я заметил еще до войны и вне всякой зависимости от военных проблем.

В лагере вольнонаемный начальник – большой или малый – всегда считает, что подчиненный, которому отдано распоряжение, готов и обязан выполнить это распоряжение срочно и со всей душой. На самом деле рабы не все. Целый ряд работяг из ээка любое распоряжение начальника встречает с тем, чтобы напрячь все духовные силы и его не исполнять. Равнодействующая проходит по линии борьбы двух волей – надо согласиться, но не сделать или сделать не так. Или совсем не согласиться, что глупо и приведет к смерти так же, как отказ от работы. Плохое же выполнение приказа влечет неудовольствие, отстранение от работы, но не больше.

Вот почему во время острых, «стрессовых», выражаясь модным языком, ситуаций лагерный начальник должен ждать не выполнения, а, наоборот, уклонения от выполнения приказа. Это естественное действие раба. Но лагерное начальство, московское и ниже, почему-то думает, что каждый их приказ будет выполняться. Психологически правильнее предполагать, что приказ не будет выполняться, и готовить резервные ходы.

Каждое распоряжение высшего начальства – это оскорбление достоинства заключенного вне зависимости, полезно или вредно само распоряжение. Мозг заключенного притуплен всевозможными приказами, а воля оскорблена. Меня всегда сместило, почему я должен рассказывать все, что я знаю, любому заезшему следователю только потому, что этот следователь одет в военную форму. Почему я не должен на все его угрозы отвечать не только отрицанием, но активной борьбой. Меня допрашивали четыре месяца по делу Стукова и Миллера, которым клеили вредительство. Но именно потому, что обвинение исходило из таких авторитетных кругов, я ему не поверил, не поддержал, и дело кончилось ничем.

Миллер был не то что перепуган арестом восьми человек своих помощников летом 1930 года, а просто верил своей карьере, решил переждать бурю – может быть, и не затронет.

Расчет оказался верным. Буря пронеслась, унеся только надежды Миллера на досрочное освобождение, а Стукова – на орден.

Семь из восьми его подчиненных показали на Миллера и Стукова по всей вредительской форме. Но восьмой – я – дал полный бой следствию. Дело было прекращено в отношении Миллера и Стукова, а нас всех приговорили к четырем месяцам изолятора, чтобы покрыть срок, который мы просидели под следствием. Подробнее об этом я пишу в очерке «Дело Стукова».

И в январе 1932 года, уезжая в Москву совсем, я простился с Павлом Петровичем и выслушал от него горестный лагерный афоризм:

Ф.Лехт. Строительство ТЭЦ Березниковского химкомбината. 1931 г.

– Пожили на маленькой командировке – поживите на большой.

Но большая командировка меня не пугала.

Еще один штрих в портрет Павла Петровича внесла моя поездка в Москву в декабре 1931 года.

Случилось так, что я, вольный уже, имеющий на руках справку горсовета: «Дана Шаламову в том, что он есть действительно то самое лицо», вызвавшую хохот Павлика Кузнецова, не пропускавшего ничего смешного или юмористического из того потока жизни, который бурлит вокруг, уезжал в

отпуск двухнедельный; по колдоговору после пяти с половиной месяцев работы мне был положен отпуск.

Тогда была борьба с текучестью, и касса на железной дороге продавала билеты только после визы управделами комбината, а текучесть была большая: за месяц увольнялось три тысячи и нанималось две с половиной тысячи человек. Постоянными были только лагерные кадры – они-то и выстроили комбинат.

У меня была виза управделами, и я легко купил билет и ехал в ежедневном почтовом Соликамск – Москва без затруднений.

Я ехал, никого не предупреждая, никого не извещая, ехал просто в свой город без всякой боязни и тревоги. Поезд пришел поздно вечером на Ярославский вокзал, еще трамвай звенел. Было тихо, шел легкий теплый снег, и я заплакал на вокзале от встречи со своим любимым городом, где все было – мои ошибки, мои удачи, мои потери.

Но надо было ночевать, и я стал листать у телефонной будки прикованную к ней цепью книгу телефонный справочник Москвы. Я нашел телефон моего хорошего знакомого, позвонил и через час уже был на Ленинградском шоссе в той самой квартире, где я когда-то готовился в университет. Рассказы мои вызвали оживление хозяев.

Я там переночевал, а на следующий день выяснилось, что и сестра моя родная в Москве, и тетка в Кунцеве, и родители мои в Вологде живы⁵⁴.

Можно было спокойно приступать к выполнению поручений.

Первым моим шагом была беседа с моими прежними друзьями, и только после этой беседы я принялся за другие дела.

Первым делом было доставить письмо Миллера.

По просьбе Миллера я обещал привезти ему из Москвы его чемодан, который хранится где-то у родных, на Солянке, у тетки, зовут которую Эмилия Людвиговна Ващенко. Я нашел ее, вручил записку. Чемодан обещали найти.

– А что там в чемодане Пашином?

– Павел Петрович говорил – костюм.

– Ах, там костюм Пашин. Коверкотовый костюм. На Урале, на каторге, Паше нужен коверкотовый костюм. Паша живет в таких местах, где без коверкотового костюма обойтись нельзя. Хорошо, мы найдем чемодан. Подождем Юрочку.

54 В ходе этой поездки в Москву Шаламов побывал в Вологде у родителей. См. «Отдельные фрагменты рукописей». См. также эпизод о приезде домой в «Четвертой Вологде» (Изд. 2017. С.148).

Юрочка был сыном Эмилии Людвиговны.

– Ах, Павлик, Павлик, – вздохнула Ващенко. – Первое известие от него привезли вы. А какой был щеголь... Вы знаете его жену, Полину Сергеевну?

– Раз видел.

– Ну, как?

– Да никак. Было темно. Мы чай пили.

– Никак?! Павлик – негодяй, а она – святая женщина. И хоть племянник он именно мой, а она мне никто, я и на Страшном Суде скажу: Павлик – негодяй, а она – святая женщина. Как он ей изменял! Где угодно, с кем угодно. Какие-то балерины, артистки погорелого театра, а то и вовсе каких-то сомнительных дам приводил. Да не куда-нибудь, а вот в эту самую комнату. А Полина Сергеевна все терпела. Они уже почти разошлись. И вдруг его арестовали. И вот – тюрьма. Свидания. Хождения эти по прокуратурам. Запросы, вопросы. Ведь этим артисткам и балеринам не дают разрешения на свидания. Да еще поездка на этот ваш Акагуй. Зачем ей Павел? Плюнуть этому Павлику в рожу и то она не способна. Крыжовник варит. Его любимое варенье! Как ваше имя-отчество?

– Варлам Тихонович.

– Вот, Варлам Тихонович. Судьба Полины Сергеевны – это судьба русской женщины. А декабристки – там все была мода, порыв, а вот такая женская судьба. Памятник Полине надо на Красной площади поставить. Еще лучше на Лубянской. А вы говорите: история рассудит. История никого не рассудит.

– Я ничего не сказал насчет истории.

– Ну, подумали.

– И не подумал.

– А чемодан вам привезет Юрочка к поезду.

Пришел наконец Юрочка – лысый инженер, лет на двадцать постарше Павла Петровича, и мы договорились, что чемодан привезет Юрочка на Ярославский вокзал к моему поезду, чтоб меня не затруднять, как сказал Юрочка.

Так и вышло. Небольшой фибровый чемодан был мне вручен перед посадкой, и я двинулся в путь на Северный Урал. Положил чемодан под голову и привязал его к пальцам руки, чтобы «скокари не отвернули угол»⁵⁵. Я уже мог выражать ожидаемое событие на лагерном языке. Через пять ночей и пять дней я добрался до станции Усольская и слез, отвязав пальцы от чемодана.

Я вручил Миллеру привезенное. Своим ключом Павел Петрович открыл чемодан. Пыль поднялась, как грибообразное облако атомной бомбы. Взлетела моль.

– Бляди. Забыли нафталина положить, – сказал Миллер. Павел Петрович был угнетен. Разбитая, развеянная мечта. Приходилось снова облачаться в соловецкую униформу.

Среди нового окружения Павла Петровича, которое я застал после освобождения, был инженер Новиков, железнодорожный строитель, осужденный по вредительской статье и задержанный в Березниках миллеровским фильтром. Новиков помогал Павлу Петровичу в расчетах среди многочисленных и разнообразных дел, которые, как и в мое время, кипели возле Миллера. Правда, волны стали менее бурными, менее шумными, да и сам Павел Петрович облез. Польсел, поседел как-то сразу, но вечерний чай был так же горяч и крепок.

Новиков занимался в кабинете Миллера и приватно. Он продвигал изобретение – переверот в строительной технике, который должен был принести Новикову свободу и славу. Новиков избрал саморазгружающийся вагон-платформу с опрокидывающимися бортами, повинующимися какому-то клапану в паровозе.

⁵⁵ «Скокари» – воры, работающие с ключами; «отвернуть угол» – украсть чемодан (жаргон).

Были уже вычерчены все чертежи, составлено техническое описание проекта и особая докладная, где указывалось, что это изобретение ГУЛАГовских инженеров – Миллера и Новикова.

Я отнесся к этому демаршу спокойно, не тревожась за миллеровскую подпись, – приписка чужого имени сверху была, есть и будет в науке, технике, искусстве и литературе. Она входит в правила игры, которая называется жизнью.

Поэтому я не моргнув глазом прочел доступные мне места технического описания изобретения.

Про себя я думаю и думаю, что после шока, полученного при свидании с Берманом и пережитого во время стужовского дела, Миллер имел полное моральное право бороться за свое освобождение любым доступным ему путем.

Почему же мне была доверена столь строгая тайна? Ведь я не ГУЛАГ, и не в ГУЛАГ меня попросят везти эту докладную миллеровскую записку.

Оказалось, что на это были свои причины.

– Вы прочли докладную?

– Да. Поздравляю...

– Дело не в этом. При ваших знакомствах в Москве вам легко опубликовать краткое сообщение об этой работе, но обязательно в техническом журнале.

– В техническом журнале у меня нет знакомств, Павел Петрович. Но я думаю, что смогу.

– Ну, нет так нет.

Я привез эту заметку в Москву. Там был чертеж вагона, сообщение о важном изобретении инженеров Миллера и Новикова в Березниках – краткая экономная заметка строк на пятьдесят.

Я заговорил об этом с моим приятелем из литературно-художественного журнала.

– Я давно уже не работаю по литературно-художественной части.

– А где же?

– Заведую редакцией технического журнала. Мода. И хлеб.

– Так, может быть, ты сам...

– Конечно. Давай сюда.

Приятель мой просмотрел заметку.

– Это чепуха. Двести тысяч изобретений на эту тему поступает в день. Журналу нашему саморазгружающиеся вагоны осточертели до предела. Трудно придумать более не новое и более неудачное. Ведь в редколлегии нашей не только я. Есть и специалисты. Но дело не в этом. Мы напечатаем эту заметку ради тебя самого. Давай все эти чертежи сюда!

И месяца через три в журнале «Борьба за технику»⁵⁶ эта заметка была напечатана и даже гонорар выписан – послан на имя авторов изобретения в Березники, но деньги получены обратно.

– В чем дело?

– Наверно, потому, что это заключенные, – невинно сказал я.

– Ах, это заключенные! Ну, тем лучше.

Даю всегдашнюю справку: ответственный редактор журнала «Борьба за технику» Добровский расстрелян в 1937 году.

У моего приятеля, заведующего редакцией, сломали в Лефортове, во время побоев на допросе, спину. Но он еще жив и пишет...

---

56 Правильно: «За овладение техникой» – журнал, в котором работал Шаламов в 1934–1935 гг.

Дело Стукова

Осенью 1930 года уполномоченный следственной части из заключенных Константин Васильевич Ушаков был отозван в управление на Вижаиху, а вместо него прибыл и принял должность вольнонаемный следователь Жигалев, носивший в петлицах один кирпичик, если память мне не изменяет. Вместе с Жигалевым приехали еще два следователя. Следственная часть помещалась тогда на втором этаже лагерного клуба, «на хорах». Там были понаделаны нужные перегородки, очень тесные, так что ноги следователя задевали того, кто вызывался и был посажен напротив, и подвергаемых допросу сажали боком.

Три новых следователя допросили чрезвычайно широкий круг людей из заключенных – всех бригадиров, а их было человек сто, всех нарядчиков, бухгалтеров, прорабов, десятников, вообще всех, кто занимал и в лагере, и на строительстве какие-либо должности. Наши местные следователи тоже принимали участие в этой облаве.

Я, начальник отдела труда, был вызван как раз к местному следователю экономотдела Пекерскому. Пекерский был москвич, проштрафившийся чекист, получивший срок по служебной статье, что, как мне было ясно с первого дня пребывания в лагере, с этапа, с пути, открывает арестанту широчайшие возможности легкого пути к свободе. Осужденный по служебной статье как бы автоматически подлежит всяким скидкам, разгрузкам и с первого дня пребывания в лагере занимается той же работой, что и на воле. Так Пекерский, московский работник НКВД, стал работать по специальности как раз в нашем отделении, в Березниках.

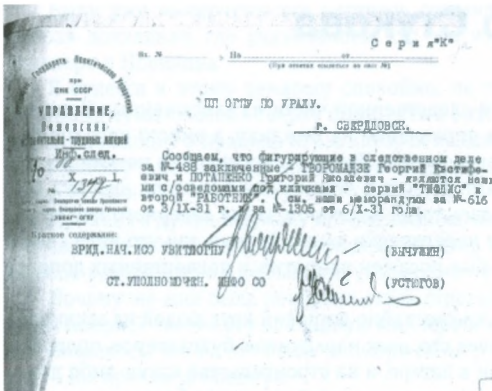
Пекерский посадил меня с боку своего стола – иначе и посадить было нельзя, начал допрос, записал обычные анкетные вопросы, а потом предложил подумать над вопросами, на которые он должен был записать ответы. Ответы касались какого-то производства или эпизода разгрузки баржи – что-то в этом роде. Оставив дверь открытой, Пекерский вышел и не приходил целый час. Мне было скучно, ответ был несложным, вставать и выходить из кабинета я считал неудобным. Я стал разглядывать стол, гору бумаг, заявлений каких-то, которые были навалены на столе Пекерского. Похоже, почерки были мне знакомы. Мало-помалу я стал разбирать и содержание этих документов, особенно тех, которые лежали сверху.

Это были заявления, информации сексотов, как раз по моему адресу, и вообще о лагере, о производстве. Каждый сексот имел свой псевдоним. Наш руководитель работ Иван Анатольевич Павловский, чья койка стояла рядом со мной, подписывался «Звезда». Его характерный мелкий, изящный почерк я знал хорошо. И вдруг он не Павловский, а «Звезда». Мой помощник Николай Павлович Никольский, нижегородский фининспектор, подписывался «Рубин».

Я, конечно, сразу понял, в чем дело, и познакомился со списком сексотов основательно. Это был поразительный случай доносительства абсолютно всех.

Там не было только моей информации. Не было видно почерка Миллера – начальника производственного отдела – и пьянчужки Павлика Кузнецова.

В конце концов я перебрал эти листики, прочел почти каждый. Прошло не менее часа, как вернулся Пекерский, записал мои ответы на два вопроса о засыпанной осенней шугой барже и отпустил меня. Допрашивал меня и сам Жигалев, но я уже был готов к его вопросам. Жигалев допрашивал меня вместе с Осипенко, нашим завхозом. Осипенко был раньше секретарем сначала митрополита Питирима, а потом Распутина.

Сообщение Полномочного Представителя ОГПУ об осведомителях. Из фондов Пермского государственного архива новейшей истории

треним учетом, ни о каких взятках не слышал.

С юности, чуть не сказал – с детства, меня раздражает благодетель, который угрозами хочет добиться признания, не умея даже определить сути преступления, и собирает материалы вовсе не о том, о чем можно было собрать. Суть допроса была, в общем, ясна: дать показания на начальника – любые. И на Миллера – не может быть, чтобы тот и другой были безгрешны.

Но я с юных лет обучен в этих учреждениях отвечать только на вопрос: да – нет, да – нет. И такой стиль беседы не удовлетворял начальство.

Сотни людей допрашивались, два приезжих следователя повезли драгоценную добычу в управление за сто километров. Жигалев остался здесь продолжать допросы. Начальник отделения, старый чекист Стуков, конечно, прекрасно был осведомлен и о действиях Жигалева, и об его улове. Допросы уже увезли в управление, но следователь ждет и других курьеров по тому же делу, других меморандумов.

Один из таких курьеров действительно был направлен Жигалевым на Вижаиху. Стуков вошел в каюту парохода за час до отъезда, обыскал курьера Жигалева, вскрыл пакет, прочел все, что Жигалев писал, запечатал снова и, грозя наганом, велел курьеру везти почту по назначению. Пароход ушел. Стуков, не теряя времени, подговорил своего приятеля из чекистов напоить Жигалева, и, когда тот заснул в гостинице, тут же вошел Стуков и отобрал у пьяного Жигалева пистолет. Запечатанный пистолет Стуков отправил в управление по адресу Филиппова и написал, что знает, что на него, Стукова, заведено дело, но вот кто возглавил эту следственную часть. Жигалев был немедленно снят с должности, и удар Стукова попал в цель самым лучшим образом.

Недрузи начальства не остановились. Из управления приехали новые следователи во главе с Агриколянским – вольнонаемным – и допрашивали, и перепроверяли по старым жигалевским допросам день и ночь. Я уж думал, что дело кончено, но глубоко ошибался. Все было впереди.

Обычно, когда завершается какое-нибудь важное для государства строительство тюремное, какая-нибудь особенно хитрая тюрьма, ее строитель погибает в самих же

Я первый раз в жизни видел тогда, как падают в ноги и обнимают сапоги начальника. Осипенко на моих глазах упал в ноги Жигалеву и, обнимая сапоги, высоким тенорком молил: «Не губите, гражданин начальник!» Жигалев выдернул сапог из пальцев Осипенко и убедил секретаря Распутина, что «все будет сделано по закону».

Мой допрос длился часа два, но как-то не попадал в нужный тон. Жигалев требовал подтвердить, что наши начальники и Миллер берут взятки с вольных, начальник бьет заключенных, бригады развратничают, приписывают работы. Вот как приписывают? Я ответил, что это дело не мое – производство, я занят только вну-

этих застенках. Тут есть мистика, легенда, цветок, ежегодно поливаемый свежей кровью, легенда, уходящая в глубокую древность. Спасение требует жертв, как в океанской катастрофе. Строители, создатели лагеря на Адамовой горе сами обновили свою тюрьму. Позднее Васков умер в Магадане в «доме Васкова»⁵⁷.

Вечером какого-то осеннего дня нарядчица женской роты Шура Целовальникова, двадцати четырех лет, образование среднее, статья пятьдесят восемь – десять, срок три года, по профессии учительница, потребовала у меня личного свидания. Я отрицательно отношусь ко всяким романам на службе. Более того, любовь с выполнением долга кажется мне несовместимой, требующей однозначного выбора. И более того, вся история подполья, «Народной воли», например, полна романами, нарушавшими стройный план руководителей. Эти романы и путь для всяческих провокаций. Или роман доверенных лиц – двух подполщиков, вроде любви Желябова и Перовской, также относится к попытке примирить непримиримое. Я тоже сквозь пальцы смотрел на лагерные романы своих подчиненных, начальников, сослуживцев, но сам для себя провел незримую, но крепкую черту, за которую никогда не заходил.

Поэтому я был весьма удивлен, когда Шура Целовальникова, нарядчица женской роты, а каждая рота была у нас в Березниках в триста человек, попросила у меня личного свидания, сказав, что должна мне что-то сообщить. Это мне не понравилось. Но пришлось ее выслушать.

Целовальникова рассказала мне, что вчера ее вызывали и велели написать заявление, что я принуждал ее к сожительству.

– Ну и что же?

– Меня заставили подписать, и вот я ночью думала, думала и решила вам сказать.

– Спасибо и за это.

Мне показалось, что после того размаха, который чувствовался в допросах сотен людей, размаха, где взрыв какого-нибудь котла или всего здания был только началом, преддверием каких-то самому следователю неясных преступлений, – после такого размаха вопрос клеветы на меня Шуры Целовальниковой не имеет значения. Впрочем, думать мне долго не пришлось. В тот же вечер я был арестован, приведен в лагерный изолятор, раздет до белья и посажен в карцер. В соседний карцер тоже кого-то сажали и прижимали к щели в дверях – карцер был деревянный, старый, обновление его еще не коснулось. На месте нашего старого изолятора Миллер предполагал выстроить новый, по последнему французскому образцу, как увлеченно толковал он начальнику лагеря Стукову. Почему уж образцы были французскими, я не знаю, но разговор о том, что у нас и изолятор будет такой, что прославится на весь ГУЛАГ, я отлично помню.

Эту мечту осуществить Миллер не успел, все его помощники уже были посажены в старый, надёжный изолятор, видевший немало следствий, убийц, растлителей, фармазонов, воров, пьяниц, кокаинистов, оскорбителей лагерных богов и пытающихся потушить лагерное солнце. Сейчас в камеры сводился новый социальный отряд, чтоб было не хуже, чем в Москве, и вполне достойно последней московской моды. В изолятор сажали вредителей, собственных вредителей. Был арестован начальник отдела и заключенный одноглазый Шор, с глазом-протезом, который Шор сдал на хранение при посадке как драгоценность⁵⁸. Шор – заведующий подсобными предприятиями, в его распоряжении были мастерские лагеря – обувная и портняжная, где работали лучшие венские портные, белешвейки сказочных способностей, где грузинская закрытая обувь

---

⁵⁷ Шаламов не знал судьбы Р.И. Васькова и полагал, что тот погиб по «делу Берзина». На самом деле Васков умер своей смертью много позже. Подробнее в *Именном указателе*.

⁵⁸ Здесь и далее эпизоды, воспроизведенные в рассказе «Протезы».

М.А. Грановский

В.П. Шахильдян

шила клиенту на «глаз» – замерялась только длина, да и этим единственным обмером творец-закройщик делал как бы уступку реальной жизни, чтоб способность поэта, мастера не казалась простым смертным сверхъестественной. Самое важное начало в концлагерей – Грановский, Шахильдян – заказывало обувь именно в лагере. У этого поэта-закройщика.

Был закройщик и верхней одежды. Кожаная куртка чекиста Бермана, как-то незаметно удлинненная, приобретала талию, облегчала бедра, обхватывала шею, образуя неожиданно меховой, чуть не бобровый воротник. И Шахильдян, и Грановский, и все их работники шили пальто именно в этих лагерных мастерских. Мастерские были вынесены за зону, но, конечно, закройщик обмерял начальника строительства или первого секретаря райкома на дому, где-нибудь в гостинице, а то и прямо в служебном кабинете.

Вслед за Шором в следующий карцер толкнули жирное тяжелое тело Плева, старого экспедитора, ведавшего снабжением лагеря. Был ли Плева – фон Плева, я не знаю. Возможно, что и был. Срок у него было десять лет по сто седьмой⁵⁹. По сто седьмой привлекали нэпманов из сочувствующих советской власти. Плева был каким-то личным знакомым Стукова, особо доверенным лицом. Розовощекий, розовотельный пятидесятилетний пухлый Плева едва втиснулся в тесный карцер, оглядывая мир подслеповатыми глазами – золотые очки пришлось сдать по квитанции коменданту. Плева по этому делу должен был допрашивать уполномоченный Песнякевич, уполномоченный не из сущих или бывших эзка, а самый настоящий материковский чекист. Увидев, что они поздоровались друг с другом – Плева поклонился достойно, а тот кивнул, сдвинув уголок рта, – я, пока ждал допроса, своей очереди в кабинете следователя, задал Плева вопрос, знали ли они друг друга на воле.

– Еще бы, – ответил Плева. – Его мать в Минске держала бардак, а я бывал в этом бардаке в молодые годы. В бардаке мадам Песнякевич.

Следующим был Сергеев, герой гражданской войны с переломом спины и пулевыми ранами, – Сергеев расстегнул и сдал коменданту железный корсет, оберегавший спину, и заполз в карцер.

Привели руководителя работ, помощника Миллера, Ивана Анатольевича Павловского, чьи доносы под псевдонимом «Звезда» мне удалось прочитать. Сюда в карцер Павловский, очевидно, был посажен как «наседка», но со мной в паре его не запирали в карцер – Павловский охотился за кем-то другим.

59 Статья 107 УК РСФСР 1926 г. – «Скупка и перепродажа частными лицами в целях наживы (спекуляция) продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления». Предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок не ниже пяти лет с полной или частичной конфискацией имущества.

Привели Осипенко – нашего заведующего хозяйством, бывшего секретаря Распутина, того самого, кто недели две назад обнимал сапоги уполномоченного в моем присутствии.

Тут же начались допросы. Меня на этот раз допрашивал не Жигалев, а более значительное лицо – уполномоченный Агриколянский. Мне был предложен список вопросов и дана возможность записать ответ своей рукой. К этому времени я уже пришел в бешенство и только и ждал этой возможности – первого следственного сражения. Каждый ответ мой кончался примерно такой фразой: «Показать по этому вопросу ничего не могу, прошу задавать мне вопросы, которые касаются моей личной работы». Я очертил круг обязанностей своих в лагере, официальной ответственности, и применительно к этому держался.

– Слышали ли вы о падении стены завода на строителей?

– Нет, ничего не слышал.

– Как же вы не слышали, когда об этом говорит весь лагерь?

– А я вот не слышал. Еще раз прошу спрашивать меня по моей работе, а не о чем-то постороннем.

А там была история вот такая. Во время выгрузки оборудования из баржи бригадир заключенных Сорокин зацепил тросом за столб и сдернул крышу построенного здания.

– Что вы знаете о приписках?

– Не знаю ничего. Это не входит в мои обязанности как работника отдела труда.

– Но приписки же были.

– Кому? Я этого не знаю.

В общем, «шили» вредительство Стукову и Миллеру – самая модная болезнь, обнаруженная на Вишере, и где – в нашем же отделении!

– Почему лагерным работникам из высшей администрации давали пропуска в столовую для иностранцев?

– Я не знаю. Мне давали, я и брал. И пользовался этой столовой. Было распоряжение начальника, спросите у начальника.

Криминальность этого пропуска в столовую для иностранцев была явно политического характера. Иностранцев на Березникхимстрое было очень много: немцы, французы, американцы, англичане, – все они жили в поселке для иностранных специалистов. Для них на строительстве была выстроена гостиница и оборудован ресторан – то, что на нашем аскетическом языке называлось «столовая для иностранцев». Поскольку все повара были заключенные, все продукты шли исключительно по лагерной сети снабжения, поскольку весь комбинат строил именно лагерь, Стуков, начальник лагеря, договорился с Грановским, что даст своим пять пропусков в этот гастрономический рай. Тогда уже ухудшилось снабжение вольных, и одиноким инженером-спецам Грановский давал возможность питаться в этой столовой. Вот из ста или двухсот пропусков вольнонаемным советским инженерам пять было закреплено за лагерем. Пропуска были именны на два раза в день – обед и ужин.

Мы занимали всегда отдельный столик и в своей лагерной робе представляли, наверное, красочную картину. Кроме этого поощрения для верхушки, рабочие бригады питались в столовой на строительстве, столовой только для заключенных. Эта столовая для заключенных функционировала весьма оживленно. Талоны в нее раздавали бригадиры, тут же поощряя лучших работяг. Таким образом, положенный лагерный паек оставался в лагере, и вечером арестант его получал. Днем обедал в столовой «от хозяина».

Это тоже вызывало большие нарекания, ибо вольная столовая была гораздо хуже лагерной. Лагерников и одевали лучше. Ведь на работу не выпускали раздетых и разутых. Даже случайно.

Столовая для иностранцев

Гостиница

Это привело к конфликту, зависти, жалобам. Я много встречал потом ссыльных, а то и просто вербованных рабочих, бежавших из Березников из-за плохих условий быта. Все они вспоминали одно и то же: «раскормленные рожи лагерных рабочих».

Бывало, что тот, кто посылал жителей своего села, давал дело – судил и отправлял под конвоем на Север, – сам приезжал туда, по вербовке, по вольному найму как энтузиаст и видел, что те, кого он судил, живут в гораздо лучших условиях, что и сам лагерь блестел чистотой, там не было ни вони, ни даже намека на вошь.

Но все это область чистой эмоции – кто-то кому-то завидует.

Выработка заключенных была гораздо выше, чем у вольнонаемных, хотя денег заключенные не получали за свою работу, а

только премии – один или два рубля в месяц. Я и Павловский, Кузнецов и Лазарсон получали по тридцать рублей, Миллер – пятьдесят. На все эти деньги мы имели право получить бонами за подписью Глеба Бокия – расчеты и знаки, о которых не упоминает автор монументального труда о русской денежной системе. Я долго хранил у себя в архиве несколько лагерных бон, но потерял в конце концов этот эффектный документ. В лагерьном магазине продовольственных и промтоваров и торговали на лагерные боны. Все стоило копейки – в соответствии с курсом червонца 1922 года.

Вот тут и искали вредительство. Но где? В приписках? Никаких приписок обнаружить не могли. Проверить документы по подсыпке – а Березники стоят в яме, на насыпном грунте – не было физической возможности. Проверка нарядов подтвердила полную правильность актов и замеров, подписанных лагерными работниками и работниками комбината. Вообще бригадиров, чьи бригады не выполняли 130%, не держали

ни одного дня на строительстве. Выбор был – этапы, которые шли мимо в управление день и ночь, давали возможность выбрать и задержать лучших людей: создать угрозу перевода в худшие условия – вечный лагерный аргумент еще с Акатуйской каторги.

Так вот, четыре месяца велось следствие, допрашивали нас и ничего путного получить не могли.

Да, шили секретарю райкома Шахгильдяну в лагере кожаное пальто. Он заплатил за него полную цену. Разве такие вещи не разрешаются? Разрешили такое же пальто сшить и Грановскому, начальнику строительства, шили и Чистякову, главному инженеру.

Да, покупали вольные в лагерьном магазине продукты. Да, главный инженер Чистяков жил со своей курьершей, красоткой из ээка.

А дело было очень простое. Следовательно никак не знал, как подступить к этой специфике лагерей. Дело было очень простое и в то же время очень большое. Надо было вернуться на строительстве к самому его началу по крайней мере год назад. И то давнее преступное решение было гениально просто и не могло быть разоблачено через год.

Год назад Грановским, начальником строительства, или комиссией из Москвы – это все равно – было обнаружено, что первой очереди Березниковского комбината, по которой уже произведены миллионные выплаты, попросту говоря, в природе нет. Не построен ни один из этих шестнадцати заводов, которые должны были представлять первую очередь. Все эти шестнадцать заводов стоят в яме на огражденной территории, которая по плану должна быть подсыпана. Песок находился в десяти километрах. И от туда еще с зимы двадцать восьмого года возили песок на грабарках местные крестьяне. Этих нанятых грабарей было человек шестьсот. Шестьсот якутских лошадей⁶⁰ смело начали подсыпать комбинат. Им платили наличными деньгами, для чего существовал московский десятник Миша Долгополов, принимавший работу, отмечавший наряды и гулявший в ресторане «Медведь» в Усолье на другом берегу Камы.

Выяснилось, что выплачены все деньги за всю первую очередь строительства вперед.

Петля висела и над Грановским, и над его заместителем Омеляновичем, потом Чистяковым. И инженер, и администратор бежали из Березников, боясь, но Грановский, начальник по путевке ЦК, не мог спастись бегством. Вот тут-то ему и подсказали гениальное решение – привлечь лагерь к строительству. Не потому, что это такие гиганты-геркулесы, которые будут делать пятьсот процентов, а потому, что там есть одна возможность, о которой Грановский и не подозревал. Возможность залатать все заплатки заключалась в бесплатном лагерном труде. Лагерь не потому мучителей, что там заставляют работать, а потому, что там заставляют работать бесплатно, за пайку хлеба горы воротить. В лагере никогда не учитываются работы этапа, транзита, проходных работяг. Лагерь всех проходных работяг бросал на подсыпку. Ночь переночевали и под конвоем пустились в дальний путь.

Вот эти десятки тысяч транзитников быстро поправили дела комбината, и Грановский избавился от суда. Конечно, сроки были нарушены, но жизнь и даже честь была спасена.

Месяца через три этой бесплатной транзитной работы сотен тысяч⁶¹, которых кормили супом, а то и супа не давали, честь комбината была спасена, и территория была

60 «Якутских» – имеется в виду: низкорослых, каких Шаламов видел на Колыме и в Якутии.

61 «Сотен тысяч» (как и далее «миллион») – эмоциональная гипербола: через Березники проходило транзитом гораздо меньше заключенных, т.к. более крупных строек на Северном Урале не велось. В целом история с М.А. Грановским представляется маловероятной. В 1933 г. начальник Березниковхимстроя (расстрелянный в 1938 г.) был награжден орденом Ленина «за выдающиеся заслуги в строительстве крупнейшего в Советском Союзе химкомбината».

подсыпана настоящим песком, добытым в настоящем лесном карьере, и соединена настоящей железной дорогой с настоящим вагоном.

Руководитель комбината руководил и лагерем (такой переплет!), отбирая лучших работяг, покупая инженеров. Стуков бил на орден, а Миллер – на досрочное освобождение. Правда, инцидент с Берманом поубавил надежд Миллера, но Стуков обещал, что все будет в порядке, и активность Миллера не уменьшилась.

И вдруг дело Стукова!

Четыре месяца продолжалось следствие. Целых два месяца нас допрашивали, выводя прямо в белье в кабинет следователя. Все следствие возглавил Агриколянский. Жигалев, отсидев на губе, был снят с работы. Агриколянский передопросил меня по тем же вопросам, на этот раз не давая мне писать ответов, а записывая их своей рукой. Это только задержало следствие, ибо ничего нового из меня Агриколянский не выжал, хотя и допрашивал целые часы. Я уже был приведен в знакомое мне состояние крайнего бешенства и мог выдержать – или так мне казалось – и сотню Агриколянских. Все мои допросы были кем-то исчерканы красным карандашом. Этот красный карандаш тоже не мог пролить света на пути следствия.

Ни начальник, ни Миллер даже не допрашивались – именно против них собирали материал. После двухмесячного сидения в белье и хождения по допросам нас увезли на этап – несколько саней с конвоем повезли меня по знакомой дороге Соликамск – Вижаиха. В третий раз за один год. Все мои однодельцы в управлении еще не бывали, и я описывал им вишерские порядки и красоты.

Через двое суток привезли нас на Вижаиху и посадили опять в изолятор, опять в карцерный, на этот раз в центральный. Карцерные порядки, режим универсальный. Допросы начались в ночь приезда.

В центральном изоляторе мы просидели месяца два, допрашивали несколько раз с теми же угрозами и с тем же результатом, все пытались раскрыть березниковскую тайну, звали, чтобы я «пошел в сознание» и не защищал врагов государства. На следствии они пытались и не могли понять, как был построен гигант пятилетки и в чем, собственно, тут дело. Нас здесь не держали взперти, как в Лёнве, в Березниках, а заставляли работать на дворе самого изолятора: копать ямы для столбов, рыть траншеи – бесплатно и безучетно. И следователь, заставляющий нас махать лопатами бесплатно, никак не хотел догадаться, что в этом бесплатном труде и была разгадка всего нашего дела, разгадка тайны, которую не разгадала и Москва.

Бесплатный, безучетный труд каждого и должен быть умножен в миллионы раз – вот и вырос Березниковский гигант, за который начальник строительства получил Красное Знамя. Стукова и Миллера этой наградой обошли.

Рабский труд, бесплатный труд арестанта – вот разгадка всех успехов комбината, весь провал первой очереди, которая называется «пусковой период», был перекрыт с помощью арестантского труда.

Только все это надо было делать умно – не вести учета, не заводить двойную бухгалтерию, а просто все валить на транзит. Голодный транзитник за пайку хлеба поработает охотно и результативно – день, на который его задержали из-за отсутствия вагонов.

А если транзитников – миллион?

Десяток таких гигантов, как Березниковский, можно было построить. Миллион транзитников – это уже масштабы Москанала, Беломорканала, Колымы.

Настал день, когда нас не вывели на работу с обеда, а повели через двор всех шестерых и ввели, вернее втолкнули, в дверь одного из трех барakov, стоящих в углу изоляторной зоны и называемых в управлении пересылкой. Выход из этой новой зоны был

и внутрь и наружу – внутрь зоны лагеря, где было расположено управление Вишлага. Вслед за нами втолкнули кого-то еще. В палатке и стоять было тесно. Забиты были все нары – верхние, нижние. Я стоял под самой лампочкой, и кто-то с верхних нар подергал меня за стриженные волосы.

– Эй ты, москвич!

Это кричал Сережа Рындаков, мой первый учитель лагерного быта Вишеры двадцать девятого года. Сережа был порчак, штымп ботайский⁶², осужденный как СОЭ на три года. Хорошо грамотный хулиган, родственник какого-то московского чекиста, Сережа был весь в шрамах, в рубцах. На обеих руках его были вскрыты вены – попытка самоубийства. На животе вздувались продольные рубцы – след бритвы – «писки». Сережа был крайний истерик, искатель правды, что в лагерных масштабах привело к болезни и к раннему туберкулезу.

– Всех выпускают! – прокричал Сережа. Он всегда все знал.

– А ты здесь за что?

– За марафет.

– Что-то по тебе не видно.

– Я уж здесь давно – все уже вышло.

Наш разговор привлек внимание кого-то, лежащего под нарами, и, раздвигая чужие ноги, на свет выбрался человек, грязный, заросший густой черной бородой, сверкающий черными глазами. Что-то знакомое было в его усмешке:

– Не узнаете? Я Пекерский.

Пекерский был как раз тот уполномоченный, который допрашивал меня в Березниках, положивший передо мной на столе стопку показаний лагерных сексотов. Я пожал руку Пекерского от всей души. Он, оказывается, тоже сидел по нашему делу.

– Жму вашу руку с удовольствием, – сказал я.

– А я вашу – с уважением, – помолчав, сказал чекист Пекерский.

И до сих пор это одна из лучших похвал, какие я слышал в жизни.

Пекерский уполз под нары. Всех бывших прокуроров, уполномоченных, работников органов всегда в изоляторе загоняли под нары. Там было их место.

Скоро нас вызвали для прочтения приговора после четырех месяцев следствия. Оказывается, привлекли многих, до сотни людей. Из них мы были главные герои.

Я слушал наш приговор и не верил своим ушам: «...за систематические избиения заключенных, за кражу государственного имущества, за понуждение к вступлению в половую связь, за систематические кражи и обман государства таких-то и таких-то заключенных (перечислялись наши фамилии и должности) – водворить в штрафизо со сроком на четыре месяца каждого и подвергнуть тяжелым физическим работам до конца срока заключения».

Четыре месяца – это был как раз срок следствия, нам давали юридическое основание уже совершенного произвола. Вот это и была классическая сталинская амальгама – новый, чисто сталинский способ расправы с политическими врагами с помощью уголовных статей. Новый метод, новый вклад в правовую науку, который лично и всю жизнь культивировал Сталин. Клевета, возведенная в принцип.

Но Сережа Рындаков был другого мнения по поводу этих провокационных формул.

– Я смотрю на ваш приговор иначе, – сказал он, – и радуюсь за тебя.

– Что за бред?

– Совсе не бред. Вредительства-то, модной болезни века, вам не пришили. Вот самый главный, по-моему, вывод. Во-вторых, вас немедленно освобождают – всех! А ведь

---

62 «Порчак» – вор-новичок, «штымп ботайский» – никемный, болтливый (жаргон).

в вашем деле за сотню людей. Всех в один день и час выпускают. Выпускают, конечно, не на волю, а в лагерь, в зону. И все же. Гляди, вещи уже несут.

Действительно, кладовщик тащил с собой много завязанных мешков, какую-то ведомость укреплял на столике. Стали получать вещи. Правда, все наши вещи были раскрадены еще в Лёнве самими же, наверное, кладовщиками – ведь никто ни в Лёнве, ни на Вишере не считал, что мы останемся в живых. Но у арестанта есть возможность при всех обстоятельствах получить комплект лагерной одежды. Не важно, второго или двадцатого срока. Да и сам момент был не таков, чтобы оспаривать, качать какие-то права.

Мы вышли в лагерную ночь. Каждому сказали, куда он выйдет завтра на работу. Насчет труда тут учет был поставлен неплохо.

Кузнецов

Транзитка, перевалка человеческого потока в Березниках позволяла начальнику лагеря Стукову отобрать для себя лучшую рабочую силу: технических специалистов, рабочих высокой квалификации, физически самых крепких людей из всех, отправляемых в Красновишерск, на Вижаиху, в Управление Вишерских лагерей, на строительство бумкомбината. Лишь некоторых заключенных особой квалификации начальник должен был отправлять в управление без задержки. Это были инженеры-шахтинцы вместе с Бояршиновым. Были и такие, как знаменитый в то время Самойленко-Гольдман. Самойленко-Гольдман был аферист, выдававший себя за инженера с американским дипломом.<...>

Моим соседом в комнате для десятников стал на многие месяцы Павел Павлович Кузнецов – московский сантехник тридцати пяти лет. Тридцать пять лет – это возраст преступлений. К этому времени человек убеждается, узнает, по Гейне, «отчего под ношей крестной весь в крови влачится правый, отчего везде бесчестный встречен почестью и славой»⁶³. Честный человек логическим путем доходит до мысли сделать преступление. А так как он, этот честный человек, неловок, не успевает отскочить в сторону после того, как он нарушил какие-то законы, – его ловят, судят и приговаривают к сроку наказания, после которого нет возврата в нормальное общество.

Какими бы массовыми ни были аресты в 1937 году, как бы эта коса ни косила всех подряд без всякого выбора – понятие преступления, вины было искажено безмерно, – все равно на душе каждого, прошедшего лагерь той поры, остался вечный след, вечный рубец. В двадцатые годы преступление было еще преступлением, а не сознательной политикой государства.

Вот потому-то честный человек, потомственный интеллигент московский, Павел Павлович Кузнецов пил. Кузнецов и украл: все воровали, и он украл. Но все отскочили в сторону и отделались испугом, а Кузнецов получил срок – семь лет тюрьмы по 169-й статье. 169-я статья – это мошенничество; преступление Кузнецова – кража вагона спецодежды, продажа вагона спецодежды в частные руки.

Павел Павлович, невысокого роста, «лобан» с огромной головой, с пухлым лицом, узкими глазками, был из культурной московской семьи, постоянный посетитель оперы и балета в Большом театре, поклонник Художественного театра.

63 Из стихотворения Г. Гейне «К Лазарю» (1858) в переводе М.Л. Михайлова.

В свободные часы Павел Павлович мне напевал всего «Князя Игоря», «Сказание о граде Китеже», всего «Евгения Онегина», «Русалку»; оперы в своеобразном концертном исполнении изучены мною именно тогда, в бараках Вишерских лагерей, учителем моим был Кузнецов. Такие пьесы, как «Дни нашей жизни» или «Савва» Леонида Андреева, Павел Павлович знал наизусть. Музыка была его потребностью, его жизнью даже в лагере.

К сожалению, Павел Павлович пил запоем на воле и при каждой возможности – в лагере. Кузнецов был руководителем работ на одном из участков в лагере (на Верхней Вильве – в каменных карьерах), но запил и был снят с работы.

Кузнецов был болен позорной русской болезнью – запоем. Поэтому, как бы отлично он ни работал, все кончалось изолятором и снятием с работы. Но все имеет свой конец, кончился и срок Кузнецова.

Я встретился с Павлом Павловичем в Москве. Этот пьянчужка был мне дороже троцкистских ханжей – трезвенников. Я встретился с ним на Моховой, в квартире его сослуживца и покровителя инженера Татаринцева – это известное имя в технических кругах тогдашней Москвы. Павел Павлович подрабатывал деньги, чертил какие-то чертежи, составлял сметы. Заказ на эти работы получал сам Татаринцев, он же и подписывал сметы и получал гонорар, не забывая, конечно, и Павла Павловича. Имя Татаринцева было большим, гонорары соответствовали имени. Знакомая вечная картина и для техники, и для литературы.

Павел Павлович чертил, поднимая настроение тогдашней «рыковкой» – сорокаградусной водкой. Пил он стакан за стаканом, закусывая солеными огурцами в малом количестве. После одного из стаканов Кузнецов упал и заснул. В Москве он места не нашел. Уехал, кажется, в Алатырь.

Больше в жизни я Кузнецова не видел.

Жидков и Штоф

Я не был тогда фельдшером, но со страхом поглядывал на бесконечные ряды новеньких барачков, которые занимали прибывающие сверху, с бумкомбината, с лесозаготовок Усть-Улса активированные комиссией прокурора Покровского по 458-й статье лагерные инвалиды. Почти все они с палочками, с костылями, с отмороженными культями. Саморубов там не было. Саморубов, чью кровь даже колдуны не заговаривают, по русскому поверью, не отправляли вниз, на Пермь. Саморубы оставались вверху. Инвалиды, активированные по 458-й статье, переполняли бараки. Цинготные раны, цинготные шрамы и рубцы, цинготные контрактуры. Черные шрамы, черная, темно-фиолетовая кожа. Зрелище было впечатляющим. Инвалидов отправляли вниз по Каме.

Но цинга началась и у нас. Опухшие ноги, кровавые рты, бараки инвалидов с Севера стали быстро заполняться людьми, которые никогда не бывали на Севере, которых Север только ждал... Можно было подумать, что цинга – это инфекция, заразная болезнь, что какой-то вирус оставлен в наших бараках северными гостями. Но ведь цинга не заразна.

Начальником санчасти был у нас Николай Иванович Жидков, «Жидков через «д», как он энергично подчеркивал при первом знакомстве. Николай Иванович Жидков имел срок десять лет – высшую дозу по мерам того времени, по статье 58, пункт 12

– тот самый пункт, по которому судили провокатора Окладского⁶⁴. Николай Иванович Жидков любезно разъяснял, тоже с первых минут знакомства, что произошла ошибка – была провокация, был провокатор, но фамилия его была Житков через «т», а он, Николай Иванович, – через «д». Николай Иванович был красавец, – молодой, высокий, черноглазый, давний поклонник Маяковского. Это он, Жидков, первым сообщил мне о самоубийстве поэта в апреле 1930 года.

– Твой Маяковский-то – того, – и передал мне статью из центральной газеты с портретом Маяковского в траурной рамке.

Николай Иванович Жидков был не врач и вообще не медик. Должность начальника санчасти была административной. История Вишерских лагерей знает примеры, когда во главе санитарного управления огромного лагеря на сто тысяч человек стоял обыкновенный уполномоченный НКВД, некто Карновский, в тридцать первом, кажется, году.

Жидков, как и Стуков, подбирал в свой аппарат спецуказанцев⁶⁵ из этапов. Но, опасаясь конкуренции, Николай Иванович боялся оставить врача или фельдшера в качестве своего сотрудника. Поэтому все медики на участке нашего отделения, которым управлял Николай Иванович Жидков через «д», не имели ни медицинского образования, ни медицинских знаний. Такую политику Николай Иванович обосновывал вполне авторитетно и вполне открыто.

– Был бы честный человек – спирт не выпьет. А медицина не такое уж важное дело в лагере.

Поиски честного человека, производимые доктором Жидковым через «д», приводили к тому, что количество цинготников быстро росло. Цинготники заполняли бараки, ложились тяжким грузом на группу «В»⁶⁶.

Цинготников вышел лечить сам начальник отделения Стуков. Он вышел на крыльцо, и перед его опытным глазом проковывало несколько сотен арестантов. Начальник распорядился гонять больных каждый день по часу. Со следующего этапа начальник, вопреки желанию Николая Ивановича Жидкова, оставил в качестве леккома военного фельдшера Штофа. Цинготникам стали давать картофель, репу, дело пошло на лад. Николай Иванович Жидков через «д» был направлен в распоряжение санотдела управления, а начальником нашей санчасти стал вчерашний арестант военный фельдшер Штоф.

Штоф никого в лагере не знал. Порядков, на которые надеялся Николай Иванович, и вовсе не ведал. Отделение наше стало выползать из медицинского прорыва.

«Прорыв» – это модное слово тридцатых годов, слово строек первых пятилеток. Ни одна из них не проходила без «прорыва». Со Штофом был забавный случай, относящийся к лету тридцатого года. В лагере ждали большую московскую комиссию, которая начала объезд Севера с управления, а сейчас возвращалась в Москву. Тогда еще ни маршалских, ни генеральских званий не было, но если считать на ромбы, то эта комиссия выглядела весьма солидно. Менее двух ромбов никто из двадцати членов этой комиссии не носил.

Комиссия приехала, лагерь был приведен в безмолвие, и гости пошли из барака в барак. Каждый начальник рапортовал гостям на своей территории. Доктор Штоф – его

64 Иван Окладский – провокатор, выдавший в 1881 г. членов «Народной воли». В 1925 г. Верховным судом РСФСР был приговорен к расстрелу, замененному пожизненным заключением. Статья 58-12 – недонесение.

65 Спецуказанцы – заключенные, имевшие от Особого Совещания при ОГПУ специальные указания по их использованию в лагерях.

66 Группа «В» – больные.

уже звали доктором! – в белом халате, в военной форме рапортовать кинулся к Берзину, человеку огромного роста, в петлицах которого было три ромба и который, по мнению военфельдшера Штофа, непременно должен быть тут старшим по чину. Но Штоф ошибся. После первой фразы рапорта Берзин отступил в сторону и сказал: «Вот начальник», – показал Штофу рукой на маленького человека в кожаной куртке. Маленький человек поспешно распахнул кожаную куртку и показал свои петлицы – четыре ромба. Это был Берман, начальник ГУЛАГа. Штоф до того растерялся, что не мог вымолвить ни слова. Берман махнул рукой, и комиссия направилась в барак санчасти.

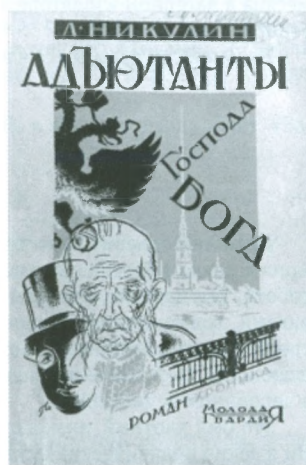
Не знаю дальнейшей судьбы Штофа.

Осипенко

Заведующим хозяйством Березниковского отделения лагеря был Иван Зиновьевич Осипенко. Осипенко – историческая фигура. Фамилия его встречается в книге Щеголева «Падение царского режима»⁶⁷. Осипенко был секретарем митрополита Питирима, того самого князя церкви, который рекомендовал государю Распутину. Осипенко принимал участие и в распутинских делах, был розовощеким энергичным молодым человеком, ворочающим большими делами.

После революции он скрылся; хитрый и ловкий, он поступил на службу не более и не менее, как в Управление ленинградской милиции. Так что в создании охраны революционного порядка первых лет революции есть немалая доля Ивана Зиновьевича Осипенко. Ход этот был очень удачным. Всех распутинских секретарей изловили и судили, а Осипенко работал делопроизводителем в Управлении милиции и в ус не дул – до 1924 года.

В 1924 году вышла книга Льва Никулина, старого сотрудника ЧК, допущенного и всегда допускавшегося к секретным архивам чекистов. Книга – документальный роман – называлась «Адьютанты Господа Бога»⁶⁸. Книга имела успех – падение самодержавия! – вчерашнее прошлое России, где действуют и Распутин, и

Обложка книги Л. Никулина

67 См: Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Редакция П.Е. Щеголева. М.-Л. ГИЗ, 1927. Т.VII. С. 392 (Указатель имен) – «Осипенко Ив. Зин. (1882), секр. Петрогр. Митр. Питирима...» Очевидно, Шаламов познакомился с этим изданием в начале 1960-х гг., когда заинтересовался судьбой Осипенко. См. след. примечание.

68 Книга Л. Никулина «Адьютанты Господа Бога» вышла в 1927 г. Шаламов упоминал о ней и об истории с Осипенко в очерке «Вторжение писателя в жизнь», написанном в начале 1960-х годов (ВШ7, 7, 62-68). В очерке фигурирует правильная дата издания книги Л. Никулина – 1927 г. Ошибка свидетельствует, что Шаламов не заглядывал в свои старые рукописи и повторял сюжеты по памяти.

Митя Рубинштейн, и митрополит Питирим, и Осипенко. Книга Никулина написана по документам, которые ему предоставили в ЧК. Сама ЧК обратилась к своему собственному изображению и сквозь лупу Шерлока Холмса рассмотрела и сюжет «Адьютантов Господа Бога», и действующих лиц документального романа.

Осипенко был пропущен через центральный розыск и найден в ленинградской милиции. Арестован и осужден все по той же статье 58, пункт 13 (служба в царской полиции). Срок у него был восемь лет.

В тридцатом году шел последний год его заключения. Внезапно он был арестован в числе административных лиц из лагерного Березниковского отделения (так же, как и я), и его допрашивали по делу начальника Стукова. В моем присутствии уполномоченный Жигалев (тот, которого потом арестовал Стуков) допрашивал Осипенко, и Осипенко кланялся Жигалеву в ноги, обнимал его сапоги и твердил: «Не губите, гражданин начальник!»

Конечно, в своих показаниях на Стукова Осипенко был всех красноречивее, всех обстоятельней! Но дело кончилось ничем для Стукова. Как и я, Осипенко просидел четыре месяца в лагерном изоляторе, а потом был отпущен на все четыре стороны внутри лагерьной зоны.

Дальнейшей судьбы его я не знаю.

Павловский

Иван Анатольевич Павловский – бывший царский офицер, не служивший в Красной Армии. Таких в России было немало. И все они были на одной и той же неофициальной работе. Все царские офицеры пошли по счетной части – стали бухгалтерами, плановиками, экономистами. Павловский работал главным бухгалтером в Москве в каком-то тресте и заболел модной болезнью – проиграл казенные деньги на бегах. Растратчика судили по 116-й статье и дали семь лет. Проиграл Павловский пятнадцать тысяч рублей в червонном исчислении.

Это был плотный, низколобый, черноволосый, неунывающий господин лет сорока. Ни в какие политические суждения Павловский никогда не пускался, никогда даже не слушал разговоров на какую-либо постороннюю тему, кроме службы, всегда уходил предусмотрительно. Когда я был арестован в лагере, уполномоченный из заключенных Пекерский оставил на столе показания осведомителя по кличке «Звезда», касавшиеся меня, написанные знакомым мне четким, прямым почерком Павловского. В показаниях давалась мне подробная характеристика как врагу государства, начальства и власти. Павловскому сдавал я дела при назначении Миллера на должность руководителя работ от лагеря – так это называлось на Березникхимстрое тогда.

Павловский был человек способный, веселый, неутомимый. Как дикарь, он не имел времени перехода от сна к бодрости. Стоило только тронуть его за плечо – и Иван Анатольевич мог отвечать на любой вопрос.

Павловский оставил мне на всю мою последующую жизнь один афоризм житейский. Павловский, бывший офицер, был большим поклонником генерала Гурко, известного военного публициста царского времени, автора «Полевого устава». «Не держись устава, как слепой стены» – эту цитату, эпитафию к уставу полевой службы, Павловский часто вспоминал. Но еще чаще вспоминал Павловский конец одной из многочисленных

речей генерала Гурко. Звучала эта цитата так: «Солдаты! Не говорите, что вы ляжете костями и враг перейдет только через ваши трупы. Пусть ляжет он, а перейдете – вы!»

Это – афоризм, помогающий жить, безусловный, хотя автор этих слов не Наполеон и не Клаузевиц, даже не Скобелев.

Руководитель работ поставил старших десятников по несколько на участок, в зависимости от рода работ: грузчики, землекопы, слесаря, монтажники, плотники, каменщики и т. д. Старшие десятники распоряжались просто десятниками, и у каждого десятника было несколько бригад во главе с бригадирами – работягами или освобожденными, в зависимости от условий.

Любимцем Павловского был Александр Ипполитов – кучер призового рысака, на котором в Нижнем Новгороде после ограбления банка увезли деньги. Кража была за миллион, и нашли очень мало. Поэтому и нижегородский извозчик, вовсе не член банды, а нанятый гастролер, получил расстрел с заменой десятью годами. Редчайший случай по таким делам.

Со мной в первом арестантском этапе в 1929 году шел на Вишеру Шилов со сроком четыре года. Шилов был шофер машины Госбанка. По условиям он должен был остановить машину в заторе – ограбление было на Неглинной, за два квартала до Госбанка, – пока грабители начнут и кончат свое дело. Грабители исчезли с деньгами, и судили только Шилова за то, что он остановил машину. Дали ему всего четыре года. И вдруг расстрел за увоз!

Я с детства знаю исторический побег Кропоткина⁶⁹. Да и каждая лошадь знает: «Барьер!».

И вдруг грабитель Шура Ипполитов!

– Как звали твоего коня?

– Это кобыла. Матильда. А тебе на что?

– Так.

Васьков

Отделы труда за те четыре месяца, что я сидел в изоляторе под следствием, реорганизовали и превратили в УРЧ – учетно-распределительные части, собиравшиеся в УРО – учетно-распределительный отдел при управлении лагеря.

Новым начальником УРО был Васьков – тот самый Васьков, именем которого названа магаданская тюрьма – «дом Васькова». В Магадане в середине 1930-х годов Васьков был первым начальником лагеря, замещал Филиппова, который болел тогда, и выстроил первую тюрьму, обессмертив свое имя. Не более Филиппов – заместитель Берзина по лагерям, – называться бы тюрьме «дом Филиппова». Это было тем более справедливо, что Иван Гаврилович Филиппов умер там от инфаркта в одной из камер в декабре 1937 года⁷⁰. Но тюрьма называлась «домом Васькова».

Васьков был красный, плотный, подвижной человек, с высоким звенящим тенором – признаком великого оратора вроде Жореса или Зиновьева. Оратор был Васьков никакой. К заключенным он относился неплохо, большого начальника из себя не строил.

69 Побегу революционера П.А. Кропоткина из арестантской больницы в 1876 г. была посвящена большая литература. Кличка рысака пролетки, на которой убежал Кропоткин, была Варвар.

70 См. уточнение даты в *Именном указателе*.

Р.И. Васьюков. Вишера.
Начало 1930-х гг.

Мучился он катаром желудка, кабинет был весь наполнен бутылками какой-то минеральной воды. Минеральная вода стояла в столе, на окнах, на полу его кабинета. Однажды во время выездной ревизии Москвы, которую проводил член коллегии ГПУ Призьба, Васьюков опоздал убрать эти бутылки.

– Это ваш кабинет? – густым басом спрашивал крошечный Призьба с тремя ромбами в петлицах.

– Мой, – высоким тенором отвечал Васьюков.

– Откройте стол.

Васьюков открыл ящик письменного стола.

– Шкаф откройте.

Васьюков открыл шкаф. Шкаф был набит пустыми бутылками.

– А это что такое?

– Минеральная, – пропел Васьюков, – не водка же.

Призьба уже выходил из кабинета.

Васьюков не читал ни книг, ни газет и все свои выходные дни проводил одинаково: набрав в сумку патронов от мелкокалиберки, садился в саду около вольного клуба и стрелял в листья целый день. Семьи у него на Вишере с собой не было, а выпивка, как я догадался по обилию бутылок из-под минеральной воды,

была Васьюкову запрещена. Раздутый живот, который Васьюков с трудом затягивал поясом, привлекал мало военного его в общем-то бравой фигуре.

Человек он был суждений самостоятельных, не глядел в рот ни Берзину, ни Филиппову, вот и был назначен новым и первым начальником УРО.

– Ну что, Шаламов, что ты хочешь теперь? Где будешь работать? Я мог бы тебя отправить назад, но там ведь все уже новые.

Еще бы, четыре месяца – это четыре века. Нет, я не хотел ни к Стукову, ни к Миллеру, и в Березники не хотел.

– Устраивайся здесь, в первом отделении. Придешь – договор оформим.

– А у вас нельзя?

– Где у меня? В УРО? Ты хочешь работать у меня в УРО? Смотри, – и Васьюков позволил. – Ну, Александр Николаевич, знакомьтесь с новым нашим работником.

Александр Николаевич Майсурадзе, начальник контрольного отдела УРО, был осужден по пятьдесят девятой статье за разжигание национальной розни, работал кинемехаником на воле и стал формировать УРО.

– Это герой березниковского процесса.

– В инспектуру ко мне.

– А в статистику?

– Да вы что, зачем Егорову?

В УРО работы было очень много. Работали пять-шесть человек из заключенных. Работал я как представитель УРО с комиссией Кузнецова по набору блатарей в большевскую трудкоммуну⁷¹. Работал с прокурором Покровским по отбору и актированию по 458-й статье, т. е. инвалидов.

71. Большевицкая трудовая коммуна ОГПУ № 1 – подмосковное исправительно-воспитательное учреждение для малолетних правонарушителей, созданное в 1924 году и просуществовавшее до 1937 г. Большевицкой коммуне посвящен известный фильм «Путевка в жизнь» (1931).

Посмотрел не без пользы и интереса, как все это делается практически – как подбирают людей, о чем с ними говорят, как им задают вопросы, как они отвечают – это был еще новый для меня мир. Для комиссии Кузнецова обязательен был личный опрос, беседа, впечатление. В беседе вместе с Кузнецовым принимали участие приезжие «суки», тогдашние перекованные, которые еще бегали «по огонькам» с хозяевами Вишеры. Для комиссии Покровского инвалидов не требовалось разглядывать лично. Просто собирались дела по списку представленных к освобождению инвалидов – сколько там было членовредителей, сколько саморубов. Отбирали дела, и Покровский просматривал и отбрасывал их в две стопки: направо – на освобождение, в список, налево – сидеть в лагере.

Покровский отбирал и проверял по статьям. 58-6⁷² с любым сроком под освобождение по инвалидности не подходила. Да были и другие статьи, более модные, то облегчавшие, то утяжелявшие участь арестантов.

Но дело было еще кое в чем. Покровский освобождал вовсе не всех, кто подходил по всем статьям и был инвалидом. У него было заказанное заранее число, предел, больше которого он не мог освободить. Лагерь представлял на освобождение инвалидов гораздо больше, чем их освобождали. Но Покровский обладал теоретически выведенной нормой инвалидности, и все остальные оседали в лагере до конца срока. Я хорошо это понял, когда Покровский округлил цифру до двухсот человек, указал на кипу «непопавших»:

– А этих включите на следующий год.

Так что даже инвалидность в лагере имела свои пределы формальные. Случилось мне за это время принять участие в одной важной комиссии.

Вопрос поездки был такой: может ли лагерь принять на свое снабжение и производственное наблюдение чердынские леспромхозы с рабочей силой – переселенными кулаками.

Поездка в Чердынь

В это время – в конце 1930 года⁷³ – мне довелось участвовать в одной очень интересной комиссии по обследованию чердынских леспромхозов, не выполнявших план. Комиссия была организована приказом Москвы, и входить в нее должны были начальники лагерных учреждений. Но высокое лагерное начальство лениво, не очень любит лично участвовать в многодневных поездках с неналаженным бытом, да еще в 1930 году, когда все продукты надо было брать с собой. Гораздо проще послать своего заместителя или заместителя заместителя, а акт утвердить и подписать потом.

Вот так вместо самого Берзина и его заместителя по лагерю Ивана Гавриловича Филиппова поехал в качестве председателя Василий Николаевич Кудрявцев, начальник первого отделения лагеря. Вместо начальника санчасти Карновского ехал врач, брюзжащий, недовольный. Представителем самого лагеря выступал мой старый знакомый, комендант 1-го отделения Нестеров, тот самый, что шибал своим волосатым кулаком

⁷² Статья 58-6 УК РСФСР 1926 года – шпионаж.

⁷³ Неточно – поездка состоялась в январе 1931 г. Ср. далее: «В том же январе 1931 года...» См. также *Хронику пребывания В. Шаламова в Вишлаг*.

Лесозаготовки. Начало 1930-х гг.

любого арестанта одним ударом с ног. Вот этот Нестеров и ехал в одной кибитке со мной в качестве члена комиссии от управления лагерей. Четвертым был следователь какого-то третьего или четвертого ранга, но вольнонаемный, конечно. От УРО должен был поехать Васьков, но, узнав, что в Чердыни придется ночевать, да не одну ночь, поручил эту обязанность своему заместителю по статистике – Егорову, позже расстрелянному на Ко-

лыме. Решили послать Майсурадзе – начальника контрольного отдела, хотя тот и был заключенным. Тот отказался: прибыл большой этап.

– Ну, что же – кто? – Васьков шагал по комнате. – Уже подвода стоит у вахты!

– Да вот Шаламов пусть едет.

– Ну что, где твои вещи?

– У меня все с собой.

– Ну, – и Васьков, обрадованный, что ехать ему не надо, привел меня к саням высокой комиссии.

Три кибитки наши ехали в густых сосновых борах, по змеистым дорогам – от леспромхоза к леспромхозу.

Работы были брошены, пилы нигде не визжали. Нас сопровождал местный комендант, как он отрекомендовался, и показывал нам брошенный поселок, свежесрубленные избы с открытыми дверями, с железными печурками, где не было огня и дыма.

Это были поселки ссыльных по коллективизации. Кубанцы, не державшие в руках пилы, завезенные сюда насильно, бежали лесами. Остался только комендант, получавший жалованье и хлебные карточки в Чердыни.

Чердынь снабжала лесом наш же лагерь – Красновишерск, и вопрос был поставлен: могут ли лагеря взять на себя и снабжение, и главную работу в этих леспромхозах, обеспечат ли охраной такие поселки? Комиссия наша высказалась против передачи лагерю поселков и работы⁷⁴. Я писал протокол этой комиссии, а диктовал текст Кудрявцев, наш председатель.

Все живое из колонистов стянулось в Чердынь к нашему отъезду, и два номера чердынской гостиницы, где мы жили двое суток, подвергались атаке голодных и бесправных людей.

То, что лагерь их не возьмет, произвело самое угнетающее впечатление. Мы и вооруженный начальник подверглись атаке женщин и детей.

– Может быть, начальник хочет переспать с ней? Вот моя дочка.

⁷⁴ В конце 1931 г. по ходатайству местных властей леспромхозы были переданы в ведение Вишлага (ОГПУ), что позволило улучшить их продовольственное снабжение.

Я отдал полбуханки хлеба, который у меня был взят из лагеря.

Все это были вольные и ссыльные. Кудрявцеву, да и всем нам, бросались в ноги, ложились поперек саней.

Никто из нас не захватил хлеба, никакой столовой в Чердыни не оказалось. Но Нестеров захватил с собой, как более опытный, да притом местный житель, целый чемодан мороженых котлет, которые были съедены комиссией в гостинице перед отъездом домой.

Все мы ехали молча, молча и вернулись.

В это время приходилось мне знакомиться со сведениями Главного управления лагерей – ГУЛАГа⁷⁵. На 1 января 1931 года в СССР было шестнадцать лагерей: УВИТЛ (вместо УВЛОНа), Соловки, Караганда и один из наибольших по численности – Темниковский лагерь (Потьма). Всего в этих шестнадцати лагерях было около двух миллионов человек. Наш был одним из крупных – тысяч на шестьдесят, а самый большой – Темники.

Забегая вперед, скажу, что самый большой списочный состав лагерей был не на Колыме, не на Воркуте и не на БАМЛАГе. Самый многочисленный был ДМИТЛАГ, Москал с центром в городе Дмитрове, где умер Кропоткин, – один миллион двести тысяч человек. Это в 1933 году, и большей цифры заключенных не было.

Все это я рассказываю по памяти, разумеется. В том же январе 1931 года довелось мне съездить и одному, как инспектору для обследования Севера, 2-го отделения Вишерских лагерей.

Север был штрафным районом. «Загнать на Север» было всегдашней, понятной всем формулой угрозы начальства. Всякий лагерь, по идее, в примитивном виде осуществляет поощрение и углубляет наказание. Поощрение – бесконвойное хождение в поселок, легкая работа, даже не физическая. Наказание – перевод на тяжелые работы, отправка на штрафной участок. В самом штрафном районе существуют десятки возможностей двигаться сверху вниз, от должности начальника до пилы лесоруба и штрафизолятора. Вся шкала поощрений и наказаний разработана очень подробно и логично. Это в начале 1930-х годов она была осуждена за примитивность, за негибкость, за плохую результативность, переделана с начала до конца, введено было такое вооружение, как зачеты рабочих дней – гениальное изобретение, не менее гениальна шкала питания, стимулирующая производительность труда. Все это достигнуто опытно-эмпирическим путем и не представляет собой единой мысли какого-то злого гения. А лагерная система, без сомнения, гениальна, во всей ее глубине лежит все тот же грубый принцип поощрения и наказания детей, принцип воспитания.

Почтение к этому Северу было внушено мне всей моей жизнью летом на Вижаихе, еще до поездки в Березники. Поселок Вижаиха – иначе Красновишерск – стоит в низине, дорога в горы, на Север, крута, и хорошо видно, что делается на этой дороге.

⁷⁵ Очевидно, что Шаламов по своему статусу в то время не имел возможности знакомиться со статистикой ГУЛАГа, не мог он это сделать и позже, и речь идет об устных сведениях (слухах), распространявшихся в заключении и в обществе в 1960-е годы. Все цифры, приводимые писателем далее, многократно преувеличены. По современным данным, общее количество заключенных в СССР в 1931 г. составляло не более 300 тыс. человек. После передачи мест заключения в ведение НКВД лагерное население на 1 октября 1934 г. составляло 685 тыс. человек. На 1 января 1939 г. количество заключенных увеличилось до 1 млн. 289 тыс. человек, из которых 34% являлись жертвами репрессий 1937–1938 гг. Самое большое увеличение численности заключенных произошло после 1947 г.: к 1948 г. оно достигло 2, 4 млн. человек, в 1949–1952 гг. превысило 2, 5 млн. человек. (История сталинского ГУЛАГа. Собрание документов в 7 томах / Отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко. М. РОССПЭН, 2004. Т.1. С.39).

Степанов

Об антоновском мятеже на Тамбовщине в 1921 году опубликовано за последнее время очень много работ⁷⁶. Это было восстание, которое никак не могли подавить, пока не принял командование герой Кронштадта Тухачевский. Тухачевский пушками смел до основания все деревни, где жили заподозренные в участии в антоновском мятеже крестьяне, не отделяя мирных от немирных, не заботясь о жизни женщин и детей.

После этой артподготовки в уделевшие поселки были введены гарнизоны Красной Армии со сроком службы там до года. После этого мятеж пошел на убыль, и Антонова стали ловить. Антонова поймали, и огонь мятежа погас.

Во всех исторических работах об этом мятеже сказано, что Антонов был убит в перестрелке летом 1921 года. На самом деле судьба его несколько иная. Антонова застрелил родной брат, когда Антонов лежал в тифу, в бреду. Брат Антонова застрелился и сам. Вот такая смерть. Это смерть героя.

В отличие от всех армий, сражавшихся с Советами, в антоновских частях, как и в Красной Армии, были политические комиссары. Сам Антонов – бывший эсер, точнее, бывший народоволец из младших, осужденный на вечную каторгу и сидевший в Шлиссельбурге. Антонов был освобожден Февральской революцией и у себя на родине, в Борисоглебске, был начальником милиции, как Фрунзе, который тоже в эти месяцы был начальником милиции в Минске⁷⁷.

Политические комиссары Антонова выпускали газеты, листовки, где подробно объяснялось, за что выступает Антонов. Личная судьба, личная трагедия Антонова переключается еще с одной человеческой судьбой.

Летом тридцатого <тридцать первого>, после четырех месяцев изолятора и следствия по делу Березников, я работал в УРО Вишерских лагерей старшим инспектором по контролю использования рабсилы. Начальником контрольного отдела был Майсурадзе, который позднее был начальником УРО на Колыме и расстрелян вместе с Берзиным в 1937 или 1938 году. УРО никак не могло найти старшего делопроизводителя. Это должность, через которую проходит освобождение заключенных. Много менялось людей – и вольнонаемных, и заключенных: то взятки, то халатность мешали наладить эту работу.

В лагере не могли подобрать человека на эту работу, известили ГУЛАГ, и по спецнаряду из Москвы приехал один заключенный, бывший старший делопроизводитель Соловков. Звали его Михаил Степанович Степанов.

Конвоир сдал его дело (Майсурадзе был в отъезде), я вскрыл пакет, бегло просмотрел анкету. В царское время: семь лет в Шлиссельбурге за участие в организации

76 Историография «антоновщины» в 1960-е годы была весьма скромной, и Шаламов мог пользоваться лишь отдельными публикациями, которые были доступны в часто посещавшейся им Ленинской библиотеке (напр: *Трифонов И.* Из истории разгрома антоновщины в 1920–1921 годах // Военно-исторический журнал, 1968, № 9). Часть приводимых Шаламовым далее сведений соответствует реальным фактам, часть носит апокрифический характер. Легендарность особенно касается рассказа Степанова о гибели А. Антонова, составляющего также основу рассказа Шаламова «Эхо в горах». Это сознавал и сам писатель, замечавший (ср. очерк «Усть-Улс»): «В лагере жизнь любого человека окружена легендой... Почти всегда прошлое любого человека – это та жизнь, которую арестант выдумывает для себя»). Современный взгляд на Тамбовское восстание см: Антоновщина. Интервью О. Назарова с профессором В. Цветковым // Историк, 2021, № 6. С.62-69.

77 После Февральской революции М.В. Фрунзе был председателем Совета крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний, членом исполкома Минского городского Совета.

максималистов, последнее место работы в Москве – управделами НК РКИ⁷⁸.

Степанов ходил с палочкой – цинготная контрактура свела ногу после Соловков, да синих пятен на теле было немало – мы жили в одном бараке.

Дело у Степанова пошло хорошо. Он был знаком со всеми тонкостями «группы освобождения» – научен еще на Соловках. Каждый день в определенный час он делал краткий доклад об освобождении за сутки лично начальнику УРО. Сдавал памятку-поверку. Начальника УРО Васькова тогда замещал Майсурадзе. Майсурадзе

уехал в длительную командировку чуть ли не в Пермь, и кабинет его занял я, по должности старший инспектор. Каждый день в девять часов Степанов являлся ко мне, сдавал памятку и – не уходил, а оставался поговорить. Я его спросил в один из первых дней:

– Михаил Степанович, а за что ты сидишь?

– Я? Да ведь я Антонова-то отпустил.

И он мне рассказал удивительную историю, повторенную мной в рассказе «Эхо в горах» из сборника «Артист лопаты».

Семнадцатилетним гимназистом Степанов был арестован в числе эсеров-максималистов, оказавших вооруженное сопротивление. Все были повешены, и только несовершеннолетний Степанов остался жить и получил вечную каторгу, был посажен в Шлиссельбург. В Шлиссельбурге свой кандалный срок он отбывал вместе с Антоновым, будущим вождем тамбовского мятежа. «Мы ни разу не поссорились за два года», – рассказывал мне Степанов.

Когда кандалный срок кончился, Степанов перешел на общее положение. Он встретился в Шлиссельбурге с Серго Орджоникидзе и под влиянием бесед с ним стал держаться не эсеровских, а большевистских взглядов. После освобождения, в феврале 1917 года, Орджоникидзе не забыл Степанова. Весной 1917 года Степанов вступил в большевистскую партию, участвовал в Октябре, в гражданскую войну командовал сводным отрядом бронепоездов, действовал на антоновском фронте.

Тогда был дан приказ по всем частям: при захвате и опознании Антонов подлежит немедленному расстрелу.

– И вот, – рассказывал Степанов, – мне сообщают, что четвертая группа взяла Антонова. На этом участке фронта я был старшим. В своем вагоне. Говорю: «Введите Антонова». Антонов вошел, и я сказал конвоиру: «Выйди за дверь». Конвоир вышел, я подошел к Антонову и сказал: «Сашка, это ты?» Мы в Шлиссельбурге были скваны вместе. Как я этого не знал? Я не читал ни одной листовки, которую выпустили антоновские политические комиссары. Листовка была примерно такого смысла: «Я – старый катор-

С. Орджоникидзе в Березниках.
Рис. Ф.Лехта (фрагмент).

⁷⁸ Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции. В 1926–1930 гг. его возглавлял Г.К. Орджоникидзе. В последующий период, являясь наркомом тяжелой промышленности (1932–1937) и фактическим руководителем индустриализации страны, Г.К. Орджоникидзе посетил Березниковский химкомбинат (14 августа 1934 г.).

жанин из Шлиссельбурга, приговоренный к вечной каторге и освобожденный только революцией. А что ваши вожди, что Ленин с Троцким, которые были только в ссылке? Разве можно их судьбу сравнить с моей?» Этой листовки я не читал. Что делать? Конечно, я сказал, что Антонова расстрелять не могу, хоть и есть такой приказ правительственный. Больше того, я освобожу Антонова, если тот даст честное слово не бороться больше с советской властью, исчезнет в небытии. Антонов честное слово дал. В ту же ночь Антонов бежал из-под стражи. Был суд. Трибунал. Председателем трибунала был мой брат, также командир Красной Армии. Начальник охраны получил десять лет условно за неправильную расстановку постов. И все. Мятеж вспыхнул с новой силой. Через несколько месяцев четвертая группа взяла Антонова: он лежал в тифозном бреду и был застрелен родным братом, караулившим у постели. Кончилась гражданская война, с 1924 года я опять работал у Орджоникидзе управделами НК РКИ. Работал года два. Потом чувствую – следят за мной. Кто-то проверяет меня. Но ведь Антонов – мертв, брат мой – тоже, сам на себя я не доносил. Наступает день – арестовывают меня. И первый вопрос после всяких анкетных экзерсисов: «Где вы были в 1921 году? Расскажите-ка нам обстоятельства побега Антонова из-под стражи».

Клубок размотался так. Антонов бежал не один, а вместе с захваченным с ним же антоновским командиром. Этот командир добрался до Китая, принимал участие в рейдах атамана Семенова, был захвачен, отвезен в Москву и там «пошел в сознание». Излагая подробно свою жизнь, командир дошел до своего ареста чекистской группой в 1921 году вместе с Антоновым. Командир этот показывал так: «Мне Антонов ничего не говорил, но по всем обстоятельствам побега я думаю, что тут имело место предательство со стороны командования Красной Армии».

– А кто был тогда командиром?

– Степанов Михаил Степанович.

– А где теперь Степанов?

– Управделами НК РКИ.

– А кого судили за побег Антонова?

– Судили начальника караула. Дали десять лет условно.

– А где этот начальник караула?

– Давно демобилизовался – на земле где-то в Полтавщине.

Арестовывают бывшего начальника караула и везут его в Москву:

– А где ты был в 1921 году? А что ты можешь рассказать о побеге Антонова из-под твоего караула?..

– Человек этот, начальник караула, был мне обязан жизнью, – говорил Степанов, – и, конечно, если бы его взяли в чекистские лапы любой твердости тогда же, на фронте, он бы пошел на смерть, но не выдал меня. А сейчас у него – семья, жена, дети, земля. И вот его волокут в Москву: «Расскажи». Он все рассказал. Тогда арестовали меня и дали десять лет.

Степанов успел кончить срок по зачетам и остался на службе в Красновишерске начальником аэропорта.

В 1933 году в Москве на площади Пушкина, тогда еще Страстной, Степанов ударил легонько меня палкой по плечу – я проходил мимо со своей женой, и он задержал меня, рассказал о своей жизни и судьбе. Сказал, что не думает переезжать в Москву.

Вряд ли Степанов пережил 1937 год. Я много искал в библиотеках хоть малого напоминания о его пусть прошлой, дореволюционной, шлиссельбургской судьбе. И не нашел. Иногда мне кажется, что все это мне приснилось: и Антонов, и Степанов, и клошшка, которой хромоногий человек в серой шинели зацепил меня на Страстной площади.

Русалка

Пока строился гигант первой пятилетки, Березниковский химкомбинат, Москва его не забывала и по культурной части. Являлись туда и эстрадные коллективы, и циркачи, и фокусники, и театральные бродячие труппы, чтобы помочь, обслужить, заработать, внести вклад...

Не являлся в Березники только коллектив знаменитой «Синей блузы», чей руководитель и идеолог, вождь и создатель Борис Южанин отбывал трехлетний срок заключения за попытку бежать за границу.

Комбината еще не было. Был лишь Березникхимстрой, где начальником был Грановский, позднее расстрелянный, и первым секретарем райкома – Шахгильдян, позднее расстрелянный.

Показывалось там и кино, в автоклубе содового завода, бывшего завода Сольвэ. Помещение было маленькое. Транспортникам показывалось кино в огромном здании конторы, чем-то напоминающем коридоры Дворца труда на Солянке.

Был клуб для иностранцев, но ни спектаклей, ни кино там не показывали, и иностранцы смотрели кино в общем зале клуба.

Клуб, однобарачное здание, все же не давал возможности принимать заезжие бригады артистов для бойцов трудового фронта, для выполнявших и перевыполнявших.

Вольнонаемные, весь Березникхимстрой, пользовались для своих вечеров только что отстроенным клубом лагеря – на Адамовой горе.

Сама по себе идея лагерной зоны была такая, чтобы обжить, опробовать и передать барак вольным.

В зоне на Адамовой горе была и больничка, которой управлял военный фельдшер Штоф.

Но самым роскошным лагерным домом внутри зоны был клуб – роскошный двухэтажный клуб с будкой киномеханика, с гримировочной комнатой и даже ямой для оркестра.

Второй этаж клуба занимала всегда следственная часть с ее комнатами, камерой, тупиками. Там меня и допрашивали позднее. Время это – лето 1930 года.

Я выиграл шахматный турнир – первое место занял, получил приз – шахматы, которые хранятся у меня до сих пор, уничтожена, сожжена была только наклейка, хотя для меня эти шахматы без наклейки – и приз и не приз. Но разумием жены стерта с шахмат эта улика.

Клуб был так хорош, что лагерная труппа проводила там концерты для вольнонаемных за плату, как полагается. Вольнонаемные были довольны, а лагерное начальство – еще больше.

Я помню концерт, где выступал с конферансом блатарь Михайлов. Это был профессиональный конферансье – не хуже какого-нибудь Гаркави или самого Алексева. Помню также большой успех «Умиряющего лебедя» Сен-Санса, где артистка пыталась напомнить зрителям бессмертные заветы Анны Павловой.

Артистку эту взяли в управлении на Вижаихе, – позже я с ней встретился на Севере в 1931 году, где она работала медицинской сестрой.

Хорошо ли она танцевала «Лебедя» – по канонам хореографии, – я оценить не могу, но у лагерников именно «Лебедь» вызвал тогда бешеные овации.

Кинотеатр УВАЛОН ОГПУ

На «бис» у артистки не было приготовлено ничего, и пришлось в ответ на овации повторить «Лебедя». Вот тут мне, сидевшему в первых рядах, и стали заметны и морщины, и вялая шея, и какая-то усталость во всем этом танце, поставленном когда-то Фокиным для Павловой.

Как будто усталость была больше, чем полагалось умирающему лебедю, если всю эту символику рассматривать только с позиций казенного реализма, с позиций Художественного театра хотя бы.

Для меня этот танец был новинкой – я никогда балета еще не видел, и детство, и юность, и университет – все было прожито без балета, вопреки балету.

В «Умирающем лебедю», исполненном на сцене лагерного театра 3-го отделения Вишерских лагерей осенью 1930 года, была и еще одна подробность, важная для меня.

Балериной, исполнившей «Умирающего лебедя», была заключенная – любительница из художественной самодеятельности, принятая из проходящего этапа.

Звали эту арестантку-балерину Елена Николаевна Шмидт. Елена Николаевна была родной дочерью Николая Шмидта, московского фабриканта, участника революции 1905 года в Москве, расстрелянного царским правительством, мебельщика Шмидта – самого боевого из большевистских отрядов, сражавшихся на баррикадах.

До 1969 года в газетах путали Шмидтов. Николай Шмидт – мебельщик, молодой парень, отдавший наследство на революцию и расстрелянный в 1905 году. Петр Шмидт – лейтенант, знаменитость в восстании на «Очакове», вызвавший огромную литературу, слегка истеричный эсер, – это разные. И если достаточно было назваться сыном лейтенанта Шмидта, чтобы любой советский деятель помог авантюристу, протянул руку помощи, что вызвало поток литературы, то с дочерью Шмидта дело обстояло иначе. Хотя

именно отец Елены Николаевны был героем 1905 года в Москве, сама его дочка испытала все превратности лагерной судьбы и как заключенная, и как женщина-арестантка⁷⁹.

Но я собрался рассказать совсем о другом – только о том, что в Березниках в 1930 году хорошим был только лагерный клуб, лагерный театр и что этот театр, как это ни неудобно, давал в зоне спектакли, концерты свои агитационные – для вольнонаемных.

Обслуживать гигант первой пятилетки пробовали и вольные бригады, но в лагерь их не пускали, да и качество их концертов было ниже, чем лагерь мог показать сам, своими силами.

Был поставлен спектакль «Малиновое варенье» Афиногенова⁸⁰, репетировалась еще какая-то пьеса, когда лагерное начальство поразило неожиданное предложение выездного бюро профсоюзов Москвы.

Березники должна была посетить ни больше ни меньше как опера, московская опера.

Импресарио передового коллектива, сидевшего в кабинете начальства, не смутила возможность провести свои гастроли за колючей проволокой.

Заместитель начальника Балашов при моей консультации – я был членом художественного совета лагерей после того, как выиграл шахматный турнир, – провел переговоры с импресарио.

– Даем «Травиату», «Риголетто», «Русалку», «Фауста» и концерт – пять вечеров.

– А сколько всего человек?

– Восемь всего. Девятый – пианист.

– Вам как удобнее, – спросил я, – все оперы попарно или все подряд – для вольных и все подряд для заключенных? Сколько ваши гастроли стоят?

Импресарио сказал.

– Эту сумму мы вручим вам наличными.

– Но и к вам, товарищ Балашов, – источая любезность сказал импресарио, – есть другая просьба.

– Я слушаю вас.

– Насчет ужина.

– Не беспокойтесь, ужин будет, только без спиртного, конечно...

– Без спиртного и ужин не в ужин. Даже наши дамы, поверьте...

– Я верю, – сказал Балашов. – Но не имеем, войдите в наше положение.

– Охотно вхожу, охотно, – сказал импресарио.

– За счет ужина обговорим насчет подарков.

– Какие подарки?

– Ну, то, что лагерю под силу. Что-нибудь из продуктов. По банке мясной устроим. И картошки насыпдем...

– Отлично, отлично, – сказал импресарио. – Но все же хотелось бы что-нибудь, как бы поточнее выразиться, ну не портсигары там, не бриллианты, не кулоны, но все же какие-нибудь вещественные воплощения наших невещественных отношений.

– Вещественного ничего не можем.

– Ну, все же...

– Лагерные ботинки, что ли? Иль бушлаты соловецкого пошива?

– Ботинки было бы очень хорошо, – тихо сказал импресарио.

79 Очевидно, легенда, либо упомянутая балерина носила другую фамилию. У Н.П. Шмидта (1883–1907) не было детей.

80 В пьесе А. Афиногенова «Малиновое варенье» (1926) высмеивались представители буржуазного сословия и эппманы.

- Хорошо, восемь пар я вам дам. Но ведь там женских нет.
- А разве в лагере у вас женщин нет?
- Есть. Но они ходят в мужской обуви.
- Тогда и нам мужскую.
- Хорошо, – сказал Балашов.
- Я все подскажу вам, – зашептал импресарио, – дайте нам по паре белья.
- Да ведь у нас казенное, бязевое. С печатями.
- Мы вырежем печати.

Балашов сдался.

– Итак, мы обговорили девять пар белья, девять пар сапог...

– У нас нет в лагере никаких сапог.

Опера была не так плоха, как я ожидал после этой беседы.

Правда, у русалки не хватало одного глаза, а вставной был другого цвета, но говорят, что и у Александра Македонского были разные глаза.

Русалка была женой импресарио.

Вот тогда-то я и послушал каждую оперу. Рядом со мной сидел Павел Кузнецов, наш техник, мой земляк, театрал, завсегдадай Большого театра, и валился от смеха.

Но публика в зале, арестантская публика, захвачена была этим парадом оперного искусства, хотя все оперы пелись на одном и том же крохотном пятакке сцены.

Все трудились, ворочали декорации, прибавляли задники, быстро соображали, что использовать из наших запасов для себя, – женщины и мужчины трудились под команду импресарио.

Опера была действительно московской. Московская областная опера – гастрольный коллектив без всякой подделки.

Сделав вылазку на стройки гиганта первой пятилетки, труппа заработала немало «галочек» в отчетах о луче света в царстве новостроек.

У меня никаких претензий к этой халтуре нет. Все это превосходило, без сомнения, «цыганочки», чечеточки блатарями организованных развлечений.

Это было летом 1930 года, а летом 1932 года в здании Дома союзов, где помещалась наша редакция, я столкнулся лицом к лицу с импресарио, выходящим из дверей гастрольного бюро Московской областной оперы.

Мы с минуту глядели друг другу в глаза.

– Нет, не может быть! – сказал импресарио.

Федя Андреев

Мы мчались по льду, по последней дороге – вот-вот Вишера вскроется, и наш путь, наша нить жизни – прервется. Никаких троп, кроме пешеходных, в этих краях нет.

Впереди моей кошевы мчалась кошева Федя Андреева, нового главного бухгалтера района, бытовичка московского, хорошо известного Москве двадцатых годов по шумному судебному процессу. «Рабочая газета» тех лет печатала бесконечные фельетоны об этом шумном процессе, привлекавшем тогда внимание всех москвичей.

Серия статей о процессе Федя Андреева называлась вызывающе «интеллигент с партбилетом». Федор Андреев, главный бухгалтер Моссовета, был членом партии, когда его настигла уголовная кара, предусмотренная новым Уголовным кодексом, редчайшей

статьей 141 УК РСФСР, гласящей...⁸¹ Вы заметили, конечно, что статья не содержит, не говорит, не шепчет, не угрожает, а обязательно «гласит». Само слово «гласит» вошло в условный лексикон юридического канцелярита, стало само формой, определяющей содержание.

Федя Андреев не совершил никаких преступлений: ни растрат, ни краж, – напротив, как главный бухгалтер Моссовета он способствовал пресечению затопивших тогдашнюю Москву эпидемий растрат и взяточничества. Федя Андреев не совершил никаких преступлений, ни воинских, ни уголовных, ни политических, ни служебных. Тем не менее его судили по всей строгости: его «вся катушка» – в моднейшем тогда варианте «резинки» – была 4 года по его статье, тогдашний максимум по его тогдашней статье.

Что же это за статья и что она «гласила»?

«Доведение до самоубийства другого лица» – вот ее текст. За многолетнюю свою жизнь в лагерях я только один раз в живом виде и встретил живого носителя этой странной статьи.

Федя Андреев был белокурый синеглазый красавец, чуть шепелявящий, очень добрый и очень капризный человек. В лагере блатари его быстро запутали в какие-то аферы, но, кажется, все обошлось благополучно, и Федя «не поймал» никакого дополнительного срока.

История Феде Андреева такова. Его жена – врач, которую Федя безумно любил, была видной общественницей тогдашней Москвы, как и сам Федя – членом партии, часто выступавшей на собраниях.

Жена Феде уехала на курорт по профсоюзной путевке – в Балаклаву, и Федя немедленно сошелся с младшей сестрой жены, Тамарой. Жена вернулась, узнала об измене, и хотя Федя был готов вернуться и забыть новую любовь, не стала ждать федеиново решения. Она взяла пистолет Феде (у него было разрешение на оружие) и застрелилась в рот, как стреляющие все медики, желающие стопроцентной удачи.

Профсоюз привлек мужа к суду, и Феде, интеллигент с партбилетом, как насмешливо писали в газетах, получил четыре года лагерей. Там он работал, сначала в управлении, а затем, за погрешности по части выпивки и взяток, Федя был переведен «на Север» и ехал вместе со мной.

Федя вез заработную плату лесорубам – должок государства, который скопился давно и, наконец, двигался к Северу в пачках белых «пятакoвских» червонцев бумажных.

Андреев пил на каждой остановке. Угощал возчиков. Требовал каких-то женщин для развлечения.

Останавливались мы не вместе – Федя вез деньги, и с ним в кошеве сидел боец-охранник.

Вверх по реке, по последнему льду, якутским лошаденкам крошечным тянуть тяжело. Как ни бешены были броски, как ни хитрили мы, выезжая ночью по подмерзшей, хрустящей дороге – все равно мы опаздывали, Вишера наполнялась полыньями, на обезд нужно было время.

Захваченные этим движением вверх, вверх и дальше – я и мой возчик бежали всю дорогу.

Выезжали мы не вместе. И вот, выезжая какую-то полынью, накренив и толкая сани вперед, я увидел, что в воде, в луже полыньи плавает что-то белое, явно не льдинка, похожее на носовой платок, на кусок бинта.

⁸¹ Обрыв фразы здесь является приемом автора. См. текст далее.

Я остановил кошеву и, закидывая длинную палку в воду, выудил банковскую ассигнацию ценностью в один червонец. Я положил червонец в карман.

Сообразив, в чем дело, мы поехали дальше, уже медленно, приглядываясь к дорожным сюрпризам. И действительно, на первой же выбоине на дороге – плавали в соседстве несколько белых ассигнаций. Я положил и эти в карман.

Около большой полыньи я увидел завязшую посреди реки кошеву Феде Андреева, который пытался проехать не в объезд, а напролом, сквозь воду и кучу белых бумажек, плавающих в воде. Федя был совершенно пьян. Мenee, чем Федя, был пьян боец-охранник. Он-то и организовал сбор размокших денег – Федя был пьян до бесчувствия – и дотащил Феде до очередной ночевки.

Всю ночь Федя сушил червонцы и сторублевки, пятерки и рубли на русской печи, прихлебывая огуречный рассол.

Я отдал Феде свою находку, а впоследствии интересовался – не потерял ли Федя в этой бешеной скачке что-либо еще.

– Нет, ни рубля тогда не пропало.

На пятый день к вечеру мы въехали в Усть-Улс – центр Северного района Вишерских лагерей.

Усть-Улс. Апрель – октябрь 1931

На скрещении речек Улса и Кутима, образующих плес, на который может сесть гидроплан, на крутом скальном левом берегу Вишеры стояла маленькая рубленая избышка вроде барачка геологической разведки. В этой избышке с окнами на волны Вишеры был кабинет начальника Северного лесозаготовительного района, младшего, по-нынешнему, лейтенанта, командира с тремя квадратиками на петлицах, по-тюремному, черных. Вольнонаемные в лагере, если поступали из армии после срока кадровой службы, старались как можно дольше тянуть свою красную, зеленую, голубую, желтую – только не черную, присвоенную их новому тюремному или конвойному званию. Это желание выдать себя за что-то другое, более лучшее и высшее, свойственно всем лагерным работникам любого ранга от бойца до комбрига. Начальник ГУЛАГа Берман носил тоже черную кожаную куртку, а не тюремную форму.

Так поступал и Степанов, наш начальник, тем более, что Усть-Улс – не Москва, далеко от Москвы.

Заместителем же у Степанова был Дмитрий Николаевич Александров, бывший царский офицер, а в прошлом бывший начальник артиллерии Черноморского побережья, бытовик, который застрелил какую-то артистку в шантане в Одессе, в пьяном виде. А может быть, дело было не в том, что Александров хорошо стрелял в артистку – и плохо стрелял в уходящую французскую эскадру. В лагере жизнь любого человека окружена легендой и в самом буквальном, и в терминологическом, геологическом смысле. Почти всегда прошлое любого человека – это та жизнь, которую арестант выдумывает для себя. В этом есть свои плюсы.

Когда в апреле 1929 года я вступил в подметенную, отчищенную территорию 1-го отделения Вишерских лагерей, только что преобразованных из 4-го отделения УСЛО-На в самостоятельный лагерь, со всем соблюдением штатов, ставок, бюрократических

тюремных надежд, – это были ОЛПы⁸² первого класса, второго класса, третьего класса. Ставка начальника ОЛПа третьего класса гораздо ниже ставки начальника ОЛПа первого класса. Правда, эта сугубо усложненная бюрократическая иерархия развернулась позднее, в колымские времена.

В апреле же двадцать девятого года дежурный комендант Александров был одним из четырех дежурных комендантов, блюдущих стройный порядок на лагерной территории и разрешавших все споры за свое суточное дежурство.

Комендантов было четыре: трое вольнонаемных чинов – я их не помню, и четвертый из заключенных – Александров, бывший офицер, в дежурство которого никто из многочисленной лагерной обслуги не спал – так требователен был бывший офицер.

Александрова ненавидели все – и заключенные, и обслуга из заключенных, и товарищи сослуживцы.

Вспоминаю и другую фамилию дежурного коменданта, просто потому, что она резко выделялась на фоне Степановых и Смирновых, Петровых и Ивановых.

Спартак Николай Петрович – так назывался один из комендантов, явно переименовавший фамилию после известных актов правительства о том, что о перемене фамилии достаточно трехдневных объявлений в газетах. Так было в те времена.

Николай Петрович Смирнов или Иванов воспользовался возможностью раз навсегда расстаться со старым клеймом, с серой привычной шкурой.

Я приглядывался к этому новому Спартаку, но не нашел ничего, что давало бы повод для каких-то новых движений души этого человека.

Николай Петрович Спартак бдительно охранял лагерь, но не столь бдительно, как Дмитрий Николаевич Александров. Поэтому, когда Александров освобожден – это было летом 1930 года, он получил должность повыше – заместителем начальника на Север, – где и начальнику было делать нечего. Но его конкурент, тот же Спартак, охотно поддержив план Берзина по укреплению кадров именем Северного района – Александров был берзинской кандидатурой.

Любитель дисциплины, порядка, энергичный, еще молодой – ему было сорок лет в 1930 году, после бурного следствия, комендантской службы в арестантской шкуре, Александров получил возможность отдохнуть. Получил, но не воспользовался этой возможностью.

Каждый день из секунды в секунду точно начинался его рабочий день в этой избе-ночке на берегу Вишеры.

После разбора заявлений, приема – одно заявление в день, Александров шел осматривать лагерь или уезжал в поездку на лодке по району. Лодка – вернее, челнок-долбленка, которую вверх поднимают толчками шестом вдоль берегов, а вниз долбленка «сплывает» сама, при управлении единственным кормовым веслом, похожим на лопату.

Если не было поездки, то работа по приему заключенных и вольных у Александрова кончалась часов в двенадцать. Заместитель шел обедать. В поселке не было столовой для вольных – так мало их было, и Александров жил дома, обедал дома у своей жены Марии Николаевны с женой и ее сыном – лет десяти, от первого брака. У самого Александрова не было родных в России, по его, как говорится, «легенде».

Марья Николаевна <раньше> была женою начальника адмчасти управления, Петра Ивановича Иконникова, скучного господина из полувысшей лагерной администрации.

Впрочем, «скучность» – это тоже мое лагерное впечатление, личное мое соображение. Не только чужая душа – потемки. Чужая семья всегда потемки, гораздо более

---

82 ОЛП – отдельный лагерный пункт.

глухие, чем чужая душа. Какие боги управляют разладом, разводом – я не знаю. Физические, духовные причины? Я не знаю.

Знаю лишь, что как только Дмитрий Николаевич Александров получил место на Севере, Марья Николаевна тотчас бросила свою семью, взяла и переехала на Север. Новый брак ее был ужасен, несчастен. Дмитрий Николаевич был человек хороший, добрый, красавец собой, к Марье Николаевне относился с уважением, всячески подчеркивая свою преданность ей. Но у Дмитрия Николаевича Александрова была слабость, с которой он не мог справиться, и поэтому не сделал карьеры ни на Вишере, ни на Севере, при берзинском участии с энергичной помощью Филиппова.

Эта слабость – лагерные женщины-рецидивистки, одна другой выразительней. Но об этом я еще расскажу⁸³.

Я сдал документы секретарю начальника, заключенному Вениаминову.

Александр Александрович Вениаминов оказался моим земляком. Я во время московских скитаний, в городе, который давно стал моей второй родиной, – жил года два в Кунцеве, работал там ликвидатором неграмотности при Сетунской больнице и фабрике бывшей Саксе. Модная и важная работа в те времена. Именно по букварю Крупской «Мы не рабы» я и занимался со своими взрослыми слушательницами из неграмотных санитарок. Именно в порядке выполнения ленинского декрета о ликвидации неграмотности к 10-летию Октября – я и занимался. Сроки эти были так же фантастичны, как и многое другое у тогдашнего быта.

Но время есть время, романтика есть романтика. Случилось так, что мой тесть в будущем моем браке был автором именно этого утвержденного Лениным и правительством декрета⁸⁴. Одна из самых больших фантазий революционных лет. Но платили за работу ликвидатору неграмотности крайне мало – всего 8 рублей в месяц за занятия трижды в неделю.

Правда, 8 рублей золотых – рубль тех лет кое-что значил. На кожевенном заводе чернорабочий, который еще не назывался разнорабочим, получал поденно 20 рублей в месяц. Только тогда, когда я стал работать дубильщиком в цехе, зарплата моя поднялась до 45 рублей.

Но хромовые сапоги тогда стоили 10 рублей, шерстяные брюки 10 рублей. Пальто, проданное впоследствии в студенческое время в московском ломбарде – 12 рублей.

Так что и восемь рублей кое-что значили. Тем более, что энтузиазма у меня хватало.

Я жил в Кунцеве – а Вениаминов жил в Немчиновке. Жители Подмосковья больше москвичи, чем жители столицы. Это давно замечено и имеет объяснения.

Любого москвича с его «каканьем» обличает и отличает его особенное произношение и склонение названия реки. Мы оба говорили «на Москва-реке», а не «на Москве-реке» или «реке Москве», и быстро подружились, – нам обоим было что вспоминать.

Нет места лучше, чем тюрьма или лагерь, чтобы тепло вспоминать Москву. Ленинградцы – большие патриоты, но уступают Москве, особенно Подмосковью.

Вениаминов был постарше меня года на два, а статья у него была бытовая, но достаточно неожиданная – 155-ая. Эта статья карает за заражение венерической болезнью⁸⁵. Речь шла в данном случае о гонорее.

83 См. очерк «Вредители и грызуны», см. стр. 77-78.

84 Имеется в виду Игнатий Корнильевич Гудзь (1871–1939) – ответственный работник Наркомпроса, работавший вместе с А.В. Луначарским и Н.К. Крупской. В квартире И.К. Гудзя в Чистом переулке в Москве Шаламов жил после брака с Г.И. Гудзь в 1934–1937 гг.

85 Ошибка памяти. За это наказывали по статье 150 УК РСФСР 1926 года.

Уголовное преследование по такой статье именно за гонорею, а не за сифилис, о котором и идет речь в существе статьи 155-й, меня удивило крайне, даже не вдаваясь в подробности дела, в возможность судебной ошибки.

В двадцатые годы на всех улицах Москвы висели медицинские плакаты: «Сифилис – не позор, а несчастье». Гонорея же вообще считалась ни за что – была предметом бахвальства молодежи. В нашем, да и не только в нашем обществе висели плакаты: «Комсомолец! Следи, чтобы твой товарищ после полового сношения посетил станцию скорой венерической помощи».

Световые сигналы от вывесок этих станций скорой помощи были чуть не на каждом углу.

По сведениям доктора Фридлянда из популярнейшей книги того времени «За закрытой дверью» о работе врача-венеролога – 90 процентов молодежи больших городов перенесли триппер.

Статистика западных стран давала те же примерно цифры, цифры большого города. Доктор Фридлянд утверждал, что парадоксальным образом семья хранит именно триппер, который имеет в медицинском названии «семейного триппера».

Споры по всем этим вопросам разрушения семьи и как единственный выход – фаланстеры типа поселений Фурье, ликвидация всякой семьи с воспитанием детей государством, – еще гремели в моих ушах.

Случай с моим новым знакомым показал, что дело не ограничивается санитарной пропагандой и агитацией. Но сам носитель статьи объяснил мне свою историю проще: месть, желание застыдить, засудить и так далее.

С детства обученный не погружаться в подробности любой чужой жизни, я мало интересовался подробностями этой истории.

В лагере не спрашивают соседей по нарам ни об их статьях, ни о том, что стоит за этой статьей. Хорошо это или плохо – я не знаю. Наверное, хорошо, ибо за каждым ответом, полученным на вопрос, заданный в лоб, всегда стоит ложь. И не может не стоять, ибо ложь в лагере это средство самозащиты.

Напротив крошечной избушки – кабинет начальника Северного района – стоял огромный каменный склад из красного кирпича.

Кирпичной была нижняя половина склада. Верхняя была из балок, стропил и перекрытий, вытесанных из огромных елей. Весь второй этаж был деревянный, надстроенный над огромным кирпичным складом.

Откуда здесь кирпич, да еще в таких краях, куда ведет только пешеходная тропа и узкая горная речка – Вишера и ее верховья?

Склад остался от бельгийской компании⁸⁶, которая вела когда-то здесь разведку на золото, уголь, на самоцветы и драгоценные камни.

Бельгийцы в начале века имели здесь две угольные шахты – я сам спуускался в заросшие травой забои.

Остатки этих работ и вызвали интерес правительства к слиянию трех горных речек – Вишеры, Кутима и Улса, к плесу, который образовался на месте слияния трех потоков,

---

86 Речь идет об остатках железодельного производства на Кутимском и Вижаихинском заводах, созданных в конце XIX в. «Волжско-Вишерским горным металлургическим акционерным обществом», активы которого принадлежали французскому капиталу. Называя эту концессию бельгийской (в том числе в рассказе «Алмазная карта»), Шаламов, вероятно, отталкивался от того, что содовый завод в Березниках был основан бельгийцами. Возможно, такое представление у Шаламова могло закрепиться после его встреч в 1950-е годы с Б. Пастернаком, хорошо знавшим Прикамье. Приезжавший по служебным делам из Перми в Березники Б. Пастернак в письме к С. Боброву от 24 июня 1916 г. называл завод «Любимов, Сольвэ и К» и поселок при нем «маленькой промышленной Бельгией» (Пастернак Е. Борис Пастернак. Биография. М.: Цитадель. 1997. С.247).

чтобы дать место гидроплану Берзина. Берзин летал всегда с летчиком из заключенных. Володя Гинце был у него пилотом.

О тайне – чуть позже, а об истории края – сейчас.

Здесь, кроме больших лесозаготовок, велась добыча угля, правда, неважного качества, но в двух шахтах.

Здесь была железная руда с самым высоким содержанием железа. Две доменных печи – одна в Усть-Улсе, другая в Кутиме – работали непрерывно.

Железную руду грузили в баржи-шитики и плавил вниз – в Пермь, по Великому Камскому пути. Пароходы таскали порожние шитики по самой высокой воде вверх, а потом подтаскивали баржи вверх бечевой, по-бурлацки.

Здесь была узкоколейка на 40 километров, пароходы, вагоны. У бельгийцев был большой поселок – три тысячи рабочих, ни больше, ни меньше. Одних только бельгийских инженеров было десятка два. Для развлечения инженеров поставляли певичек из Вены. Железная руда все окупала.

Эта концессия давала бельгийцам большие барыши.

Царское правительство – молодой русский промышленный капитал – знали, что бельгийцы не ограничиваются железной рудой, что главная их добыча – алмазы. Срок аренды у концессионеров кончался в 1912 году. Бельгийцы были уверены, что царское правительство продлит срок концессии.

Но русские промышленники во главе с князем Львовым добились отказа бельгийцам от продления срока концессии. Жалобщики дошли до царя, но и царь отказал в их просьбе.

Иностранному капиталу пришлось не только потесниться – уходить из насиженных мест.

Бельгийские юристы разобрались в ситуации и, уходя, бельгийцы взорвали все – динамита, завезенного с иной перспективой, хватило вполне.

Динамита не хватило только на этот склад кирпичный, перед которым я стоял, удивляясь кирпичному чуду...

Взорвали две доменных печи, металлургический завод, разобрали и увезли с собой рельсы и паровозы. Захватили с собой все до последней железяки на сорок километров кругом. Взорвали даже каменный мостик через ручей.

Словом, тактика выжженной земли соблюдалась по всем правилам отступления.

Удар был рассчитан хорошо. Три тысячи человек, потерявших работу, «сплыли» вниз по течению.

Русские компании предлагали бельгийцам оплатить их оборудование, заводы, вагоны по любой цене. Но бельгийцы отказались от выплаты компенсации. Уходя, они взорвали все.

Уплывали вниз и две школы для местного населения, которые потом никогда не были восстановлены.

У России не было средств восстановить сразу все разрушенное, и русские концессионеры в лице князя Львова оказались перед трудными, неразрешимыми проблемами.

Ведь это были самые верховья Северного Урала – навигация в верховьях Вишеры не круглый год, а месяца два-три летом. Словом к работе, к возобновлению взорванного русские концессионеры так и не приступили.

Это был 1912 год. А в 1914-м началась первая мировая война. После мировой войны – гражданская. После гражданской войны – разруха.

Эту драматическую историю я выслушал еще летом, приехав сюда с партией геолога Вилемсона.

Вилемсон добивался сведений об алмазах, алмазных карт⁸⁷, если они существуют. Вилемсон в моем присутствии беседовал с единственным очевидцем тогдашних драматических событий, и не просто очевидцем, а бывшим русским управляющим бельгийской концессии Степаном Петровичем Ширинкиным.

Верховья Вишеры бросило все население, огромный край опустел! Только один человек остался хранить чужие или свои тайны. Это Степан Ширинкин.

Степан Ширинкин, как положено управляющему иностранным рудником, перешел, и круто перешел, на положение человека если не каменного века, то охотничьего.

Степан Ширинкин владел тремя иностранными языками, ежедневно, вздев на нос золотое пенсне, читал библию на французском языке. К какой уж он относился секте – не знаю, никаких церквей в тех краях нет.

Детей своих – четырех здоровенных сыновей, Ширинкин задержал около себя. Они были обучены грамоте – еще при бельгийцах, в бельгийской школе, но уже внуков «патриарх» запретил учить грамоте.

– Все это не нужно человеку, – пояснял новый последователь Руссо.

Внуки росли и вовсе не грамотными, а сыновья читали, но грамотными их назвать было нельзя.

Когда в начале тридцатых годов открылась школа поблизости, Ширинкин запретил посылать туда своих внучат.

Сыновья его поженились, привели в дом молодых жен, работали лесорубами, рыбаками, охотничали. Хлеб не родится в тех краях. Работали они и на молевом сплаве – все, чем была замечательна здешняя жизнь.

Младший сын Ширинкина при мне утонул, переходя с шестом по льдинам бушующую реку. Хоронили его без всякого церковного обряда. Степан Петрович прочитал какие-то строки из французской библии, щелкнул ее большим замком, не промолвив ни слова сожаления, печали.

Вилемсон не добился ответа от старика об алмазах.

– Никаких алмазов здесь нет. И никакой карты у меня нет, – твердил Ширинкин.

Вилемсон уехал, доложил о результатах переговоров с бывшим управляющим бельгийской концессией.

Но алмазы там были. Их нашли только в 1968 году – чуть не сорок лет хранилась эта уральская тайна⁸⁸.

Почему не сказал Ширинкин правды?

Объяснение очень простое. Цепной пес умер, храня тайну своего хозяина. Лучшее, что видел Ширинкин в жизни, было как-то связано с бельгийцами. Хранить тайну превратилось в нравственный долг.

Может быть, еще проще – ждал, когда вернутся бельгийцы – ведь золотые клады такие случайные обладатели хранят десятки лет.

А может быть, и еще проще – действительно стал последователем Руссо, действительно видел в цивилизации гибель человека. А может быть, библии начитался, тем более французской.

Так или иначе он умер, не открыв секрета.

---

87 См. рассказ «Алмазная карта», где фигурируют геолог Вилемсон и бывший управляющий бельгийской концессией с фамилией Бугреев (очевидно, вымышленной, т.к. его образ полностью совпадает с образом описываемого здесь «патриарха» Степана Ширинкина). Потомки семьи Ширинкиных ныне живут в Пермском крае.

88 Шаламов не знал, что пермские (уральские) алмазы были обнаружены еще в конце 1930-х годов, когда он находился на Колыме.

Лесозаготовки. Фото 1930-х гг.

В поведении Ширинкина есть еще одна особенность. Почему-то начальство считает, что если оно задает вопрос, то гражданское лицо обязательно сообщит правду. Это – психологическая ошибка. Мету обид измерить нелегко.

Эту историю я рассказываю попутно – все это я уже знал к моему приезду на новое назначение.

Всего по списочному составу заключенных на Севере 1931 года было около трех тысяч человек. Все эти люди были разбросаны по разным лесозаготовительным участкам: Ветренка, Вая, Усть-Улс. Я прочел из газет в 1970 году, что на участке Вая три тысячи лесорубов, и аэропорт, против закрытия которого ратует газета «Известия»⁸⁹. В мое время в 1931 году летом на Вае было человек сто заключенных.

И далее – звездообразно растекаясь по руслам рек, реченок, речек, речечек, из которых каждая все же была не ручьем, не ключом, не родником, как на Колыме, а влезла на географическую карту, как полноправная, хотя и не полноводная река.

Верхняя Пеля, Верхняя Мыка, Нижняя Пеля, Нижняя Мыка, Кутим, Улс – все это старина вогульских мест, старинные названия, бесконечно далекие от молодых и не очень грамотных картографов и гидрографов – покоривших Колыму и оставивших на географической сетке земного шара навеки вырубленные названия – вполне на уровне геологической молодежи первой четверти двадцатого века: озеро Джека Лондона, озеро Танцующих Хариусов, речки: Рио-Рита, ручьи: Ну! Шу! Давай! Чу! и прочее в миллионах зеркал.

Когда лорд Моусон⁹⁰ в эти же примерно годы пересекал выступы береговой линии Антарктиды, он заполнил карту многочисленными именами членов королевской семьи Англии.

89 Свидетельство того, что Шаламов следил за событиями в регионе бывшего Вишлага.

90 Моусон Дуглас (1882–1958) – австралийский исследователь Антарктики. За свои открытия получил от королевы Британии личное рыцарство и право на именование «сэрром». Шаламов серьезно интересовался полярными исследованиями, одним из его любимых героев был Р. Амундсен, которому он посвятил стихотворение «Амундсен».

Наш картограф ограничился односложными выдохами и вдохами, физиологическими отправлениями организма.

«Рио-Рита» – это еще ничего. Это был модный фокстрот московский двадцатых годов, и увековечить такой фокстрот – показать вкус более чем сомнительный.

На Колыме есть огромное – самое большое озеро этих краев – озеро Джека Лондона, но там нет ни одного ручейка Мелвилла, речечки Моби Дика. Просто Моби Дика мы не знали тогда⁹¹. Нарекать же ручьи именами кипплинговских героев – было опасно, Кипплинг уже был зачислен Ермиловым⁹² в число бардов империализма, по Ермилову – американского. Ермиловская географическая ошибка – Кипплинг ведь английский писатель, а не американский, но считался ни во что в те времена.

Я попросил у начальника лошадь, чтобы объехать хоть ближние участки, посмотреть – какова жизнь у людей. На конбазе прикрепили мне пегую кобылку Цыганку, и на этой Цыганке я объехал все доступные участки района.

Усть-Улс был своеобразным центром штрафного как бы района: эскалация – пользуюсь модным словом – поощрений и наказаний, движение вверх и вниз в лагерях существовала всегда, составляла душу «перековки».

На Вижаихе, где теперь город Красновишерск, где бумкомбинат и прочее, было в тридцатые годы управление Вишерских лагерей и ВИШХИМЗ – Вишерские химические заводы. Строительство бумкомбината велось силами заключенных, их мозгом, их умом, их знаниями.

Директор ВИШХИМЗа, а им был в мое время Берзин – он одновременно был и начальником Вишерских концентрационных лагерей, – с 1930 года эти лагеря, вобрав в себя все исправдома и домзаки, стали называться исправительно-трудовыми.

Кроме Вижаихи и штрафного Усть-Улса – «Севера на севере» – были еще отделения в Березниках. Гигант первой пятилетки выстроен исключительно арестантским трудом.⁹³ Березники (Усьолье, Лёнва) были третьим отделением лагерей, Пермь – четвертым. <...>

Вот и все. Вишерские лагеря, 16 тысяч человек, по тогдашнему масштабу – небольшие.

В Усть-Улсе 1931 года, в самом центральном поселке на берегу Вишеры, было сто женщин и сто мужчин.

Мужчины работали в мастерских по обслуге того же леса, молевого сплава, как и все арестанты. Был крошечный клуб, где ставился «Огнен-

Лесосклад на Вишере. Начало 1930-х гг.

91 Роман американского писателя Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит» был переведен в СССР только в 1962 году. Шаламов высоко ценил это произведение и написал по его мотивам стихотворение «Есть какое-то вечное право...» (1967).

92 Ермилов В.В. (1904–1965) – один из ведущих литературоведов сталинской эпохи.

93 Шаламов сильно недолюбливает: наряду с заключенными в строительстве Березниковского химкомбината широко участвовали вольнонаемные.

ный мост» Ромашова⁹⁴. На участках же в эти последние месяцы велась подготовка к сплаву. Все бревна, заготовленные за зиму, вывезены на крутой, горный берег и уложены в штабеля, чтобы рухнуть в весеннем потоке и пройти по высокой воде (молевой сплав). Каждый участок вступал в работу по сигналу начальника сплава. Начальник сплава приобретал полномочия командующего – об этом отдавался специальный приказ – на какой точке, неделю, месяц проплавать – все, в том числе и начальник района, подчинялись начальнику сплава. Ибо даже лагерь для леса, для сплава.

Начальником сплава всегда назначалось одно и то же лицо. Это лицо в зимнее время околачивало груши в конторе, что-то строчило, писало, поглаживало бороду и при ударе рельса на конец занятой смывалось в барак.

Начальником сплава был бывший каппелевский полковник Журавлев, седобородый, внушительного вида мужчина, прекрасно знавший условия местного сплава, умевший угадать природу, оседлать бушующие волны.

По команде полковника строились запаны, расчищались берега. Конные курьеры с его письмами носились от Вижаихи до Усть-Улса. Скромный счетовод производственно-го отдела из заключенных – преображался, когда садился на коня, превращался воистину в полковника – командира и любимца Каппеля.

Журавлев был старик лет шестидесяти, приказы его исполнялись молниеносно.

На моих глазах он провел молевой сплав по Вишере в 1931 году, от верховьев Вишеры с ее притоками – до Вижаихи, до Красновишерска.

Тут требуется удача, решительное воображение – где взорвать заторы, где угадать, высока ли вода. Знать нрав каждой из множества этих бешеных уральских рек. Где только есть затор, Журавлев уже кричит по селектору: «Рви! Рви!», и бревна взлетают в воздух.

А у Вижаихи, у Красновишерска, где пилорама, – бревна ловят запанью, отводят на тихую воду.

Потери тут колоссальные. На дне лежит целый склад плавника. Но другого способа нет.

Во всяком лагере, как бы он ни был мал, есть свой штрафной участок, свой изолятор. Есть и конвой – из самоохраны.

Почему-то эту самоохрану комплектуют во всех лагерях из украинцев или из кавказцев, которых блатари зовут «зверями». Та же ли тут действует сила, которая на должности дворников в Москве принимает только татар или по крайней мере по татарской рекомендации – не знаю, не умею объяснить этот факт.

В нашем этапе были два осетина – Ужegov и Маздаев. Оба они через день по прибытии в лагерь уже охраняли нас же, ходили с винтовками, щелкали затворами. На это, впрочем, никто не обижался, никто им не завидовал и не осуждал их решения – у всякого своя судьба, свой шанс, своя удача.

Эти два барака в управлении Северным районом окружены проволокой колючей в десять рядов, по инструкции. Есть в этих двух зонах свои калитки, свои вышки караульные, общие для обеих зон. В женском бараке или, как тогда называлось еще по-старому, по-царскому, «ротe», ибо барак, бригада – это уже было от коварства «перековки». «Перековка» была омерзительна и тем, что ничего не изменя по существу, она изменила слова. Концлагерь стал исправительным, трудовым, вахта стала называться зоной, бушлат – полупальто, рота – бригадой, баракoм.

94 Драма Б. Ромашова «Огненный мост» (1929), ставившаяся тогда в крупнейших театрах.

Блатари из врагов народа, из социально-чуждых, социально-вредных, социально-опасных, обратились в друзей народа. Это не обмануло блатарей. Большой человеческой кровью отмечена «перековка».

Охрана, разумеется, из заключенных, из самоохранны. Самоохрана никогда не началась из тех же именно людей, что работали рядом с тобой, а всегда приезжала из управления, пройдя физическую и идеологическую, и политическую подготовку в управлении.

Следователь Шмелев из заключенных, бытовик, правда, выступал с инструктивным докладом (я сам на нем присутствовал): «Морально-политическое состояние заключенных в Вишерских лагерях». Правда, Шмелев был бытовик, осужденный за какое-то служебное преступление. Но я не удивился бы, если бы с таким докладом выступил и Леонид Константинович Рамзин, или какой-нибудь Остап Вишня⁹⁵. Доверять так доверять – размах доверия был очень велик и неожидан.

Самоохранники, назначенные к нам, прибыли в красноармейских шинелях, в буденовских шлемах, с черными только, а не красными петлицами. Об оружии и говорить нечего, винтовки все привезли с собой.

Жила охрана отдельно, и повар у них был отдельный.

Заключенные же – сто мужчин и сто женщин питались в своих бараках три раза в день, как и в управлении. Столовые – это тоже было завоевание «перековки».

Шкала питания – важнейший инструмент и оружие «перековки», выворачивающая поистине душу до дна, еще не добралась до Вишерских лагерей.

Ждать оставалось недолго. Идея Берзина – работать по бабе, по живой бабе из заключенных, разумеется, разумеется, укоренялась, как телорез, как рдест, как гиацинт.

За отличную работу, примерно двухсот-полутораста процентов нормы, работника имел право не только на лишнюю «выпечку» и «ларек», а мог переночевать с живой бабой в специально выстроенном по указанию Берзина «Доме свиданий» при управлении на Вижаихе. Медицина лагерная тоже одобряла эту новинку.

Статус нового учреждения был все же неясен. Если процент, то какой. А пятьдесят восьмая? А если после свадьбы он и она не будут выполнять плана? Что тогда?

Москва запретила берзинский эксперимент, и «Дом свиданий» из гостиницы для путешествующих в прекрасное превратился в обыкновенный «Дом приезжих».

Но Берзин добился разрешения – опять-таки в порядке эксперимента – заключенным жениться, выходить замуж вполне официально и жить вместе.

Дело в том, что и на воле в те допаспортные времена⁹⁶ совместное сожительство не требовало даже объявления в газете.

Женитьба в лагере вполне отвечала общему духу «перековки».

Не понравилась супруга – пусть возвращается домой. В таких пробных браках есть какая-то «сермяжная правда», биологически истина сродни обычаям на Саламанских островах или у каких-то эскимосов.

На Вишере было отпраздновано несколько таких лагерных свадеб. На Севере в мое время летом 1931 года я принимал участие в свадебном гуляньи. Женился наш начальник КВЧ заключенный Вахминов. Он женился на своей секретарше Рае, и на его свадьбе был и замначрайона технорук вольнонаемный Краснов и не менее вольнонаемный комендант Михайлов, и весь состав разъездной «Синей блузы», руководимой там ини-

95 Пренебрежительный отзыв Шаламова об известном украинском писателе-сатирике и юмористе Остапе Вишне объясняется, вероятно, тем, что тот после 10 лет лагерей (1933–1943) продолжал работать в том же жанре, как будто ничего в его жизни не произошло.

96 Паспортная система в СССР была введена в декабре 1932 г.

Представление «Синей блузы»

циатором синеблузочного движения поэтом Борисом Южаниным. Вот для этой «Синей блузы» я написал немало текстов, немало программ, ораторий, сенок, <...> не хуже: «Мы синеблузники – мы профсоюзники».

Чем я там еще занимался, кроме всяких разъездов и прочих производственных дел? Репертуар для «Синей блузы» – вот это было мое дело.

Я занимался также горячо и усиленно разработкой новых планов района, которые могли бы хоть немного обновить этот лесной район.

По чисто производственному вопросу я даже выступил с большим сообщением на каком-то техническом совещании и не насмешил старых лагерных волков того времени. Впрочем, эти лагерные волки тоже были с воли недавно. Один из них был начальник большого строительства, попавший за растрату под замок, герой гражданской войны, не нашедший места в НЭПе.

Но уже на строительстве ВИШХИМЗа эти люди командовать не могли, там нужны были инженеры. И инженеры явились – после вредительских процессов.

Партизаны гражданской, «схватившие срок», были вытеснены на север, в наш район, куда волной внутрилагерных репрессий был выброшен и я. Мы нашли общий язык очень легко.

Любой троцкист может рассчитывать на понимание любого партизана гражданской войны, чины тут одни и те же.

Правда, элита эта была недовольна, что я не пью, ни спирта, ни виноградного вина, но я скоро исправил эту ошибку. А по своей поворотливости, быстроте решений я мог справиться с любым из них.

Начальству делать было абсолютно нечего, и ежедневные состязания в стрельбе из пистолета в дверь погреба были многочасовыми праздничными развлечениями северного начальства.

Летом с гор спускались вогулы, кочевники, приводили олени стада. Один из вогулов подарил начальнику медвежат – самца и самку месяцев двух. Медведица была убита.

На Вижаихе был «зоосад». Вот туда-то и хотели отправить медвежат, но не было баржи «сплавить». Самец сидел на цепи на дворе и рычал, а самочка лизалась, терлась о ноги.

Александров взял себе на квартиру медвежонка, но тот быстро ему надоел, и Александров подарил его мне – медвежонка Машку. Я взял эту Машку в комнату и она жила несколько дней, спала в ногах, но однажды я вернулся поздно и увидел, что света у меня нет, маленькая лампа на столе не горит. За дверью рычала Машка, лежала на моей кровати и сосала лапу. Разбила лампу и расколотила все осколками. Я был в новой сатиновой рубашке и Машка распоролла мне ногтями всю рубашку с ворота до подола.

Я выбросил медвежонка в коридор, и вскоре Машку вместе с братом отправили в красновишерский «зоосад».

Лагерная свадьба

К устью Улса быстро приближался челнок. Горная река была так крута, что челнок был виден на реке весь, как нарисованный. Челнок уже входил в тихие воды озера, образованного сливанием Улса и Кутима, того самого озера, на которое совсем недавно садился гидроплан Берзина, главного начальника. Пилотом Берзина был Володя Гинце, летчик, осужденный за вредительство, но с «детским» сроком в три года⁹⁷. Берзин был слишком опытен и умен, чтобы заглядывать в «дело» Гинце, когда брал летчика-вредителя своим личным пилотом.

Прилет Берзина и был самым ярким событием нынешнего года. Кроме, конечно, вахминовской свадьбы.

Челнок приближался.

– Начальник едет, – виновато сказал Шурка Вениаминов, секретарь общей части.

– И не один, – сказал я, начальник отдела труда. Мы стояли на берегу и ждали, пока долбленка причалит. Челнок ткнулся в песок, Шурка и я придержали лодку, пока приехавшие выгрузились. Начальник района Степанов и его заместитель Александров – оба вернулись вместе в один и тот же миг. Раньше начальники вместе никуда не ездили и вместе не возвращались.

– Ну, как ваша свадьба? – спросил Степанов.

– Это не наша свадьба, гражданин начальник, это Вахминова свадьба.

– Сколько водки выпито?

– Сколько выписано было, столько и выпито.

– Не два же литра?

– Два, гражданин начальник.

– А не десять? Не двадцать, как мне в Кутиме говорили?

– Два, гражданин начальник.

– Пиши, Вениаминов, приказ. Всем участникам свадьбы из заключенных по пятнадцать суток изолятора... – Степанов помолчал и поглядел куда-то мимо меня и добавил: – С выводом... Всех вольнонаемных – на губу и по выговору. С занесением в личное дело.

В. Гинце. 1930-е гг.

Гидросамолет Ю-20, использовавшийся в системе ОГПУ.

97 О пилоте В. Гинце см. *Именной указатель*.

– А вы дураки! – сказал Александров, бывший начальник артиллерии Черноморского побережья, царский офицер, отбывший срок и оставшийся на службе в лагере. – Дураки! Взрослые люди! Надо было пригласить на свадьбу этого Сапрыкина, уполномоченного и начальника отряда. Ведь не дети вы. Надо было подождать возвращения – моего или Андрея Максимовича. Спешите все. Торопитесь.

– Я с Азаровым за один стол не сяду, – сказал Вениаминов хмуро.

– Да и Сапрыкин. Зачем нам Сапрыкин на свадьбе? Ваш заместитель, техрук района Краснов, был.

– Краснов бывает всюду, где можно выпить на дармовщинку, – сказал Степанов. – Знали ведь это?

– Знали.

– Ну, зови жениха.

Курьер побежал за Вахминовым, начальником КВЧ⁹⁸.

Гримасы перековки были не только мрачные, угрюмые. Были гримасы и веселые.

Среди огромного количества приказов, которые присылала в начале тридцатых годов во время перековки Москва, было очень много попыток нащупать какой-то новый путь давления на арестанта.

Меры поощрения, выполненный план стимулировались не только пайкой, не только «шкалой питания».

Лучшими «изотовцами» в лагере были свои «изотовцы», как после были «стахановцы» и «стахановская» пайка на Колыме.

В 1931 году перековка началась. В 1929 году заключенным, систематически перевыполнявшим норму, разрешалось жениться. Документы «личного дела» служили юридической основой для регистрации.

Приезжающим женам не надо было везти московского разрешения на свидание. Московское полагалось брать вредителям, вообще пятьдесят восьмой статье... Часы этого свидания, сутки или часы, оговоренные приказом, дробились по желанию мужа и жены чуть ли не на минуты.

На Вижаихе, где находилось управление Вишерского лагеря, был выстроен специальный дом-гостиница – Дом свиданий. Так этот дом и был назван во всех документах того времени: Дом свиданий!⁹⁹

Шел уже четырнадцатый год с начала революции. Название никому не казалось странным. Память у людей коротка.

Ударница могла назвать своим мужем любого заключенного. И получить свидание в Доме свиданий. Начальство следило только, чтобы в книге Дома свиданий не числилась пятьдесят восьмая статья.

Дом свиданий и его практика вызвали новый вопрос ГУЛАГу: можно ли заключенным жениться на заключенных – в качестве поощрения за отличную работу? Разъяснение ГУЛАГа было получено и разослано по всем отделениям. Можно, если по анкете «личного дела» заключенный не состоял в браке. Северный район Вишерского лагеря получил это разъяснение.

Не откладывая в долгий ящик, Вахминов, начальник КВЧ, подал заявление о желании вступить в брак со своей делопроизводительницей, Раисой Колесниченко.

Вахминов был ленинградский чекист, пьянчужка, потерявший наган во время пьянки в «Астории».

98 КВЧ – культурно-воспитательная часть лагеря.

99 Подробнее см. главу «Усть-Улс».

– Очнулся, понимаешь, в канаве. Кабур через плечо повешен. Пустой кабур.

Вахминова судили, дали три года. Он обжаловал приговор в Москву, Москва пересмотрела дело. Срок был увеличен: пять лет. Вахминов решил прекратить переписку с высокими организациями и с головой ушел в воспитательную лагерную работу.

Среди сотен всевозможных КВЧ, которых я встречал в своей жизни, Вахминов еще был один из лучших. Пить он вовсе не пил. Только вот на свадьбе.

Рая Колесниченко была дочь какого-то крупного сектанта. Рае хотелось только одного: забыть отца, вообще забыть, забиться в угол куда-нибудь, не отличаться от подруг, соседей, знакомых, встречных ни одеждой, ни интересами, ни походкой, ни поведением.

С Вахминовым Рая жила уже давно и сейчас обрадовалась официальному предлогу, поводу.

В районе как раз гостил разъездной коллектив «Синей блузы» – подружки Рае нашлись.

По левую руку невесты сидела узкоглазая, узкогубая Шура Фанарина, стукачка из блатных. Рядом с ней – Сорокин, руководитель синеблuzного коллектива. «Синяя блуза» в столицах уже умирала, и сам создатель жанра, Южанин, после неудачного побега за границу, жил в лагерях. Все начинается в Москве, но не в Москве кончается. Уральская лагерная «Синяя блуза» была последним кругом по воде от камня, брошенного когда-то в стоячую воду эстрадного искусства с великой силой. Тексты к ораториям «Синей блузы» писал и я – и как полезный автор был дружен с синеблuzниками. С участка на участок передвигалась «Синяя блуза» верхом. Вьючные лошади и лошади верховые. Болота, речки, дожди.

На центральном участке, где мы жили, был клуб. При клубе – художник, осужденный на десять лет по делу розенкрейцеров в Москве, по странному делу масонов¹⁰⁰.

Этим летом к художнику приехала жена, но он был не в ладах с началом – портер, что ли, отказался писать, и жене дали свидание ровно столько часов, сколько разрешила Москва. Жена добиралась за сотни верст от железной дороги, вверх по реке, вверх, вверх...

Вместе с женой художника приехала жена инженера Шитова. Инженер Шитов был в заграничной командировке в Германии, учился там, женился, вернулся в Москву. Шли переговоры о юридическом оформлении приезда жены, о разрешении ей приехать. Разрешение было выдано, но Шитов был арестован. Женщина не вернулась назад, а, не зная ни слова по-русски, отправилась на Северный Урал, на каторгу – искать мужа. И нашла. Свидание их, тоже разрешенное Москвой, было свободное – вольная квартира, прогулка. Инженер и молодая немка ходили по берегу, обнявшись, ходили, ходили. Потом она уехала. Не зная языка, без провожатых.

Вениаминов и я хотели пригласить инженера и его жену на свадьбу, но бывший чекист Вахминов отклонил наше предложение.

---

100 В конце 1920-х годов ОГПУ усилило внимание к деятельности «мистических» литературных кружков, преувеличивая их общественную опасность. По т.н. делу «Братства святого Серафима Саровского» в 1928 г в Ленинграде был арестован Д.С. Лихачев. По делу «розенкрейцеров» в Москве был привлечен поэт Б.М. Зубакин. В 1937 г. он был вновь арестован по тому же делу, к которому была привлечена также А.И. Цветаева и другие. В черновике главы «Бутырская тюрьма 1929» имеется фрагмент: «По каким-то телепатическим мотивам при аресте в 37 году я попал в тот же корпус, в тот же коридор – только номер камеры был 68, а позднее 69, то же окно, где я подписал, вернее не подписал свой приговор. Зубакин <...>. По делу Розенкрейцеров сидела Анастасия Ивановна Цветаева, сестра Марины Ивановны». (РГАЛИ, Ф.2596. Оп.2. Ед.хр. 66. Л. 80).

По правую руку жениха сидел заместитель начальника района, техрук из местных, Краснов. Краснов знал, что свадьба разрешена, что водки выписано – два литра, но вместо двух заведующий складом продал десять – сведения стукачей были самые точные. Впрочем, что это за стукачи? Это начальник отряда Азаров и местный уполномоченный райотдела, вполне официальный муж.

Азаров и Сапрыкин радировали в управление: «Отсутствие начальника района идет пьянка» и так далее.

Радист Костя Покровский не был приглашен на свадьбу – потому что он не то слишком комсомолец, не то слишком трусоват.

Пришел и ответ – начальнику выговор, всем участникам пьянки – взыскание.

Но за столом мы еще ничего не знали и поднимали бокалы и кричали «горько»¹⁰¹.

Слева от Сорокина сидела Зоя Ивановна, синеглазница, спокойная и добрая сорокалетняя баба. Рядом с ней – Юрий Загорский, блатарь в годах, который мог отбивать чечетку и петь.

Рядом с Юриком сидела Сима Врублевская – незаметная, некрасивая девушка с очень красивыми глазами. На эту самую Симу я стал обращать внимание только после того, как Катя Аристархова¹⁰², подруга моя тогдашняя, сказала мне как-то: «Удивляюсь вам, дуракам мужчинам. Никто из вас и не посмотрит на Симу, а я была с ней в бане – лучше бабы здесь нет».

Рядом с Красновым, такой же работник из местных, сидел комендант лагеря Михайлов. Потом Шурка Вениаминов и я. Мы были соседями Вахминова по комнате, сослуживцами, такими же арестантами.

Выпили, покричали «горько» и разошлись.

Ответ пришел утром – всем взыскание за пьянку, начальнику – выговор. А приказ о свадьбах, о замужествах и женитьбах, как рычагах выполнения и перевыполнения плана, был отменен Москвой как ошибочный.

Мы сидели в изоляторе. Суток восемь. Ходили туда ночевать. Ведь «с выводом».

Только кончился мой изолятор, Костя Покровский, не приглашенный на свадьбу радист, принес радиограмму из управления. Высылается освобождение. В списке была и моя фамилия. Я собрал вещи и «сплыл» на челноке двести верст.

Блюменфельд

Этап был московский. Я просмотрел список и велел вызвать несколько человек в контору, и в их числе Блюменфельда.

Блюменфельд – белокурый, заросший бородой, утомленный тюрьмой человек. Что главное для арестанта? Поесть сытно, вымыться как следует в бане, чистое белье без вшей. Закурить. А самое главное – полежать, не работать. Устроиться на легкую работу, не физическую.

Все это было проще простого. Все эти распоряжения я быстро сделал нарядчику.

Блюменфельд шел из тюрьмы с тюремным сроком, замененным на лагерь. В ответ на мое обещание оставить его в отделении и устроить впоследствии на легкую работу

---

101 В.Т. Шаламов всю жизнь был непьющим. Свадьба, вероятно, была одним из редких случаев, когда он отступил от этого правила.

102 О Кате Аристарховой см. «Набросок к рассказу «Уроки любви».

Блюменфельд сказал, что, напротив, он просит отправить в управление – там Блюменфельда ждет наряд ГУЛАГа на использование его по специальности. Действительно, скоро такую телефонограмму получили, и Блюменфельд уехал со спецконвоем.

Те несколько дней, что он провел на Чуртане, мы поговорили. Я рассказал ему о себе, о том, что его ждет на Вишере.

– У меня есть к вам просьба.

– Какая? Буду рад.

– Я обовшивел крайне.

– Ну, это не порок. Все в дезкамеру.

– Дезкамера моих вшей не берет.

Действительно, дезкамера работала плохо. Мне это было известно.

– Тогда снимите белье, я отдам кипятить и – порядок.

– И вот брюки мои новые, шерстяные, светло-коричневого цвета, пара к пиджаку, но в пиджаке вшей нет. Единственная вещь из дома – эти брюки и пиджак. Остальное все блатари раскрали по транзиткам. Заграничная работа. Дядька мой шахматист, привез из Германии.

Я вызвал прачку-мужчину – все прачки были мужчины – и со строгой инструкцией насчет кипячения вручил прачке блюменфельдовский костюм и белье.

– К завтрашнему дню успеет?

– Надо успеть.

На следующий день побрившийся, постриженный в парикмахерской не под арестантский «ноль», а ножницами, с белокурой бородой «буланже», похорошевший, чистый Блюменфельд сидел у меня в конторе.

Прачка явился в великом смущении.

– Да что ты мнешься? Украли брюки, что ли?

– Да нет, не украли. Хуже, чем украли. Украли – блатари разыщут, возвратят из-за «боюсь», а вот так – не знаю, что и делать.

Но я уже развертывал связку белья. На глазах Блюменфельда новые брюки светло-коричневого оттенка превратились в светло-голубые. Такая мода на мужскую одежду пришла только через сорок лет. Ярко-голубой, кальсонный оттенок подавлял все остальные цвета, вызывал всеобщий интерес. Я хохотал. Очевидно, заграничная коричневая краска не выдержала кипячения, а может быть, прачка запустил жавелевой воды для отбелки. Потеря была непоправимой. Блюменфельд был очень огорчен, даже сник от такой неожиданности. Но собрался с духом и поблагодарил¹⁰³.

Блюменфельд работал начальником плано-экономического отдела Вишерских лагерей и 1930, и 1931 год. Когда меня в конце 1930 года арестовали по делу начальника отделения Стукова и, продержав четыре месяца в изоляторе, выпустили без последствий, я стал работать старшим инспектором УРО Управления Вишерских лагерей и встречался с Блюменфельдом не один раз.

Вот тогда-то Марк Абрамович и рассказал мне о себе: шахматный мастер и философ шахмат Блюменфельд – его дядя. Тюремная память удерживает часто уродства, трагические характеры, а запоминаются они как предмет смеха, вызывают смех. И рассказываются для того, чтобы вызвать смех. Я обратил давно внимание, что следственные работники всегда стараются исказить истину, утяжелить вовсе невыполняемый закон о сомнении в пользу подсудимого. В меморандуме Блюменфельда тоже возник этот литературный экзерсис: Блюменфельд Марк Абрамович по кличке Макс.

¹⁰³ Вариант этого эпизода см. в рассказе «Голубые штаны». Жавелевая вода – раствор хлорноватистой кислоты, обесцвечивающей ткани. О судьбе М. Блюменфельда см. *Именной указатель*.

– Макс – так зовут меня с детства в семье.

По моему делу Блюменфельд от имени руководства тогдашнего подполья дал торжественное заверение, что, если бы «мы знали, что хоть один оппозиционер получил лагерь, а не ссылку и не политизолятор, мы бы добились вашего освобождения. Тогда каторги нашему брату не давали. Вы – первый».

– Какие же вы вожди, – сказал я, – что вы не знаете, где ваши люди.

Блюменфельд связывался, наверное, по своим каналам с москвичами – это не было трудно, чтобы установить, кто я такой.

Поздней осенью 1930 года мы подали заявление в адрес правительства – нет, не просьбу о прощении, а протест по поводу положения женщин в лагерях. Положение женщин в лагерях ужасно. Ни в какое сравнение не идет с положением мужчин. Только на Колыме карающая рука более тяжело ударила по мужчинам.

Мне никогда не забыть тело Зои Петровны, ростовского зубного врача, осужденной по пятьдесят восьмой статье за контрреволюцию по делу «православного Тихого Дона», которую в нашем этапе в апреле 1929 года напоил спиртом, раздел и изнасиловал начальник конвоя Щербаков. Все это делалось открыто, на глазах всего этапа и десятых однодельцев Зои Петровны: штабс-капитана Баталова, грузинских князей Бердченишвили, студента Белых, болгарина Васильева. Все эти однодельцы старались просто не глядеть в открытую дверь на смятую кровать, где разложили Зою Петровну. Щербаков получил любовь не один, рядовым конвоирам тоже досталось.

Для меня, воспитанного на массовых самоубийствах политзаключенных в качестве протеста против телесных наказаний, вроде самоубийства Егора Созонова на Каре, воспитанного на примерах протеста против изнасилования Марии Спиридоновой, – сцена была дикой, неправдоподобной. Но все ее однодельцы лечили у Зои Петровны зубы в лагерной амбулатории. Лечил и я.

Помимо наказания, определенного приговором суда, тройки или особого совещания, женщине в лагере приходилось нести унижения особого рода. Не только каждый начальник, каждый конвоир, но каждый десятник и каждый батляр считал возможным удовлетворить свою страсть с любой из встречных заключенных.

На Колыме в тридцатые и сороковые годы были какие-то иллюзорные связи, называемые «дружбой», какая-то потребность назвать эти отношения дружбой. Сцены ревности, полярные страсти разыгрывались и на Колыме.

На Вишере в 1929 году все было проще, грубее. Даже вопрос о каком-то нравственном обязательстве не возникал ни с той, ни с другой стороны.

Утром лагерная вахта была заполнена отрядом поломоек – классическая формула лагерной любви. Поломойки с тряпками и ведрами – это считалось привилегированной работой (иначе – на строительство, на гарцовку песка, на погрузку, в трудовую бригаду). Поломоек рассылали по квартирам привилегированных заключенных, мыть они в этих квартирах ничего не мыли, но не в мытье была там сила.

Я помню лагерного цензора, седовласого Костю Журавлева – бывшего работника органов. У него был домик, где он жил один, заказывая каждый день новых поломоек. Костя Журавлев одевался щегольски, был надушен хорошим одеколоном, чем-то французским, вроде «Шанели». В заграничном отутуженном костюме, в дорогой рубашке, Костя ходил по лагерю, брезгливо щурясь сквозь пенсне, и явно на «взводе». Пил он одеколон, наверное, но не только одеколон. Каждый вечер Костя Журавлев напивался до упития – дневальный укладывал его спать, а будить впускали новую, заказанную цензору с вечера поломойку.

Я подвинулся, откуда у Кости столько денег на пьянство. Сережа Рындаков, молодой полублатарь, с которым, как с земляком, у меня были хорошие отношения, посмеялся моей наивности.

– А марочки в письмах? Когда пишут в лагерь, всегда родные прикладывают марку на обратный ответ. Часто даже деньги вкладывают – рубль, например. Все это – законная добыча цензора.

Примеров унижения женщин было бесчисленное количество. И я, и Блюменфельд по своей работе – я в УРО, а он в планово-экономическом отделе – имели доступ к кое-какой статистике по этому поводу. Например, о числе венерических заболеваний в лагерях.

Вот мы и составили докладную записку – заявление по поводу положения женщин в лагерях. Блюменфельд перепечатал записку у себя – он хорошо печатал на машинке – в двух экземплярах, и мы подписали заявление оба и вручили каждый своему начальству для отправки его по назначению. Докладные были адресованы в ГУЛАГ, а также в ЦК ВКП(б). Я и Блюменфельд вручили документ в один и тот же час – в девять часов утра какого-то числа апреля 1931 года. Я вручил лично начальнику УРО Васькову, Блюменфельд – заместителю Филиппова, начальника Вишерских лагерей, Теплову.

В обед мы повидались, выяснили, что обе бумаги вручены.

Это был последний день моей работы в УРО.

Тем же вечером была созвана в кабинете Берзина летучка высшей администрации следственных, учетных и кадровых (частей) и найден был ответ на наши действия. Было единогласно решено: развести нас по отделениям. А так как Блюменфельд представлял для лагеря как начальник планово-экономического отдела ценность большую, чем я, старший инспектор УРО, то уезжать приходилось мне.

Я явился на работу и был тут же отстранен от должности.

– Уедешь.

– В чем же дело?

– Не надо докладов писать, – с сердцем сказал Майсурадзе. – Я ходил к Берзину. И слушать не хочет об отмене приказа.

– Конечно, зачем ему рисковать из-за троцкиста, из-за такого модного учения, – высоким голосом сказал Васьков.

Васьков был огорчен чрезвычайно, взволнован, а когда Васьков волновался, матерные слова прыгали с языка непрерывным потоком:

– Не везет, блядь, инспектуре, блядь, один, блядь, украл, блядь, другой, блядь, троцкист, блядь.

Украл – это Вася Шольд, которого блатари заставили выкрасть пропуска и которого я сменил несколько месяцев назад.

– А куда меня?

– На Север.

Север был штрафняк вишерский.

– Ну что ж, – сказал я, – мне сроку немного осталось, добыю и на Севере.

– Да ведь тебя не баланы катать посылают, – сказал Майсурадзе. – Примешь отделение по нашей линии от Дивалина. А Дивалина сюда. На твоё место я его не возьму, у меня насчет тебя совсем другие планы были. Возглавил бы инспектуру летучую по всем нашим отделениям. Эх, Шаламов, Шаламов. И надо же. Может быть, еще к Берзину сходить? – спросил Майсурадзе у Васькова.

– Это бесполезно. Я знаю ситуацию.

– Ну, значит, получай выписку из приказа. Когда можешь ехать?

Начальник Вишлага И.Г. Филиппов. 1931 г.

и был расстрелян. Не давал наступать на горло, или, как говорят блатари, «глотничать» не давал никому – ни вольным, ни начальникам. Вольных начальников презирал до глубины души.

– Да, лагерь – это ад – любил говорить Майсурадзе. – А воля – рай. Мы были на воле последними. А здесь мы будем первыми.

У него была жена, семья, дети в Грузии, приехавшие потом к отцу.

Майсурадзе был не такой человек, чтобы бросать слова на ветер. Когда мы прощались, Майсурадзе сказал:

– Даю слово, что через полгода ты будешь на Вижаихе.

И через пять месяцев радист северный, Костя Покровский, принес радиограмму: «Срочно шлите освобождение Шаламова Варлама Тихоновича».

Майсурадзе был секретарем Центральной аттестационной комиссии и уж, конечно, не забыл мою фамилию, когда попался подходящим списком на освобождение. Дело в том, что управление получило приказ заместителя наркома ОГПУ: всех заключенных, занимающих административные должности в лагере от такой-то и выше и не имеющих взысканий, – немедленно освободить с восстановлением во всех правах и с правом проживания по всему СССР, предложив освобожденным занять те же должности в качестве вольнонаемных. Всего в Вишерских лагерях во всех отделениях под этот приказ попало четырнадцать человек. Тринадцать осталось, а я не остался.

Сказал, что не хочу работать по вольному найму в лагере, и уехал в Березники, где у меня были знакомства по прошлому году. Майсурадзе был крайне недоволен и резонно говорил:

– Я тебя освободил, а ты так неблагодарно поступаешь.

Я сказал, что все это понимаю, но работать в лагере не хочу. Хочу попробовать поработать на воле. И уехал в Березники. В 1930 году троцкисты были уже не новость в

– Да хоть сейчас.

– Ну, не сейчас, а завтра с утра. Лошади будут.

С Майсурадзе, моим новым начальником по УРО, чьим заместителем я был, я близко сошелся после одной ночи, проведенной на пожаре, – ни он, ни я не жалели себя в огне, спасая чье-то имущество. Ночью, при свете пожара, я узнал знакомое лицо.

Все человечество можно разделить, по Ремарку, кажется, на две части: первая, которая в случае тревоги бежит к месту происхождения, и вторая – от этого места. И я, и Майсурадзе принадлежали к первой группе. Мне нравилось в нем, что он, спокойный, энергичный человек, глубоко переживал обиду, арест, лагерь. У него было восемь лет «за разжигание национальной розни», преследование армян. Подробностями я никогда не интересовался. Майсурадзе задумал сделать лагерную карьеру и сделал ее – был освобожден, снята судимость, и он был начальником УРО на Колыме у Берзина. Там

лагере. А в 1931-м – тем паче. В управлении работал экономист Ходе-Долецкий с Урала. Были и другие, о чем говорил мне мельком Блюменфельд.

Еще на Березниках, еще до арестов и следствия, заместитель начальника управления Теплов вызывал меня и спрашивал, как мне живется. Начальники обычно думают, что каждый местный работник по приезду такого начальства должен сунуть ему пакет с доносом. Но пакет у меня не был приготовлен.

– Жалобы на начальника есть?

– Нет, гражданин начальник.

Теплов помолчал. Я тоже молчал. Потом спросил:

– Можно идти, гражданин начальник?

– Идите.

Этот Теплов приезжал тогда вместе с Берзиным. Берзину лагерь понравился. Однако после отъезда начальника Стуков вызвал меня:

– Получил выговор за тебя.

– За меня, гражданин начальник?

– Ну да, за тебя. Не умеешь стоять по швам, руками размахиваешь. Я просто привык, не замечаю, а припомнил – верно, размахиваешь.

Но я нашел заговорное слово. Я ему сказал:

– Шаламов – троцкист, что с него взять.

Мы посмеялись.

Рабочие и служащие ВИШХИМЗ и Вишлага у клуба 20 июля 1931 г.

Говорил Иван Гаврилович Филиппов, начальник Управления Вишерских лагерей:

– Значит, хочешь уехать. Прощай, желаю удачи. Берзин хотел тебя взять на Колыму.

– Я, товарищ начальник, на Колыму – только с конвоем.

– Не шути плохую шутку, – сказал Филиппов.

Через шесть лет я был привезен с конвоем на Колыму и пробыл там семнадцать лет. Но не сделался суевверен. И Берзин, и Майсурадзе были расстреляны в конце 1937 года.

Лагерь уже раскинул сети. Следственные органы усилили наблюдение за троцкистами. Я не удивился, когда дверь каюты парохода «Красный Урал», на котором в октябре 1931 года я ехал в Березники вниз по Каме, с Вижаихи, раскрылась – и за порог переступил блондин с черными петлицами лагерной администрации.

– Ваша фамилия Шаламов, да? Я Элькин из Ленинграда.

– Нет, не имел чести.

– Вы один здесь?

– Один. Попутчица моя не едет, вывихнула ногу.

– Разрешите перебраться к вам, угостить вас портвейном. Правда, дрянной портвейн.

– Я не пью.

– Скажите мне, Шаламов, – зашептал Элькин, – вы – член ЦК комсомола?

– Я даже не комсомолец.

– Ну, – поморщился мой спутник, – вы же понимаете, о чем идет речь. *Тайного ЦК?*

– Ни тайного, ни явного. Мне сходить пора на этой остановке. Желаю счастья.

– Вы разве не до Перми?

– Нет, я до Дедюхина. Точнее, до Усоля.

Мы помахали руками друг другу.

* * *

Что мне дала Вишера? Это три года разочарований в друзьях, несбывшихся детских надежд. Необычайную уверенность в своей жизненной силе. Испытанный тяжелой пробой – начиная с этапа из Соликамска на Север в апреле 1929 года, – один, без друзей и единомышленников, я выдержал пробу – физическую и моральную. Я крепко стоял на ногах и не боялся жизни. Я понимал хорошо, что жизнь – это штука серьезная, но бояться ее не надо. Я был готов жить.

Главная моя задача – получение высшего образования – отодвигалась почему-то. Я вернулся к своей литературной ипостаси – поступил в журнал, в редакцию журнала, куда меня устроил Волков-Ланнит, знакомый мой по кружку Брика и Третьякова. Я понял тогда, что газетная работа, журнальная работа и работа писателя – разные вещи. Это не только разные уровни – это разные миры, и ничего нет вреднее для писателя, ничего нет противоположней, чем газетная, журнальная работа. Газетная школа не только не нужна писателю, – она вредна. Лучше писателю служить продавцом в магазине, чем работать в газете.

Писатель – судья времени. Газетчик, журналист – только подручный политиков.

Покер

Стуков, реалист тюрьмоведения (если считать Берзина романтиком), никогда не забыл моей роли в дутом знаменитом деле основания Березниковского химкомбината, которое «клеили» Стукову, когда столичная и местная агентура дали решительную осечку, а Стуков, хоть и получил страстно желаемого им ордена Красного Знамени, не был арестован, продолжал работу начальника. Стуковское сражение не только за свое доброе имя, а за свою жизнь против следственных органов, – обвинялся Стуков во вредительстве, подлоге, заговорах – кончилось вничью, как Бородинское сражение.

Когда я приехал на Березники уже вольным, Стуков дал мне комнату, крышу, и не на первое время. Но я не хотел жить в вольных бараках для лагерных работников и всячески просил у начальства решить вопрос жилья, квартиры. Я был принят на работу заведующим бюро экономики труда теплоэлектростанции на ставку в триста двадцать семь рублей¹⁰⁴.

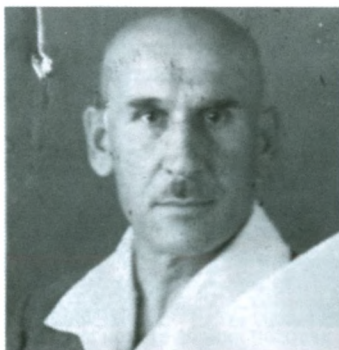
Я согласился взять работу, которой я никогда не занимался, по совету Павла Осиповича Зыбалова, ссыльного экономиста, прошедшего в Березниках ряд лет, и работающего то на содовом заводе, бывшем Любимова, то на Березникхимкомбинате, – когда первая очередь гигантского строительства была пущена в ход. Именно Зыбалов обещал мне помочь советом и даже чуть позже уговорил меня дать согласие на преподавание в вечернем техникуме по предмету «Гигиена и физиология труда».

Начальство березниковское я знал, работая на строительстве с самого его основания, с «подсыпки территории». Жилье мне было дано незамедлительно. Конечно, не квартира, не отдельная комната – отдельные комнаты в общем бараке давали только иностранцам, а таких было немало в Березниках: немцы, итальянцы, англичане, бельгийцы строили каждый свое – по договорам, заключенным в Москве, за валюту. Инженеры там были разные, отличились же фордовские строители на Горьковском заводе самым положительным образом; американцев не было на Березниках, но были немцы, монтировавшие котлы Ганомана и англичане из фирмы «Броун-Бэверн», занятые пуском турбин. Англичане же ставили котлы «Бабкок-Вилькокса».

Мне дали комнату в березниковской гостинице для советских инженеров и вообще привилегированных лиц русского происхождения. Комнатки крошечные, всего на два человека, разделенные фанерной перегородкой и отштукатуренные, очень тесные – две койки стояли впритык, а тумбочка была одна.

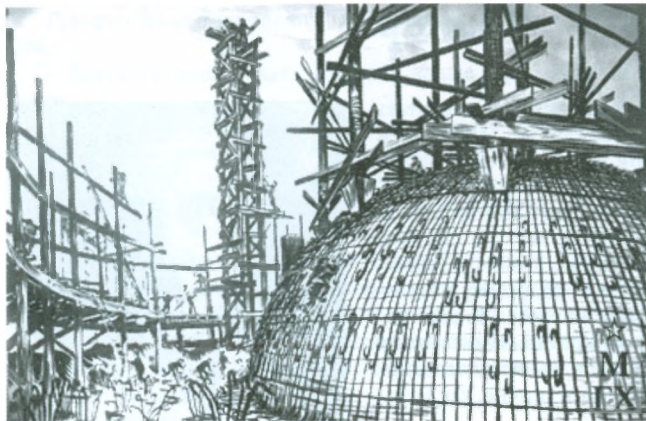
В лагере я привык к большему комфорту, но выбирать не приходилось.

Кто же был моим первым соседом? Беглое рукопожатие с каким-то очень молодым человеком, – вот и весь материал для любых умозаключений.

П.О. Зыбалов. 1940-е гг.

¹⁰⁴ Напомним, что, будучи заключенным – начальником отдела труда Вишлага в тех же Березниках в 1929–1930 гг., Шаламов получал 30 рублей. Очевидно, что основной причиной его устройства на работу на Березниковскую ТЭЦ после освобождения было желание побольше заработать перед возвращением в Москву.

Ф. Лехт. Березники. Строительство химкомбината. 1931 г.

– кипяточный титан стоял в коридоре всегда кипящий, как в студенческие времена.

Я спросил: выпался ли он?

– Да, спал, надо, наконец, отоспаться. Давай познакомимся. Моя фамилия Левин, я – инженер, кончил Московский институт тонкой химической технологии, но здесь работаю не совсем по специальности.

Левину было года двадцать четыре.

– Это первая после окончания института моя практическая работа. Я переводчик при немецком инженере Бауме. Слышали такого?

– Нет.

– Ну, неважно. Я не работаю инженером, я только переводчик. Это я сделал по совету своего отца, которому я верю, слушаю его.

– Чтобы иметь успех в жизни, Лева, надо знать иностранный язык. – Он настоял, чтобы еврейские корни дали немецкое дерево. – Отец мне посоветовал идти переводчиком. Больше научишься, больше поймешь в технике и <...> самого высокого уровня современного.

– Но ведь ставка переводчика...

– Ставка переводчика триста рублей. Инженеры производства получают гораздо больше – шестьсот, восемьсот.

– Вот видите...

– Я рассудил, – ровным спокойным голосом говорил мальчик из хорошей семьи, – что я получу компенсацию.

– Как же?

– Расскажу вам – мы соседи – надо друг другу доверять. Я делаю это тоже по совету моего отца. Он лично не жалел времени, научил меня моей второй специальности.

Я, видевший дно блатного мира, сотни способов отъема денег у ближнего своего, с интересом прислушивался к его словам.

– Вот! – Левин извлек из кармана толстую пачку тридцаток. – Достаточная плата за <выигрыш> в ставке.

– Кого же вы грабите?

– Я никого не граблю. Я играю в карты. В покер. Отец хорошо научил меня играть в покер. Я и в другие игры играю, но покер – главное. Я хороший игрок в покер. Вот заслуги моего отца. Первое: он родил меня на свет. Второе – обучил немецкому языку, не ограничиваясь «идиш». Третье. Научил хорошо играть в покер. Будущее мое – безоблачно. А инженерное образование – это тоже, конечно, важно, что я не стал каким-нибудь ничтожным гуманитарием. Получить звание инженера – тоже совет отца. Но главное – это иностранный язык и покер.

– Вы обыгрываете иностранцев?

– Что вы! За это будут судить немедленно. Я обыгрываю наших – от желающих отбоя нет. Поэтому я так мало сплю. Не спать каждую ночь – немало. Притом я ведь не шулер, я – игрок. Все несут деньги сами. И, конечно, не побегут в уголовный розыск стонать о крупном проигрыше.

– Есть и в нашем «бараке»?

– Да. Сергей, он проиграл уже несколько тысяч. В долг я не играю.

– Спасибо за интересный рассказ.

Двери нашей комнатки потрясли чьи-то сильные руки, и на пороге возник человек, пьяный, тяжело дышавший перегаром.

– Извините. Я корреспондент «Химстроевца» Удалов. Где тут живет инженер Ахметов, на чьем участке бригада сегодня выполнила триста процентов задания?

– По коридору налево, вторая дверь, – сказал Левин.

– Извините. Корреспондент оторвался от нашей двери и прорычал модный в те годы стишок:

«Там, где раньше махновцы топали,
Там, где ветры разговор вели,
Ходит медленно трактор по полю,
Он хозяин и вождь земли».

– Четвертое благо, которым я обязан моему отцу, – спокойно и ровно, отчетливо выговаривая слова, сказал Левин, – это то, что отец научил меня не прикасаться к водке. На банкетах я пью только минеральную воду.

Рука всевышнего¹⁰⁵

Я не переписывался с родными. Ушаковская рука разорвала мои связи с друзьями – и после трех лет одиночества мне хотелось повидаться кое-с кем из моих старых друзей. Следы их можно было найти только в Москве. Отработав положенные пять с половиной месяцев, нужные для законного получения отпуска оплаченного, я, работая заведующим бюро экономики труда теплоэлектростанции Березниковского химкомбината (эксплуатация, а не строительство), обратился с заявлением к инженеру Капеллеру – директору ТЭЦ. Капеллер был инженер – вредитель, осужденный недавно по вредительскому процессу среди энергетиков в Кизеле.

105 В заглавии пародируется название бездарной пьесы Н. Кукольника «Рука Всевышнего Отечество спасла» (1832).

В качестве «поощрительной меры» порядка трудового воспитания ему было разрешено работать на ответственной должности, подобно Леониду Константиновичу Рамзину. На каждом шагу встречались такие формы фантастического нашего быта.

Капеллер просмотрел заявление, тонко улыбаясь:

– А куда вы собираетесь в отпуск?

– В Москву.

– А вы знаете, что в Москве климат болотистый. Засасывает.

– Я вернусь через две недели.

– А кто остается вместо вас заведующим бюро экономики труда? Не вижу из вашего заявления.

– Никто.

Капеллер улыбнулся еще раз.

– Не хотите ли вы сказать, что ваша должность совершенно не нужна – ни производству, ни государству?

– Экономисты сами справятся две недели.

Капеллер подписал заявление. И я добрался до Москвы.

В Москве я увидел, что кое-какие мои товарищи вернулись из ссылок и тюрем, но не из лагерей <...>, и вернулись уже давно. Я повидался. Выяснилось, что на следствии они давали не то, что «откровенные показания» – существовала такая формула в царское время, но вовсе не отказывались подтверждать правду, изложенную губами следователя.

Я был поражен.

– Но ведь было условлено, что показаний не давать. Одно из главных требований «старших».

– Да ты, что, дурак, что ли, – отвечали мне мои товарищи. – Если следователь спрашивает, знаю ли я Иванова, как я скажу, что Иванова не знаю, если живу с ним в одном студенческом общежитии или даже в одной комнате.

Я не переставал удивляться.

– Когда же вы вернулись?

– Да в том же двадцать девятом году. Подали из тюрьмы или из ссылки заявление, телеграмму простую, что присоединяемся к заявлению Раковского или Смилги. Или Радека. И получили документы об освобождении.

– Это ты, не знаю почему не послал телеграммы.

– Да разве вы знаете, что такое концлагерь, какой там режим?

– Мы посылали туда тебе все новинки.

– Вот этого-то и не надо было делать, пока не узнали – что такое лагерь и что такое ссылка, хотя бы на примере Блюменфельда.

Большая часть моих университетских товарищей были в ссылке, а с оставшимися я не нашел общего языка. Не без удовольствия вернулся на Северный Урал, в Березники.

Перед отъездом в Москву я повидал Миллера в лагере, вернее не в лагере, а на улице около лагеря и предложил ему увезти письмо его родственникам в Москву. И привезти ответ. Какие ни разные мы были, я относился к нему с симпатией и полагая всю жизнь, что всякое физическое подтверждение моральных симпатий обязательно, предложил Миллеру сделать это.

Миллер уклонился от ответа, сначала отказался, но потом, очевидно обсудив проблему в кругу своих тогдашних друзей, согласился и вызвал меня для вручения письма.

Друзьями этими у Миллера были покойный Федорович, не имевший звания профессора, но работавший в кадрах высшей школы на административных должностях – омерзительный ловчило, подхалим безмерный, уважавший только начальников и топтавший

подчиненных. Никакого научного звания Федорович не имел, но «вращался» в научных кругах.

О нем очень удачно сказал профессор Сотонин, автор работ по экономике труда, заведующий кадрами и прочее:

– На Вишере три профессора. Александров ихтиолог, Пок <...>. Ну и четвертый – Федорович.

Пятым <другом Миллера> был Иноземцев – Иван Петрович Иноземцев, любитель выпить, а главное, закусить – инженер с Мотовилихи, очень хороший и добрый человек, которого следователи запутали легко, спровоцировав «откровенные показания».

Шестым – Новиков, транспортный инженер, изобретатель саморазгружающего поезда. В окончательной сдаче проекта появилась вторая подпись – Миллера, хотя Миллер – строитель, а не железнодорожник. Но Миллер в соавторство внес личную энергию – фонд немалый. Правда, жаль было смотреть на Миллера, на те надежды, которые он возлагал на этот поезд – что такое этот поезд перед прямоточным котлом Рамзина.

Видно было, что Миллер сильно сдал, поседел – собственный процесс, хоть его и не арестовывали, обошелся ему недешево.

На него и на начальника показывали все, ну, буквально все его помощники, его друзья, его сослуживцы. Но все обошлось, потому что я, сидя четыре месяца под следствием, уперся и не дал показаний ни против Миллера, ни против Стукова.

Все было в лагере прежним – строились новые бараки, Стуков стучал своей палкой в стекло конторы, Миллер уже с другими сотрудниками попивал свой крепкий миллеровский чай, так же острил, так же шутил.

Но надежда на быстрое освобождение, внушенная ему Стуковым, исчезла.

– Я передумал, Варлам Тихонович, прошу извинить. Вот мое письмо. Вот адрес на Солянке. Ващенко – моя тетка родная. У нее оставлен мой чемодан. Он не тяжелый, привезите его.

– Конечно.

– Вот Михаил Михайлович имеет просьбу к вам.

– Я прошу передать письмо моей жене, она живет около Немецкого рынка.

Мне были противны эти просьбы. Федоровича я почти не знал, а если и знал, то с отрицательной стороны. Но не имел силы отказать и взял письмо.

– И от меня, пожалуйста. Мы не хотим вас затруднять, – в адрес Михаила Михайловича. – Наши жены выдаются...

Опять не имел сил отказать.

Ващенко действительно жила на Солянке в огромном коммерческом доме, типичном для московского строительного бума десятых годов.

Я разыскал Ващенко. Старуха была перепугана появлением человека в военной шинели и не решилась дать сразу ответ. Я выслушал кое-что о Миллере – способный юноша, противная жена.

– О чемодане я вам скажу завтра вечером, придет с работы мой внучек Юрочка и мы все решим и дадим ответ. <...>

Гораздо неприятней оказался визит к жене Федоровича. Это была раскормленная красивая молодая баба, с маникюром и в каком-то явно скромном недорогом аметистовом ожерелье с бриллиантовым крестиком на груди.

Большая квартира профессора Федоровича не подверглась ни конфискации, ни уплотнению.

– Как видите, сражаемся, – сказала жена профессора. – Передайте Михаилу Михайловичу, что вы сами видели, что наша квартира цела. Пойдемте, я покажу вам все комнаты. Комнаты были завалены мягкой мебелью, затянутой новеньким атласом.

– Видите: все, все цело. А каких мне это стоило трудов. – Вот это, знакомьтесь – жена Анатолия Павловича Долгова.

Не менее раскормленная красавица протянула мне пухлую ручку. Мы сели в гостиной.

– Редерер. Лучшее, что я могла достать.

– Спасибо, я не пью. Ничего, кроме минеральной воды.

– Ну, что за чепуха? За здоровье Михаила Михайловича не хотите выпить, за здоровье Анатолия Павловича?

– Нет, не хочу.

– Ну, хоть чокнитесь с нами.

Я чокнулся.

– Вот письмо для Михаила Михайловича. Очень вам благодарны. И еще брюки. Он любит брюки галифе. Это его любимые синие галифе.

Я взял брюки.

– У меня нет брюк галифе, – зашебетала жена Долгова, – мы женаты так недавно. Меня предупредили только вчера. Но я хочу мужу передать что-нибудь вкусенькое, – вот тут пять баночек крабов, любимых крабов.

Я взял крабов.

Это уже была тяжесть солидная, да и притом магазинные покупки, далеко уступающие семейным синим галифе. Не захотел плюнуть этим дамам в жирные рожи и взял их посылки и письма.

К несчастью, в поезде, пока я стерег миллеровский чемодан, чья-то опытная рука увела сумку с пятью банками крабов и банкой бычка в томате – самыми моими любимыми консервами в студенческие времена. Я не очень жалел и бычков, и крабов...

Поездные колеса стучали, приближался Урал, Свердловск, линия на Соликамск. Уже замелькали в вагонах пробегающие оперативники лагерные, ловцы беглецов. Эшелоны с заключенными с тюремными решетками стояли на всех путях. Эшелоны с переселенцами, без тюремных решеток, с женщинами и детьми – стояли на всех путях, размахивая развешанным выстиранным бельем, как флагом или парусами, на которых уплывала в будущее наша земля.

Движение тех и других эшелонов было ночное.

На третьи сутки я слез на станции Усольская и пошел в гостиницу, где жил вместе с инженером Левиным – переводчиком с немецкого языка. Об этом Левине рассказано мной в очерке «Покер».

Место мое в общежитии не заняли.

Миллер жил тогда с разрешения начальства вне зоны – в обыкновенных жилых домах Чуртана, где когда-то был лагерь, – вернее, арестанты обогревали, обживали холодными зимами каменные корпуса, и где я сам жил несколько месяцев.

Я вручил Федоровичу брюки, письмо. Вручил Долгову письмо. Долгов прочел письмо и заметно загрустил.

– Что, вести плохие?

– Нет, вести хорошие. А крабы-то где?

– Я не сказал – в дороге украли.

– Ну, хоть бы одну баночку привезли. Это вещь дорогая, редкая.

– Это вы у воров спросите. Я обещаю вам вернуть стоимость.

– Да разве в этом дело. Крабы вещь дорогая, редкая. Где же возьмете крабов в Усоли. Я не видал тут что-то...

Сквозь зубы Долгов проскрежетал что-то вроде благодарности, шагнул через порог и ушел из моей жизни навсегда. Как и «четвертый» – профессор Федорович <...>

Через неделю после возвращения из Москвы я был вызван в райотдел ОГПУ, возглавляемый тогда латышом Озолсом. Но вызван был не к Озолсу, а к заведующему экономическим отделом Атаманову. После анкетных вопросов, <...> Атаманов попросил меня только оказать помощь строительству лагеря и органам в их работе. Помощь должна была заключаться в регулярной информации и прочее.

– Записки ваши, – думая о чем-то своем, быстро говорил Атаманов, – будете подписывать псевдонимом. Выберите себе псевдоним по вкусу.

– Например, «Пчела» или «Звезда»? – спросил я, вспомнив науку Пекарского.

– Вот, вот. Да что вы улыбаетесь? В нашей власти из бывшего заключенного сделать снова настоящего. Это проще простого. Вам, как бывшему, некуда податься.

Я молчал.

– Хорошо. Даю вам неделю на размышление. И подпишите это. Вот по той форме.

– О невыезде?

– Не о невыезде, а о неразглашении государственной тайны – статья девяносто седьмая уголовного кодекса.

Я дал подписку о неразглашении, и Атаманов подписал пропуск, с которым я пришел.

Надо было уезжать. Даже без расчета.

На строительстве была большая текучесть – три тысячи человек принимали, две с половиной увольняли.

Железнодорожные кассы не продавали билетов в направлении Москвы без визы управделами Березникхимстроя – надежного товарища Постникова.

Можно было только лесом отойти километров тридцать до ближайшей станции и там купить билет на запад. Но лес кишел нашей лагерной оперативкой. Да сами ближние станции предупреждали. Можно было попытаться плыть водой, но Кама еще не вскрылась. Обратиться к управделами, выпросить визу? Я не мастер уговаривать кого-либо в таких ситуациях.

Я подал заявление об увольнении и получил отказ. Заявление мое на этот раз подписал не Капеллер, а его заместитель по производственным совещаниям – такую должность давали общественникам, выдвигаемым на руководящую работу по общественной линии.

Рачев был малограмотный человек, но хороший.

Еще до отъезда в Москву, когда я работал «завбэт» (заведующим бюро экономики труда), Рачев передал мне для исполнения одну бумагу, которую потом я долго хранил у себя. Бумага эта – заявление кочегаров о перерасчете за их работу и о наших выплатах. Рачев ссорился с кочегарами давно, и еще до заявления имел понятие об их претензиях, но желая своему мнению придать определенную юридическую форму, он выразил свое желание так: «Тов. Шаламову. Прошу разобраться и по возможности отказать». Вот этот Рачев отказал и мне.

Еще до первого отъезда в Москву начальник прислал мне воз овощей – это было знатным подарком, – все овощи давно исчезли из меню не только рабочих, но и столовых ИТР¹⁰⁶. Специальное снабжение инженерно-технических работников ничего не спасало.

Кожуков все приставал ко мне, что он может для меня.

Я пошутил: – Вот бы картошки своей...

---

106 Очевидно, последствия коллективизации.

Той же ночью лагерные воры привезли в наше общежитие пять мешков овощей. Я не хотел брать, но наша уборщица тетя Ньюша закричала, затопала:– Переносите овощи! – и заперла их куда-то в чулан.

Вот эта история с овощами и заставила меня принять правильное решение. Я подумал так, что начальники – Стуков и Озолс бывают в гостях, – пусть Стуков попросит Озолса, чтобы подчиненный Озолса Атаманов не трогал меня. Такие обещания дело надежное.

Я пришел в кабинет Стукова, он принимал каждый день. Он был очень, просто чрезвычайно доволен, что мне что-то надо и он может как-то помочь.

Я начал не с конца, как я обычно делал, а стал рассказывать свою историю с начала. Стуков прервал меня:

– Так ты что, уехать что ли не можешь?

– Ну, да... – сказал я, хотя это была середина рассказа.

– Хорошо! Сиди здесь у меня.– Стуков позвонил. Возник курьер.

– Коменданта!

Возник комендант Юрий Строгович, из вольнонаемных.

– У нас есть диспетчеры на Усолье по железной дороге?

– Есть,– сказал Строгович.

– Кто?

– Алексеев и Медоваров.

– Кто дежурит??

– Алексеев.

– Кто дома – Медоваров? Медоварова сюда.

Возник Медоваров, явно разбуженный внезапно и не соображавший, зачем он в кабинете начальника.

– Ты дежурный вечером сегодня?

– Я, гражданин начальник.

– Сколько стоит билет до Москвы?

– Двадцать пять рублей шестнадцать копеек, гражданин начальник.

– Когда прямой поезд на Москву?

– Сегодня в восемь вечера, гражданин начальник.

– У тебя есть деньги, Шаламов, на билет?

– Да. Вот двадцать пять рублей.

– Вот тебе деньги на билет, – сказал начальник, вкладывая в пальцы диспетчера асигнации, – возьмешь билет в кассе и без пяти минут восемь вручишь вот ему на перроне перед поездом! Понял?

– Понял, гражданин начальник.

– Смотри, чтобы место было не боковое. Можешь идти.

Диспетчер ушел.

– Это все твои просьбы?

– Все, Михаил Васильевич.

Мы пожали друг другу руки.

Я бросился в общежитие, сложил чемодан, а когда настал час, простился с соседом-покеристом и тетей Ньюшей, которой сдал одеяло и простыню и подарил все овощи, которые у меня хранились.

Диспетчер вынес мне билет и плацкарту. Место оказалось не боковое. Я сел в вагон и поехал в Москву. Помахал рукой знакомым оперативникам, проверяющим вагоны.

Второй раз мне было проще возвращаться. Место, где работать, где жить было подготовлено в прошлый мой приезд.<...>

В лагере нет виноватых¹⁰⁷

Почему я не советовался ни с кем во всем моем колымском поведении, во всех своих колымских поступках, действиях и решениях? Из человеколюбия. Чужая тайна очень тяжела, невыносима для лагерной души, для подлеца и труса, скрытого на дне каждого человека.

Я боялся, что сообщенное мной ляжет тайной слишком тяжелой, посорит меня с моими исповедниками, ничего не изменив в моем решении. Я не привык, не выучен слушать других и следовать их советам. Совет может быть и хорош, но обязательно плох тем, что это – чужой совет.

В лагере нельзя разделить ни радость, ни горе. Радость – потому что слишком опасно. Горе – потому что бесполезно. Канонический, классический «ближний» не облегчит твою душу, а сорок раз продаст тебя начальству: за окурок или по своей должности стукача и сексота, а то и просто ни за что – по-русски.

Темной осенней ветреной ночью 1931 года я стоял на берегу Вишеры и размышлял на важную, большую для меня тему: мне уже двадцать четыре года, а я еще ничего не сделал для бессмертия. Лодочник мой, девяностолетний чалдон, взявшийся за трешник сплавить меня вниз по течению Вишеры, за сто километров до управления, поднял кормовое весло. Старик оттолкнул челнок, вывел лодку на глубокую воду, развернул ее по течению поближе к стрежню, и мы полетели вниз с быстротой, превышающей силу тяжести, ту, что столько лет пригибала меня к земле.

Темной осенней ночью старик причалил челнок к песчаному берегу Вишеры – у лесозавода, где два года назад я работал замерщиком. Вода и ее движение, необходимость участия в повседневной, сиюминутной жизни летящего вниз челнока не давали возможности думать. Только позднее я смог подвести итоги первого моего испытания в самостоятельном плавании – на московской земле.

Я проехал весь штрафняк, весь северный район Вишлага – притчу во языцех, – канонизированную, одобренную людской психологией, угрозу для всех, и вольных, и заключенных на Вишере, я побывал на каждом участке, где работал арестант-лесоруб. Я не нашел никаких следов кровавых расправ. А между тем Усть-Улс и паутина его притоков до впадения в Вишеру были краем тогдашней арестантской земли.

А между тем следы эти были, не могли не быть¹⁰⁸. Ведь начальник конвоя Щербаков сам раздевал меня догола и ставил на выстойку под винтовку вольного чалдона – на арестантском этапе в начале апреля 1929 года по каторжному шляху Соликамск – Вижаиха.

107 Очевидный полемический парафраз незавершенного замысла романа Л. Толстого «Нет в мире виноватых» (1908–1910). Резко отрицательно относясь к моралистической философии Толстого, Шаламов мог заинтересоваться этим произведением в связи с тем, что в нем фигурировала тюремная тема и поднимался вопрос о правомерности смертных казней, шире – государственного насилия. Все это было созвучно основным темам Шаламова, пытавшегося в данном очерке-эссе подвести итоги своих размышлений о системе правосудия в сталинскую эпоху. Очевидно, что тезис Шаламова «в лагере нет виноватых» (как и тезис Л. Толстого «нет в мире виноватых») является философски-абстрактным, и конкретные доводы, приводимые им, далеко не всегда убедительны. В то же время размышления Шаламова имеют неоспоримое рациональное зерно: они свидетельствуют об относительности понятия вины в системе правосудия в годы сталинской тирании. Ср. в очерке «Дело Стукова»: «Понятие преступления, вины было искажено безмерно». Самым красноречивым аргументом здесь выступает собственная судьба Шаламова.

108 Верная догадка Шаламова: «следы кровавых расправ», т.е. расстрелов, находились в других местах, где исполнялись приговоры по делам ОГПУ. См. Приложение 2 и комментарий к нему.

Ведь кто-то застрелил тех трех беглецов, чьи трупы – дело было зимой, – замороженные, стояли около вахты целых три дня, чтобы лагерники убедились в тщетности побега. Ведь кто-то дал распоряжение выставить эти замерзшие трупы для поучения? Ведь арестантов ставили – на том же самом Севере, который я объехал весь, – ставили «на комарей», на пенек голыми за отказ от работы, за невыполнение нормы выработки.

Ведь только в начале тридцатых годов был решен этот главный вопрос. Чем бить – палкой или пайкой, шкалой питания в зависимости от выработки. И сразу (выяснилось), что шкала питания плюс зачеты рабочих дней и досрочные освобождения – стимул достаточный, чтобы не только хорошо работать, но и изобретать прямоточные котлы, как Рамзин. Выяснилось, что с помощью шкалы питания, обещанного сокращения срока можно заставить и «вредителей», и бытовиков не только хорошо, энергично, безвозмездно работать даже без конвоя, но и доносить, продавать всех своих соседей ради окурка, одобрительного взгляда концлагерного начальства.

Главное ощущение после двух с половиной лет лагеря, каторжных работ – это то, что я покрепче других в нравственном смысле.

Колыма, где физические и нравственные мучения были уродливейшим и теснейшим образом переплетены, – была еще впереди.

Сектант Петр Заяц, за которого я заступился, к удивлению, неудовольствию и неодобрению всего нашего этапа, всех моих товарищей, которые наполовину состояли из пятидесяти восьмой статьи – «заговор Тихого Дона»¹⁰⁹, а наполовину – из блатарей-рецидивистов, в десятый раз принимавших срок и шедших знакомой каторжной дорогой, – сектант Заяц сам осуждал мое вмешательство, желая пострадать сам за себя. В лагере это главное правило – сам за себя. Стой и молчи, когда избивают и убивают соседей, – вот первый закон, первый урок, который дал мне лагерь. Но заступался я за Заяца не для Заяца, не для утверждения правды – справедливости. Просто хотел доказать самому себе, что я ничем не хуже любых моих любимых героев из прошлого русской истории. Вот что вывело меня из строя, поставило пред мутные очи начальника конвоя Щербакова. Я меньше думал о Заяце, чем о самом себе.

Одна из идей, понятых и усвоенных мной в те первые концлагерные годы, кратко выражалась так:

«Раньше сделай, а потом спроси, можно ли это сделать. Так ты разрушаешь рабство, привычку во всех случаях жизни искать чужого решения, кого-то о чем-то спрашивать, ждать, пока тебя не позовут».

В 1964 году я встретился с Анной Ахматовой¹¹⁰. Она только что вернулась из Италии после сорокалетнего перерыва таких вояжей. Взволнованная впечатлениями, премией Таормины, новым шерстяным платьем, Анна Андреевна готовилась к Лондону. Я как раз встретился с ней в перерыве между двумя вояжами ее заграничной славы.

– Я хотела бы в Париж. Ах, как я хотела бы в Париж, – твердила Анна Андреевна.

– Так кто вам... Из Лондона и слетаете на два дня.

– Как кто мешает? Да разве это можно? Я в Италии не отходила от посольства, как бы чего не вышло.

---

109 См. примеч 6.

110 Встреча Шаламова с А. Ахматовой состоялась в конце мая 1965 г. О его уважительном отношении к великой поэтессе свидетельствуют эссе «Ахматова», «Блок и Ахматова» (ВШ7, 5, 193-203) и цикл стихотворений, написанных в ее память (*Шаламов В.* Стихотворения и поэмы: в 2 т. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома: Вита Нова, 2020. Т.2. С. 168-171).

И видно было, что Ахматова твердит эту чепуху не потому, что думает: «в следующий раз не пустят» – следующего раза в семьдесят лет не ждут, – а просто отвыкла думать иначе. Женщина, присутствовавшая при этом разговоре, неоднократно пользовалась таким способом во время своих зарубежных поездок. Но она не была Ахматовой. Вернее, Ахматова ею не была.

Что же мной понято?

Самое важное, самое главное.

В лагере нет виноватых.

И это не острота, не каламбур. Это юридическая природа лагерной жизни.

Суть в том, что тебя судят вчерашние (или будущие) заключенные, уже отбывшие срок. И ты сам, окончив срок по любой статье, самым моментом освобождения приобретаешь юридически и практически право судить других по любой статье Уголовного кодекса. Сегодня, 30 сентября этого года, ты – преступник, бывший и сущий, которого еще вчера пинали в зубы, били, сажали в изолятор, а 1 октября ты, даже не переодеваясь в другое платье, сам сажаешь в изолятор, допрашиваешь и судишь. Мародер, который грабит во время войны по приказу, вдруг узнает, что вчера отменили приказ, и его судят за мародерство, дают срок 25 и 5, а то и расстреливают – премьера в юридической практике идет тяжело.

Что же изменилось в душе мародера?

Высшим выражением крыленковской «резинки», перековки была самоохрана, когда заключенным давали в руки винтовки – приказывать, стеречь, бить своих вчерашних соседей по этапу и бараку. Самообслуга, самоохрана, следовательский аппарат из заключенных – может быть, это экономически выгодно, но начисто стирает понятие вины.

О вине в лагере и не спрашивают – ни начальство, ни соседи, ни сам арестант. В лагере спрашивают «процент» – а есть «процент», значит, у тебя и нет никакой вины.

Разве любой вредитель в чем-нибудь виноват? Лагерь и не ставит перед ним этого вопроса. «Да, – говорит начальник, – ты осужден на такой-то срок и должен себя вести так-то и так-то. А завтра кончишь срок и будешь командовать здесь же нами всеми от имени того же государства, именем и силой которого я держу тебя в тюрьме. Завтра! Только завтра! А сегодня я еще буду тебя лупить, пропускать сквозь конвейер».

Заранее данная, принципиальная невинность заключенных и была основанием тогдашнего лагерного режима.

В лагере сидят жертвы закона, люди, на которых устремлен огонь орудий суда в данный день, час и миг. Кто попал под этот огонь, тот и сидит. Завтра орудия переводят на другую цель, а осужденные вчера остаются в лагере досиживать, хотя их преступление уже не считается опасным и не влечет за собой наказания.

Если такая жертва закона получила свободу, она сама стреляет, помогает наводить орудия суда на других.

Дело не в том, что преследуются какие-то политические группы населения – кулаки, вредители, троцкисты. Сам по себе набор статей бытовых – растраты, изнасилования, кражи, хищения имущества – тоже различен. Внимание суда привлекает то одна группа подсудимых, то другая. И необъяснимым образом внимание государства к прежним жертвам ослабевает. Носители их переждали в кустах расстрел и преследования, и вот уже они сами судят, сами отправляют в лагерь по той же самой статье, по которой их ловили еще вчера. А может быть, ловят и сегодня. Желая быть полноправным гражданином, организатор хищений, спекулянт, растратчик участвует в суде, а при «досрочном» – даже размахивает руками и голосует.

Тот, кто следит за орудиями истребления, поправляет их прицел, – сам сегодня под этот огонь не попал, поэтому сам стреляет. А если не он, то его брат, отец, родственник. Всякий осужденный за бытовое преступление знает еще из тюрьмы, из следствия, что его преступление вовсе не считается преступлением в лагере. Растратчиков, расхитителей судят сами непойманые расхитители и растратчики.

Перековка дала и юридическое основание такого рода действиям. Какая же может быть вина в лагере, если в лагере самоохрана, а в более широком смысле – никого, кроме самоохраны, в лагере и нет, ибо отбывшие срок берут винтовки – охранять, берут палку – командовать.

Крут не может быть разомкнут.

Виноватых нет потому, что при досрочном освобождении, искуплении вины честным трудом человек, поднимающий девять пудов одной рукой, искупает вину вдесятеро скорее, чем хлюпик-очкарик, не обладающий должной физической силой. Человек, поднимающий девять пудов одной рукой, вырастает в лагере как символ именно моральной силы. Он в почете у начальства, он освобождается сам и освобождает других на собраниях, приобретает право судить (добавить срока) еще и сам не освобожденный из лагеря.

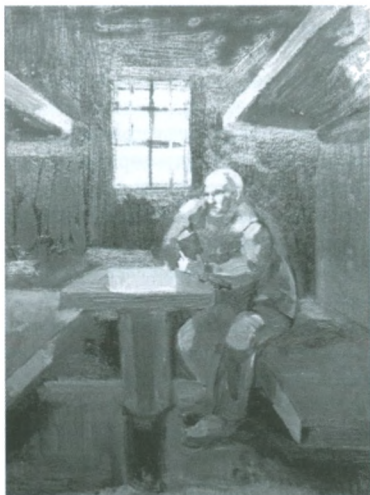
Тут нет места такому понятию, как вина. Даже если ее считать за условную формулу столкновения человека и общества. За исключением воров-рецидивистов, стоящих вне общества и заслуживающих уничтожения, никто в лагере и не трактует («вину») как преступление – ни в теории, ни в практике.

Но и блатарей государство считало возможным использовать на той же перековке и исправлении.

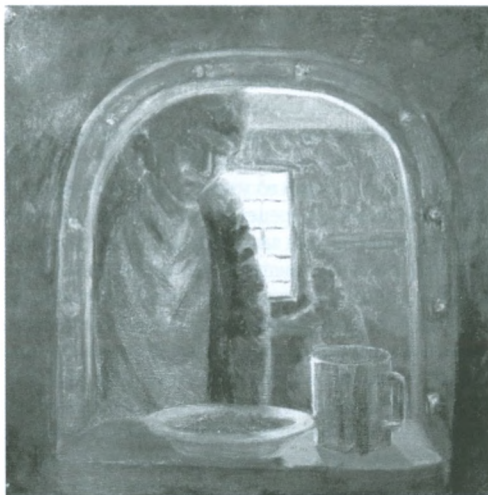
До перековки считалось, что в лагере есть две группы людей: жертвы правосудия и преступники – уголовные рецидивисты. Надлежало с помощью социально близких из жертв правосудия: следователей, осужденных за превышение власти, убийц – за превышение норм раздращения, растратчиков миллионов сумм, прокуренных в ресторанах, – всех этих «контингентов» на изящном лагерном языке – бороться с уголовным рецидивом до самой смерти уголовников – ранней обычно из-за побегов, побоев, выстоек «на комарях» и прочего.

Блатарю ведь работать позорно. Он должен (отказываться вплоть до) симуляции самоубийства (резать живот «пиской», заливая кровью, идти в изолятор), бежать. Когда-нибудь я дам анализ рецептов русской политической каторги, поведение которой было сходно с поведением уголовщины, и многое заимствовано оттуда – побеги, голодовки, но сейчас речь о другом. Блатарь – отказчик от работы, извечный враг любого государства, вдруг превращается в друга государства, в объект перековки. В перековку вообразили, что блатарей можно обмануть, научить их труду. За высокий процент выработки блатарей освобождали, примеры Беломорканала, Москанала, Колымы известны, мне кажется, всем и каждому в мире, не только в нашей стране. Теоретически была установка вернуть блатарей в число строителей социализма. Использовать и эту группу населения. Врагов государства заставить служить государству. За это советское общество заплатило большой кровью. Говорили, что нужно только «доверие», и блатарь перестанет быть блатарем и станет человеком, полноценным строителем социализма, меняя природу, трудом изменяя свою собственную психологию. Все теоретические узлы развязывались легко.

Но дело вот в чем. Блатарь освобождался, выработав сто пятьдесят или двести процентов плана. Выяснилось, что друзья народа, какими оказались рецидивисты, официально выполняют норму на триста процентов и подлежат немедленному досрочному

Антонина Грибова. Без названия.
Картон, масло.

Антонина Грибова. Долгожданный обед.
Картон, масло.

Антонина Грибова. Этап.
Акварель, масло.

Анна Кольцова. «Возьми крест свой
и следуй за мною...» Картон, масло.

освобождению. Немало лет потребовалось, пока низовым работникам лагерей удалось убедить высшее начальство, что эти триста процентов – чужая кровь, что блатарь не ударил палец о палец а только бил палкой своих соседей по бригаде, выбивая «процент» из нищих и голодных стариков и заставляя десятников приписывать в наряд именно ему, блатарю, этот кровавый процент. Это доверие привело к такой крови, которая была еще невиданна в много испытывавшей России.

Вся эта кровь ясно проступила еще на Вишере, еще до зачетов рабочих дней, до досрочного освобождения. Но уже при «разгрузках», при приездах комиссий по соловецкой песне:

Каждый год под весенним дождем
Мы приезда комиссии ждем...

Система досрочного освобождения за честный труд – есть прямой вызов правосудию¹¹¹.

Если есть суд – то нет досрочного освобождения, ибо только сам суд – верховный орган власти, состоящий из узкого круга квалифицированнейших, опытнейших юристов, работая день и ночь, определяет в своих высших инстанциях меру наказания за то или иное преступление против закона, определяет детально, до самой мелочи, до дня и часа вопросы срока, режима, взвешивая все обстоятельства на самых высших юридических весах, и никто не может нарушить, изменить, поправить его верховную волю.

А если есть досрочное освобождение, то, значит, нет суда, ибо никакому начальнику ОЛПа Чебоксарского района, безграмотному старшине, не может быть дано право изменить срок наказания. Ни увеличить – по рапорту такого начальника, ни сократить – по ходатайству такого начальника, да еще снабженного решением общего собрания самих заключенных. Никакое общее собрание самих заключенных не может никого освобождать из лагеря или уменьшить меру заключения, определенную судом.

Вышинский, защищавший теорию возмездия, – преступник, отдавший себя на службу Сталину. Но Вышинский был юрист.

В двадцатые же годы действовала знаменитая «резинка» Крыленко¹¹², суть которой в следующем. Всякий приговор условен, приблизителен: в зависимости от поведения, от прилежания в труде, от исправления, от честного труда на благо государства. Этот приговор может быть сокращен до эффективного минимума – год-два вместо десяти лет, либо бесконечные продления: посадили на год, а держат целую жизнь, продлевая срок официальный, не позволяя копиться «безучетным».

Я сам – студент, слушавший лекции Крыленко. К праву они имели мало отношения и не правовыми идеями вдохновлялись. «Резинка» опиралась на трудовой экономический эффект мест заключения плюс, по теории переделки души арестанта в направлении коммунистических идеалов, применение бесплатного принудительного труда, где главным рычагом была шкала питания арестанта по такой зависимости от нормы выработки: «кто заработал, то и поешь» – и прочие лагерные модификации лозунга «кто не работает, тот не ест».

Желудочная шкала питания сочеталась с надеждой на досрочное освобождение по зачетам. Все это разработано чрезвычайно детально, лестница поощрений и лестница наказаний в лагере очень велика – от карцерных ста граммов хлеба через день до двух килограммов хлеба при выполнении стахановской нормы (так она и называлась официально). Стахановская карточка печаталась, заказывалась и выдавалась, и сам Берзин без тени юмора считал именно такую операцию истинным применением стахановских идей в трудовом концлагере. Зная ограниченность Берзина, можно было верить, что он самым серьезным

111 Очевидно, что Шаламов имеет в виду досрочное освобождение ненавистных ему «блатарей».

112 Н.С. Крыленко, в 1929–1931 гг. прокурор РСФСР, председательствующий «шахтинского» процесса и процесса «Промпартии», в 1925–1929 гг. являлся профессором факультета советского права МГУ, где в 1926–1927 гг. учился Шаламов. О теоретических воззрениях Крыленко-юриста, весьма примитивных и эклектичных, дает представление его доклад на заседании коллегии наркомата юстиции «Принципы переработки Уголовного кодекса РСФСР» (журнал «Революция права», 1928, № 4. С. 3-18).

образом относился к своим словам. Выступления этого рода Берзин делал и на Колыме. Достаточно почитать тамошние газеты тогдашние¹¹³.

Так проведен был Беломорканал, Москанал – стройки первой пятилетки. Экономический эффект был велик.

Велик был и эффект растреления душ людей – и начальства, и заключенных, и прочих граждан. Крепкая душа укрепляется в тюрьме. Лагерь же с досрочным освобождением разлагает всякую, любую душу – начальника и подчиненного, вольнонаемного и заключенного, кадрового командира и нанятого слесаря.

Убийц я знал много. Рядом со мной в лагерном бараке спал милейший человек Миша Бульчев, бывший бухгалтер из Горького. Горький в те годы давал тысячами растратчиков – судебная машина косила именно по этой статье направо и налево года два, и Миша Бульчев стеснялся своего преступления. Ему казалось, что растратчики – это эпидемия, заболевание, переболел – и выпустили на волю здоровыми в правовом смысле людьми. Сам Миша был осужден за убийство – убил жену половинкой кирпича из ревности во время приступа запоя. Миша Бульчев в лагере увидел, что не только его статья считается легче, чем 116-я за растрату – та была «модной», но и вообще он-то, Миша Бульчев, со своей статьей первый человек в лагере. Что требуются даже его характеристики на товарищей-горьковчан – можно ли их освободить досрочно, по мнению Миши Бульчева. Миша давал характеристики.

Вскоре обнаружилось, что и регулярные запои обходятся в лагере еще дешевле, чем на воле. Как-никак Миша был бухгалтером по бытовой статье!

Уже позднее, в Сусумане, я спал с блатарем Соловьевым, который взял в побег фраера «на мясо», убил его, ел, пока был «во льдах», а осенью мороз «выжал» Соловьева из тайги в поселок. Соловьева судили, дали двадцать пять и пять – у него и так было лет двести лагерного срока, собранного подобным образом.

Соловьев провел в тепле, ожидая суда, зиму, а весной опять бежал, опять съел человека. Продолжил колымскую «сказку про белого бычка».

Как его сравнить с Мишей Бульчевым, а в лагере и к тому, и к другому относились одинаково. К убийце в лагере не относятся как к убийце. Напротив, от первого до последнего дня заключенный-убийца чувствует поддержку государства – ведь он бытовик, а не троцкист, не враг народа. Он жертва стечения обстоятельств – не больше.

Это так и есть. Нераскрытый убийца, не сегодняшшний убийца судит раскрытого за то, что тот перешел черту, зашел в опасную зону.

Где же тут понятие вины?

Искупление вины рассчитывается на «проценты», или, как в лагере говорят, «проценты». Твоя свобода в своих руках. В лагере обсуждают не вину, это никого не интересует – ни начальство, ни самих арестантов, – все понимают нелепость искупления какой бы то ни было вины. Обсуждают способы досрочного освобождения из лагеря – цену, какую может заключенный за это досрочное освобождение заплатить.

И еще я понял другое: лагерь не противопоставление ада раю, а слепок нашей жизни, и ничем другим быть не может.

Почему лагерь – это слепок мира?

Тюрьма – это часть мира, нижний или верхний этаж – все равно, с особыми правами и правилами, особыми законами, особыми надеждами и разочарованиями.

Лагерь же – мироподобен. В нем нет ничего, чего не было бы на воле, в его устройстве, социальном и духовном. Лагерные идеи только повторяют переданные по приказу

113 Продолжение пристрастия к Э.П. Берзину. См. комментариев к рассказу «У стремени».

начальства идеи воли. Ни одно общественное движение, кампания, малейший поворот на воле не остаются без немедленного отражения, следа в лагере. Лагерь отражает не только борьбу политических клик, сменяющих друг друга у власти, но культуру этих людей, их тайные стремления, вкусы, привычки, подавленные желания. Какой-нибудь Жуков, Гариин, Павлов¹¹⁴ приносят в лагерь вывернутое дно своей души.

Лагерь – слепок еще и потому, что там все, как на воле: и кровь так же кровава, и работают на полный ход сексот и стукач, заводят новые дела, собираются характеристики, ведутся допросы, аресты, кого-то выпускают, кого-то ловят. Чужими судьбами в лагере еще легче распорядиться, чем на воле. Все каждый день работают, как на воле, трудовое отличие – единственный путь к освобождению, и, как на воле, легенды эти оказываются ложными и не приводят к освобождению.

В лагере убивает большая пайка, а не маленькая – такова философия блатарей. В лагере ежечасно повторяется надпись на воротах зоны: «Труд есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства».

Делают доклады о текущем моменте, подписываются на займы, ходят на собрания, собирают подписи под Стокгольским воззванием.

Как и на воле, жизнь заключенного состоит из приливов и отливов удачи – только в своей лагерной форме, не менее кровавой и не менее ослепительной.

Люди там болеют теми же болезнями, что и на воле, лежат в больницах, поправляются, умирают. При всех обстоятельствах кровь, смерть отнюдь не иллюзорны. Кровь-то и делает реальностью этот слепок.

Эккерман

Что такое историческая достоверность? Очевидно, запись по свежим следам...

Разговоры с Гёте Эккермана – это достоверность?¹¹⁵ В высшей степени условно можно это считать достоверностью, хотя Гёте нарочно говорил для Эккермана, чтобы тот успел записать. Разве что мысли Гёте. Разговоры с Гёте Эккермана похожи на павловских собак в Колтушах¹¹⁶ – вроде что-то важное, но очень далекое от существа дела, от собачьего поведения, от всякого вопроса звериной психологии.

Так и эккермановские труды. Тут просто мысли Гёте, да еще его явные, а не тайные мысли. Сам процесс мышления искажается, если есть свидетель, секретарь, стенографист. Я приспособливаюсь к секретарю, произвожу отсев чувств и мыслей.

Письма проще, точнее, но и там есть отсев, и немалый. Сам Гёте неизбежно искусственен, неизбежно фальшив в записи такой беседы.

Вторая искажающая – сам Эккерман. При всей его добросовестности Эккерман не магнитофон все же. Так каким же записям отдать преимущество? Или все опять сводится к единственной правде искусства – правде таланта?¹¹⁷

---

114 Начальники колымских лагерей.

115 Шаламов ставит проблему достоверности нарратива на примере записей Э.П. Эккермана, секретаря великого немецкого писателя И.В. Гете, запечатленных в книге «Разговоры с Гете в последние годы его жизни».

116 Имеются в виду опыты академика И.А. Павлова, проводившиеся в 1930-х гг. на биостанции Института экспериментальной медицины в д. Колтуши Ленинградской области.

117 Эту мысль Шаламов высказывал многократно. Ср: «На свете есть тысячи правд (и правд-истин и правд-справедливостей) и есть только одна правда таланта. Так же, как есть один род бессмертия – искусство» (ВШ7, 6, 302).

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

В.Шаламов. 1968 г.

Дополняя сказанное об этом разделе в предисловии, отметим, что здесь объединены разнородные материалы, имеющие отношение к замыслу «Вишерского антиромана». Большинство из них принадлежит к периоду 1970–1971 гг., часть – к первой половине 1960-х гг. Первые три очерка представлены в архиве Шаламова черновой машинописью (поступившей в 1998 г. от Ю.А. Шрейдера), с многочисленными пропусками слов, сделанными машинисткой ввиду неразборчивости почерка Шаламова. Столь же многочисленны в них и авторские повторы отдельных эпизодов, исключенные нами из публикации. В связи с очевидной тавтологичностью исключены также очерки «Заметы детства» и «Социально-опасный», имеющиеся в той же машинописи. Множество повторов содержится и в главе «Вишера до вредительских процессов», однако часть из них вариативна и включает ряд важных и интересных деталей, нигде более не встречающихся. Например, о составе лагерного населения: «Главную часть – девяносто процентов заключенных составляли блатари». Разумеется, это не вполне точная цифра, т.к. в другом случае (в одном из публикуемых фрагментов) Шаламов сообщает, что «пятьдесят восьмая статья составляла примерно четверть»). При всех этих расхождениях можно убедиться, что преобладали в Вишлага осужденные по уголовным статьям. Отдельные фактические неточности и ошибки памяти писателя пояснены в примечаниях.

По представленным текстам можно проследить и творческий процесс Шаламова. Очевидно, что писатель стремился развить отдельные эпизоды очерков в самостоятельные короткие рассказы-новеллы. Таковыми являются рассказы «Шахматистка Лимберг», «Мой конвоир», «Голубые штаны». Нетрудно заметить, что в новелле «Голубые штаны» видоизменена фамилия реального героя очерка «Блюменфельд» на Розенфельд. Наряду с обращением в той же новелле к авторскому наименованию Крист, знакомому читателям по «Кольымским рассказам», это заставляет подумать о том, что в «Вишерском антиромане» Шаламов пытался отчасти опираться на поэтику своих рассказов. Можно сделать вывод, что писатель шел к тому, чтобы совместить в этом цикле своей «новой прозы» разнородные жанры – мемуарный очерк, короткую новеллу и философское эссе (примером чему служит преамбула главы «Вишера до вредительских процессов»). Эти эксперименты свидетельствуют о поисках Шаламовым оптимальной художественной структуры «Вишерского антиромана» – произведения, оставшегося незавершенным.

Вишера до вредительских процессов¹

В истории лагерей, как и в истории человеческого общества, одни формы сменяют другие в вечном своем кружении, в развитии по спирали.

Борьба двух начал – зла и добра – вплетена как извечная в этот биффордов шнур, чтобы соединяясь, взорвать, двинуть вперед или поставить вечную преграду. Преграда тоже не вечна, ее размоет поток времени раньше или позже.

История полна примеров и самого безудержного оптимизма и горького пессимизма и скептицизма монтеньевского типа. Полна примеров подлости и героизма.

История никогда не повторяется, в этом смысле угадать ее желанья – бесполезная работа. Обогащенная опытом история все же предстает как случайность, которая может быть, а может и не быть.

Личный опыт тоже неповторим. Какой и у кого заимствовать, никаких правил поведения быть не может. Каждый человек живет свою жизнь сам, один.

Но это все «философия», тошнотворная бесконечность силлогизмов и софизмов. Я бы разрешил заниматься теоретическими проблемами лишь тем, кто побывал на каторге... Только от этого «кадра» можно ждать беспристрастной оценки морали, события, идеи.

Поскольку личный мой опыт (какой-то части) в высшей степени своеобразен, я попытаюсь изложить свою историю искусства², которая в то же время будет историей советских лагерей.

Лагеря в чистом их, классическом виде, советскую каторгу в неискаженной после Октября форме, я видал в 1929 году с апреля до октября – до «перековки». Ведь зеркальный мир в самый момент появления на сцене истории общества, семьи какого-то нового человека, событий, идей <получает> свою зеркальную форму отражения того же самого события.

Вопросы революции, революционного насилия автоматически рождали в зеркальце, в подземном мире, свою же пролетарскую <форму>, ибо тюрьма, насилие – это ведь не только из управления и переделки жизней, но жизни эти сохраняются и требуют заботы.

---

1 Под «вредительскими» Шаламов подразумевает «шахтинский» процесс (1928), процесс «Промпартии» (1930), а также ряд других процессов, прошедших в 1930–1931 гг. Очевидно, очерк задумывался как описание положения в лагерях до реформы исправительной системы 1929–1930 г., давшей толчок значительно более широкому применению труда заключенных. Этот новый этап Шаламов называет «перековкой», что не совсем верно. Пропагандистские лозунги «перековки» («трудового перевоспитания») впервые были выдвинуты при строительстве Беломорско-Балтийского канала (конец 1931–1933) и культивировались скорее прессой и литературой, нежели практикой этой стройки, имевшей военизированный характер. Стоит заметить, что «Положением об исправительно-трудовых лагерях» 1930 г. задачи перевоспитания заключенных не ставились. (Ср. пункт 1 «Положения»: «Исправительно-трудовые лагеря имеют задачей охрану общества от особо социально-опасных правонарушителей путем изоляции их, соединенной с общественно-полезным трудом, и приспособления этих правонарушителей к условиям трудового общежития»). Те новации, к которым прибегал Э.П. Берзин при строительстве Вишерского ЦБК, являлись в значительной мере его личной инициативой (то, что Шаламов называет «импровизациями»). Очерк демонстрирует продолжение пристрастного отношения Шаламова к Берзину. См. предисловие.

2 Возможно, Шаламов хотел посвятить этой теме одну из глав книги. Однако в реальности его мысли об искусстве оказались разбросанными по разным очеркам.

На смену царской тюрьме приходит тюрьма советская. Каковы ее принципы и каковы ее люди? Это тоже часть государственного аппарата, который, сломав, нужно построить.

И пока в верхах идут бурные дискуссии о будущем нового строя, на местах царской каторги меняются начальники. Какими они руководствуются инструкциями? Что они делают?

Лагеря открылись с 1918 года очередным декретом, и режим, который там был установлен, держался до 1928 года, хотя были намечены новые пути «перековки» и всего, что входит в историю, как Беломорканал. Для лагерей год перестройки – это 1929-й. Как всегда, колесо события доносит до реальной жизни новую реальность лишь через год – короче не бывает. Поэтому то, что вошло в историю общества как тридцать седьмой год – в лагерях и в тюрьмах отмечается, как «тридцать восьмой» и даже чуть позже.

Каким же был лагерь в его первобытном виде, управляемом еще до Кодекса 1926 года – главного конституционного документа тогдашнего подземного мира. Как он был задуман – играл ли тут роль догматический романтизм вроде речей Шигалева из «Бесов»³ или это была голая практика, эмпирически отработываемый план и путь? Я думаю, что практика рождалась из смешения двух начал. Пружина догматизма закручивается очень туго и, пущенная в мир, раскручивается. Она способна мир преобразовать, пока не завязнет эта пружина в вязкой каше обыденности, быта, обывательщины.

Следующая догматическая пружина была запущена в лагерный мир в 1929 году – в 1928 исправдома были переданы декретом из НКВД в ОГПУ, и с двадцать девятого года лагерную жизнь устраивает новый хозяин.

Это – время бесконечного растрепывания человеческой души, когда было выяснено, что с помощью желудочной шкалы можно изобретать прямоточные котлы, и каторга была набита осужденными по вредительским процессам. Чернорабочую силу дали кулаки. Это время спроса первой пятилетки, где ни одно строительство (кроме Днепродзержинска) не обошлось без каторжного дешевого труда. Это время фараонщины, время <нрзб>.

К желудочной шале был добавлен еще более мощный стимулятор – зачеты рабочих дней.

Хрущев, великий романтик нашего времени, закрыл лагеря вовсе, думая, что строительными батальонами он возвратит все упущенное государству⁴. Борьба романтика Хрущева с реальностью закончилась в пользу реальности.

Новый кодекс 1960 года возвращает нас к принципам «перековки» со всем своим зачетным механизмом и крыленковской «резинки» и прочими открытиями двадцатых годов. Крыленковская «резинка» – а я сам студент факультета советского права в крыленковское время – он читал у нас без большого успеха «Уголовное право», значит по существу вот что: приговор, скажем, в 10 лет как бы условен. Если заключенный ведет себя хорошо и вырабатывает больше нормы, срок ему может быть сокращен (наполо-

3 Герой романа Ф. Достоевского «Бесы» Шигалев проповедовал идеи казарменного коммунизма, предлагая во имя будущей социальной гармонии «срезать радикально сто миллионов голов». По убеждению Шаламова, «шигалевщина» осуществилась при Сталине, а также в Китае при Мао Цзе-дуне. Ср.: «Ни социалистическое государство тоталитарного типа, ни Мао Цзе-дун людям свободы не несут. Все это – шигалевщина, предсказанная Достоевским» (ВШ7, 7, 412).

4 Имеется в виду ликвидация ГУЛАГа и реформа исправительной системы с заменой названия «лагерь» на «колонию» и отменой массового принудительного труда заключенных.

вину), а при берзинском десятилетии мы освобождались в лето получения приговора⁵.

На Колыме Берзина преступник, уголовник с десятилетним сроком, уезжал, если после золотого забоя – в почете, как стахановец, ударник, в отдельной каюте, обогащенный до конца своих дней.

Берзину было невдомек, что ведь уезжают-то не те, кто работали, – те умирали в забое. Огромная туфта приписок выработки вся была сосредоточена вокруг «золотишка».

Вот такой был ответ блатарей на вызов Берзина. Или надо было держать такое количество контролеров, стоимость содержания которых перекрыла бы все расходы, всю «туфту» блатарей.

На блатарах было централизовано внимание, но ведь та же практика подхватывалась всеми бытовиками. Остальные – жертвы, которые все на Колыме создали, проложили дороги, вырыли золото. Эти жертвы – троцкисты и прочая пятьдесят восьмая, все умерли, от болезней, голода, от побоев, расстреляны Гараниным в 1938 году.

О «перековке», о Берзине – мне еще придется много писать.

Латыши были надежной опорой властей не только во время Октябрьского переворота и гражданской войны – латышские стрелки сражались в рядах Красной Армии – на всех фронтах, от Белого моря до Черного, и немало способствовали окончательной ее победе, – но и после войны в качестве надежных тюремщиков. В историю войдет многолетний комендант Бутырской тюрьмы Адамсон⁶.

Латышом был и Берзин – и его тогдашнее окружение – Вальденберг, Лимберг.

Латышом был и Ойле – комендант Холмогор.

Какие уж тут особенности национального характера имели значение – или это одна из случайностей революции – я не знаю. Революция – это процесс, когда на острых поворотах сюжета должны обязательно стоять люди, обладающие какими-то определенными качествами. Где могут быть воспитаны эти качества? Где проверены?

Кроме латышей в охране лагерей всегда играли большую роль украинцы. А в дворники московские – очевидно, по рекомендации Максима Горького⁷, приглашали, нанимали всегда татар.

Не подлежит сомнению и легко объяснимо, что в руководящих группах партии, идущей к власти, было больше всего евреев. Лагерные предатели, человеконенавистники – в моем случае все евреи. Кривицкий, Заславский, Шайлевич⁸ – все это несчастные люди, пытавшиеся предательством доказать, что они-то и есть самые преданные советской власти люди.

Я не делаю из обстоятельств своей судьбы какого-то обвинения против семитов⁹. Сначала это министры, наркомы, а потом евреи. Я считаю участников моего процесса

5 Шаламов застал на Колыме лишь конец «берзинского десятилетия», точнее «пятилетия» – 1932–1937 гг. Картина о «благодеестве» уголовников при Берзине сильно утрирована.

6 В очерке «Бутырская тюрьма 1929 г.» Адамсон фигурирует как грузин.

7 Возможно, сарказм связан с привязанностью М. Горького к Казани.

8 Лжесвидетели, в 1943 г. на Колыме сфабриковавшие вместе с уполномоченным НКВД Федоровым «дело» Шаламова, по которому он получил новый, 10-летний срок. Все трое упоминаются в рассказе «Мой процесс». Показания Кривицкого, Заславского и Шайлевича приведены в материалах суда военного трибунала 1943 г. по колымскому делу Шаламова, опубликованных в кн: *Шаламов В.* Новая книга. Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М.: ЭКСМО. 2004. С.986–1027.

9 Следует напомнить, что Шаламов на протяжении всей жизни был убежденным противником антисемитизма, что во многом объяснялось примером отца-священника, долгое время прожившего в Америке и исповедовавшего веротерпимость (ср. повесть «Четвертая Вологда»). Ср. также свидетельство С.Ю. Неклюдова о Шаламове: «Подлинную ярость у него вызывал антисемитизм... он выражался в том смысле, что это не «мнение, имеющее право на существование», а уголовное преступление, что антисемиту просто нельзя подавать руки и следует бить морду». (*Неклюдов С. В. Т.* Шаламов: 1950–1960 годы / Судьба и творчество В.Т. Шаламова в контексте мировой литературы и советской истории. Сб. трудов международной научной конференции (сост. С.М. Соловьев). М.: Литера. 2013. С.21. URL: <https://shalamov.ru/memory/192/>)

несчастливыми людьми, вовлеченными начальством в преступную деятельность и совершившими преступление против достойного, по их мнению, объекта – но и мое прошлое, мое личное поведение «доходяги», прошедшего забойный ад тридцать восьмого года, давало им надежду, что они выполняют лозунг «физического уничтожения врага» – поймают, разоблачат и убить живого троцкиста.

Но я отвлекаюсь от темы.

Когда наш пеший этап числом в 100 человек пришел на Вишеру, а это было 13 апреля 1929 года, уральская весна сожгла в пузырь наши белые тюремные лица. В лагере всегда доверяют глазу, личному осмотру, а не документам. Документы обычно только подтверждают осмотр.

И так как у меня не было вещей, кроме одеяла – принесенного на свидание в Бутырскую тюрьму одной нашей девушкой – жены у меня не было, в тюремной юрисдикции она шла, как «невеста» – одеяла неказистого, не вызвавшего интереса блатарей, которые обшаривали догола каждого фраера, попутно оставляя фраеру лишь что-нибудь тяжелое, вроде чемодана. Столкновение в этапе – избивание и выстойка раздетым наголо на льду, вернуло меня на грешную землю. Конвой я больше не осуждал и не жаловался, не оплакивал судьбу, как говорят блатные. <...>¹⁰

Всех вымыли. Баня была расположена вне лагеря, на горке, да и баней не была – был навес над котлом, где кипела вода, стояла бочка с холодной водой, разбавляемой горячей, а горячую выдавал сам банщик из заключенных – по черпаку на рыло. Не было ни соды, ни мыла, ни обмылков. Второй арестант выдавал белье, записывая в карточку. Белье выдавалось только тем, у кого не было своего, – белье, разумеется, не новое, а как говорят в лагере, «второго срока», то есть уже бывшее в употреблении. Это выражение «первого» и «второго срока» следовало арестанту запомнить. И терминология, и существо дела тут были одинаковыми через десятилетия.

Стопки этого второсрочного белья лежали около банщика. Парикмахер стриг под машинку тех, кто этого хотел. Не выдавали никакой верхней одежды. Лагерная одежда – а она была, да еще какая удобная, выдавалась только тем, кто износил свою. Поэтому прибывшие со мной заключенные и я сам еще долго ходили в «своем», в цивильном.

Вскоре я догадался, что лучше изорвать постепенно шинель, чтобы получить новый бушлат. Так я и сделал.

Наш этап, сто человек, разместили в новом, только что выстроенном бараке – плотники трудились, воздвигая здание за зданием. Все эти здания были по общему чертежу и предназначались для жилья 250 человек.

Двести пятьдесят человек составляло арестантскую роту. Каждая рота делилась на взводы, три в каждой роте. Каждый взвод занимал определенное место на нарах. Нары были двойные, сплошные в два этажа. Зарубки на концах, которые делал сам лезущий спать вверх, были у каждого столба.

Все население барака состояло из нескольких бригад работающих на строительстве.

Мимо всех нар, посреди барака стоял длинный обеденный стол, а то и два стола, где арестанты ели. Посуда была у дневального – на барак в двести пятьдесят человек. Полагался командир роты из заключенных, нарядчик роты, заместитель командира по хозяйственной части, иначе завхоз, трое дневальных, дежурящих по очереди. Четвертым в службе был хлеборез, который получал хлеб из общей хлебозерки, резал его на пайки по восемьсот граммов – всем равно и раскладывал эти пайки по местам.

Два крыльца было у барака, а справа и слева у самой двери, составляя как бы преддверие арестантской для жилья и одновременно службы и охраны, были комнатки на

10 Далее убраны повторы.

манер кают, которые на Колыме позднее были названы «кабинками» – и так это название осталось. Но на Вишере кабинкой этих помещений еще не называли – просто «комната командира роты», «комната нарядчика».

В кабинке был стол, койка, вернее топчан.

Для завхоза вторая комната напротив служила складом вещевым, который завхоз запер на замок и отпирал, когда надо было «одевать». Вообще-то эта «каптерка» предназначалась для жилья командирам взводов, которых предполагалось, разумеется, ограждать от массы. Но практически все командиры взводов и дневальные спали на общих нарах – в одном каком-нибудь светлом углу.

Питание отличалось чрезвычайной строгостью, принципиально строго. Каждый получал одинаковый паек, суп на обед, кашу или картошку на второе, мясо порционное вареное, завтрак – чай, кашу. Ужин – чечевицу, горох. В рыбные дни вместо мяса раздалась треска или кета.

Порция была очень большой, не менее <...>, а рыба давалась так, что ложка стояла. Селедки – неограниченное количество.

Хлеба восемьсот граммов, всем без исключения – будь ты или главный инженер или бывший министр.

Никто и думать тогда не мог, что если как следует поболтать этим супом перед годовым человеком – человек изобретет прямоточный котел, переместит с места горы и реки. «Святая тюремная пайка» – один из законов у вольного и блатного мира того времени. Те, кто имел деньги, могли тратить их в вольной столовой.

Деньги у заключенных еще в тюрьме отбирали и записывали на «текущий счет». С этого текущего счета арестант мог снимать какую-то определенную сумму – десять-пятнадцать рублей и тратить ее в лагерном магазине, покупая масло – как блатные говорят, «жиры», – с особенным выражением приобщаясь к языку науки, или мясо, или тратить в столовой. Иногда разрешалось снять со счета и больше положенного (десяти-пятнадцати рублей).

Эти деньги выдавались на руки бонами, особенными денежными знаками лагерей. Боны существовали до 1930 года. На них была подпись «Глеб Бокий» <...>

Все спали на общих нарах вповалку, из своей собственной одежды устраивали матрацы и подголовники. Впрочем, подголовник был общий – доска на всю нару, прибитая косо.

Наша рота была десятой. Разместилась она в новом бараке, пахнущем хвоей, свежими сосновыми досками. Никак постельных принадлежностей в лагере не давали.

Видно было, что идет усиленное строительство барakov – лагерь рос.

Роты 10, 9, 8, 7, 6, 5 – обслуживали строительство. Четвертая рота была привилегированной для obsługi. Здесь были койки вагонной системы, подвесные в купе на четыре человека, качавшиеся при движении любого из шестидесяти ее обитателей и скрипящие. Мне и до сих пор чудится омерзительный скрип коек этой четвертой роты, где пришлось мне переночевать несколько ночей.

Третья рота была рота специалистов – плотников, столяров, и тоже обслуживала производство. Вторая рота обслуживала лагерь. Наконец, первая рота была хотя и с общими нарами, но ротой лагерной администрации, – там жили работники учетного отдела, отдела труда, культурно-воспитательной части, завмаги.

Общие роты – 5, 6, 7, 8, 9, 10 – были исключительно чернорабочими, ходили на строительство по бригадам.

Вся территория лагеря (теперь это называется лагерная зона) была окружена колючей проволокой в несколько рядов. По бокам зоны стояли караульные вышки, где дежурили часовые.

Развод на работу производился у комендантской вахты, куда и приводили коменданты и нарядчики всех работяг к 7 часам утра. На людей был составлен список – по <...> гулаговской форме, список вручался бригадиру (или конвою), когда бригаду проводили через вахту на строительство.

Утренняя проверка делалась около барака – зимою в самом бараке – и к разводу бригада шла строем. Весь текущий учет коменданты рот сдавали в виде рапортичек на вахту, а нарядчики – в отдел труда. Ежедневно сводились три итога: вахта, УРО и отдел труда. Об обнаружении беглецов полагалось писать рапорт.

Бригада шла на работу. Работала, получала удостоверение о выполненной работе от представителя, лагерного работника производства, и возвращалась в барак, или обедать, если работали близко, или просто спать.

Отбой был в десять часов вечера, и до отбоя было еще много мороки.

В семь часов вечера была общая проверка лагеря, производимая дежурными комендантами – их было трое – и еще главный, которым в мое время был Нестеров. Дежурный комендант – в мое время им был Александров, бывший царский офицер, служивший в артиллерийских частях Красной Армии Черноморского побережья – у меня на глазах он кончил срок и остался на лагерной службе.

Комендант рапортовал: «В роте 240, на работе сто. В строю сто тридцать девять, в больнице один», – и вручал письменную рапортичку с теми же данными.

Обход этот по всему лагерю проводился беглым шагом, почти бегом, – комендант не хотел терять времени, а количество рот все росло и росло.

Каждый барак стоял в строю определенном. Линия барачных была вытянута в ниточку. За убогой территории следили чрезвычайно.

На ночь к двери каждого барака дневальный ставил большую ассенизационную бочку и было категорически запрещено выходить из барака ночью в нижнем белье – как ни тепла уральская ночь. Если сонному было лень натягивать брюки, он рисковал, выйдя в белье, что его заметит пробегающий по лагерю комендант, и арестант исчезнет в изоляторе.

Первое отделение IV отделения УСЛОНа, находившееся в Вижаихе, и составляло центр Вишерского района с г. Красновишерском в будущем, с бумажным комбинатом, в 1928 году уже не работало на экспорт, не заготавливало леса для Англии, а обслуживало комбинат.

Лесозаготовки, которые велись вокруг Вижаихи, были переброшены выше на сто километров. Там был открыт и в мое время работал на полных Северный район. Лесозаготовки были основным производством, а стало быть, самым тяжелым. Как на Колыме золото, на Северном Урале заветной добычей был балан, бревно. Как правило, лес валили и зимой, и летом. Летом работу прерывал молевой сплав по притокам Вишеры и самой Вишере до запаней около Вижаихи, где выросли два лесозавода, день и ночь готовившие продукцию для себя.

Часть отобранных баланов плотилась и сплавлялась летней водой по Каме в г. Пермь. Пермь была крайним форпостом лагеря, Вишеры. Готовили доски и для Перми. Рабочий день заключенного на лесных работах был восемь часов, исключая время сплава. Кормили всех одинаково, а на работы посылали после медицинской комиссии третью, четвертую «категию труда» на лес, на пилу, а вторую – на службу. Вторая – инвалиды. Исключение делалось лишь для специалистов-инженеров. Если начальник или врач хотел использовать инженера, особенно к.-р. статей, надо было начинать с трудовой категории. Делалось это просто.

Нормы выработки на лесоповале были обыкновенными нормами плюс сорокапроцентная скидка на принудительный труд¹¹. Моральная сторона тут блюлась.

Первое, что сделала «перековка» – отмену всяких скидок на принудительный труд. Мы – временно задержанные. Мы трудом искупим вину. Об искуплении вины до 1929 года в лагере не говорили <...>

Этап Москва – Вишера

Столыпинский вагон, в котором меня повезли с Ярославского вокзала из Бутырок на Север, в единственный тогда концлагерь СЛОН, был вагон-ветеран. Последние вагоны этой знаменитой серии умирали, доживали свой век на каких-нибудь четвертых путях городов.

Мне еще довелось именно в столыпинском вагоне начать свой арестантский путь – вынужденная преемственность поколений. Наш этап состоял из двух вагонов – обыкновенного классного с зарешеченными окнами, такого же, как на картине Ярошенко «Всюду жизнь», и столыпинского.

Эти вагоны унаследовали только имя создателя – не более. Под «столыпинским» вагоном в нашей мемуаристике последних лет¹² понимают просто вагон, зарешеченный по-тюремному. На самом деле столыпинский вагон иной конструкции. Это теплушка без окон – единственное круглое окно, зарешеченное снаружи и внутри толстым железом, пропускает мало света. Внутри теплушки нары круговые, и дверь в коридор на манер тюремной с кормушкой. По краям двойные сплошные нары и коридор, где размещается конвой. В этом коридорчике, где сменяется охрана, есть несколько окон пошире, чем единственное арестантское. Есть контрольные двери по обе стороны вагона-теплушки. Внутри есть только щеколда. Решеток нет.

Конструкция эта возникла действительно при Столыпине – обновление России было всесторонним. Вообще-то тюремная техника не отстает от времени. Метлахская плитка, не оставляющая следов ни гвоздя, ни карандаша, была применена химиком Бонч-Осмоловским именно для облицовок тюремных помещений¹³. Столыпинские вагоны были потом везде заменены классными – как новый шаг к гуманности, достижению, которым, наверное, гордились какие-нибудь деятели пенитенциарных учреждений. Наш вагон, как всякий вагон такого рода, мог разместить и двадцать четыре человека по норме и двести двадцать четыре – если потребовалось бы.

Весной тысяча девятьсот двадцать девятого года в вагоне было человек тридцать.

11 Важная деталь о скидке на принудительный труд, существовавшей в 1920-е годы. К сожалению, нормативных документов на этот счет найти не удалось.

12 Вероятно, Шаламов имеет в виду «Крутой маршрут» Е. Гинзбург. Косвенно его полемика касается и описания «столыпинского» вагона в «Архипелаге ГУЛАГ» А. Солженицына (с этой книгой Шаламов в 1970 г. не мог быть знаком, но о замысле ее знал). Следует заметить, что основным средством перевозки заключенных в 1920–1930-е годы были переоборудованные внутри товарные двухосные вагоны-теплушки (получившие нарицательное название «40 человек, 8 лошадей»), производство которых началось в России задолго до «переселенческих» («столыпинских») вагонов. Ср. также рассказы «Эхо в горах» и «Борис Южанин».

13 О тюремной плитке, изобретенной Бонч-Осмоловским, Шаламов упоминал неоднократно. См. Записные книжки 1963 г. – ВШ7, 5, 284.

Какое это число весны, моей весны? Я арестован 19 февраля 1929 года, приговор получил через полтора месяца одиночки № 98 мужского одиночного корпуса, а уже 13 апреля я пришел в первый свой лагерь – одно из соловецких отделений местных, в Вижаиху, там, где теперь Красновшерск. Срок по моему приговору был законодателем определен не с момента начала следствия, не с момента ареста – а почему-то с начала вынесения приговора.

Это беззаконие заботило меня меньше всего – раз уж я попадал под удары государственной машины, слепой машины, – два-три месяца больше, меньше в моем трехлетнем сроке не заботило особенно меня. Таков был этот приговор, в котором я отказался расписаться, и только на новом следствии тридцать седьмого года увидел эту пометку чернильным карандаш – «расписаться отказался». Пометка без подписи, очевидно, на бумажку ее занес дежурный комендант, объявлявший приговор.

Так в чем было дело? Я ждал ссылки и в худшем случае – направления в политизолятор – Челябинск, Суздаль, Тобольск. Тюремь широко распахнули ворота перед оппозиционерами. Людей из этих тюрем, уже возвратившихся в Москву, встречал я и в общежитиях университета, и на квартирах, слышал их рассказы. Ссылку 1928 года я сам объезжал, так что имел представление о том, что мне предстоит.

И вдруг приговор Особого Совещания, приговор к трем годам заключения в концентрационном лагере, а после окончания срока – дать свидание с родственниками и направить в распоряжение П.П.¹⁴ Северной области для отбытия ссылки в течение пяти лет.

Из одиночки Бутырок я был переведен в общую камеру тех же Бутырок – номер 65, кажется, – там-то я и прочел этот приговор. От общего этапа моих товарищей отстал и вот сейчас был втолкнул с другими людьми в столыпинский вагон на Ярославском вокзале.

У меня не было вещей, только шинель солдатская да одеяло со студенческой койки черкасского общежития, – не казенное, конечно, а мое.

Денег у меня никаких не было и по внешности я вряд ли отличался от шпаны. Напротив, именно у шпаны возникли какие-то чемоданы, баульчики, ватные одеяла, пышные подушки, а я, документами сведенный в самый низший разряд уголовного мира, даже внешним видом своим не мог заронить никакого сомнения в глазах тюремных и конвойных волков, всю свою жизнь возивших этап.

Меня не первого просто затолкали в тот же вагон, в ту же теплушку, и понятно, что сочувствия у своих соседей – сплошь рецидивистов – я не нашел. Блатари считали меня тем, кем я и был – фраером и штыпом, которого по непонятному им правительственному капризу направляют вместе с ними разделить их судьбу.

Не то, что блатари относились ко мне плохо. Делить-то было нечего. И после первой же раздачи хлеба я оставил кусок пайки на обед – у меня вырвали эту пайку тут же из рук, разломали и съели. Впоследствии в течение тринадцати лет я часто выполнял элементарное лагерное правило: съедай все, что получаешь из съестного, и съедай немедленно.

Каким-то чудом у меня осталось несколько листов бумаги при отъезде. Я подписал заявление, вручил начальнику конвоя. Это его не обрадовало и не огорчило – он просто выбросил мое заявление в мусорное ведро или разорвал на куски и развеял по ветру циклонов и антициклонов, бурливших тогда над Москвой. Никуда это заявление не попало. Я попробовал упросить конвоира бросить мое письмо в почтовый ящик на вокзале. Мы много суток стояли на вокзалах, и конвоир даже ходил купить папирос для

¹⁴ ПП – полномочное представительство ОГПУ. Документ, о котором идет речь, приведен в *Приложении 1*.

блатарей. Но у меня не было денег, чтобы заказать папиросы, а письмо – даже не одно – никуда никогда не дошло. Впоследствии привыкнув к тюремной практике, я понял, что все эти письма сдаются конвойными начальнику конвоя и сжигаются, уничтожаются так же. Но я и это предвидел и этого ждал.

Я заготовил несколько писем, заклеил хлебом конверты и бросал при отходе поезда на перроне. Научил ли меня кто-либо или я сам догадался о таком способе отправки корреспонденции – не знаю, да это и неважно. Отправленные таким способом письма никуда никогда не доходили. Это проверено мною точно. Значит, ни один гражданин, поднявший письмо, не бросил его в почтовый ящик, а уничтожил, изорвал, сжег этот опасный яд.

Никакие ЭВМ не могут подсчитать степень вероятности такой арестантской удачи.

В один из перегонов, уже ближе к Соликамску, почему-то наш вагон вышел из строя, и нас перевели в тот арестантский вагон, где и в самом деле ехали аристократы лагерного мира. Но не аристократы, подобные Косте-капитану¹⁵ – таким был я в нашем стольпинском – а истинное украшение тогдашнего подземного мира – надежда и опора власти – бытовики.

Наши аристократы-рецидивисты смотрели на них, как на фраеров.

Тут нужно сказать, что я ехал в очень тонкий переломный момент лагерной политики – привлечения уголовного мира к делам государственным. Еще в верхах шли об этом споры, еще ничего не было решено.

Блатари моего вагона думали только о побеге, о сопротивлении, резко отграничили себя от фраеров, противопоставляли себя идейно, физически и нравственно морали государства, любого государства – в том числе и государства пролетарского. Ко мне они относились с презрением, к государству – с ненавистью, к соседнему классному вагону – как к законной добыче грабежа.

Бытовики платили им страхом, но за бытовок было государство со всем его аппаратом, и от блатарей бытовики искали защиты у государства. Не просто защиты, а требовали, знали свои права.

Все они ехали после длительного следствия – «обвиняемые» в растратах, кражах – с применением, вероятно, достаточных мер устрашения, после изнурительных ставок, расстрелов – в лагерь, на «свободу».<...>

Ясно было одно: что мое сражение со следователем, с государством, отнюдь не окончилось моей победой, как я считал после отказа от показаний и двух месяцев одиночки во время следствия.

Оказывается, у молодого государства есть много старых средств борьбы с подобным: много ударов из-за спины, дискриминационных списков, неожиданных давлений, принципиального предательства.

Я еще только выходил в свое первое арестантское плавание – все у меня было еще впереди. Но – казалось мне – что эти трудности близки, я вот-вот их встречу, отражу или умру.

Я встретил эти трудности, отразил, не умер, – но меня ждала не свобода, а трудности еще большие, безграничные, пожалуй, натянутые до конца на Колыме, но и Колыма – конец ли это?

Терпение человека безгранично, безгранично его унижение. Самый главный вывод моей жизни – что нет границ унижению человека, испытанию человека, физическому и духовному.

Но это мне было дано узнать много после, а пока вагон наш двинулся по маршруту Москва – Кемь, как сообщил мне один из блатарей, побывавший уже в Соловках.

---

15 Персонаж пьесы Н. Погодина «Аристократы».

В Вологде наш поезд встал и простоял целых трое суток¹⁶ на запасных путях близ вокзала, на тех самых путях, где несколько лет назад стоял вагон Кедрова¹⁷, и я мальчишкой бегал смотреть на его расправы. В двадцати минутах ходьбы от вокзала жили мои родители, моя сестра Наташа – уж тут-то я мог бы бросить письмо, вызвать, известить.

Но я не сделал этого. Что-то удержало меня нанести лишний удар милой моей маме. И когда через трое суток поезд двинулся, наконец, я испытал истинное облегчение.

Блатари, следившие за маршрутом, зашептались, задвигались – поезд изменил направление, и уже не шел на Кемь, а завертывал на Ярославль, обратно в направлении Москвы.

Более опытные оценили ситуацию и угадали решение нас не посылать в Соловки. Мы не попадем в Кемь. А куда же? Кто-то из опытных сказал, что у СЛОНа, помимо 1-го отделения – острова Соловки, II отделения – Кемь, третьего отделения – Ухта-Печора (Усть-Цильма) – есть еще четвертое отделение – на Вижаихе в Вишере, на Северном Урале, где идут лесозаготовки не хуже соловецких не первый год. Если нас завернут на Котлас, то мы как раз и попадем в Соликамск, а там пеший этап до Вижаихи – пять суток ходьбы.

Так и оказалось, и мне удалось пройти классическим пешим этапом – со всеми прелестями, выстрелами конвоя – ложись-вставай-бежать – пять пересчетов, проверок.

Вскоре и конвою не было нужно скрывать от нас конечный пункт:

– Вот приедем, сдадим вас лагерному конвою, – тогда вы увидите, что вологодский конвой – это еще пустяки.

Я мало обратил внимания на эту случайную реплику. Она была очень грозной.

Психологический удар такого рода – не новинка в массовой психологии.

Всегда стараются усилить рубежи: армия – штаб при призыве. Тюрьма – воля. Тюрьма – лагерь. Все это не на принципе постепенности, а оглушить, ударить.

Кто устоит – тот устоит. Кому суждено упасть, тот упадет. Кому суждено умереть от удара – умрет.

Принимал нас конвой Вишерского лагеря – во главе с оперативником Шербаковым – рябым, гибким, огромным, в удобства в телогрейке, в сапогах. Как начальник конвоя Шербаков имел пистолет <...>¹⁸.

Вишера. Апрель – октябрь 1929

В лагере каждый год бывает множество перемен – любая новая фигура сверху приносит с собой бурю или всплески созидательной деятельности, сейчас же отражающейся самым реальным образом на живых бесправных людях, расположенных внизу этой лагерьной пирамиды.

Большая часть новинок, входящих в быт, в право, уже много раз испытывалась – история лагерей, как и история мира, развивается по старым <законам>. В новой форме,

16 Важная подробность о трех сутках в Вологде, обойденная в очерке «Вишера», включенном в основной текст.

17 О М.С. Кедрове и его «ревизии» в Вологде в 1918 г. Шаламов писал в «Четвертой Вологде» (ВШ 7, 4, 124-129).

18 Далее убраны повторы – эпизоды о пребывании в Соликамской пересыльной тюрьме, инциденте с сектантом П. Зайцем, о выставке раздетого Шаламова на морозе и др., вошедшие в основной текст.

в новой одежде приходит старая мысль, и кажется, что эта новая мысль и не могла бы утвердиться, если бы она не была старой, эмпирической, испытанной неоднократно, и только поэтому она входит в быт. Тем более, что и делают эту новую политику старые люди, выполняя очередной приказ сверху.

Мне было крайне важно уловить, отметить тот чисто лагерный, чисто каторжный акцент, который был в жизни Вишерских лагерей в те несколько месяцев, которые отделили реформу лагерей 1929 года, когда новое еще не укрепилось, а старое уничтожилось всякими способами – и формально, и существом.

Таким образом, лагерь, в который я приехал, пришел этапом 13 апреля 1929 года, был прямым наследником еще сахалинской каторги, опытом царской расправы со своими врагами, и политическими, и иными.

Другим рубежом была осень, скажем, октябрь того же двадцать девятого года, когда я выехал в барже, «сплыл» – как говорят на Каме, вниз до Усоля в главе работяг, которые должны были работать по-новому, на строительстве Березниковского химкомбината. Лагерь там начал и кончил строительство – этого гиганта первой пятилетки.

Вот эти четыре-пять месяцев, когда старое уходило, а новое еще не пришло – я и застал во всей реальности.

Что это было за старое?

Всякая лагерная система создается опытным, экспериментальным путем, и немало человеческой крови пролито, пока этот эксперимент не утвердит свою силу.

Опыту предшествуют дискуссии на самом высшем уровне.

Решение о передаче диссидентов в лагерь¹⁹ – было принято в 1928 году, еще до моего прибытия на Вишеру.

А еще до двадцать восьмого года я, студент факультета советского права Московского университета, поступление с 1926 года, как раз готовился в стенах университета принять участие, и притом самое горячее, в развитии нового права, советского права. Я – слушатель лекций Крыленко, не разделявший его знаменитой «резинки»²⁰. Крыленко может быть ангелом, а Вышинский – демоном, но ведь в юридическом споре, даже споре здравого смысла, такие аргументы не должны иметь значения.

Я приехал, был привезен в Вишерский лагерь с приговором не исправительно-трудовым, как делалось потом на протяжении десятилетий, а именно концлагеря, трех лет концлагеря без зачета времени предварительного следствия, с пометкой дальнейшей ссылки в Северную область на 5 лет, с грозным примечанием «Дело сдать в архив».

Но сейчас я не хочу заниматься правовым анализом собственного приговора. Мне гораздо важнее другое – что сохранилось в лагере от старых порядков, с которыми так боролись и Крыленко, и Вышинский – тут у них не было споров. Я догонял и догнал свои же правовые споры в РАНИОНе²¹ и МГУ, поймал резинку, растянул ее собственными руками, крыленковскую резинку.

Вишерский лагерь того времени был учреждением численно ничтожным. На Вишере было едва ли три тысячи человек во всех ее четырех отделениях, нарекаемых «Лёнва» (III отделение) и бригада грузчиков в 20 чел. <...>, Вижаиха (управление), Север (Усть-Улс) – человек двести, а то и меньше. Лагерь был четвертым отделением Соловков (УСЛОН), единственным лагерем того времени.

Никаких зачетов рабочих дней не было, ни на острове (Соловки), ни на Вишере.

19 Исправительно-трудовые дома – основной вид пенитенциарных учреждений в 1920-е годы.

20 О крыленковской «резинке» см. примечание к главе «В лагере нет виноватых».

21 РАНИОН – Российская ассоциация институтов общественных наук, существовавшая в 1924–1930 гг.

Зачетов рабочих вообще не было в мое время. Эта важная растлевающая реформа²² была проведена уже после меня – с Медвежьей горы – Москанала – Севвостлеса и прочая, и прочая. <...> Огромный аппарат занимался лишь установлением не срока, а местопребывания – откуда, куда пересылаются заключенные. Но все это было после, хотя и немного после, всего через 20 лет!

Заключенные не получали никакой одежды в 1929 году – пользовались своей, и только когда истлеет – давали казенный бушлат или брюки, ботинки, шапку-соловчанку, все специального лагерного пошива по выкройке еще сахалинских времен. Именно эта сторона дела подвергалась изменению – бушлаты стали называть полупальто. В самом их покрое действительно было что-то штатское. Брюки и телогрейка ватные, штатские, были после.

Строгость – особенность арестантской одежды – подчеркивалась.

Все заключенные в лагере – от главного инженера до ассенизатора – получали один и тот же паек. Пайка хлеба 800 граммов, которые дневальный барака раскладывал за ночь по местам. Никаких краж хлеба. Вот это-то обстоятельство и родило столь печальное блатное сказание о тюремной, лагерной пайке.

Конечно, кто побогаче, тот кто имел деньги на текущем счету – вместо них по образу тюрьмы давалась квитанция, откуда ларечник красными чернилами, отпуская товар в магазине, списывал определенную сумму, а остатком заключенный мог распоряжаться сам.

Никаких других расчетов лагерей с заключенными не было. Все через эту запись.

В лагере принимались деньги в ход, но официально могли получать только расчет по квитанции – чисто тюремный, следственный способ.

Когда этот стиль стал ломаться под напором жизни в конце двадцать девятого года, в обращение были введены лагерные боны за подписью Глеба Бокия – талоны в 5 копеек, 10 копеек, пятьдесят копеек и один рубль.

Эта боновая система вовсе не отражена в книге о монетной системе России, хотя о бонах во всяких мажновских <отрядах> написано там немало.

Упустить боны Глеба Бокия – значит закрыть глаза на валюту чуть не всей страны. В 1930-м году в Березниках для заключенных действовала именно эта валюта Бокия, и рубль в лагерьном магазине стоил вдвое и втрое дороже вольного рубля. Даже часть надзирателей получала разрешение на покупку в магазине для заключенных, так называемой кассе № 2, как это называлось в бухгалтерских документах. Но это все было после, а от лагеря первых лет советской власти остался именно вот такой квитанционный расчет. Завмаг справлялся с работой, пока не было много людей.

Все заключенные были обязаны работать 8 часов, при поденном учете. Никаких сдельных работ для заключенных не было. Административные должности могли занимать только осужденные за бытовое преступление. Исключение было сделано только для отдела труда – тогда называемого УРЧ, УРО.

Это соображение вызывалось практическими потребностями – учетных работников не хватало, и бытовики, пользуясь своей незаменимостью, с навыками пьяниц, задерживали, просто могли сорвать задание. Поэтому считалось, что в отдел труда, где заключенные на глазах у высшего начальства, политических брать можно.

---

22 О зачетах см. примеч. 15 к основному тексту. Именуя введение зачетов рабочих дней «растлевающей реформой», Шаламов имеет в виду, что она способствовала досрочному освобождению «блатарей». В целом практика зачетов имела, безусловно, позитивное значение: сам Шаламов был освобожден досрочно на Колыме в 1951 г. по системе зачетов, восстановленной в Дальстрое во второй половине 1940-х годов.

Приходя на обед с работы, все входили в свой же барак, где дневальные, обычно из блатарей, разливали по мискам из бачка суп.

Суп тоже варился по бутырскому принципу – два дня рыбных, два мясных, один овощной; все это варилось на большой кухне общественного барака и черпалось раздатчиками рот, тащившими обед в барак.

Никаких столовых не было. Была в зоне столовая для вольнонаемных, куда никогда никакой заключенный не допускался.

Посылки, если они получались с воли, раздавались на вахте после проверки.

Впоследствии даже из посылок был сделан чувствительный рычаг давления на производительность труда <...>.

В те времена за побег не давали срока, но вычитали проведенное в изоляторе время, а это три или четыре месяца. Эти четыре месяца на голодном карцерном пайке в триста граммов при кружке воды могли нанести серьезный ущерб здоровью больше, чем от «плеска» – волосатого кулака коменданта. Потом в изоляторе раздевали до белья, а пол был из котельного железа. Топить в изоляторе не полагалось. Так что выгода была именно в «плеске».

Заключенный обычно падал сам, не стараясь устоять на ногах, пустив в ход все ресурсы своего вестибулярного аппарата, чтоб не портить массовой статистики результатов применения волосатого кулака коменданта Нестерова.

Изолятор был грозен не только холодом и голодом. Там не разрешалось громко говорить, иначе дневальный из заключенных, какой-то бытовик – не то осетин, не то грузин поставит мелом крест на двери, это значило, что тебя не будут кормить совсем. Так отмечал заведующий ШИЗО любое нарушение в камере – излишний шум, разговоры: говорить в ШИЗО можно было только шепотом.

В этом ШИЗО я побывал всего год спустя – вряд ли за год что-нибудь изменилось.

Нас повели в барак, новый барак для 10-й роты.

Вся лагерная жизнь тогдашняя была построена по принципу: арестант – не человек. Об этом говорят и одежда, и режим, и обращение.

Новое решение «перековки» было построено как раз на обратном – подчеркнуть, что заключенный – человек, что ничто человеческое ему не чуждо.

Коварство нового режима в том и было, что заключенный не был человеком, хотя его и называли человеком некоторые; всевозможные <надбавки>, зависящие от производительности труда, только развращали слабую и без того развитую душу...

Эта подметенная чистая песчаная территория – ни клочка бумажки, мертвая ночная тишина, строгая геометрия лагерных барачков Вишеры еще летом двадцать девятого года была нарушена арестантским потоком, новыми арестантами, которых лагерю надлежало собрать и освоить.

Закладывался Вишерский комбинат. Инженер Покровский, работавший как заключенный в тридцатом году, говорил, что за свою жизнь он не встречал столь четкой организации строительства, снабжения, ровного дыхания производства²³. Возможно, однако, это ровное дыхание обеспечивалось ненужными жертвами людей. Все служило плану. И тем самым превращало план – в обман.

После месяца общих работ на лесоскладе и лесозаводе меня взяли на канцелярские работы сначала табельщиком, а потом нарядчиком в лагере <...>.

Но вопросы «категории труда» были важными. Категорий было 4: четвертая – абсолютно здоровая, третья – здоровая, но не абсолютно – самая невыгодная для

²³ Ср. рассуждения инженера Покровского в рассказе «У стремени». См. также Приложение 3.

заключенного, ибо здоровья не было, а требования производства были одинаковыми, что и для четвертой группы. Вторая группа составляла список болезней, утвержденный в Москве <...>. Первая – инвалиды.

Все заключенные два раз в год – весной и осенью – проходили перекомиссование. Устанавливали новые категории. Первой категории – инвалидов – в лагере было очень много. Это были саморубы, членовредители, тяжелые цинготники, инвалиды с культями после тяжелых обморожений.

Цинга была эпидемией, новым бедствием. Многие вырвались из лап цинги, навсегда сохранив синие, фиолетовые пятна на коже, контрактуры.

Цинготники, саморубы жили в отдельных бараках, лагерь старался разгрузиться от них.

Обычно каждую весну в лагерь приезжала комиссия прокурора Покровского – освобождать по 458-й статье – по инвалидности. Лагерь составлял списки, собирал личные дела, и Покровский просматривал эти списки, оставляя в лагере всех инвалидов, служивших в белой армии. Тех не освобождали по 458-й статье.<...>

Юридическим основанием трудового использования была «категория» труда. Это удивительное употребление философского термина прочно вошло в лагерный быт: категория труда, категория питания, категория грунта.

Кант был бы доволен²⁴.

За этим следили очень строго – использование по трудовой категории.

Главную часть – девяносто процентов заключенных составляли блатари.

Попадались другие – убийцы, растратчики, но те легко устраивались на работу, а блатари вели борьбу с начальством, отказывались от работы, бежали из лагерей.

По блатному закону уркаган не может в лагере работать, а должен быть или прямым отказчиком, или работать слесарем, или ловчить вплоть до саморубства.

При этом в двадцать девятом году блатарям – всех их судили по СВЭ²⁵ на три года – рецидивистов и новичков, старых и малых, – было разрешено работать нарядчиками в отделе труда. Эта привилегия блатарей к работе нарядчиков была обсуждена на каком-то блатном конгрессе и разрешение было дано. И блатари работали нарядчиками, стараясь угнетать пятьдесят восьмую и фраеров и помогать своим, у которых есть хоть какая «жупильническая кровь».

Я работал на лесозаводе (потом он стал называться номер один) сначала на складе – таскал доски в штабеля, потом с бригадой подтаскивал по воде бревна к цепи рамы, для распиловки, потом подсобным, направляя бревна плавающие по цепи из воды вверх. Но подсобным я работал недолго <...>

Наступление новой эры для меня началось с совещания в кабинете вновь назначенного начальника I отдела Лимберга, куда я был вызван в числе тридцати человек, отобранных «по анкетам».

Лимберг изложил программу правительства – отдать судьбу заключенных в их собственные руки. О лагерях рабочих еще не было речи.

Правительство перестраивало лагерь. Все, кто хочет работать честно, без изъятия статей, получают право на досрочное освобождение.

Лагери увеличивают, им передают исправдома и меняется вся программа от «плана» до способов его выполнения.

Перевоспитание через труд. Лагери берут на себя строительство. Все это будет строиться заключенными своими руками и конвой будет из заключенных.

24 Саркастическая аллюзия на «категории рассудка» в «Критике чистого разума» И. Канта.

25 СВЭ – социально-вредный элемент, аналогично СОЗ – социально-опасный.

Все, кто хочет работать в охране, немедленно получают оружие и переводятся на жизнь в помещении отряда охраны. Все самоохранники получают улучшенные пайки, пользуются преимущественным правом на досрочное освобождение.

Все, кто хорошо работают, получают право на семейную жизнь вне общего барака и без юридического обязательства по первому браку.

Сейчас это кажется диким, а между тем это было именно так. Берзин один из самых активных проводников этих «домов свиданий», этих лагерных свадеб, официально одобряемых. Правда, Москва отменила лагерные браки, но «дома свиданий» сохранила на один год.

Начальники должны были называть заключенных на «вы».

Главный процент плана – «честный труд», но этот труд не просто честный, а обусловленный каким-то количеством процентов. До процентов, до досрочного освобождения по процентам тут было два шага.

Эти шаги были пройдены, когда я был на воле – они обернулись большой кровью Москва-канала, Беломорканала – величин извращенной сути, извращений, которые мог предвидеть любой лагерный практик.

Все тридцать человек согласились работать и получили новые назначения. Я же сам получил назначение через два часа. Меня вызвал Вальденберг – новый начальник ПТО – производственно-технического отдела, и сказал, что я назначаюсь прорабом в Березники – вниз по Вишере и должен туда отбыть – документы уже заготовлены.

– Когда?

– Сейчас же! Бери в бараке вещи и иди на берег. Людей погружай на баржу с тесом, конвой на месте. Вот тебе пакет в руки.

Таким <революционным> началом я и начал карьеру в рядах новой берзинской администрации.

Тут же приехал и Берзин. А самое главное – приехал заместитель Берзина по лагерной части Иван Гаврилович Филиппов. Это был тот самый председатель разгрузочной комиссии в документальном фильме «Соловки», который я видел не один раз на тогдашних экранах Москвы.

С Филипповым приехали и Лимберг, и Теплов, и Вальденберг.

О Берзине написано много чепухи в мемуаристике. Берзин был человек холодный, очень далекий, очень далекий от повседневной жизни, которую строят миллионы людей. Вот для живой, ежедневной работы с людьми и был взят Филиппов со всем своим чекистским опытом.

Ведь это не приговоры Вышинского, не бухгалтерия (Эпштейн), не плановый отдел. Российское дело. Лагерные работники. Живая жизнь. Так было и на Колыме впоследствии, где Филиппов был заместителем Берзина по лагерю. Так было и на Вишере.

И о деятельности Берзина, кроме, разумеется, заговора Локкарта, в котором он играл свою, предназначенную ему роль, отнюдь не будучи автором сценария <...>²⁶.

Сюда можно включить рассказ о моем первом лагерном соседе по нарам поручике Ангельском²⁷.

26 Фраза оборвана. Возможно, что Шаламов здесь делал отсылку к главе III очерка «Вредители и грызуны», где он добавил новые детали к образу Э.П. Берзина.

27 Реплика наглядно демонстрирует незавершенность процесса создания книги. Начало главы об Ангельском см. в предисловии.

Шахматистка Лимберг

Жена Лимберга была страстной шахматисткой, а сам Лимберг был большим лагерным начальником, «обсосом», как говорилось на блатной фене в то блаженное время, когда блюли всякие законы – и гражданские, и блатные. Лимберг был заместителем Берзина, приехал на «перековку», хотя слово это появилось позднее, на Медвежьей горе. «Курилка» с Соловков был уже расстрелян, на смену «произволу» шла «перековка». Ее и привез в Вишерский лагерь Лимберг, латыш. Но в шахматы он не играл, а жена его была страстной шахматисткой. Среди лагерного начальства она не встречала достойных партнеров по шахматной своей силе. Она играла в клубе, лагерном клубе с заключенными.

Художник Новиков, растратчик, которому срок чуть не выдали «весом», но в последнюю минуту заменили на десять лет, был хорошим шахматистом, и в Москве даже посетил международный турнир с Капабланкой и Ласкером. Это был бесспорный вишерский чемпион.

Вторым по силе был калмык Шембеков, практик и хитрец.

Третье место занимал я – нарядчик одной из лагерных рот.

А супруга Лимберга играла почти, как Вера Менчик²⁸ – она выигрывала на моих глазах у Новикова, у Шембекова...

Пришла и моя очередь сыграть с именитой шахматисткой.

Фигуры были расставлены, игра началась, и я увидел сразу, что мадам Лимберг – слабый игрок. Я выиграл партию.

– Сыграем еще, – сказала начальница.

Я расставил фигуры. Шембеков толкал меня локтем в бок дважды, но я выиграл и вторую партию. Начальница заволновалась:

– Что-то я плохо сегодня играю. Завтра обязательно сыграем еще... – И она, грузно опираясь на стол, встала и вышла.

– Что ты делаешь? – зашептал Шембеков. – Ты понимаешь, что ты делаешь? Мальчишка!

Появился Новиков. «Обыграл, дурак. Обыграл».

– Начальство нельзя обыгрывать.

На следующий день начальница снова проиграла.

– Разрешите мне, – сказал Новиков.

– Зачем? Я ведь в шахматы играю. Шахматисты подхалимов не любят.

Новиков покраснел.

Все это было в двадцать девятом году <...>²⁹.

28 Вера Менчик (1906–1944) – первая чемпионка мира по шахматам среди женщин.

29 Новелла «Шахматистка Лимберг» фигурирует в первоначальном плане «Вишерского антиромана». В данном случае текст взят из рассказа «Шахматы и стихи» (Шаламовский сб. Вып.1. Вологда.1994; ВШ7, 773-75).

Поездка на Вижаиху

Не проработал я и месяца на своей новой работе в Березниках, в Лёнве и Усолье, – ибо то, что называется Березниками, выросло у старых строгановских солеварен, и лагерное отделение называлось Лёнвенским, – как на мое место с последней водой был прислан новый человек – один из десятников Вижаихи, где было положено основание города Красновишерска. Место в Лёнве среди вольной публики считалось выгодным, почетным, сулило приработки нелегальные. И Лазарсону с его семилетним сроком по 109-й и 116-й статьям – растрате, преступлению по должности – <оно> было наградой за многолетнюю службу в лагерях. Лазарсон уже отбыл две трети срока и имел право на льготы.

Лазарсон был неплохой, только глупый, суматошный и навек испуганный своей судьбой. Этот испуг не помешал ему с первых же дней исследовать русскую служебную проблему: «Что я тут могу заработать?» Заработать тут можно было немало: на Березники, на содовый завод шло много грузов, и нелегальная выгрузка-разгрузка давала заработок и грузчикам-заключенным, и конвою, и десятнику от заключенных. Мой предшественник, некто Питерский, которого я ни разу в жизни не видел, и был снят за излишнее увлечение такого рода заработками. Самое печальное в этой истории – крайнее недовольство самих работяг – заключенных-грузчиков на станции Усолье и содового завода. Грузчик получал не четверть заработанного, а гораздо меньше, и все же работой дорожил и боялся отправок в управление. Лазарсон быстро наладил прерванные контакты и сунул как-то вечером пятерку: «Это – твоя доля». Но я пятерки не взял, и это обстоятельство ввело Бориса Марковича в некоторое размышление.

Борис Маркович не был приспособлен к обдумыванию какого-либо вопроса, проблемы в одиночку – он мог подхватить чужое решение и активно его развить или броситься на выполнение приказа, но обдумывать проблемы личной совести Лазарсон просто не умел и не привык, да и не нужно ему это было в его сорокалетней жизни, не понадобилось и не понадобится никогда. Человек он был совсем не злой, но какой-то суматошный.

Я спросил Лазарсона, надо ли мне возвращаться в управление.

– Нет, Вальденберг сказал: «Работать в контакте».

Вальденберг был начальник производственного отдела Вишерского лагеря, так называемого 4-го отделения Соловков (УСЛОНа). «Работать в контакте» Борис Маркович повторял как поговорку, а может быть, повторяя, обдумывал, как же именно надо работать. У меня не было никаких возражений насчет контактов, и я остался в Лёнве в качестве помощника Лазарсона.

Сквозь Лёнву, Усолье, Березники, Соликамск шел поток эшелонов с заключенными. Лёнвинский пересыльный пункт расширялся, арендуя огромные склады на берегу Камы, окруженные конвоем, – лишь бы переночевать, переспать. Кама вставала, шитики, баржи вмерзали в лед, и последним пунктом стало не Усолье, а Соликамск, как тогда, когда я шел здесь первым своим в жизни этапом. Партии и партии уходили в тот же пятисуточный путь, что и я, где всех делили на ночевку на глазок – кого в избу почище, кого на солому, на землю в сарай, как и у нас.

С самого своего ареста я был оторван от товарищей, но на свидание в Бутырках пришла моя условная невеста, и я готовился бодро встретить завтрашний свой день. Но уже встреча с соловецким, вишерским конвоем – избияния, пьянки, столкновения на первой же ночевке, где я заступился за избиваемого сектанта и был раздет догола и выведен на лед апрельской ночью под винтовкой – и дальнейшая жизнь показали, что режим в лагере не похож на режим ссылки, и мне будет трудно объяснить товарищам, что царская катор-

га существует во всех своих традициях и реальностях. Письма заключенных подвергались самой строгой цензуре – ни одного письма без штампа цензуры я не получал. Все это нужно было объяснить, хотя бы сообщить товарищам на воле, и я это сделал только тогда, когда попал в Усолье, в Березники, осенью 1929 года. Ни на одно письмо свое я не получил ответа, так же как и на те десять писем, которые я бросал из окна вагона, давал конвоирам. Конвоиры давали своим начальникам, а граждане подбирали письма на перроне и, наверное, уничтожали, не глядя. Никогда и никто не получил моих писем с дороги. Но в Березниках я бросал в почтовые вагоны, в почтовые ящики поездов, и письма должны были дойти до адресатов. Никогда и никто не подтвердил мне, что получал эти мои письма. Не исключена возможность, что письма эти получали и ответы на них писали, да и адрес мой рассылали по ссылкам, где были мои товарищи. Просто исключено, что товарищи меня забыли. И они писали письма в ответ.

Что же это были за письма? В то время вся оппозиция вела бурную переписку друг с другом, стараясь оставить след в истории, размножались на папиросной бумаге программные высказывания вождей – прежних старых и молодых новых. Рассылалась самая подробная информация о деятельности оппозиции, о всех личных судьбах. Еще на Вижаихе я получил посылку – рубаху, брюки, табак от сестры Наташи из Москвы, – адрес, стало быть, мой был в Москве.

Ни одного письма от товарищей я не получил. Я думаю, что товарищи следили за мной в большом количестве, и это насторожило лагерное начальство, следователей третьей части. Контролировать то, что я отправлял, третья часть была лишена возможности, а вот наглухо запереть все, что поступает в лагерь, – это было проще простого. Думали, что я организую свои адреса у местных жителей, ловить эти адреса начальнику третьей части, заключенному Ушакову, бывшему агенту МУРа, не захотелось, и Ушаков счел за благо просто меня перевести в глубь этой «земли». Об организации своих адресов я даже не думал в то время, другое меня занимало. Все это, конечно, предположения только, гипотезы. Я никогда не узнаю правды. Да это и не важно. В жизни любая иллюзия – правда.

Почему я ищу объяснения этого случая через столько лет?

В лагере много тайного, как, впрочем, и в любых бюрократических интригах. А фактом, живым, реальным фактом было то обстоятельство, что однажды после развода на работу дежурный комендант вызвал меня на вахту и сказал, чтобы я собирался с вещами.

– Вот конвоир, он примет пакет с моей личностью и отвезет в управление на Вижаиху и там сдаст. Там скажут, куда.

Только что в лагерь был назначен новый начальник Стуков, организовавший производственный отдел вместе с вредителем, инженером Миллером. Я знал Стукова по первому отделению Вижаихи, вернее, знал его в лицо. Сейчас, когда работа развертывалась, я должен был уехать. Но это меня не огорчало. Почему меня отправляли – я так и не узнал. Настойчивые требования следственной части, блюдущей политическую сторону дела, явное желание Миллера поставить своих людей на новое, организованное им дело. Опасения цензуры и опасения Лазарсона, что я не буду «прирабатывать». Лучше избавиться от «идеалиста». Кто знает.

Но я был отправлен со спецконвоем.

– А вещи?

– Вещей у меня никаких нет.

– Тем лучше³⁰.

30 Сюжет соотносится с главой «Дело Стукова» основного текста. Впервые опубликовано И.П. Сиротинской в приложении к первому изданию «Вишерского антиромана» (М.: Книга. Российский летописец, 1989).

Мой конвоир

Мой конвоир был вольнонаемный чалдон, надзиратель, нанятый из местных жителей. Он проезжал со мной в разных местах – от Соликамска до Вижаихи, где на пеший этап у меня в апреле 1929 года уходило 5 суток, а здесь со спецконвоем я проехал с трое суток, хотя мог бы добраться и в одни сутки.

Я говорил конвоиру:

– Поедем прямо в управление!

Потому что мне не терпелось разгадать тайну, в которой проходил мой отъезд. Но конвоир категорически отказался и строго выдержал три дня – тот срок, который был ему дан по командировке: он получал суточные и не хотел попасть в управление раньше положенного времени.

Хотя пермский язык и отличается от русского, и не всегда поймешь, что говорит чалдон, мне, уроженцу Вологодской губернии, был знаком целый ряд вологодских глаголов или пермских прилагательных. Я с трудом разобрался, что он просто хочет использовать командировку полностью.

Каждую ночь конвоир мой напивался до потери сознания и на следующее утро во второй половине дня двигался со мной дальше, ловя какую-нибудь подводку. Ночевали мы в тех самых помещениях, в тех самых избах, закупленных лагерем для этапов у хозяев. Хозяева обычно каждый вечер готовили какое-то мясо, вытаскивали самогон. Но я категорически отказался принимать участие в пирушках, хотя это не было моим конвоем запрещено, напротив: меня везли как-никак спецконвоем, и секретный пакет, который вез конвоир, и сами обстоятельства отправки убеждали и конвоира, и хозяев тайных помещений, что я не беглец, а какое-то важное лицо, следующее в управление под конвоем. Таких лиц за пермскую жизнь по трассе Соликамск-Чердынь проследовало немало. И ни о чем они меня не расспрашивали, так же, как и я. Они обижались только, что я не пью самогонку и не играю с девками, с которыми на полатах спал мой конвоир. «Играться с девками» – это главный конфликт моего путешествия на Вижаиху, главная обида хозяев. На третьи сутки конвоир привез меня в управление, откуда я уезжал несколько месяцев назад, и сдал на вахту.

Именно в этой дороге от хозяев я выслушал много жалоб, что раньше было беглецов больше, они многих ловили и получали по 25 фунтов муки за каждого – было больше выгоды. Теперь, когда возят на машине, упорядочен тракт, сейчас беглецов меньше, и они просят сообщить начальству об этой беде, чтобы платили подороже за беглецов, как-то компенсировали этот недостаток заработка.

Конвоир сдал меня на вахту часа в три дня. Все начальство было еще в лагере, в своих кабинетах. Приезд мой вызвал всеобщий интерес. Привезенный конвоиром пакет вскрыл начальник производственного отдела Вальденберг и пришел в бешенство, оттого что в путевке не было ничего сказано. Он тут же отправил меня без всякого конвоира в третью часть, которая помещалась за зоной в особом маленьком барачке. Начальник управления третьей части Бладзевич был в том же настроении, что и Вальденберг.

– Есть что-нибудь от Ушакова? – спрашивал Вальденберг.

– Нет, ничего нет! – отвечал Бладзевич.

Ушаков был уполномоченным третьей части в Березниках. Вальденберг сказал:

– Я положу конец этому бардаку. – И спросил меня:

– Где твои вещи?

У меня не было вещей.

– Ты можешь поехать назад завтра?

Я говорю: да, конечно.

– Поезжай, я заготовлю бумажку.

На следующий день я уже несся на каких-то санях, пересеживаясь с саней на сани, и добрался до Березники.

Я добрался до Соликамска, где встретил своего начальника Стукова, который отправил меня в управление.

– Ты что?

– Я назад, гражданин начальник. Вот пакет.

Стуков разорвал пакет, прочел, положил в карман и сказал:

– Ну, хорошо, так еще лучше. Поезжай на место и переговоришь там с Миллером. А я еще в командировке, вернусь, я выясню <...>³¹.

Голубые штаны

...Вскоре Крист был арестован – в квартирной «засаде», отказался от показаний, как учили его новые старшие товарищи, и получил три года концентрационных лагерей – с последующей ссылкой. Приговор по тем временам был ошеломительный – все друзья, все начальники Криста по тому времени получили лишь ссылку куда-нибудь в Саратов. Потом этап в уголовном мире – в резне с убийствами, в крови – без единого просвета в виде хоть случайной встречи с «единомышленниками». Небо обрушилось на голову Криста. Но он твердо ждал. Давно все товарищи подписали какое-то заявление, вернулись в Москву, а Крист все ждал, все не спал светлыми уральскими ночами.

Началась перековка, начало тридцатых годов, и энергия Криста нашла выход – в новой, хотя и странной работе, но дающей выход силам Кристовой души. Крист стал большим лагерным начальником. В тридцатом году в лагерь стали прибывать – с лагерными сроками – первые подпольные вожди, которых Крист знал по фамилии когда-то. Крист помог Розенфельду – измученному этапом, напуганному. Чем можно помочь? Устроить на легкую работу, отдать в прачечную выстирать белье, разрешить оставить собственную одежду, накормить, дать отдых в два-три дня, устроить в хороший барак, приказать постричь, побрить, оставив вольную прическу, сходить лишний раз в баню, чтобы мыться не стадом, а одному, – все это было пустяком для Криста. Выстирать белье Розенфельда было велено к завтрашнему дню, и дневальный Криста утром доложил, что белье выстирано. Крист вызвал Розенфельда. Розенфельд увидел, что его темно-коричневые брюки после неумелой стирки превратились в ярко-голубые, и вот это событие, кажется, подействовало на Розенфельда слишком угнетающе и вытеснило из его внимания страшную судьбу Криста, который вот-вот собирался открыть душу.

– Вольно было ему, дураку, не давать показаний, когда покаяние не считается грехом, а наоборот, средством сохранения связей с партией, с народом, – пояснял Розенфельд, перебирая в руках голубые свои штаны. – Впрочем, «мы», – важно сказал Розенфельд, – «мы» не знали, что у вас такой срок, а то – протестовали бы и обязательно добились бы вашего освобождения.

---

31 Сюжет соотносится с главой «Дело Стукова» основного текста. Впервые опубликовано в составе неизвестных глав: Шаламовский сб. Вып.5. 2017.

– Я верю, – сказал Крист, – а теперь прошу извинить. Мне пора.
– Нам нужно сделать здесь совместное какое-нибудь заявление, – сказал Розенфельд с видом, как будто он делает величайший подарок Кристу.

– Какое же заявление?

– Да все равно, – улыбнулся Розенфельд. – Мы должны, как это у Зощенко, или не у Зощенко. Мы должны «функционаровать». Оставлять следы. – Розенфельд тонко улыбнулся, оглаживая свою белокурую бородку.

– Все равно?

– Да. Я подготовил текст. Время спросит у нас: что вы делали, попадая в лагерь?

– Да... Я вот... – сказал Крист тихо, – организовал экспедицию, новые лагерные отделения, преследовал негодяев. Оказывал помощь хорошим людям...

– Ах, не об этом речь, и вы это отлично понимаете, что не об этом.

Крист хорошо понял, что он был игрушкой в руках этих политиканов, этих сухих и скучных людей. Чтение Розенфельдом Блока показалось Кристу кощунством.

Все, что минутно, все, что бrenно,
Похоронила ты в веках.
Ты, как младенец, спишь, Равенна,
У сонной вечности в руках.

– Как дальше, Крист?

– Не знаю. – Хотя Крист знал.

Сейчас Крист вспоминал этого в о ж д я и его неожиданные голубые штаны, и ничего кроме презрения не было на душе Криста³².

Набросок к рассказу «Уроки любви»

Важным дополнением к главам «Вишерского антиромана» является набросок из подготовительных материалов к рассказу «Уроки любви». Этот рассказ создавался в 1963 г., но был включен В.Т. Шаламовым лишь в последний сборник «Перчатка, или КР-2» (1973). При этом рассказ с очевидностью остался незавершенным: его последний эпизод, описывающий встречу автора в лагерьной больнице на Колыме с санитаркой Стефой, бывшей узницей Освенцима, оборван, что называется, на полуслове и, несомненно, должен был иметь продолжение.

Связывать ли столь резкий отход от замысла с особого рода литературным целомудрием писателя, с ясным осознанием того, что вариации на темы лагерного эроса и этически, и эстетически несовместимы с трагическим материалом? Несомненно, это было одной из важнейших причин. В то же время Шаламов считал ханжеством «призыв запретить доступ секса в литературу»³³ и сам в жизни отнюдь не был ханжой, оставив в своих воспоминаниях потрясающую по откровенности главу «Черная мама»³⁴.

32 Вариант главы «Блюменфельд» основного текст. Впервые опубликовано И.П. Сиротинской в приложении первому изданию «Вишерского антиромана» (М.: Книга. Российский летописец, 1989).

33 Письмо И.П. Сиротинской 1971 г. – ВШ 7, 6, 492.

34 Глава «Черная мама» впервые опубликована И.П. Сиротинской в кн: Шаламов В. Воспоминания. М.2001. См. также ВШ 7, 5, 517-520.

Публикуемый ниже текст интересен прежде всего с биографической точки зрения: он более подробно раскрывает одну из сторон личной жизни молодого Шаламова на Вишере, в Усть-Улсе, – кроме истории знакомства с будущей женой Г.И. Гудзь, здесь развернулась (очевидно, позднее) и история его взаимоотношений с заключенной Катей Аристарховой³⁵. Важен этот эпизод и историко-социологически, поскольку дает представление об одном из типов женщин-заключенных конца 1920-х годов и причинах их сурового наказания. Несомненно, текст интересен и с художественной точки зрения: в сущности, это законченная драматическая новелла-миниатюра о любви.

О датировке наброска можно косвенно судить по дате выпуска школьной тетради, в которой делались записи – 1963 г.

Катя Аристархова была москвичка, рыжая красавица, кассирша из магазина на Арбате, бывала на вечеринках в турецком посольстве. Три года. Три года концентрационных лагерей – вот чем обернулось это знакомство.

– Я не жалею. Я танцевала там. У нас ведь не танцуют, разве только в подворотнях.

– У тебя срок чуть дольше моего, – говорила мне умница-Катя <нрзб> – Поедем. Устроимся вместе. Где хочешь. Я буду любить тебя. Хорошо – без этой спешки вечной, без торопливости этой проклятой.

– Нет, Катя. Мне злость не дает любить.

– Чудные вы, мужики.

Кате было двадцать лет, и мне было двадцать лет. Я уезжал, «сплывал» на «Вижаиху», и Катя вышла на берег.

– Прощай. Мне Курчатов, уполномоченный, предлагает жить с ним. Замуж возьмет, как кончу срок.

– Не верь, Катя. Курчатов не будет связывать свою карьеру твоей судьбой, твоей жизнью. Прощай.

Катя не плакала, да и что было в нашей встрече такого, о чем можно было плакать.

Но мы встретились еще раз через несколько лет в Москве. Столкнулись на улице, на бульваре, и тут же сели и говорили долго.

– Курчатов бросил меня сразу, как я освободилась. Дал три рубля денег. Гонореей зарзил. Я поступила кастеляншей в больницу. Снова вышла замуж. Снова. В Москве я проездом, случайно. Жить мне нельзя здесь. Минус, минус...³⁶

Морщины, как шрамы, изрезали лицо Кати, сломанный зуб так и не был починен.

– Пойдем ко мне. Я здесь у сестры...

– Нет.

– Тебе нужна независимость, Катя. Независимость.

– А с чем ее едят? В каком магазине ее продают? Посмотри на меня.

Я вспомнил все ее тело, жаркое вишерское тело, и у меня потемнело в глазах.

– Не пойдешь?

– Нет.

Мы поцеловались, и Катя из моей жизни ушла своей твердой, знакомой мне походкой³⁷.

35 См. главу «Лагерная свадьба» «Вишерского антиромана», где Катя Аристархова упоминается автором как «подружка моя тогдашняя».

36 Имеется в виду поражение в правах для бывших заключенных – запрет проживать в больших городах.

37 Впервые напечатано: Шаламовский сборник. Вып.5. 2017.

Отдельные фрагменты рукописей

При подготовке данного издания проводилась сверка текста основных глав «Вишерского антиромана» с рукописью, хранящейся в РГАЛИ (Ф.2596. Оп.2. Ед.хр. 65-68). В ходе этой работы удалось восстановить (расшифровать) ряд фрагментов, пропущенных И.П. Сиротинской в первой редакции книги по причине их трудной разборчивости. Они публикуются впервые. Некоторые из фрагментов имеют, несомненно, большую историческую и биографическую ценность. Особенно важны те из них, что проливают дополнительный свет на отношение Шаламова к оппозиции 1920-х годов и к Сталину. Интересны некоторые подробности о демонстрации оппозиции 7 ноября 1927 г. и о распространении «Завещания» Ленина.

В рукописях содержится ряд новых деталей к общей картине положения в Вишлагае: в частности, о количестве заключенных по 58-й статье (примерно четверть из общего числа). Весьма колоритен фрагмент о лагерных «ордалиях», наблюдавшихся Шаламовым на Вишере.

Большое значение имеют приводимые Шаламовым сведения автобиографического характера 1920–1930-х годов.

Фрагменты выбраны из разных частей рукописи и расположены в хронологическом порядке.

19 февраля 1929 года я был арестован. Этот день я и считаю началом своей биографии. Я был арестован в квартире, где на ротаторе мы, студенты первого МГУ, печатали Завещание Ленина... «Троцкистскую фальшивку под названием „Завещание Ленина,» – как совершенно официально в официальных документах в Сталинское время назывался этот документ, который Хрущев в 1956 году напечатал в журнале «Коммунист» и «который есть» в Полном собрании Ленина – в 45-м томе³⁸. Фальшивка вдруг оказалась подлинным опасным документом, за чтение которого десятилетиями давали тюрьму и лагерь.

Мы работали в этой типографии довольно долго, несколько месяцев, и только техническая неисправность ротатора остановила работу. Наше начальство вызвало специалиста. Специалист, один из московских рабочих, пришел, ротатор нам исправил. Через день все мы были арестованы.

Хозяйка квартиры поэтесса Никольская... <нрзб>.

Из общения своего с людьми из т.н. Ленинской оппозиции я вынес крайне неприятное впечатление: карьеризм, вождизм, пустые какие-то споры.

Каждый из них написал по тысяче покаянных заявлений.

Общее состояние показывает бесплодность всех их усилий вернуться к власти.

Политики они были плохие. Рассчитывать на то, что народ может повернуть против власти – любой власти – было...<нрзб>. После двух войн, революций в 1927 году опять звали привести их к власти. Ничего нового они не предложили.

«Сталин украл наши лозунги. Это мы расстреливали классовых врагов, а он все приписал себе...»

---

38 По решению XX съезда КПСС «Политическое завещание» В.И. Ленина было опубликовано в журнале «Коммунист», 1956, № 9. Том 45-й Полного собрания сочинений В.И. Ленина (5-е издание) вышел в 1970 г., и Шаламов, очевидно, был с ним знаком.

<...> Такие же догматики, кружковцы, как и те, с которыми они боролись и звали бороться. Все они погибли в кровавой чехарде тридцать седьмого года.

Сталин боялся Троцкого до смерти.

У Сталина было чисто мистическое представление о смене общественных систем. Рабовладельческий строй уступил место феодализму, а феодализм капитализму с неизбежной исторической закономерностью. Капитализм будет сменен коммунизмом с железной исторической последовательностью. Все это произойдет само собой.

[Зачеркнуто: Надо только убивать, уничтожать].

Свои должны очистить дорогу для хода истории. Поэтому ненависть и мощь Сталина была направлена против своих – вроде Троцкого и Бухарина.

Капитализм упадет сам, надо только убрать людей, которые мешают этому падению.

Демонстрация 7 ноября 1927 года, вернее, публичная апелляция к демонстрантам, была, конечно, не единственным выступлением тогдашней оппозиции.

Перевыборы в Моссовет в театре бывшем Зимина, где зал тонул в криках студентов, требовавших включить в список почетного президиума Троцкого. Дело доходило до мордобоя <...>.

7 ноября 1927 г. близ Университета была построена колонна в 400 человек. Эта колонна была рассеяна лошадьми на Воздвиженке, и я до сих пор храню в памяти запах потного зада лошади <...>.

Весь двадцать восьмой год я куда-то ездил, искал машинисток, чтобы напечатать Завещание Ленина.

В Бутырской тюрьме в 29 году я впервые попробовал одиночества, и одиночество мне понравилось.

Трудность моего положения была в том, что в лагере не было моих однодельцев, моих одномысленников, по крайней мере вся молодежь моего возраста в лагере была исключительно воры-рецидивисты.

В лагере в Викаихе было две тысячи арестантов. Среди них примерно четверть – пятьдесят восьмая статья, сроки – пять лет, три и даже два года. Осужденных на 10 лет было два человека. На них показывали пальцем.

58-я была разобщена по группам – вроде украинских националистов во главе с Алешко-Ожевским и русских черносотенцев вроде жандармского полковника Руденко.

К группе принадлежали и эсеры – правые, и левые анархисты – была и такая, но злоба их друг к другу была так велика и нескрываема <...>.

Вишера была построена по обычной двучленной каторжной схеме: основные работы – штрафной участок. Эта схема восходит, вероятно, к Египту, а уж к Овидию Назону – наверняка. Овидий Назон был важным примером нашим эстетам на государственной службе вроде Менжинского. Овидий Назон был начальником тюрем Рима <...>.

На Вишере все было просто. Работаешь хорошо – живешь в центре, кладешь кирпичи и роешь траншеи на строительстве бумкомбината (даже можешь стирать собственное белье на речке на Вишере, как с восхищением вспоминал инженер Покровский).

Ведешь себя плохо или работаешь лениво – эти два качества в лагере всегда сливались в единый катехизис лагерной морали – тебя везут на Север, на лесозаготовительный участок: Ваю, Мику, Пелю, и там берешь двуручную пилу в руки и топор.

На Вишере я видел, как на суде чести, на воровской «правилке» блатные рубят голову топором по всем канонам ордалий³⁹: я обвинил тебя, что ты сука, ты говорил: я лгу. Я кладу голову под топор. Вот бревно, вот острый топор. Руби! Руби! Если ты не найдешь в себе духа ударить – клади голову сам. Тебя положат на бревно десятки рук, а рубить буду я – и ты простишься с жизнью.

Это – поединок духа, нервов, жажда «божьего суда».

Подобие ордалий встретил я во время тифозного карантина в Магадане. Мой сосед – временный сосед во время бесконечного кружения по баракам магаданской транзитки – оказался начальником НКВД Горьковской области. Я забыл его фамилию. В отличие от многих подобных он не скрывал своей принадлежности к карающему органу. Свой арест он считал случайным: разберутся. Мой сосед Червоныйя спросил: а как насчет побоев и метода номер три на следствии. Начальник НКВД сказал, что да, в своей следственной практике он применял все это. И дело не в том, что это делалось по приказу или не по приказу.

– Клевета, фальшивые показания, оговоры и самооговоры – вот причина путаницы, из которой не может выбраться НКВД.

– Но ведь это под пытками?

– Ну и что? Если ты не можешь выдержать плюхи или там чего-то другого...

– Вроде тушения папиросы о конец или избияния или гвоздей под ногти, – сказал я.

– Хотя бы. Солгал – значит, ты клеветник, вредитель, мешаешь следствию распутать нитку. Не виноват – терпи, когда тебя бьют, не поддавайся на провокации.

– Вот я слушаю тебя, – сказал я, – и не знаю, что мне делать. То ли смеяться, то ли дать тебе по морде.

<...> Это был человек, говоривший вполне напрямик.

В лагере все, как в жизни. Кого-то преследуют, уничтожают, борются с какими-то призраками, каждый ждет ареста, провокаций. Лагерь – точная мутная копия жизни... <нрзб>.

Брезниковский химкомбинат был подлинным гигантом первой пятилетки да еще опытным экспериментальным гигантом, где проверялась и способность рабочих работать учиться, а инженеров-вредителей – руководить.

Потребность в инженерных кадрах была удовлетворена таким путем.

Конечно, все это преобладало над «спросом» на самые различные политические идеи. Но если бы для пополнения лагерей достаточно было растратчиков – набрали бы инженеров из растратчиков. Тут нет ничего принципиально недопустимого. Растратчик – инженер Будзко строил на равных правах с вредителем Покровским.

[На этом же листе рукописи написано вертикально: Ибо вредители в лагере – раздавленные люди, активно помогающие власти руками и мозгом за призраки досрочного освобождения].

В лагере обсуждают не вину – это никого не интересует – ни начальство, ни самих арестантов – все понимают нелепость искупления какой-либо вины – а обсуждают способы досрочного освобождения из лагеря. И цену, которую заключенный может за это досрочное освобождение заплатить.

---

39 Ордалии (от лат. ordalium – приговор суд) один из видов архаичного права, испытание огнем и водой. Испытание огнем состояло в том, что испытуемый должен был держать руки на огне, проходить через горящий костер, держа руками раскаленное железо. Выдержавший эти испытания признавался оправданным, не выдержавший – виновным. Шаламов знал об этом обычае, вероятно, из курса истории права во время учебы в МГУ.

Иностранцы. 10 фирм. Поселок иностранцев.
Четыреста местных грабарей. Пески. Все «черные работы» – земляные и плотничьи.
Лёнвенское отделение Вишерского лагеря.

Почти без денег ездил в Москву.

Мне очень хотелось писать. Встретился с Волковым-Ланнитом и договорился о «работе в» журнале «За ударничество». Потом я нашел в Кунцеве родную сестру, съездил в Вологду – отец и мать еще были живы – и вернулся в Москву.

Кажущаяся легкость газетчины, кажущаяся близость к литературе привлекает и обманывает многих. Меня эта легкость не обманула и не обманывает.

Мне нужен был заработок, служба, и нужно было писать вопреки службе.

Очерк давался мне легко. В рассказах я упражнялся непрерывно.

Весь тридцать четвертый год я думал, что мой скромный тюремный опыт, лагерный опыт не пригодится никогда.

Увы!

Первого декабря был убит Киров, Москва замерла в тревоге. Начались аресты.

Редакция журнала, где я работал, получала циркулярные письма: на демонстрации ваш ряд – 20, вашими соседями слева будут Иванов, справа Петров. Оружие брать с собой запрещено. Проследите, чтобы в печати не публиковались воспоминания эсеров, вообще снимайте всякий материал о терроре.

Репрессивные волны катились одна за другой. Я знал в сентябре 1936 года, что обо мне «сообщено», но полную свою невиновность наивно считал надежной гарантией от ареста.

Душевная тревога все-таки таилась где-то глубоко <...>.

Из записных книжек 1968 г.

Одно из постоянных моих воспоминаний – виденное в 1930, даже в 1929 году, осенью в Березниках на содовом заводе. На выходе железной дороги поезд многовагонный гудел, шел задом. Крестьянин на пустой телеге не успел проскочить ворота и зацепил осью за буфер вагона. Поезд перевернулся. Набегали вагоны, превращая крушение в катастрофу. Машинист остановил вагоны, когда поезд, казалось, разобьет стену. И тут же – лошадь и телега – у телеги чуть поломано колесо. Вот это «чуть» катастрофы вроде того отверстия, которое в Голландии затыкают пальцем, удерживая плотину. Вроде гвоздя от подковы из английской баллады⁴⁰.

---

⁴⁰ ВШ7, 5, 305. В последней строке реминисценция на английскую народную песенку «Гвоздь и подкова» в переводе С. Маршака.

ВИШЕРА В «КОЛЫМСКИХ РАССКАЗАХ»

В. Шаламов после освобождения
из лагеря в Оймяконе, 1952 г.

Впечатления от пребывания в Вишлага отразились в целом ряде рассказов В. Шаламова, написанных до «Вишерского антиромана». Они были включены писателем в разные сборники «Колымских рассказов», став органичной частью общей художественной структуры главного произведения Шаламова. Отводя им отдельный раздел в данном издании, мы стремились прежде всего показать, сколь глубокий след оставила Вишера в памяти писателя и сколь разнообразны и богаты новыми смыслами преломления вишерского опыта в его творчестве. Думается, читателям будет особенно интересно проследить художественную трансформацию материала в рассказах в сравнении с соответствующими эпизодами глав «Вишерского антиромана» (например, рассказа «Эхо в горах» в сравнении с главой «Степанов»).

В разделе публикуются рассказы и очерки, написанные в 1959–1967 годах, а также рассказ «Галина Павловна Зыбалова», содержащий вишерский материал и вошедший в последний сборник, колымского цикла «Перчатка, или КР-2» (1973). Любопытен ранний вариант рассказа «Алмазная карта» (с заглавием «Карта»), написанный в 1930-е годы. Все произведения печатаются по изданию: Шаламов В. Собрание сочинений в 7 томах. М.: Терра – Книжный клуб – Книговек. 2013.

Комментарий в данном разделе минимизирован, поскольку основные пояснения сделаны в примечаниях к «Вишерскому антироману». Более подробный комментарий дан к рассказам «У стремени» и «Хан-Гирей». Как представляется, читателям будут интересны фотографии и примечания к рассказу «Алмазная карта», сделанные современным краеведом, директором государственного природного заповедника «Вишерский» П.Н. Бахаревым. Они показывают, насколько точен был Шаламов в отражении топографии и других деталей своего пребывания в Усть-Улсе – Северном районе Вишлага – в 1931 году.

АЛМАЗНАЯ КАРТА

В тридцать первом году на Вишере были часты грозы.

Прямые короткие молнии рубили небо, как мечи. Кольчуга дождя сверкала и звенела; скалы были похожи на руины замка.

– Средние века, – сказал Вилемсон, спрыгивая с лошади. – Челноки, кони, камни... Отдохнем у Робин Гуда.

Могучее двуногое дерево стояло на пригорке. Ветер и старость сорвали кору со стволов двух сросшихся тополей¹ – босой гигант в коротких штанах был и впрямь похож на шотландского героя. Робин Гуд шумел и размахивал руками.

– Ровно десять верст до дому, – сказал Вилемсон, привязывая лошадей к правой ноге Робин Гуда. Мы спрятались от дождя в маленькой пещере под стволом и закурили².

Начальник геологической партии Вилемсон не был геологом. Он был военный моряк, командир подводной лодки. Лодка сбилась с курса, всплыла у берегов Финляндии. Экипаж был отпущен, но командира Маннергейм продержал целых полгода в зеркальной камере. Вилемсон был в конце концов выпущен, приехал в Москву. Невропатологи и психиатры настояли на демобилизации, с тем чтобы Вилемсону работать где-нибудь на чистом воздухе, в лесу, в горах. Так он стал начальником геологической разведочной группы.

С последней пристани мы поднимались десять суток вверх по горной реке – на шестах проталкивая челнок-осиновку вдоль берегов³. Пятые сутки мы ехали верхом, потому что реки уже не было – осталось только каменистое русло. Еще день лошади шли тайгой по вьючной тропе, и путь казался бесконечным.

В тайге все неожиданно, все – явление: луна, звезды, зверь, птица, человек, рыба. Незаметно поредел лес, разошлись кусты, тропа превратилась в дорогу, и перед нами возникло огромное кирпичное замшелое здание без окон⁴. Круглые пустые окна казались бойницами.

Лодка-осиновка (современный вид)

1 Тополя (не эти конкретные) до сих стоят на поляне бывшего Кутимского железодобывающего завода, на берегу речки Кутим. Они были посажены вокруг дома управляющего заводом (конец XIX – начало XX века). – *Здесь и далее примечания П.Н. Бахарева.*

2 Возможно, речь идет о «берзинской» штольне. На реке Кутим сохранились две штольни, можно увидеть остатки деревянной крепи времени Э.П. Берзина (1929–1931). В таких штольнях добывали серный колчедан для производства бумаги на Вишерском целлюлозно-бумажном комбинате.

3 Челнок-осиновка – узкая и длинная лодка, управляемая шестью. Редкий тип лодок, характерный издревле для вишерского края. На такой лодке-осиновке герои рассказа поднимались до устья реки Кутим, а затем на лошадях добирались к «берзинской» штольне в истоки речки Кутим.

4 Здание без окон – склад для чугуна в Усть-Улсе на берегу Вишеры. Принадлежал Кутимскому заводу. Грузы поднимались по реке на баржах, хранились на этом складе, а потом отправлялись по узкоколейной железной дороге на Кутимский завод. Склад не сохранился, был разобран на кирпичи при строительстве школы в 1960-е годы.

Берзинская штольня на реке Кутим, в 4 км. от бывшего завода.

Скорее всего, об этой «пещере» упоминает Шаламов.

старости, но синее небо не закрывалось ветвями ни на минуту. Красный от ржавчины вагонный скат рос из земли, как дерево без сучьев и листьев. Мы остановили лошадей.

– Это узкоколейка⁵, – сказал Вилемсон. – Шла от завода до склада – того, кирпичного. Вот, слушай. Здесь когда-то, еще при царе, была бельгийская железорудная концессия⁶. Завод две домны, узкоколейка, поселок, школа, певицы из Вены. Концессия давала большие барыши. Железо плавил в баржах по паводкам – весной и осенью. Срок концессии кончался в 1912 году. Русские промышленники во главе с князем Львовым, которым не давали спокойно спать сказочные барыши бельгийцев, просили у царя передать дело им. Они добились успеха – концессия бельгийцам не была продлена. От оплаты затрат бельгийцы отказались. Они ушли. Но, уходя, взорвали все – завод и домны, в поселке камня на камне не оставили⁷. Даже узкоколейку разобрали до последнего стыка рельс. Все надо было начинать сначала. Не на это рассчитывал князь Львов. Не успели начать заново – война. Затем – революция, гражданская война. И вот сейчас, в 1930 году, – мы здесь. Вот домны, – Вилемсон показал куда-то вправо, но, кроме бурной зелени, я не увидел ничего. – А вот и завод, – сказал Вилемсон.

Перед нами было большое неглубокое ущелье, падь, сплошь заросшая молодым лесом. Посредине ущелье горбилось, и горб смутно напоминал остов какого-то разрушенного здания. Тайга затянула остатки завода, и на обломанной трубе, как на вершине скалы, сидел бурый ястреб.

– Надо знать, чтобы видеть, что здесь был завод, – сказал Вилемсон. – Завод без человека. Знатная работа. Всего двадцать лет. Двадцать травяных поколений: поря, осоки, кипрея... И нет цивилизации. И ястреб сидит на заводской трубе.

– У человека такой путь гораздо длиннее, – сказала я.

– Гораздо короче, – сказал Вилемсон. – Людских поколений надо меньше. – И, не посту-
чав, он открыл дверь ближайшей избы.

5 Узкоколейки не сохранилось, но трасса от нее осталась.

6 Не бельгийская, а французская. (См. примеч. 83 к основному тексту «Вишерского антиромана»).

7 Сегодня от Кутимского завода осталась только кирпичная стена домны. Это был завод по выплавке чугуна, самый известный из производств «Волжско-Вишерского акционерного общества». Здесь работали около 5 тысяч человек. Руда очень высокого качества, наличие железа в руде достигает 70 процентов.

Серебряноголовый огромный старик в касторовом черном сюртуке старинного покроя, в золотых очках сидел за грубым столом, остроганным, отмытым добела. Подагрические синеватые пальцы обнимали темный переплет толстой кожаной книги с серебряными застежками. Голубые глаза с красными старческими прожилками спокойно смотрели на нас.

– Здравствуйте, Иван Степанович, – сказал Вилемсон, подходя. – Вот, гостя к вам привел. – Я поклонился.

– Все роете? – захрипел старик в золотых очках. – Пустое дело, пустое. Угостили бы вас чаем, ребята, да все в разгоне. Бабы с малышами по ягоды ушли, сыны на охоте. Засим – простите. У меня это время особое, – и Иван Степанович постукал пальцем по толстой книге. – Впрочем, вы мне не помешаете.

Застежка щелкнула, и книжка открылась.

– Что за книга? – спросил я невольно.

– Библия, сынок. Других книг не держу в доме уже двадцать лет... Мне слушать лучше, чем читать, – глаза ослабли.

Я взял в руки Библию. Иван Степанович улыбнулся. Книга была на французском языке.

– Я не умею по-французски.

– То-то, – сказал Иван Степанович и затрещал страницами. Мы вышли.

– Кто это такой? – спросил я Вилемсона.

– Бухгалтер, бросивший вызов миру. Иван Степанович Бугреев, вступивший в борьбу с цивилизацией⁸. Он – единственный, кто остался в этой глуши с двенадцатого года. Был у бельгийцев главным бухгалтером. Уничтожением заводов был так ошеломлен, что сделался последователем Руссо. Видите, какой патриарх. Ему лет семьдесят, я думаю. Восемь сыновей. Дочерей у него нет. Старуха жена. Внуки. Дети грамотны. Они успели выучиться в школе. Внучат старик учить грамоте не дает. Рыбная ловля, охота, огород какой-то, пчелы и французская Библия в дедовском пересказе – вот их жизнь. Верст за сорок здесь есть поселок, школа, магазин⁹. Я ухаживаю за ним – есть служки, что он хранит подземную карту здешних краев, – осталась от бельгийских разведок. Возможно, что это и правда. Разведки-то были – я сам встречал в тайге чьи-то старые шурфы. Не дает старик карту. Не хочет сократить нам работу. Придется обойтись без нее.

Мы ночевали в избе у старшего сына Ивана Степановича – Андрея. Андрею Бугрееву было лет сорок.

– Что же не пошел шурфовщиком ко мне? – сказал Вилемсон.

– Отец не одобряет, – сказал Андрей Бугреев.

– Заработал бы денег!

Верховья реки Вишеры
(современный вид)

8 Речь идет о большой семье Ширинкиных, жившей на Кутиме. В рассказе фамилия героя изменена, но в очерке «Усть-Улс. Апрель – октябрь 1931» Шаламов дает реальную фамилию. Глава семьи был маркшейдером (горным инженером). Потомки Ширинкиных до сих пор живут на Вишере.

9 Имеется в виду поселок Золотанка. При советской власти здесь жили и работали лесозаготовители. Сегодня поселок умирает, школу закрыли примерно 15 лет назад. В последние 2-3 года поселок получил неожиданное развитие благодаря туризму. Появились несколько новых гостевых домов. Популярное место среди снегодочиков. Поселок расположен вблизи хребта Кваркуш.

– Да денег-то у нас хватает. Здесь ведь зверя богато. Лесозаготовки тоже. Да и по хозяйству работы много – дед ведь на каждого план составляет. Трехлетний, – улыбнулся Андрей.

– Вот, возьми газету.

– Не надо. Отец узнает. Да и читать я почти разучился.

– А сын? Ему ведь пятнадцатый год.

– А Ванюшка и вовсе неграмотен. Отцу скажите, а со мной что говорить. – И Андрей Иванович стал яростно стаскивать сапоги. – А что, верно, здесь школу строить будут?

– Верно. Через год откроют. А ты вот на разведку и работать не хочешь. Мне каждый человек дорог.

– Где все твои-то? – сказал Андрей Иванович, деликатно меняя тему разговора.

– На Красном ключе. По старым шурфам ковыряемся. У Ивана Степановича ведь есть карта, а, Андрей?

– Нет у него никакой карты. Враки это все. Брехня.

На свет вдруг выскочило встревоженное и озлобленное лицо Марьи, Андреевой жены:

– Нет, есть! Есть! Есть!

– Марья!

– Есть! Есть! Я десять лет назад сама видела.

– Марья!

– На черта хранить эту проклятую карту? Зачем Ванюшка неграмотный? Живем как звери. Травой скоро зарастем!

– Не зарастете, – сказал Вилемсон. – Будет поселок. Город будет. Завод будет. Жизнь будет. И хоть певичек венских не будет, зато школы, театры. Ванюшка твой еще станет инженером.

– Не станет, не станет, – заплакала Марья. – Ему уж жениться пора. А кто за него пойдет, за неграмотного?

– Что за шум? – Иван Степанович стоял на пороге. – Ты, Марья, иди к себе – спать пора. Андрей, за женой плохо смотришь. А вы, граждане хорошие, в семью мою ссор не вносите. Карта у меня есть, и я ее не дам, – не нужно все это для жизни.

– Нам не очень нужна ваша карта, – сказал Вилемсон. – Мы за год работы свою вычертим. Богатства открыты. Завтра Васильчиков привезет чертежи, – будем лес валить для поселка.

Иван Степанович вышел, хлопнув дверью. Все заторопились спать.

Я проснулся от присутствия многих людей. Рассвет осторожно входил в комнату. Вилемсон сидел у стены прямо на полу, вытянув грязные босые ноги, и вокруг него громко дышало все семейство Бугреевых, все его восемь сыновей, восемь снох, двадцать внучат и пятнадцать внучек. Впрочем, внучата и внучки дышали где-то на крыльце. Не было только самого Ивана Степановича да его старушки жены – востроносенькой Серафимы Ивановны.

– Так будет? – спрашивал задыхающийся голос Андрея.

– Будет.

– А как же он? – И все Бугреевы глубоко вздохнули и замерли.

– А что он? – спросил Вилемсон твердо.

– Дед умрет, – жалобно выговорил Андрей, и все Бугреевы вздохнули снова.

– Может быть, и не умрет, – неуверенно сказал Вилемсон.

– И бабка умрет. – И снохи заплакали.

– Мать ни в коем случае не умрет, – заверил Вилемсон и добавил: – Впрочем, она женщина пожилая.

Вдруг все зашумели, зашевелились. Внучата помоложе юркнули в кусты, снохи бросились к своим избам. От дедовской избы к нам медленно шел Иван Степанович, держа в обеих руках огромную, грязную, пахнущую землей связку бумаг.

– Вот она, карта. – Иван Степанович держал в руках пергаментные слежавшиеся листы, и пальцы его дрожали. Из-за его могучей спины выглядывала Серафима Ивановна. – Вот – отдаю. Двадцать лет. Сима, прости, Андрей, Петр, Николай, все сродники – простите. – Бугреев заплакал.

– Ну, полно, полно, Иван Степанович, – сказал Вилемсон. – Не волнуйся. Радуйся, а не огорчайся. – И велел мне держаться поближе к Бугрееву. Старик вовсе не думал умирать. Он скоро успокоился, помолодел и болтал с утра до вечера, хватая за плечи меня, Вилемсона, Васильчикова, – все рассказывал о бельгийцах, как что было, где стояло, какие были прибыли у хозяев. Память у старика была хорошая.

В пергаментной, пахнущей землей связке бумаг была подземная карта этого края, составленная бельгийцами. Руды: золото, железо... Драгоценные камни: топаз, бирюза, берилл... Самоцветы: агат, яшма, горный хрусталь, малахит... Не было только тех камней, ради которых и приехал сюда Вилемсон.

Иван Степанович не отдал алмазной карты. Алмазы на Вишере нашли только через тридцать лет*.

1959

Из сборника «Левый берег».

ЭХО В ГОРАХ

В учетном отделе никак не могли подобрать старшего делопроизводителя. Впоследствии, когда дело разрослось, эта должность вместила целый самостоятельный отдел – «группу освобождения». Старший делопроизводитель выдавал документы об освобождении заключенных и был фигурой важной в мире, где вся жизнь нацелена на ту минуту, когда арестант получает документ, дающий ему право не быть арестантом. Старший делопроизводитель сам должен быть из заключенных – так предусмотрено экономной штатной ведомостью. Конечно, можно бы заполнить такую вакантную должность и по партийной путевке или по какой-либо профсоюзной организации, либо уломать армейского командира, уходящего из армии, но время было еще не такое. На службу в лагерь – с какими хочешь полярными окладами – желающих было найти не так-то просто. Служба по вольному найму в лагерях считалась еще делом позорным, и во всем учетном отделе, ведающем всеми делами заключенных, работал только один вольнонаемный – инспектор Паскевич, тихий запойный пьяница. В отделе он бывал мало – большая часть его времени тратилась на фельдьегерские поездки, ибо лагерь был, как полагается, расположен далеко от людских глаз.

И вот старшего делопроизводителя никак не могли найти. То выяснится, что вновь назначенный работник связан с блатным миром и выполняет его таинственные поручения. То окажется, что делопроизводитель освобождает за деньги каких-то южных спекулянтов-валютчиков. То получится, что парень честен и тверд, но растяпа и путаник и освобождает не того, кого нужно.

Высокое начальство искало нужного им человека со всей энергией – ведь как-никак ошибки в деле освобождения считались самым что ни на есть криминалом и могли привести к быстрому окончанию карьеры лагерного ветерана, к «увольнению из войск ОГПУ», а то еще и довести до скамьи подсудимых.

* См. ранний вариант этого рассказа на с.239-242 наст. издания.

Лагерь был тот самый, что год назад назывался 4-м отделением Соловецких лагерей, а теперь был самостоятельным, важным лагерем на Северном Урале.

Только старшего делопроизводителя этому лагерю и не хватало.

И вот с Соловков, с самого острова, прибыл спецконвой. Это большая редкость для Вишеры. Туда некого возить спецконвоем. Лошадиные теплушки – вагоны красного цвета с нарами внутри – или известные пассажирские классные с затянутыми решеткой окнами – так и кажется, что вагон стыдится своих решеток. На юге жители, спасаясь от воров, ставят в окна решетки причудливой формы – как цветы, лучи, – живое воображение южан подсказывает им эти неоскорбительные для глаз прохожего формы решеток, которые все же остаются решетками. Так и классный пассажирский вагон перестает быть обыкновенным вагоном из-за этих железных вуалеток, закрывающих его глаза.

По уральским, по сибирским дальним железным дорогам еще ходили в то время знаменитые «стольпинские» вагоны – кличка, которую тюремные вагоны сохраняют еще много десятков лет, вовсе не будучи стольпинскими.

«Стольпинский» вагон – с двумя маленькими квадратными окнами с одной стороны вагона и несколькими большими – с другой. Эти окошечки, затянутые решетками, вовсе не позволяют видеть снаружи то, что делается внутри, даже если подойти вплотную к окошечку.

Внутри вагон поделен на две части массивными решетками с тяжелыми гремящими дверями, каждая половина вагона имеет свое маленькое окно.

С обеих сторон – отделения для конвоя. И коридор для конвоя.

Спецконвой в «стольпинских» вагонах не ездит. Конвоиры возят одиночек в обыкновенных поездах, заняв одно из крайних купе – все еще было по-семейному, просто – как до революции. Опыт еще не был накоплен.

Прибыл спецконвой с Острова – так называли Соловки тогда, просто Остров, как остров Сахалин, – и сдал невысокого пожилого человека на костылях в обязательном соловецком бушлате шинельного сукна, в такой же шапочке-ушанке – соловчанке.

Человек был спокоен и сед, порывист в движениях, и было видно, что он еще только учится искусству ходить на костылях, что он еще недавно стал инвалидом.

В общем бараке с двойными нарами было тесно и душно, несмотря на раскрытые настежь двери с обоих концов дома. Деревянный пол был посыпан опилками, и дежурный, сидевший при входе, разглядывал в свете семилинейной керосиновой лампы прыгающих в опилках блох. Время от времени, послунивав палец дежурный пускался на поиски стремительных насекомых.

В этом бараке и было отведено место приезжему. Ночной барачный дежурный сделал неопределенный жест рукой, показывая в темный и вонючий угол, где вповалку спали одетые люди и где не было места не только для человека, но и для кошки.

Но приезжий спокойно натянул шапку на уши и, положив свои костыли на длинный обеденный стол, взобрался на спящих людей сверху, лег и закрыл глаза, не делая ни одного движения. Силой собственной тяжести он продавил себе место в других телах, и если его сонные соседи делали движение – тело приезжего немедленно вмещалось в это ничтожное свободное пространство. Нащупав локтем и бедром доски нар, приезжий расслабил мускулы тела и заснул.

На другое утро выяснилось, что приехавший инвалид – тот самый долгожданный старший делопроизводитель, которого так ждет управление лагеря.

В обед его вызвали к начальству, а к вечеру перевели в другой барак – административной obsługi, где проживали все чиновники лагеря из заключенных. Это был барак удивительной, редчайшей конструкции.

Его строили, когда начальником лагеря был бывший моряк, топивший в восемнадцатом году Черноморский флот, когда туда приезжал знаменитый мичман Раскольников.

Моряк сделал сухопутную лагерную карьеру, а постройка барака для obsługi была его выдумкой, его данью своему морскому прошлому. В этом бараке двухэтажные нары были подвесные – на стальных тросах. Висели кучками, по четыре человека, как моряки в кубрике. Для прочности конструкция была связана с одной стороны длинной железной толстой проволокой.

Поэтому все нары качались одновременно при малейшем движении хотя бы одного из жителей этого барака. А так как двигались одновременно несколько человек, то подвесные койки были в непрерывном движении и негромко, но явственно скрипели, скрипели. Качанье и скрип не прекращались ни на минуту в течение суток. Только во время вечерних проверок движущиеся нары останавливались, как уставший маятник, и замолкали.

В этом бараке я и познакомился со Степановым, с Михаилом Степановичем Степановым. Так звали нового старшего делопроизводителя, без всяких «он же», столь распространенных здесь.

Впрочем, на сутки раньше я видел его пакет, привезенный спецконвоем, его личное дело. Это было тоненькое дело в зеленой обложке, начинавшееся обычной анкетой, снабженной двумя закумерованными фотографиями – анфас и в профиль – и с квадратиком дактилоскопического оттиска, похожего на срез миниатюрного деревца. В анкете был указан год его рождения – 1888-й – я хорошо запомнил эти три восьмерки, место последней работы – Москва, НК РКИ... Был членом ВКП(б) с 1917 года. На один из последних вопросов было отвечено: подвергался, был членом партии эсеров с 1905 года... Запись велась, как обычно, казенной рукой, покороче.

Срок – 10 лет – вернее, высшая мера с заменой десятью годами.

Лагерная работа – был в Соловках старшим делопроизводителем более полугода.

Не очень была интересная анкета у нашего Михаила Степановича. В лагере было много колчаковских и анненковских командиров, был командир пресловутой Дикой дивизии, была авантюристка, выдававшая себя за дочь Николая Романова, был знаменитый карманник Карлов, по кличке Подрядчик, и впрямь похожий на подрядчика, лысый, с огромным брюхом и опухшими пальцами – один из ловчайших карманников, артист, которого показывали начальству.

Был Майеровский, взломщик и художник, непрерывно рисующий на чем-либо – на доске, листке бумаги – одно и то же – голых женщин и мужчин, переплетенных между собой всевозможными противоестественными способами общения. Ничего другого Майеровский рисовать не мог. Он был проклятым сыном весьма обеспеченных родителей из научной среды. Для блатных он был чужаком.

Было несколько графов, несколько грузинских князей из свиты Николая II.

Личное дело Степанова было заложено в новую лагерную обложку и поставлено на полки буквы «С».

И я не узнал бы этой удивительной истории, если б не случайный воскресный разговор в служебном кабинете.

Впервые я увидел Степанова без костылей. Удобная палка, давно, очевидно, им заказанная в лагерной столярке, была в его руках. Ручка у палки была больничного типа – она была вогнута, а не горбатилась, как ручка обыкновенной трости.

Я сказал «ого» и поздравил его.

– Поздравляюсь, – сказал Степанов. – У меня ведь все цело. Это – цинга.

Он засучил штанину, и я увидел уходящую вверх лилово-черную полосу кожи. Мы помолчали.

– Михаил Степанович, а за что ты сидишь?

– Да как же? – и он улыбнулся. – Я ведь Антонова-то отпустил...

Семнадцатилетний питерский гимназист Миша Степанов, сын учителя гимназии, перед пятым годом вступил в партию, в которую ему сам бог велел вступить по тогдашней моде среди молодых русских интеллигентов. Освещенная легендарным светом «Народной воли», только что созданная партия эсеров делилась на многочисленные течения и теченьища. Среди этих течений видное место занимали эсеры-максималисты – группа известного террориста Михаила Соколова. Родственные связи привели Мишу Степанова в эту группу, и вскоре он с увлечением вошел в быт подпольной России: в явки, конспиративные квартиры, обучение стрельбе, динамит...

В лабораториях, по обычаю, стояла бутылка с нитроглицерином – на случай ареста, обыска.

На конспиративной квартире семеро боевиков были окружены полицией. Эсеры отстреливались, пока хватило патронов. Отстреливался и Миша Степанов. Их арестовали, судили, повесили всех, кроме несовершеннолетнего Миши. А Михаил получил вместо веревки вечную каторгу и попал неподалеку от родного Питера – в Шлиссельбург.

Каторга – это режим, он меняется в зависимости от обстановки и характера самодержца. «Вечной» каторгой в царское время считалась двадцатилетняя каторга с двумя годами ручных и четырьмя годами ножных кандалов.

В Шлиссельбурге в степановское время применяли и эффективную «новинку» – сковывали каторжников попарно – самый надежный способ поссорить их между собой.

В каком-то рассказе Барбюс показал нам трагедию влюбленных, скованных вместе, они стали люто ненавидеть друг друга...

С каторжниками это делалось давно. Подбор напарников в цепях – это была великолепная выдумка мастеров сих дел; тут тюремное начальство могло острить, как умело – сковывать высокого с низкорослым, сектанта с атеистом, а самое главное, могло сортировать политических «букеты» – сковывать вместе анархиста и эсера, эсдека и чернопеределца.

Чтобы не поссориться с прикованным к тебе человеком, нужна была величайшая выдержка обоих либо слепое преклонение молодого перед старшим и страстное желание старшего передать все лучшее, что есть в его душе, – товарищу.

Подчас человеческая воля, перед которой ставилось новое, сильнейшее испытание, еще более крепла. Закалялся характер, дух.

Так прошли кандалные сроки Михаила Степанова, сроки ношения ручных и ножных кандалов.

Шли обыкновенные каторжные годы – номер, бубновый туз на халате были уже привычными, незаметными.

В это время Михаил Степанович, молодой человек двадцати двух лет, встретился в Шлиссельбурге с Серго Орджоникидзе. Серго был выдающимся пропагандистом, и много дней проговорили они со Степановым в Шлиссельбургской тюрьме. Встреча и дружба с Орджоникидзе сделали Михаила Степанова из эсера-максималиста большевиком-эсдеком.

Он поверил верой Серго в будущее России, в свое будущее. Михаил еще молод, если даже «вечная» будет отбыта день в день, все же он выйдет на волю моложе сорока лет и еще сумеет послужить новому знамени, он будет ждать эти двадцать лет.

Но ждать пришлось гораздо меньше. Февраль семнадцатого года открыл двери царских тюрем, и Степанов очутился на воле гораздо раньше, чем ждал и готовился. Он нашел Орджоникидзе, вступил в партию большевиков, принимал участие в штурме Зимнего, а после Октябрьской революции, кончив военные курсы, ушел на фронт красным командиром и по двигался по военной лестнице от фронта к фронту, все выше и выше.

На Тамбовском, антоновском фронте комбриг Степанов командовал сводным отрядом бронепоездов, и командовал небезуспешно.

«Антоновщина» шла на убыль. Против Красной Армии на Тамбовщине стояли весьма своеобразные части. Жители местных деревень, превращавшиеся внезапно в регулярное войско со своими командирами.

В отличие от многих других банд времен гражданской войны, Антонов следил за моральным состоянием частей и вдохновлял своих солдат через своих политических комиссаров, созданных им по образцу комиссаров Красной Армии.

Сам Антонов давно был осужден революционным трибуналом, приговорен заочно к смерти, объявлен вне закона. По всем частям Красной Армии был разослан приказ Верховного командования, требующий немедленного расстрела Антонова при поимке и опознании, как врага народа.

«Антоновщина» шла на убыль. И вот однажды комбригу Степанову доложили, что операция полка ВЧК увенчалась полным успехом и что Антонов, сам Антонов захвачен.

Степанов велел привести пленника. Антонов вошел и остановился у порога. Свет «летучей мыши», повешенной у двери, падал на угловатое, жесткое и вдохновенное лицо.

Степанов велел конвоиру выйти и ждать за дверью. Потом он подошел к Антонову вплотную – он был чуть не на голову ниже Антонова – и сказал:

– Сашка, это ты?

Они были скованы одной цепью в Шлиссельбурге целый год и ни разу не поссорились.

Степанов обнял связанного пленника, и они поцеловались.

Степанов долго думал, долго ходил по вагону молча, а Антонов печально улыбался, глядя на старого товарища. Степанов рассказал Антонову о приказе – впрочем, это не было новостью для пленника.

– Я не могу тебя расстрелять и не расстреляю, – сказал Степанов, когда решение как будто было найдено. – Я найду способ дать тебе свободу. Но ты дай, в свою очередь, слово – исчезнуть, прекратить борьбу против Советской власти – все равно это движение обречено на гибель. Дай мне слово, твое честное слово.

И Антонов, которому было легче – нравственные муки товарища по каторге он хорошо понимал, – дал это честное слово. И Антонова увели.

Трибунал был назначен на завтра, а ночью Антонов бежал. Трибунал, который должен был лишний раз судить Антонова, судил вместо него начальника караула, который плохо расставил посты и этим дал возможность бежать столь важному преступнику. Членами трибунала были и сам Степанов, и его родной брат. Начальник караула был обвинен и приговорен к году тюрьмы условно – за неправильную расстановку постов.

Как случилось, что Степанов не знал, что Антонов – бывший политкаторжанин? В то недолгое время, что Михаил Степанов пробыл на Тамбовском фронте, он не успел ознакомиться с одной самой важной листовкой Антонова. В этой листовке Антонов писал: «Я – старый народоволец, был на царской каторге много лет. Не чета вашим вождям Ленину и Троцкому, которые кроме ссылки ничего и не видали. Я был закован в кандалы...» – и так далее. С этой листовкой Степанову пришлось познакомиться много позднее.

И тогда казалось, что все кончено и совесть чиста – и перед Антоновым, чью жизнь спас Степанов, и перед Советской властью, ибо Антонов исчезает и «антоновщина» – конец.

Но случилось не так. Антонов и не думал держать своего слова. Он явился, вдохновляя свои «зеленые» войска, и бои вспыхнули с новой силой.

– Вот тогда я и поседел, – говорит Степанов. – Не поспе.

Вскоре общее командование принял Тухачевский, его энергичные действия по ликвидации «антоновщины» увенчались полным успехом – орудийным огнем были сметены наибо-

лее зловредные села. «Антоновщина» шла к концу. Сам Антонов лежал в лазарете в сыпном тифу, и когда лазарет был окружен красноармейскими конниками, брат Антонова застрелил его на больничной койке и застрелился сам. Так умер Александр Антонов¹⁰.

Кончилась гражданская, Степанов демобилизовался и поступил под начало Орджоникидзе, который был тогда народным комиссаром рабоче-крестьянской инспекции. Член партии с 1917 года, Степанов и поступил туда управделами НК РКИ.

Было это в 1924 году. Так он служил там год, два и три года, а к концу третьего года стал замечать что-то вроде слежки за собой – кто-то просматривал его бумаги, переписку.

Много ночей провел Степанов без сна. Вспоминал каждый шаг своей жизни, каждый день своей жизни – все было в ней яснее ясного – кроме той, антоновской истории. Но ведь Антонов-то мертв. С братом своим Степанов не делился ничем, никогда.

Вскоре его вызвали на Лубянку, и следователь крупного чекистского чина спросил нетеропливо: не было ли случая, чтобы Степанов, будучи командиром Красной Армии, в военной обстановке отпустил на свободу захваченного в плен Александра Антонова?

И Степанов рассказал правду. Тогда раскрылись все тайны.

Оказывается, той тамбовской летней ночью Антонов бежал не один. Он и захвачен был вместе с одним из своих офицеров. Тот, после смерти Антонова, бежал на Дальний Восток, перешел границу к атаману Семенову и несколько раз приходил оттуда как диверсант, и был захвачен, и сидел на Лубянке, и «пошел в сознание». И, строя в одиночной камере свою подробную исповедь, он упомянул, что в таком-то году он был захвачен в плен красными вместе с Антоновым и в ту же ночь бежал. Антонов ему ничего не говорил, но он, как военный специалист, как царский офицер, думает, что здесь имело место предательство со стороны красного командования. Эти несколько строк из летописи сумбурной и беспорядочной жизни были взяты на проверку. Найден был протокол трибунала, где начальник караула Грешнев получил свой год условно за неправильную расстановку постов.

Где теперь Грешнев? Взались за архивы армейские – давно демобилизован, живет на родине, крестьянствует. У него – жена, трое маленьких детей в деревушке под Кременчугом. Грешнева внезапно арестовывают и везут в Москву.

Если бы Грешнева арестовали во время гражданской войны, он, может быть, и на смерть пошел бы, но не выдал своего командира. Но время идет, что ему война и его командир – Степанов? У него трое детей мал мала меньше, молодая жена, жизнь впереди. Грешнев рассказал, что он выполнил просьбу Степанова, да не просьбу, а личный приказ – что, дескать, побег нужен для пользы дела и что командир обещает, что Грешнева не засудят.

Оставляют Грешнева и берутся за Степанова. Его судят, приговаривают к расстрелу, заменяют десятью годами лагеря, везут на Соловки...

В 1933 году летом я шел по Страстной площади. Пушкин еще не перешагнул площадь и стоял в конце или, вернее, в начале Тверского бульвара – там, где его поставил Опекушин, понимавший, что за штука архитектурное согласие камня, металла и неба. Кто-то сзади ткнул меня палкой. Я оглянулся – Степанов! Он уже давно освободился, работал начальником аэропорта. Трость была все та же.

– Ты все еще хромаешь?

– Да. Последствия цинги. По-медицинскому это называется контрактурой.

1959

Из сборника «Артист лопаты»

---

10 Легенда. Антонов был застрелен при попытке бегства. См. примеч. 73 к главе «Степанов» «Вишерского антиромана».

МАГИЯ

В стекло стучала палка, и я узнал ее. Это был стек начальника отделения.

– Сейчас иду, – заорал я в окно, надел брюки и застегнул ворот гимнастерки. В ту же самую минуту на пороге комнаты возник курьер начальника Мишка и громким голосом произнес обычную формулу, которой начинался каждый мой рабочий день:

– К начальнику!

– В кабинет?

– На вахту!

Но я уже выходил.

Легко мне работалось с этим начальником. Он не был жесток с заключенными, умен, и хотя все высокие материи неизменно переводил на свой грубый язык, но понимал, что к чему.

Правда, тогда была в моде «перековка», и начальник просто хотел в незнакомом русле держаться верного фарватера. Может быть. Может быть. Тогда я не думал об этом.

Я знал, что у начальника – Стуков была его фамилия – было много столкновений с высшим начальством, много ему «шили» дел в лагере, но ни подробности, ни сути этих не кончившихся ничем дел, не начатых, а прекращенных следствий я не знаю.

Меня Стуков любил за то, что я не брал взятки, не любил пьяных. Почему-то Стуков ненавидел пьяных... Еще любил за смелость, наверное.

Стуков был человек пожилой, одинокий. Очень любил всякие новости техники, науки, и рассказы о Бруклинском мосте приводили его в восторг. Но я не умел рассказывать ничего, что было бы похоже на Бруклинский мост.

Зато это Стукову рассказывал Миллер, Павел Петрович Миллер, инженер-шахтинец.

Миллер был любимцем Стукова, жадного слушателя всяких научных новостей.

Я догнал Стукова у вахты.

– Спишь все.

– Я не сплю.

– А что этап пришел из Москвы – знаешь? Через Пермь. Я и говорю – спишь. Бери своих и будем отбирать людей.

Наше отделение стояло на самом краю вольного мира, на конце железнодорожного пути – дальше следовали многодневные пешие этапы тайгой, – и Стукову было дано право оставлять требуемых людей самому.

Это была магия изумительная, фокусы из области прикладной психологии, что ли, фокусы, которые показывал Стуков, начальник, состарившийся на работе в местах заключения. Стукову нужны были зрители, и только я, наверное, мог оценить его удивительный талант, способности, которые долгое время казались мне сверхъестественными, до той минуты, пока я почувствовал, что и сам обладаю этой же магической силой.

Высшее начальство разрешило оставить в отделении пятьдесят плотников. Перед начальником выстраивался этап, но не по одному в ряд, а по три и по четыре.

Стуков медленно шел вдоль этапа, похлопывая стеком по своим неначищенным сапогам. Рука Стукова время от времени поднималась.

– Выходи ты, ты. И ты. Нет, не ты. Вон – ты...

– Сколько вышло?

– Сорок два.

– Ну вот, еще восемь.

– Ты... Ты... Ты.

Все мы переписывали фамилии и отбирали личные дела.

Все пятьдесят умели обращаться с топором и пилой.

– Тридцать слесарей!

Стуков шел вдоль этапа, чуть хмурясь.

– Выходи ты... Ты... Ты... А ты – назад. Из блатных, что ли?

– Из блатных, гражданин начальник.

Без единой ошибки выбирались тридцать слесарей.

Надо было десять канцеляристов.

– Можешь отобрать на глаз?

– Нет.

– Тогда пойдем.

– Выходи ты... Ты... Ты... Вышло шесть человек.

– Больше на этом этапе счетоводов нет, – сказал Стуков.

Проверил по делам, и верно: больше нет. Подобрали канцеляристов из следующих этапов.

Это была любимая игра Стукова, ошеломлявшая меня. Сам Стуков радовался как ребенок своей магической способности и мучился, если терял уверенность. Он не ошибался, просто терял уверенность, и мы прекращали прием людей.

Я всякий раз с удовольствием смотрел на эту игру, ничего общего не имеющую ни с жестокостью, ни с чужой кровью.

Поражался знанию людей. Поражался той извечной связи между душой и телом.

Столько раз я видел эти фокусы, эти демонстрации таинственной силы начальника. За ними не стояло ничего, кроме многолетнего опыта работы с заключенными. Одежда арестанта сглаживает различия, и это только облегчает задачу – прочесть профессию человека по его лицу, рукам.

– Сегодня кого будем отбирать, гражданин начальник?

– Двадцать плотников. Да вот получил телефонограмму из управления – отобрать всех, кто раньше работал в органах, – Стуков усмехнулся, – и имеет бытовые или служебные статьи. Снова, значит, сядут за следовательский стол. Ну, что ты об этом думаешь?

– Ничего я не думаю. Приказ и приказ.

– А ты понял, как я плотников отбирал?

– Пожалуй...

– Я просто крестьян отбираю, крестьян. Всякий крестьянин плотник. И добросовестных работников тоже ишу из крестьян. И не ошибаюсь. А уж как мне по глазам работников органов узнать – не скажу. Бегают, что ли, у них глаза? Говори.

– Я не знаю.

– И я не знаю. Ну, может быть, под старость научусь. Еще до пенсии.

Этап был выстроен, как всегда, вдоль вагонов. Стуков произнес свою обыкновенную речь о работе, зачетах, протянул руку и прошел раза два вдоль вагонов.

– Мне нужны плотники. Двадцать человек. Но отбирать буду я сам, не шевелиться.

– Выходи ты... ты... ты. Вот и все. Отбирайте дела.

Пальцы начальника нащупали какую-то бумажку в кармане френча.

– Не расходишь. Есть еще дело.

Стуков поднял руку с бумажкой: – Есть среди вас работники органов?

Две тысячи арестантов молчали.

– Есть, спрашиваю, среди вас те, кто раньше работал в органах? В органах!

Из задних рядов, расталкивая пальцами соседей, энергично продирался худощавый человек, действительно с бегающими глазами.

– Я работал осведомителем, гражданин начальник.

– Пошел прочь! – с презрением и удовольствием сказал Стуков.

1964

Из сборника «Левый берег»

ПЕРВЫЙ ЗУБ

Арестантский этап был тот самый, о котором я мечтал долгие свои мальчишеские годы. Почернелые лица и голубые рты, обожженные уральским апрельским солнцем. Гиганты конвоиры вскакивают на ходу в розвальни, розвальни взлетают; рубленая рана через все лицо у одноглазого конвоира – передового, яркие синие глаза у начальника конвоя – с половины первого дня этапа мы уже знали его фамилию – Щербаков. Арестанты – а нас было около двухсот человек – уже знали фамилию начальника. Почти чудесным образом, недоступным, непонятным для меня. Арестанты произносили эту фамилию обыденно, как будто путешествие наше с Щербаковым длится вечно. И он вошел в нашу жизнь навек. Да так оно и было – для многих из нас. Гибкая огромная фигура Щербакова мелькала тут и там, то забегала вперед, он встречал и провожал глазами последнюю телегу этапа и только потом пускался вдогонку, в обгонку. Да, у нас были телеги, классические телеги, на которых сибирские чалдоны везли вещи, – этап шел в свой пятидневный путь арестантским строем, без вещей, напоминая на остановках и поверках нестройные ряды призывников где-нибудь на вокзале. Но все вокзалы надолго остались в стороне от наших жизненных путей. Было утро, бодрящее апрельское утро, сумерки, редяющая полутьмнота монастырского двора, где строился, зевая и кашляя, наш этап для того, чтобы пуститься в дальнюю дорогу.

В подвале соликамской милиции, в бывшем монастыре, мы провели ночь после смены заботливого и немногословного московского конвоя на ораву кричащих загорелых молодцов под командой синеглазого Щербакова. Вчера вечером мы вливались в холодный настывший подвал – вокруг церкви был лед, снег, чуть таявший днем, а вечером замерзавший – синие, серые сутробы покрывали весь двор, и чтобы добраться до сути снега, до его белизны – надо было сломать жесткую, режущую руки корку льда, разрыть ямку и только тогда вытащить из ямки крупнозернистый, рассыпающийся снег, который так радостно таял во рту и, обжигая пресной, чуть охлаждал пересохшие рты.

Я входил в подвал одним из первых, мог выбрать место потеплее. Огромные ледяные своды пугали меня, и я – неопытный юнец – искал глазами подобие печки, хотя бы такой, как у Фигнер, у Морозова. И ничего не находил. Но мой случайный товарищ, товарищ только на эту краткую минуту входа в тюремный, церковный подвал – невысокий блатарь Гусев, толкнул меня к самой стене, к единственному окну, закрытому решетками, с двойным стеклом. Окно было полукруглым и начиналось от самого пола этого подвала, с метр высотой, и было похоже на бойницу. Я было хотел выбрать другое место потеплей, но толпа людей лилась и лилась в узкую дверь, и вернуться назад не было никакой возможности. Гусев столь же спокойно, не говоря мне ни слова, ударил носком сапога в стекло, разбив сначала первую, а потом и вторую раму. В пробитое отверстие хлынул холодный воздух, обжигая как кипяток. Охва-

ченный струей этого воздуха, я, и без того намерзший долгим ожиданием и нескончаемым пересчетом на дворе, задрожал от холода. Не сразу я понял всю мудрость Гусева – только мы из двухсот арестантов всю эту ночь дышали свежим воздухом. Люди были набиты, биты в подвал так, что нельзя было ни сесть, ни лечь, только стоять.

До половины стен подвал был в белом пару дыхания, нечистом, душном. Начались обмороки. Задышавшиеся старались пробиться к двери, в которой была щель и был «волчок», глазок, пробовали дышать через этот глазок. Но стоявший снаружи часовой-конвоир время от времени тыкал штыком своей винтовки в глазок, и попытки вдохнуть свежий воздух через тюремный глазок были прекращены. Никаких фельдшеров, врачей к упавшим в обморок, ясное дело, не вызывали. Только мы с Гусевым продержались благополучно у разбитого мудрым Гусевым стекла. Строились долго... Мы выходили последними, туман рассеялся, и открылся потолок, сводчатый потолок, тюремное и церковное небо было совсем близко – рукой подать. И на сводах подвала соликамской милиции я нашел письма, сделанные простым углем огромными буквами по всему потолку: «Товарищи! В этой могиле мы умирали трое суток и все же не умерли. Крепитесь, товарищи!»

Под крики команды этап выполз за околицу Соликамска и двинулся в низину. Небо было синее-синее, как глаза начальника конвоя. Солнце жгло, ветер охлаждал наши лица – они стали коричневыми к первой же ночевке в пути. Ночевка этапа, подготовленная заранее, проходила всегда по установленной форме. Для арестантской ночевки у крестьян снимались две избы – одна почище, другая победнее – нечто вроде сарая, да иногда и сарай. Надо было попасть в «чистую», конечно. Но это не зависело от моей воли: каждый вечер в сумерках всех пропускали мимо начальника конвоя, который взмахом руки показывал, где очередной арестант должен провести очередную ночь. Тогда Щербаков показался мне мудрейшим из мудрых, потому что он не рылся в каких-нибудь бумагах, списках, отыскивая «постатейные данные», а в тот же момент, как этап переставал двигаться, взмахивал рукой и отсекал очередного этапника. Позже я подумал, что Щербаков человек наблюдательный – всякий раз его выбор, сделанный каким-то непостижимым уму способом, – оказывался верным – вся «пятьдесят восьмая» была вместе, а «тридцать пятая» – также. Еще позже, через один-два года, я подумал, что в тогдашней мудрости Щербакова никакого чуда нет: навык угадывать по внешнему виду – доступен всем. В нашем этапе дополнительными признаками могли бы быть вещи, чемоданы. Но вещи везли отдельно, на подводах, на розвальнях крестьян.

На первой же ночевке и случилось событие, ради которого ведется этот рассказ. Двести человек стояли, ожидая прихода начальника конвоя, а в левой стороне слышались какие-то крики, возня, пыхтенье людей, рев, ругань и наконец явственный крик: «Драконы! Драконы!» Перед арестантским строем выкинули на снег человека. Лицо его было разбито в кровь, нахлобученная на его голову чужой рукой шапка-папаха торчала и не могла прикрыть узкой, сочащейся кровью, раны. Человек был одет в коричневую ткань домашней работы – какой-нибудь украинец, хохол. Я знал его. Это был Петр Заяц, сектант. Его везли из Москвы в одном вагоне со мной. Он все молился, молился.

– Не хочет стоять на проверке! – доложил, задыхаясь, разгоряченный возней конвоир.

– Поставить его, – скомандовал начальник конвоя.

Зайца поставили, поддерживая под руки, двое огромных конвоиров. Но Заяц был выше их на голову, крупнее, тяжелей.

– Не хочешь стоять, не хочешь?

Щербаков ударил Зайца кулаком в лицо, и Заяц сплонул на снег.

И вдруг я почувствовал, как сердцу стало обжигать горячо. Я вдруг понял, что все, вся моя жизнь решится сейчас. И если я не сделаю чего, а чего именно, я не могла и сам, то, значит, я зря приехал с этим этапом, зря прожил свои двадцать лет.

Обжигающий стыд за собственную трусость отхлынул с моих щек – я почувствовал, как щеки стали холодными, а тело – легким.

Я вышел из строя и срывающимся голосом сказал:

– Не смейте бить человека.

Щербаков с великим удивлением разглядывал меня.

– Иди в строй.

Я вернулся в строй. Щербаков отдал команду, и этап, делясь на две избы, повинувшись движению щербаковского пальца, – стал таять в темноте. Перст Щербакова указал мне на «черную» избу.

На сырой, прошлогодней, пахнущей гнилью соломе укладывались мы спать. Солома была насыпана на голую гладкую землю. Ложились вповалку, чтоб было теплее, и только блатари, устроившись около фонаря, висевшего на балке, играли в вечную свою «буру» или «стос». Но вскоре и блатари заснули. Заснул и я, размышляя о своем поступке. У меня не было старшего товарища, не было примера. Я был один в этом этапе, у меня не было ни друзей, ни товарищей. Сон мой был прерван. В лицо мне светил фонарь, и кто-то из моих разбуженных соседей-блатарей уверенно и подобострастно повторял:

– Он, он...

Фонарь держал в руках конвойный.

– Выходи.

– Сейчас оденусь.

– Выходи так.

Я вышел. Нервная дрожь била меня, и я не понимал, что должно сейчас произойти.

Я и два конвоира вышли на крыльцо.

– Снимай белье!

Я снял.

– Вставай в снег.

Я встал. Я поглядел на крыльцо и увидел две наведенные на меня винтовки. Сколько прошло времени этой уральской ночью, первой моей уральской ночью – я не помню.

Я услышал команду:

– Одевайся.

Я натянул на себя белье. Удар по уху сбил меня в снег. Удар тяжелого каблука пришелся прямо в зубы, и рот наполнился теплой кровью и быстро стал отекать.

– В барак!

Я вошел в барак, добрался до своего места, уже занятого другим телом места. Все спали или делали вид, что спали... Солоноватый вкус крови не проходил – во рту было что-то постороннее, что-то ненужное, и я ухватил пальцами это ненужное и с усилием вырвал из собственного рта. Это был выбитый зуб. Я бросил его там, на прелой соломе, на голом земляном полу.

Я обнял руками грязные и вонючие тела товарищей и заснул. Заснул. Я даже не простудился.

Утром этап вышел в путь, и синие невозмутимые глаза Щербакова обвели арестантские ряды привычным взглядом. Петр Заяц стоял в рядах, его не били, да и он не кричал ничего насчет драконов. Блатари посматривали на меня недружелюбно и с опаской – в лагере каждый учится отвечать сам за себя.

Еще двое суток дороги – и мы подошли к управлению – новому бревенчатому домику на берегу реки.

Принимать этап вышел комендант Нестеров – начальник с волосатыми кулаками. Многие из блатарей, шагавшие рядом со мной, этого Нестерова знали, очень хвалили.

– Вот приведут беглецов. Нестеров выходит: «А-а, молодцы, явились. Ну, выбирайте: плеска или в изолятор». А изолятор там с железными полами, больше трех месяцев не выдерживают люди, да следствие, да срок дополнительный. «Плеска, Иван Васильевич». Развертывается – и с ног! Еще раз развертывается – и снова с ног. Мастер был. «Иди в барак». И все. И следствию конец. Хороший начальник.

Нестеров обошел ряды, внимательно оглядывая лица.

– Жалоб на конвой нет?

– Нет, нет, – ответил нестройный хор голосов.

– А ты, – волосатый перст дотронулся до моей груди. – Ты почему неразборчиво отвечаешь? Хрипишь что-то.

– У него зубы болят, – ответили мои соседи.

– Нет, – ответил я, стараясь заставить свой разбитый рот выговаривать слова как можно тверже. – Жалоб на конвой нет.

– Рассказ неплохой, – сказал я Сазонову. – Литературно грамотный. Только ведь не напечатают его. И конец какой-то аморфный.

– У меня есть другой конец, – сказал Сазонов. – Через год я был большим начальником в лагере. Тогда ведь «перековка» была, и Щербакову выходило место младшего оперуполномоченного в том отделении, где я работал. Там от меня многое зависело, и Щербаков боялся, что я запомнил эту историю с зубом. Щербаков этот случай тоже не забыл. У него была большая семья, место было выгодное, заметное, и он, человек простодушный и прямой, явился ко мне, чтобы узнать, не буду ли я возражать против его назначения. Пришел с бутылкой, мириться по русскому обычаю, но я пить с ним не стал и уверил Щербакова, что я ничего плохого ему не сделаю.

Щербаков обрадовался, долго извинялся, топтался у двери моей, все задевая каблучком за коврик, и не мог окончить разговор.

– Дорога ведь, этап, понимаешь. С нами беглецы были.

– Этот конец тоже не годится, – сказал я Сазонову.

– Тогда у меня есть еще один.

Перед тем как получить назначение на работу в то отделение, где мы встретились снова с Щербаковым, я встретил на улице в лагерьном поселке санитаря Петра Зайца. Молодой черноволосый, чернобровый гигант исчез. Вместо него был хромой, седой старик, кашляющий кровью. Меня он даже не узнал, а когда я взял его за руку и назвал его по фамилии, вырвался и пошел своей дорогой. И по глазам его было видно, что Заяц думает о чем-то своем, мне недоступном, где мое появление или не нужно, или оскорбительно для хозяина, беседующего с менее земными людьми.

– И этот вариант не годится, – сказал я.

– Тогда я оставляю первый. Если и нельзя напечатать – легче, когда напишешь. Напишешь – и можно забывать...

ПРОТЕЗЫ

Лагерный изолятор был старый-старый. Казалось, толкни деревянную стенку карцера – и стена упадет, рассыплется изолятор, раскатятся бревна. Но изолятор не падал, и семь одиночных карцеров верно служили. Конечно, любое слово, сказанное громко, слышали бы соседи. Но те, кто сидели в карцере, боялись наказания. Дежурный надзиратель ставил на камере мелом крест – и камера лишалась горячей пищи. Ставил два креста – лишалась и хлеба. Это был карцер по лагерным преступлениям; всех подозреваемых в чем-то более опасном – увозили в управление.

Сейчас впервые внезапно были арестованы все начальники лагерных учреждений из заключенных – все заведующие. Kleилось какое-то крупное дело, готовился какой-то лагерный процесс. По чьей-то команде.

И вот все мы, шестеро, стояли в тесном коридоре изолятора, окруженные конвоирами, чувствуя и понимая только одно: что нас опять зацепили зубья той же машины, что и несколько лет назад, что причину мы узнаем лишь завтра, не раньше...

Всех раздевали до белья и заводили каждого в отдельный карцер. Кладовщик записывал принятые на хранение вещи, заталкивал в мешки, привязывал бирки, писал. Следовательно, я знал его фамилию – Песнякевич – управлял «операцией».

Первый был на костылях. Он сел на скамейку возле фонаря, положил костыли на пол и стал раздеваться. Стальной корсет обнажился.

– Снимать?

– Конечно.

Человек стал развязывать веревки корсета, и следовательно Песнякевич нагнулся помочь.

– Уличаешь, старый приятель? – по-блатному сказал человек, вкладывая в слово «уличаешь» блатной, неоскорбительный смысл.

– Узнаю, Плеве.

Человек в корсете был Плеве, заведующий портновской мастерской лагеря. Это было важное место с двадцатью мастерами, работавшими на заказ и на вольный заказ по разрешению начальства.

Голый человек свернулся на скамейке. Стальной корсет лежал на полу – шла запись в протоколе отобранных вещей.

– Как записывать эту штуку? – спросил кладовщик изолятора у Плеве, толкая носком сапога корсет.

– Стальной протез – корсет, – ответил голый человек.

Следователь Песнякевич отошел куда-то в сторону, и я спросил у Плеве:

– Ты правда знал этого легаша по воле?

– А как же! – сказал Плеве жестко. – Его мать в Минске бордель держала, а я туда ходил.

Еще при Николае Кровавом.

Из глубины коридора вышел Песнякевич и четыре конвоира. Конвоиры взяли Плеве за ноги и под руки и внесли в карцер. Замок щелкнул.

Следующим был заведующий конбазой Караваев. Бывший буденновец, в гражданскую он потерял руку. Караваев постучал железом протеза о стол дежурного:

– Вы, суки.

– Снимай свое железо. Сдавай руку.

Караваев взмахнул отвязанным протезом, но на конноармейца навалились конвоиры и втолкнули его в карцер. Витиеватый мат донесся к нам.

– Слушай, ты, Ручкин, – заговорил заведующий изолятором, – за шум – лишаем горячей пищи.

– Иди ты со своей горячей пищей.

Заведующий изолятором вынул из кармана кусок мела и поставил на карцере Караваева крест.

– Ну, кто же распишется, что сдал руку?

– Да никто не распишется. Поставь какую-нибудь птичку, – скомандовал Песнякевич.

Была очередь врача, доктора нашего Житкова. Глухой старик, он сдал ушной слуховой рожок. Следующим был полковник Панин, заведующий столярной мастерской. У полковника оторвало ногу снарядом где-то в Восточной Пруссии на германской. Столяр он был превосходный и рассказывал мне, что у дворян детей всегда обучали какому-нибудь ремеслу, ручному ремеслу. Старик Панин отстегнул протез и ускакал на одной ноге в свой карцер.

Нас осталось двое – Шор, Гриша Шор, старший бригадир, и я.

– Смотри, как ловко идет, – сказал Гриша, им овладевала нервная веселость ареста, – тот ногу, этот руку. А я вот сдам – глаз. – И Гриша ловко вынул свой правый фарфоровый глаз и показал мне его на ладони.

– Да разве у тебя искусственный глаз? – удивленно сказал я. – Никогда не замечал.

– Плохо замечалась. Да и глаз хорошо подобрался, удачно.

Пока записывали Гришин глаз, заведующий изолятором развеселился и хихикал неудержимо.

– Тот, значит, руку, тот ногу, тот ухо, тот спину, а этот – глаз. Все части тела соберем. А ты чего? – Он внимательно оглядел меня голого. – Ты что сдашь? Душу сдашь?

– Нет, – сказал я. – Душу я не сдам.

1965

Из сборника «Артист лопаты»

У СТРЕМЕНИ¹¹

Человек был стар, длиннорук, силен. В молодости он пережил травму душевную, был осужден как вредитель на десять лет и был привезен на Северный Урал на строительство Вишерского бумажного комбината. Здесь оказалось, что страна нуждается в его инженерных знаниях, – его послали не землю копать, а руководить строительством. Он руководил одним из трех участков строительства наравне с другими арестантами-инженерами – Мордухай-Болтовским и Будзко. Петр Петрович Будзко не был вредителем. Это был пьяница, осужденный по сто девятой статье. Но для начальства бытовик был еще удобней, а для товарищей Будзко выглядел как заправская пятидесят восьмая, пункт семь. Инженер хотел попасть на Кольму. Берзиц, директор Ввхшмиза, сдавал дела, уезжал на золото и набирал своих. На Кольме же

¹¹ Общую характеристику рассказа см. в предисловии. Название «У стремени» восходит к старинному фразеологизму «у государева стремени», и в этом смысле является саркастически-памфлетным. Шаламов, несомненно, знал этимологию этого фразеологизма, связанную со «стремяными стрельцами», составлявшими охрану российских царей. С этой темой связано его стихотворение «Утро стрелецкой казни», написанное на Кольме в 1950 г. по мотивам известной картины В. Сурикова. Нельзя не отметить, что стихотворение, содержащее прямые аллюзии на сталинскую эпоху, наполнено глубоким сочувствием к казненным Петром I стрельцам (читай: к казненным Сталиным).

ожидались кисельные берега и чуть не немедленное досрочное освобождение. Покровский подавал заявление и не понимал, почему Будзко берут, а его нет, и, мучаясь в неизвестности, решил добиться приема у самого Берзина.

Через тридцать пять лет я записал рассказ Покровского¹².

Этот рассказ, этот тон Покровский пронес через всю свою жизнь большого русского инженера.

– Наш начальник был большой демократ.

– Демократ?

– Да, знаете, как трудно попасть к большому начальнику. Директору треста, секретарю обкома? Записи у секретаря. Зачем? Почему? Куда? Кто ты таков?

А тут ты бесправный человек, арестант, и вдруг так просто видеть такое высокое, да еще военное начальство. Да еще с такой биографией – дело Локкарта, работа с Дзержинским. Чудеса.

– К генерал-губернатору?

– Вот именно. Могу вам сказать, не таясь, не стыдясь, – я сам кое-что сделал для России. И в своем деле я известен по всему миру, думаю. Моя специальность – водоснабжение. Фамилия – Покровский, слышали?

– Нет, не слышал.

– Ну, можно только смеяться. Чеховский сюжет – или, как теперь говорят, модель. Чеховская модель из рассказа «Пассажир первого класса». Ну, забудем, кто вы и кто я. Начал я свою инженерную карьеру с ареста, с тюрьмы, с обвинения и приговора на десять лет лагерей за вредительство.

Я проходил по второй полосе вредительских процессов: первую, шахтинцев, мы еще клеймили, осуждали. Нам досталась вторая очередь – тридцатый год. В лагеря я попал весной тридцать первого года. Что такое шахтинцы? Чепуха. Отработка эталонов, подготовка населения и кадров своих к кое-каким новинкам, которые стали ясны в тридцать седьмом. Но тогда, в тридцатом году, десять лет был срок оглушительный. Срок – за что? Бесправие оглушительно. Вот я уже на Вишере, строю что-то, возвожу. И могу попасть на прием к самому главному начальнику.

У Берзина не было приемных дней. Каждый день ему подавали лошадь к конторе – обычно верховую, а иногда коляску. И пока начальник садился в седло – принимал любых посетителей из заключенных. Десять человек в день, без бюрократизма, – хоть блатарь, хоть сектант, хоть русский интеллигент. Впрочем, ни блатаря, ни сектанты с просьбами к Берзину не обращались. Живая очередь. Первый день я пришел, опоздал – был одиннадцатый, и, когда десять человек прошли, Берзин тронул коня и поскакал на строительство.

Я хотел обратиться к нему на работе, – товарищи отсоветовали, как бы не испортить дела. Порядок есть порядок. Десять человек в день, пока начальник садится в седло. На другой день я пришел пораньше и дождался. Я попросил взять меня с собой на Колыму.

Разговор этот помню, каждое слово.

– А ты кто? – Берзин отвел в сторону лошадиную морду рукой, чтобы лучше расслышать.

– Инженер Покровский, гражданин начальник. Работаю начальником участка на Виш-химзе. Главный корпус строю, гражданин начальник.

– А что тебе надо?

– Возьмите меня с собой на Колыму, гражданин начальник.

– А какой у тебя срок?

– Десять лет, гражданин начальник.

– Десять? Не возьму. Если бы у тебя было три или там пять – это другое дело. А десять? Значит, что-то есть. Что-то есть.

¹² С инженером В.П. Покровским Шаламов встретился в Москве, очевидно, в 1965–1966 г. См. Приложение 3.

– Я клянусь, гражданин начальник...

– Ну, ладно. Я запишу в книгу. Как твоя фамилия? Покровский. Запишу. Тебе ответят.

Берзин тронул коня. На Колыму меня не взяли. Я получил досрочное на этом же строительстве и выплыл в большое море. Работал везде. Но лучше, чем на Вишере, чем при Берзине, мне нигде не работалось. Единственная стройка, где все делалось в срок, а если не в срок, Берзин командует, и все является как из-под земли. Инженеры (заключенные, подумать только!) получали право задерживать людей на работе, чтобы перевыполнять норму. Все мы получали премии, на досрочное нас представляли. Зачетов рабочих дней тогда не было.

И начальство нам говорило: работайте от души, а кто будет работать плохо – отправят. На Север. И показывали рукой вверх по течению Вишеры. А что такое Север, я и не знаю.

.....

Я знал Берзина. По Вишере. На Колыме, где Берзин умер, я не видал его – поздно меня на Колыму привезли.

.....

Генерал Гровс относился с полным презрением к ученым «манхэттенского проекта». И не стеснялся высказывать это презрение. Одно досье Роберта Оппенгеймера чего стоило. В мемуарах Гровс объясняет свое желание получить генеральский чин раньше назначения начальником «манхэттенского проекта»: «Мне часто приходилось наблюдать, что символы власти и ранги действуют на ученых сильнее, чем на военных»¹³.

Берзин относился с полным презрением к инженерам. Все эти вредители – Мордунхай-Болтовский, Покровский, Будзко. Заклученные инженеры, строившие Вишерский комбинат. Выполним к сроку! Молния! План! Эти люди не вызывали у начальника ничего, кроме презрения. На удивление, на философское удивление бездонностью, безграничностью унижения человека, распадом человека у Берзина просто не хватало времени. Сила, которая сделала его начальником, знала людей лучше, чем он сам.

Герои первых вредительских процессов – инженеры Бояршинов, Иноземцев, Долгов, Миллер, Финдикаки – бойко работали за пайку, за смутную надежду быть представленными к досрочному освобождению.

Зачетов тогда еще не было, но уже было ясно, что необходима какая-то желудочная шкала для легкого управления человеческой совестью.

Берзин принял строительство Вишерского комбината в 1928 году. Уехал с Вишеры на Колыму в конце 1931 года.

Я, пробывший на Вишере с апреля 1929 года до октября 1931 года, застал и видел только берзинское.

13 Шаламов цитирует мемуары американского генерала Лесли Гровса «Теперь об этом можно рассказать» (М. Атомиздат, 1964. Пер. с англ.), посвященные его деятельности по руководству «Манхэттенским проектом» – созданию атомной бомбы. Приведенная цитата, кроме прочего, характеризует необычайно властную личность Гровса и его жестокие, «гестаповские» методы руководства. Данный аспект подчеркивает основную философскую проблематику рассказа – поведение человека в условиях сверхжесткой системы власти. Однако, проецируя эту проблему на личность Э.П. Берзина, Шаламов оказывается в плену своих полемических пристрастий – стремления во что бы то ни стало опровергнуть рассудительные аргументы инженера Покровского и развеять «легенду» о Берзине. Нельзя не обратить внимания на искусственный рефрен: «Гровс относился с полным презрением к ученым» – «Берзин относился с полным презрением к инженерам» (в последнем случае большая натяжка, не соответствующая реальным фактам).

Личным пилотом Берзина (на гидроплане) был заключенный Володя Гинце – московский летчик, осужденный за вредительство в авиации на три года. Близость к начальнику давала Гинце надежду на досрочное освобождение, и Берзин при своем презрении к людям это хорошо понимал.

В своих поездках Берзин всегда спал где придется – у начальства, разумеется, не стремясь обеспечить себя какой-то охраной. Его опыт подсказывал, что в русском народе любой заговор будет выдан, продан, добровольные доносчики сообщат даже о тени заговора – все равно. Доносчики эти – обычно коммунисты бывшие, вредители, или родовитые интеллигенты, или потомственные блатари. Донесут, не беспокойтесь. Спите спокойно, гражданин начальник. Эту сторону лагерной жизни Берзин понимал хорошо, спокойно спал, спокойно ездил и летал и был убит, когда пришло время, своим же начальством.

Тот самый Север, которым пугали молодого Покровского, существовал, еще как существовал. Север только набирал силу, темп. Север – управление его было в Усть-Улсе. при впадении речки Улса в Вишеру, – там теперь нашли алмазы. Берзин тоже их искал, но не нашел. На Севере велись лесозаготовки – самая тяжелая работа для арестанта на Вишере. Колымские разрезы, кайло колымских каменоломен, работа на шестидесятиградусном морозе – все это было впереди. Вишера сделала немало, чтобы могла быть Колыма. Вишера – это двадцатые годы, конец двадцатых годов.

На Севере, на его участках лесных Пеле и Мыке, Вае и Ветрянке, заключенные при переезде (заключенные ведь не ходят, их «гоняют», это официальный словарь) требовали связать руки за спиной, чтоб конвой не мог в дороге убить «при попытке к бегству». «Свяжите руки, тогда пойду. Составьте акт». Те, кто не догадался умолить начальство связать себе руки, подвергались смертельной опасности. «Убитых при попытке к бегству» было очень много.

В одном из лагерных отделений блатари отнимали каждую посылку фраеров. Начальник не выдержал и застрелил трех блатарей. И выставил трупы в гробах на вахте. Трупы стояли три дня и три ночи. Кражи были прекращены, начальник снят с работы, переведен куда-то.

Аресты, провокационные дела, внутрелагерные допросы, следствия кипели в лагере. Огромная по штату третья часть набиралась из осужденных чекистов, проштрафившихся и прибывших к Берзину под спецконвоем, чтобы сейчас же занять место за следовательскими столами. Ни один бывший чекист не работал на работе не по специальности. Полковник Ушаков, начальник розыскного отдела Дальстроя, переживший Берзина вполне благополучно, был осужден на три года за превышение власти по сто десятой статье. Ушаков кончил срок через год, остался на службе у Берзина и вместе с Берзиным уехал строить Колыму. И немало людей сидело «за Ушаковым», в качестве меры пресечения – предварительный арест... Ушаков, правда, не «политик». Его дело – розыск, розыск беглецов. Был Ушаков и начальником режимных отделов на Колыме же, подписывал даже «Права з/к з/к» или, вернее, правила содержания заключенных, которые состояли из двух частей: 1. Обязанности: заключенный должен, заключенный не должен. 2. Права: право жаловаться, право писать письма, право немного спать, право немного есть.

А в молодости Ушаков был агентом московского уголовного розыска, сделал ошибку, получил трехлетний срок и уехал на Вишеру.

Жигалов, Успенский, Песнякевич вели большое лагерное дело против начальника третьего отделения (Березники). Дело это – о взятках, о приписках – кончилось ничем из-за твердости нескольких заключенных, просидевших под следствием, под угрозами по три-четыре месяца в лагерных изоляторах-тюрьмах.

Дополнительный срок был не редкость на Вишере. Такой срок получили Лазаренко, Глухарев.

За побег тогда сроки не давали, полагался изолетор трехмесячный с железным полом, что для раздетых, в белье, смертельно зимой.

Я там арестовывался органами местными дважды, дважды отправлялся со спецконвоем из Березников на Вижаиху, дважды прошел следствия, допросы.

Этот изолятор был страшен для опытных. Беглецы, блатари умоляли коменданта первого отделения Нестерова не сажать в изолятор. Они никогда не будут, никогда не побегут. И комендант Нестеров, показывая волосатый кулак, говорил:

– Ну, выбирай, плеска или в изолятор!

– Плеска! – жалобно отвечал беглец.

Нестеров взмахивал рукой, и беглец падал с ног, залитый кровью.

В нашем этапе в апреле 1929 года конвой наполнил зубную врачиху Зою Васильевну, осужденную по пятьдесят восьмой статье по делу «Тихого Дона», и каждую ночь насиловал ее коллективно. В том же этапе был сектант Заяц. Отказывался вставать на проверку. Его избивал ногами конвоир каждую проверку. Я вышел из рядов, протестовал и той же ночью был выведен на мороз, раздет догола и стоял на снегу столько, сколько захотелось конвою. Это было в апреле 1929 года.

Летом тридцатого года в лагере на Березниках скопилось человек триста заключенных, активированных по четыреста пятьдесят восьмой статье – на свободу из-за болезней. Это были исключительно люди Севера – с черно-синими пятнами, с контрактурами от цинги, с культиями отморожений. Саморубов по четыреста пятьдесят восьмой статье не освобождали, и до конца срока или до случайной смерти саморубы жили в лагерях.

Начальник лагерного отделения Стуков распорядился было прогуливать в целях лечения, но все транзитники отказались от прогулки – еще выздоровеешь, пожалуй, и снова попадешь на Север.

Да, Севером пугали Покровского не напрасно. Летом 1929 года я первый раз увидел этап с Севера – большую пыльную змею, сползавшую с горы и видную далеко. Потом сквозь пыль засверкали штывки, потом глаза. Зубы там не сверкали, выпали от цинги. Растрескавшиеся, сухие рты, серые шапки-соловчанки, суконные ушанки, суконные бушлаты, суконные брюки. Этот этап запомнился на всю жизнь.

Разве все это было не при Берзине, у стремени которого трепетал инженер Покровский?

Это страшная черта русского характера – унижительное раболепство, благоговение перед каждым лагерным начальником. Инженер Покровский – только один из тысяч, готовых молиться, лизать руку большому начальнику.

Инженер – интеллигент – спина его не стала гнуться меньше.

– Что вам так понравилось на Вижаихе?

– Как же. Нам дали постирать белье в реке. После тюрьмы, после этапа это большое дело. К тому же доверие. Удивительное доверие. Стирали прямо на реке, на берегу, и бойцы охраны видели и не стреляли! Видели и не стреляли!

– Река, где вы купались, – в зоне охраны, в кольцевой опояске караульных вышек, расположенных в тайге. Какой же риск для Берзина давать вам стирать белье? А за кольцом вышек другое кольцо таежных секретов – патрулей, оперативников. Да еще летучие контрольные патрули проверяют друг друга.

– Да-а-а...

– А знаете, какая последняя фраза, с которой меня провожала Вишера, ваша и моя, когда я освободился осенью тридцать первого года? Вы тогда уже стирали свое белье в речке.

– Какая?

– «Прощайте. Пожили на маленькой командировке, поживете на большой».

Легенда о Берзине из-за его экзотического для обывателя начала – «заговор Локкарта», Лениц, Дзержинский! – и трагического конца – Берзин расстрелян Ежовым и Сталиным в тридцать восьмом году – разрастается пышным цветом преувеличений.

В локкартовском деле всем людям России надо было сделать выбор, бросить монету – орел или решка. Берзин решил выдать, продать Локкарта. Такие поступки диктуются часто случайностью – плохо спал, и духовой оркестр в саду играл слишком громко. Или у локкартовского эмиссара было что-то в лице, внушающее отвращение. Или в своем поступке царский офицер видел веское свидетельство своей преданности еще не родившейся власти?

Берзин был самым обыкновенным лагерным начальником, усердным исполнителем воли пославшего. Берзин держал у себя на колымской службе всех деятелей ленинградского ОГПУ времен Кировского дела¹⁴. Туда, на Колыму, люди эти были просто переведены на службу – сохраняли стаж, надбавки и так далее. Ф. Медведь, начальник ленинградского отделения ОГПУ, был на Колыме начальником Южного горнопромышленного управления и по берзинскому делу расстрелян, вслед за Берзиным, которого вызвали в Москву и сняли с поезда под Александровом.

Ни Медведь, ни Берзин, ни Ежов, ни Берман, ни Прокофьев не были сколько-нибудь способными, сколько-нибудь замечательными людьми.

Славу им дал мундир, звание, военная форма, должность.

Берзин также убивал по приказу свыше в 1936 году. Газета «Советская Колыма» полна извещений, статей о процессах, полна призывов к бдительности, покаянных речей, призывов к жестокости и беспощадности¹⁵.

В течение тридцать шестого года и тридцать седьмого с этими речами выступал сам Берзин – постоянно, старательно, боясь что-нибудь упустить, недосмотреть. Расстрелы врагов народа на Колыме шли и в тридцать шестом году.

Одним из главных принципов убийств сталинского времени было уничтожение одним рядом партийных деятелей другого. А эти, в свою очередь, гибли от новых – из третьего ряда убийц.

- 14 Группа ленинградских чекистов во главе с начальником УНКВД Ф.Д. Медведем после убийства С.М. Кирова была осуждена формально за «преступную халатность» на два-три года лишения свободы и отправлена на Колыму. Вряд ли Э.П. Берзин виновен в том, что «держал» их у себя на службе. Очевидно, что Шаламов не знал того факта, что именно бывшие ленинградские чекисты (конкретно А.С. Горин-Лундин и А.А. Мосевич, занявшие ведущие должности в УНКВД Дальстроя), выполняя указания Н.И. Ежова, еще в 1936 г. начали собирать компрометирующий материал на Э.П. Берзина и сыграли роковую роль в его судьбе. Эта часть материалов по «делу Берзина» была собрана в 1960-е годы магаданским писателем Н.В. Козловым. См. предисловие.
- 15 В архиве Шаламова сохранилось несколько номеров газеты «Советская Колыма» за 1936 и 1937 годы. Они – как и все газеты той поры – кроме славословий Сталину содержат призывы к бдительности, к тому, чтобы «покарать врагов народа» – «правотроцкистов» (такие призывы есть и в речах и выступлениях Э.П. Берзина). Однако эта политическая риторика не сопровождалась со стороны Берзина никакими конкретными действиями по «кубийству», как пишет Шаламов. Дело о колымских «троцкистах» (большой группе реальных и мнимых сторонников Л.Д. Троцкого во главе с С.Я. Кролем, Ю.А. Барановским и М.Д. Майденбергом), осужденных с литерой КРПД – «контрреволюционная троцкистская деятельность» и прибывших на Колыму в июле 1936 г., было возбуждено в связи объявленной ими сразу по прибытии забастовкой и голодовкой. При этом Э.П. Берзин – вопреки известному, инспирированному Сталиным после убийства Кирова постановлению ВЦИК от 1 декабря 1934 г., по которому организаторы столь вызывающей политической акции могли быть (и должны были быть) незамедлительно расстреляны, – настоял на том, чтобы дело рассматривалось в судебном порядке. На процессе местного Магадано-Нагаевского отделения Дальневосточного краевого суда, проходившем 1-18 марта 1937 г., был вынесен приговор о расстреле группы «троцкистов», однако он не был сразу приведен в исполнение, а отправлен на рассмотрение Верховного суда СССР. В итоге приговор был исполнен лишь 2 августа 1937 года – после срочной шифрограммы из Москвы от Н.И. Ежова, взбешенного, надо полагать, берзинской «конституционностью» и требовавшего начать немедленное исполнение его известного приказа № 00447 от 30 июля 1937 г., положившего начало «большому террору». К тому времени Э.П. Берзин был отстранен от контроля действий местного УНКВД; в состав местной «тройки» он не входил. Подробнее: *Козлов А.Г.* Трагедия Эдуарда Берзина // Магаданская правда, 12 августа 1998 г.; *Есенов В.* Как включить дифференциатор?.. URL: <https://shalamov.ru/research/428/>

Я не знаю, кому тут везло и в чем поведении была уверенность, закономерность. Да и так ли это важно.

Берзина арестовали в декабре 1937 года. Он погиб, убивая для того же Сталина¹⁶.

Легенду о Берзине развеять нетрудно, стоит только просмотреть колымские газеты того времени – тридцать шестого! тридцать шестого года! И тридцать седьмого, конечно. «Серпантинная», следственная тюрьма Северного горного управления, где велись массовые расстрелы полковником Гараниным в 1938 году, – эта командировка открыта в берзинское время.

Труднее понять другое. Почему талант не находит в себе достаточных внутренних сил, нравственной стойкости для того, чтобы с уважением относиться к самому себе и не благоговеть перед мундиром, перед чином?

Почему способный скульптор с упоением, отдачей и благоговением лепит какого-то начальника ГУЛАГа? Что так повелительно привлекает художника в начальнике ГУЛАГа? Правда, и Овидий Назон был начальником ГУЛАГа. Но ведь не работой в лагерях прославлен Овидий Назон.

Ну, скажем, художник, скульптор, поэт, композитор может быть вдохновлен иллюзией, подхвачен и унесен эмоциональным порывом и творит любую симфонию, интересуясь только потоком красок, потоком звуков. Почему все же этот поток вызван фигурой начальника ГУЛАГа?

Почему ученый чертит формулы на доске перед тем же начальником ГУЛАГа и вдохновляется в своих материальных инженерных поисках именно этой фигурой? Почему ученый испытывает то же благоговение к какому-нибудь начальнику лагерного ОЛПа? Потому только, что тот начальник.

Ученые, инженеры и писатели, интеллигенты, попавшие на цепь, готовы раболепствовать перед любым полуграмотным дураком.

«Не погубите, гражданин начальник», – в моем присутствии говорил местному уполномоченному ОГПУ в тридцатом году арестованный завхоз лагерного отделения. Фамилия завхоза была Осипенко. А до семнадцатого года Осипенко был секретарем митрополита Питирима, принимал участие в распутинских кутежах.

Да что Осипенко! Все эти Рамзины, Очкины, Бояршиновы вели себя так же...

Был Майсурадзе, киномеханик по «воле», около Берзина сделавший лагерную карьеру и дослужившийся до должности начальника УРО. Майсурадзе понимал, что стоит «у стремени».

– Да, мы в аду, – говорил Майсурадзе. – Мы на том свете. На воле мы были последними. А здесь мы будем первыми. И любому Ивану Ивановичу придется с этим считаться.

«Иван Иванович» – это кличка интеллигента на блатном языке.

Я думал много лет, что все это только «Расея» – немыслимая глубина русской души.

Но из мемуаров Гровса об атомной бомбе я увидел, что это подобострастие в общении с Генералом свойственно миру ученых, миру науки не меньше.

Что такое искусство? Наука? Облагораживает ли она человека? Нет, нет и нет. Не из искусства, не из науки приобретает человек те ничтожно малые положительные качества. Что-нибудь другое дает им нравственную силу, но не их профессия, не талант.

Всю жизнь я наблюдаю раболепство, пресмыкательство, самоунижение интеллигенции, а о других слоях общества и говорить нечего.

В ранней молодости каждому подлецу я говорил в лицо, что он подлец. В зрелые я видел то же самое. Ничто не изменилось после моих проклятий. Изменился только сам я, стал осторожнее, трусливей. Я знаю секрет этой тайны людей, стоящих «у стремени». Это одна из тайн, которую я унесу в могилу. Я не расскажу. Знаю – и не расскажу.

¹⁶ См. примечание 15.

.....

На Колыме у меня был хороший друг, Моисей Моисеевич Кузнецов. Друг не друг – дружба там не бывает, – а просто человек, к которому я относился с уважением. Кузнец лагерный. Я у него работал молотобойцем. Он мне рассказал белорусскую притчу о том, как три пана – еще при Николае, конечно, – пороли три дня и три ночи без отдыха белорусского мужика-бедолагу. Мужик плакал и кричал: «А как же я не евши!».

К чему эта притча? Да ни к чему. Притча – и все.

1967

Из сборника «Воскрешение лиственницы»

ХАН-ГИРЕЙ¹⁷

Александр Александрович Тамарин-Мерецкий был не Тамарин и не Мерецкий. Он был татарский князь Хан-Гирей, генерал из свиты Николая II. Когда Корнилов летом семнадцатого года шел на Петроград, Хан-Гирей был начальником штаба Дикой дивизии – особо верных царю кавказских воинских частей. Корнилов не дошел до Петрограда, и Хан-Гирей

17 В рассказе (как и в эпизоде о А.А. Тамарине-Мерецком в «Вишерском антиромане» – см. наст. издание, с. 52-54) отражены некоторые романтические легенды – возможно, красочно, с фантазией, рассказанные самим А.А. Тамариным, писателем и знатоком литературы, Шаламову при их встречах на Вишере. Об этих легендах написала дочь героя М.А. Тамарина в заметке «Жизнь всегда намного трагичнее...» // Книжное обозрение. 1990, 18 мая 1990 г. Ее отец не являлся «татарским князем», «генералом из свиты Николая II», не был «начальником штаба Дикой дивизии» и не способствовал бегству Энвера-паши в Туркестане. С глубоким уважением относился к В.Т. Шаламову, М.А. Тамарина рекомендовала издателям при публикации рассказов, касающихся ее отца, пользоваться биографической справкой, приведенной в книге «Магадан. Конспект прошлого» (Магадан, 1989). При очередной публикации «Вишерского антиромана» в книге «Перчатка, или КР-2» (М.: Орбита. 1990) И.П. Сиротинская писала: «Обстоятельства жизни В. Т. Шаламова были таковы, что в своем творчестве он пользовался лишь устными сведениями самих участников событий. В связи с этим в его рассказах могут быть отдельные фактические неточности, которые устанавливаются теперь по архивным материалам. Кроме того, нельзя не учитывать, что Варлам Тихонович был не историк и не исследователь. Как писатель, он руководствовался собственным правом на художественный вымысел. Тем не менее в целях восстановления истины мы даем биографическую справку о персонаже – А.А. Тамарине-Мерецком из книги «Магадан. Конспект прошлого» (Магадан, сост. А. Г. Козлов, 1989):

«1935 год... 27 ноября. В Магадан приехал известный агроном, «дальневосточный Мичурин» А.А. Тамарин. Александр Александрович Тамарин родился в 1882 году в деревне Бахче-Эли (Крым). Окончил Ялтинскую гимназию и императорский Лесной институт. Служил в царской армии поручиком конного полка. С 1917 года – в Красной гвардии, затем – в Красной армии. Демобилизовался в 1925 году по болезни. В конце 20-х годов оклеветан и репрессирован. Заключение отбывал в Вишерских лагерях, где организовал опытную станцию. После освобождения в 1932 году работал на Владивостокской агробазе «Дальстроя»: вел большую научную работу. После приезда на Колыму был первым управляющим Колымской опытной сельскохозяйственной станцией, организованной в устье реки Таскан. 3 июля 1937 года выехал в отпуск на материк. 4 апреля 1938 года уволен из системы «Дальстроя», позднее арестован. 16 сентября 1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу. Посмертно реабилитирован 4 марта 1958 года».

Некоторые новые факты о А.А. Тамарине – писателе и библиофиле приведены в публикации: А.В. Лычева. А.А. Тамарин: мифы и реальность // Российский эклибристский журнал, 2010, № 11.

остался не у дел. Позднее по призыву Брусилова, известному испытанию офицерской со- вести, Хан-Гирей вступил в Красную Армию и обратил свое оружие против своих бывших друзей. Здесь Хан-Гирей исчез, а явился кавалерийский командир Тамарин, командир кавалерийского корпуса – три ромба по сравнительной шкале военных званий того времени. Тамарин участвовал в этом чине в гражданской войне, а к концу гражданской самостоятельно командовал операциями против басмачей, против Энвера-паши. Басмачи были разбиты, рассеяны, но Энвер-паша выскользнул в песках Средней Азии из рук красных кавалеристов, исчез где-то в Бухаре и снова появился на советских границах – с тем чтобы быть убитым в случайной перестрелке патрулей. Так кончилась жизнь Энвера-паши, талантливого военачальника, политика, объявившего когда-то газават, священную войну, Советской России.

Тамарин командовал операцией по уничтожению басмачей, и когда выяснилось, что Энвер-паша бежал, ускользнул, исчез, началось следствие по делу Тамарина. Тамарин доказывал свою правоту, объяснял неудачу поимки Энвера. Но Энвер был слишком видной фигурой. Тамарина демобилизовали, и князь остался без будущего, без настоящего. Жена Тамарина умерла, но была жива и здорова старуха мать, была жива сестра. Тамарин, поверивший Брусилову, чувствовал ответственность за семью.

Всегдашний интерес Тамарина к литературе – к современной поэзии даже, интерес и вкус дал бывшему генералу возможность заработка по литературной части. Александр Александрович напечатал несколько статей-обзоров в «Комсомольской правде». Подпись: А.А. Мерецкий.

Половодье входит в берега. Но где-то шелестят анкетами, где-то вскрывают пакеты и, не подшивая к делу, несут бумажку на доклад.

Тамарин арестован. Новое следствие ведется уже вполне официально. Три года концентрационных лагерей за нераскаianie. Сознание смягчило бы вину.

В 1928 году был только один концлагерь в России – УСЛОН. Четвертое отделение Соловецких лагерей особого назначения открылось позднее в верховьях Вишеры, в ста километрах от Соликамска, близ деревни Вижанжа. Тамарин едет в этапе на Урал в «стольпинском» арестантском вагоне, обдумывая один план, очень важный, далеко рассчитанный план. Вагон, в котором везут Александра Александровича на север, – «стольпинский» вагон из последних. Огромная нагрузка на вагонный парк, плохой ремонт – все привело к тому, что «стольпинские» стали вымирать, рассыпаться. Соскочил где-то с колеи, стал жилищем железнодорожных ремонтников, одряхлел, его активировали, и вагон исчез. Вовсе не в интересах нового правительства было обновлять именно «стольпинский» вагонный парк.

Был «стольпинский» галстук-виселица. Столыпинские хутора. Столыпинская земельная реформа вошла в историю. Но о «стольпинских» вагонах говорят все по простоте душевной, что это – арестантский вагон с решетками, специальный вагон для перевозок арестантов.

На самом же деле последние «стольпинские» вагоны, изобретенные в девятьсот пятом году, государство донашивало во время гражданской войны. «Столыпинских» вагонов давно нет. Сейчас любой вагон с решетками называют «стольпинским»¹⁸.

Настоящий же «стольпинский» вагон модели 1905 года был теплушкой с маленькой щелью в центре стены, густо перекрещенной железом, с глухой дверью и узким коридорчиком для конвоя с трех сторон вагона. Но что «стольпинский» вагон арестанту Тамарину.

Александр Александрович Тамарин не только кавалерийский генерал. Тамарин был садовод, цветовод. Да, Тамарин мечтал: он будет выращивать розы – как Гораций, как Суворов. Седой генерал с садовыми ножницами в руках, срезающий гостям благоухающий букет

¹⁸ См. примечание к главе «Этап Москва – Вишера».

«Звезды Тамарина» – особой породы роз, отмеченной первой премией на международной выставке в Гааге. Или еще сорт – «Гибрид Тамарина», северная красавица, петербургская Венера.

Эта мечта владела Тамариным с детства: выращивать розы – классическая мечта всех военных на пенсии, всех президентов, всех министров в мировой истории.

В кадетском корпусе, перед отходом ко сну, Хан-Гирей видел себя то Суворовым, переходящим Чертов мост, то Суворовым с садовыми ножницами среди сада в селе Кончанском. Впрочем, нет. Кончанское – опала Суворова. Хан-Гирей же, утомленный подвигами во славу Марса, выращивает розы просто потому, что пришло время, исполнились сроки. После роз – никакого Марса.

Эта робкая мечта все разгоралась и разгоралась, пока не стала страстью. А когда стала страстью – Тамарин понял, что для выращивания роз нужно знание земли, а не только стихов Вергилия. Цветовод незаметно стал огородником и садоводом. Хан-Гирей поглощал эти знания быстро, учился шутя. Никогда Тамарин не жалел времени на любой цветочный опыт. Не жалел времени, чтобы прочесть лишний учебник по растениеводству, по огородничеству.

Да, цветы и стихи! Серебряная латынь звала к стихам современных поэтов. Но главное – Вергилий и розы. Но, может быть, не Вергилий, а Гораций. Вергилий почему-то выбран Данте в проводники сквозь ад. Хороший это или плохой символ? Поэт сельских радостей – надежный ли проводник по аду?

Ответ на этот вопрос Тамарин успел получить. Раньше выращивания роз пришла революция – февральская, Дикая дивизия, гражданская война, концлагерь на Северном Урале. Тамарин решил поставить новую ставку в своей жизни-игре.

Цветы, выращенные Тамариным в концлагере, в Вишерском сельхозе, возили на выставки в Свердловск с большим успехом. Тамарин понял, что цветы на Севере – путь к его свободе. С этого времени чисто выбритый старик в заплатах ставил на стол директора Вишхимза, начальника Вишерских лагерей Эдуарда Петровича Берзина, свежую розу ежедневно.

Берзин тоже кое-что слышал о Горации, о выращивании роз. Классическая гимназия эти знания давала. А главное – Берзин вполне доверял вкусам Александра Александровича Тамарина. Старый царский генерал, ежедневно ставящий свежую розу на письменный стол молодого чекиста. Это было неплохо. И требовало благодарности.

Берзин, сам царский офицер, в свое время 24 лет от роду в локкартовском деле поставил жизнь-ставку на советскую власть. Берзин понимал Тамарина. Это была не жалость, а общность судеб, связавшая обоих надолго. Берзин понимал, что лишь по воле случая он – в кабинете директора Дальстроя, а Тамарин с лопатой на лагерном огороде. Это были люди одного воспитания, одной катастрофы. Никакой разведки и контрразведки не было в жизни Берзина, пока не возник Локкарт и необходимость выбора.

В двадцать четыре года жизнь кажется бесконечной. Человек не верит в смерть. Недавно на кибернетических машинах вычислили средний возраст предателей в мировой истории от Гамильтона до Валленрода. Этот возраст – двадцать четыре года. Стало быть, и тут Берзин был человеком своего времени... Полковой адъютант, прапорщик Берзин... Любитель-художник, знаток барбизонской школы. Эстет, как все чекисты тех времен. Впрочем, он еще не был чекистом. Дело Локкарта было ценой за это звание, вступительным партийным взносом Берзина.

Я приехал в апреле, а летом пришел к Тамарину, переправился через реку по особому пропуску. Тамарин жил при оранжерее. Комнатка со стеклянной парниковой крышей, томный, тяжелый запах цветов, запах сырой земли, парниковые огурцы и рассада, рассада...

Александр Александрович соскучился по собеседнику. Отличать акмеистов от имажинистов не умел ни один тамаринский сосед по нарам, ни один помощник и начальник.

Вскоре началась эпидемия «перековки». Исправдома были переданы ОГПУ, и новые начальники по новым законам поехали на все четыре стороны света, открывая все новые и новые лагерные отделения. Страна покрылась густой сетью концлагерей, которые к этому времени переименовали в «исправительно-трудовые».

Помню большой митинг заключенных летом 1929 года в управлении УВЛОН, на Вишере. После доклада заместителя Берзина – штрафного чекиста Теплова о новых планах советской власти, о новых рубежах в лагерном деле, был задан вопрос Петром Пешинным, каким-то партийным лектором из Свердловска:

– Скажите, гражданин начальник, чем отличаются исправительно-трудовые лагеря от концлагерей?

Теплов звонко и с удовольствием повторил вопрос.

– Это вы спрашиваете?

– Да, именно это, – сказал Пешин.

– Ничем не отличаются, – звонко выговорил Теплов.

– Вы меня не поняли, гражданин начальник.

– Я вас понял. – И Теплов перевел глаза не то выше, не то ниже Пешина и никак не отвечал на сигналы Пешина – просьбу задать еще вопрос.

Волна «перековки» перенесла меня в Березники, на станцию Усольская, как это называлось в те времена.

Но еще раньше, в ночь перед моим отъездом, Тамарин пришел в лагерь, в четвертую роту, где я жил, чтобы попрощаться. Оказалось, это не меня увозят – увозят Тамарина спецконвоем, в Москву.

– Поздравляю, Александр Александрович. Это на пересмотр, на освобождение.

Тамарин был небрит. Щетина у него была такая, что при дворе царя приходилось бриться дважды в день. В лагере же он брился один раз в день.

– Это – не освобождение и не пересмотр. Мне остался год срока из трех лет. Неужели вы думаете, что кто-то пересматривает дела? Прокуратура по надзору или какая-нибудь другая организация. Я заявлений не подавал никаких. Я стар. Я хочу здесь жить и Севере. Здесь хорошо – я раньше, в молодости, Севера не знал. Матери нравится тут. Сестре – тоже. Я хотел здесь умереть. И вот спецконвой.

– Меня отправляют с этапом завтра – открывать Березниковскую командировку, бросить первую лопату на главную стройку второй пятилетки... Мы не можем ехать вместе.

– Нет, у меня спецконвой.

Мы распрощались, а завтра нас погрузили на «шитик», и «шитик» сплыл до Дедюхина, до Ленвы, где в старом складе и разместили первую партию заключенных, поднявших на своей спине, своей крови корпуса Березникхимстроя.

Цинги в берзинские времена было в лагере очень много, и не только с грозного Севера, откуда пыльной змеей время от времени приползали, сползали с гор этапы отработавшихся. Севером грозили в управлении, грозили в Березниках. Север – это Усть-Улс и Кутим, где сейчас алмазы. Искали алмазы и раньше, но эмиссарам Берзина не везло. Притом лагерь с цингой, с побоями, с рукоприкладством похода, с убийствами бессудными – доверия у местного населения не вызывал. Только потом судьба ссыльных по коллективизации семей кубанских раскулаченных, которых бросили на снег и на смерть в Уральских лесах, подсказала, что страна готовится к большой крови.

Пересылка на Ленве была в том же бараке, где мы были размещены, вернее, в части барака – в верхнем его этаже.

Конвоир только что завел туда какого-то мужчину с двумя чемоданами, в чекмене каком-то потертом... Спина была очень знакомой.

– Александр Александрович?

Мы обнялись. Тамарин был грязен, но весел, гораздо веселей, чем на Вижаихе – при нашем последнем свидании. И я сразу понял почему.

– Пересмотр?

– Пересмотр. Было три года, а теперь дали десять, высшую меру с заменой десятью годами – и я возвращаюсь! На Вишеру!

– Чего ж вы радуетесь?

– Как? Остаться жить – это главное в моей философии. Мне 65 лет. До конца нового срока я все равно не доживу. Зато кончилась всякая неизвестность. Я попрошу Берзина дать мне умереть в сельхозе, в моей светлой комнате с потолком из парниковых рам. После приговора я мог проситься в любое место, но я немало потратил сил, чтобы выпросить возвращение, возвращение. А срок... Все это чепуха – срок. Большая командировка или маленькая командировка – вот и вся разница. Вот отдохну, переночую и завтра на Вишеру.

А причины, причины... Конечно, есть причины. Есть объяснения.

За границей вышли в свет мемуары Энвера. В самих мемуарах ни слова о Тамарине не говорилось, но предисловие к книге написал бывший адъютант Энвера. Адъютант написал, что Энвер ускользнул только благодаря содействию Тамарина, с которым Энвер, по словам адъютанта, был знаком, дружен и переписывался еще со времен службы Хан-Гирея при царском дворе. Эта переписка продолжалась и позже. Следствие, конечно, установило, что, если бы Энвера не убили на границе – Тамарин, тайный мусульманин, должен был возглавить газават и положить к ногам Энвера Москву и Петроград. Весь этот стиль следствия пыльным кровавым цветом расцвел в тридцатые годы. «Школа», почерк один и тот же.

Но Берзин был знаком с почерком провокаторов и не поверил ни одному слову нового следствия по делу Тамарина. Берзин читал воспоминания Локкарта, статьи Локкарта о своем, берзинском деле. 1918 год. В этих статьях-мемуарах латыш изображался союзником Локкарта, английским, а не советским шпионом. Место в сельхозе за Тамариным было закреплено навечно. Обещания начальника – хрупкая вещь, но все же покрепче вечности, как показывало время.

Тамарин стал готовиться не совсем к той работе, которой хотел заниматься на первых порах после «пересмотра» дела. И хотя по-прежнему на стол Берзина старый агроном в чекмене ежечесно ставил свежую вишерскую розу, вишерскую орхидею, думал он не только о розах. Первый трехлетний срок Тамарина кончился, но он о нем и не думал. Судьбе нужна кровавая жертва, и эта жертва приносится. Умерла мать Тамарина, огромная веселая кавказская старуха, которой так нравился Север, которая хотела подбодрить сына, поверить в его увлечение, в его план, в его путь, зыбкий путь. Когда выяснилось, что новый срок – десять лет, старуха умерла. Быстро умерла, в неделю. Ей так нравился Север, но сердце не выдержало Севера. Осталась сестра. Младше Александра Александровича, но тоже седая старуха. Сестра работала машинисткой в конторе Вишхимза, все еще веря в брата, в его счастье, в его судьбу.

В 1931 году Берзин принял новое большое назначение – на Колыму, директором Дальстроя. Это был пост, где Берзин совмещал в себе высшую власть окраинного края – восьмой части Советского Союза – партийную, советскую, военную, профсоюзную и так далее.

Геологическая разведка – экспедиция Билибина, Цареградского дали превосходные результаты. Запасы золота были богаты, оставались пустяки: добыть это золото на шестидесятиградусном морозе.

О том, что на Колыме есть золото, известно триста лет. Но ни один царь не решался добывать это золото принудительным трудом, арестантским трудом, рабским трудом, решил на это только Сталин... После первого года – Беломорканала, после Вишеры – решили, что с человеком все сделать можно, границы его унижения безмерны, его физическая крепость безмерна. Оказалось, что можно изобретать ради второго блюда на обед по шкале – производственной, ударной и стахановской, как к тридцать седьмому году стали называть наивысший паек лагерников или колымармейцев, как их называли в газетах тогда. Для этого золотого предприятия, для этого дела по колонизации края, а позже для физического истребления врагов народа, искали человека. И лучше Берзина не нашли. Берзин относился с полным презрением к людям, не с ненавистью, а с презрением¹⁹.

Первый колымский начальник с правом побольше, чем у генерал-губернатора Восточной Сибири – Ивана Пестеля, отца Пестеля-декабриста, Берзин взял с собой Тамарина – по сельскохозяйственной части – экспериментировать, доказывать, прославлять. Были созданы сельхозы по типу вишерских – сначала вокруг Владивостока, а потом близ Эльгена.

Опорное сельское хозяйство на Эльгене, в центре Колымы, было упрямым капризом и Берзина, и Тамарина.

Берзин считал, что будущий центр Колымы – не приморский Магадан, а Тасканская долина. Магадан – только порт.

В Тасканской долине земли было чуть побольше, чем на голых скалах всего Колымского края.

Там создали совхоз, убили миллионы на доказательство недоказуемого. Вызреть картошка не хотела. Картошку выращивали в парниках, высаживали, как капусту, на бесконечных «ударниках», субботниках лагерного типа, заставляли заключенных там работать, высаживать эту рассаду «для себя». «Для себя!» Я немало поработал на таких «субботниках»²⁰...

Через год лагерная Колыма дала первое золото, в 1935 году Берзин был награжден орденом Ленина. Александр Александрович получил реабилитацию, снятие судимости. Сестра его к этому времени тоже умерла, но Александр Александрович еще держался. Писал в журналах статьи – на этот раз не о молодой комсомольской поэзии, а о своих сельскохозяйственных экспериментах. Александр Александрович вывел сорт капусты «Гибрид Тамарина», особенный какой-то, северный, как бы мичуринский сорт. 32 тонны с гектара. Капуста, а не роза! На фотографии капуста выглядит как огромная роза – крупный, крутой бутон. «Дыня-тыква Тамарина» – вес 40 килограммов! Картофель селекции Тамарина!

Александр Александрович возглавил на Колыме отделение растениеводства Дальневосточной академии наук.

Тамарин делал доклады в Академии сельскохозяйственных наук, ездил в Москву, спешил.

Тревога тридцать пятого года, кровь тридцать пятого года, арестантские потоки, где было много друзей и знакомых самого Берзина, пугали, настораживали Тамарина. Берзин выступал и клеймил, разоблачал и судил разнообразных вредителей и шпионов из числа

19 Рассказ «Шан-Гирей» продолжает линию рассказа «У стремени» в отношении к Берзину.

20 Вероятно, Шаламов имел в виду «субботники» в поселке Дебин, в Центральной больнице для заключенных, где он работал фельдшером в 1946–1951 гг. Эти места сильно отличались от Тасканской долины, где благодаря уникальным климатическим условиям, выращивался не только картофель, но и зерновые культуры. Здесь с 1935 года находилось опытное хозяйство Дальстроя, в котором работал А.А. Тамарин. Картофель также успешно вызревает в прибрежных районах Магаданской области, доказывая старую истину о том, что «русский человек приживается там, где растет картошка».

своих подчиненных как «просочившихся, пробравшихся в ряды» до того дня, пока сам не стал «вредителем и шпионом».

Комиссия за комиссией изучали Берзинское царство, допрашивали, вызывали...

Тамарин чувствовал всю шаткость, всю непрочность своего положения. Ведь только в тридцать пятом году была с Тамарина снята судимость «с восстановлением во всех правах».

Тамарин получил право приехать на Колыму как вольнонаемный работник сельского хозяйства Севера, как дальневосточный Мичурин, как дальстроевский чародей. Договор был подписан в Москве, в 1935 году.

Успех овощных урожаев в лагерях под Владивостоком был велик. Бесплатная рабочая сила арестантская, неограниченная на Дальстроевской транзитке, делала чудеса. Выбранные из этапов агрономы, вдохновленные обещанием досрочного освобождения, зачетами рабочих дней, не щадили себя, ставя любые опыты. За неудачу тут пока не преследовали. Лихорадочно искали удачу. Но все это – материк, Большая земля, Дальний Восток, а не Дальний Север. Но и на Дальнем Севере начинались опыты – в Тасканской долине, на Эльгене, в Сеймчане, на побережье близ Магадана.

Но не было свободы, подготовленной так тщательно, с таким бесконечным унижением, изворотливостью и осторожностью. На Колыму с материка шли арестантские эшелоны. Мир, сотворенный для Тамарина Берзиным, рассыпался на куски. Многие деятели кировского и докировского времени нашли у Берзина службу как бы запаса. Так, Ф. Медведь, начальник Ленинградского ОГПУ во время убийства Кирова, был у Берзина начальником южного ОГПУ. В первом случае ОП значит «государственно-политическое», а во втором – только «горно-промышленное» – лингвистические забавы работников «органов».

Пришел тридцать шестой год, с расстрелами, с разоблачениями, с покаяниями. За тридцать шестым – тридцать седьмой.

На Колыме было много «процессов», но этих местных жертв Сталину было мало. В пасть Молоху надо было кинуть жертву покрупнее.

В ноябре тридцать седьмого года Берзин был вызван в Москву с предоставлением годового отпуска. Директором Дальстроя был назначен Павлов. Берзин представил нового начальника партактиву Дальстроя. Ехать вместе с Павловым на прииски сдавать хозяйство не было времени – торопила Москва.

Перед отъездом Берзин помог Тамарину получить отпуск «на материк». Дальстроевец с двухлетним стажем, Александр Александрович не выслужил еще отпуска. Этот отпуск – последнее благодеяние, оказанное директором Дальстроя генералу Хан-Гирею.

Ехали они в одном вагоне. Берзин был, как всегда, хмур. Уже под Москвой, в Александрове, в ледяную метельную декабрьскую ночь Берзин вышел на перрон. И в вагон не вернулся. Поезд пришел в Москву без Берзина. Тамарин, переждав несколько дней настоящей своей свободы – первой за двадцать лет, пытался узнать о судьбе своего многолетнего начальника и покровителя. В один из таких визитов в представительство Дальстроя Тамарин узнал, что он и сам уволен «из системы», уволен заочно и навсегда.

Тамарин решил еще раз попытать свое счастье. Всякое заявление, жалоба, просьба в те годы были привлечением внимания к жалобщику, риском смертельным. Но Тамарин был стар. Он не хотел ждать. Да, стариком он стал, не хотел, не мог ждать. Тамарин написал заявление в Управление Дальстроя с просьбой вернуть его для работы на Колыму. Тамарин получил отказ – в таких специалистах послеберзинская Колыма не нуждалась.

Был март тридцать восьмого года, все пересылые страны были забиты арестантскими эшелонами. Смысл ответа был такой: если тебя и привезут, то только под конвоем.

Это был последний след Хан-Гирея, садовника и генерала на нашей земле.

Судьбы Берзина и Тамарина очень схожи. Оба они служили силе и слушались этой силы. Верили в силу. И сила их обманула.

Дело Локкарта Берзину никогда не простили, не забыли. На Западе мемуаристы считали Берзина верным участником английского заговора. Ни Ленина, ни Дзержинского, знавших подробности Локкардовского дела, не было уже в живых. И когда пришел час, Сталин убил Берзина. Около государственных тайн слишком горячо людям, даже с такой холодной кровью, как у Берзина.

1967

Из сборника «Воскрешение лиственницы»

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

С тридцатого года пошла эта мода: продавать инженеров. Лагерь имел доход немалый от продажи на сторону носителей технических знаний. Лагерь получал полную ставку, и из нее вычиталось питание арестанта, одежда, конвой, следовательский аппарат, даже ГУЛАГ. Но после вычета всех коммунальных расходов оставалась приличная сумма. Эта сумма во все не поступала в руки арестанта или на его текущий счет. Нет. Сумма поступала в доход государства, и заключенный получал вполне произвольные премиальные, которых хватало иногда на пачку папирос «Пушка», а иногда и на несколько пачек. Лагерное начальство поумнее добивалось от Москвы разрешения платить пусть малый, но определенный процент заработка, отдавать эту сумму в руки арестанту. Но разрешения на такой расчет от Москвы не давалось, и инженерам платили произвольно. Как, впрочем, и землекопам и плотникам. Правительство почему-то боялось даже иллюзии зарплаты, превращая ее в награду, в премию и называя эту зарплату «премией».

В числе первых инженеров-заключенных, проданных лагерем на строительство, в нашем лагерном отделении был Виктор Петрович Финдикаки, сосед мой по бараку.

Виктор Петрович Финдикаки – срок пять лет, статья пятьдесят восьмая, пункты семь и одиннадцать, был первым русским инженером, поставившим – это было на Украине – прокатку цветных металлов. Его работы по специальности хорошо известны в русской технике, и, когда Виктору Петровичу предложил новый хозяин – Березниковский химкомбинат – отредактировать учебную книжку по специальности, Виктор Петрович взял за эту работу с энтузиазмом, но скоро погрузился, и я с трудом добился от Виктора Петровича причины его огорчения.

Виктор Петрович без тени улыбки объяснил, что в редактируемом им учебнике встречается слово «вредит» – и везде вычеркнул это слово. Заменял словом «препятствует». Теперь эти результаты у начальства.

Правка Виктора Петровича не встретила возражения у начальства, и Виктор Петрович остался на инженерной должности.

Пустяк, конечно. Но для Виктора Петровича это было дело серьезное, принципиальное, а почему – сейчас объясню.

Виктор Петрович был человеком «расколовшимся», как говорят блатные и лагерные начальники. На своем процессе он помогал следствию, участвовал в очных ставках, был запуган, сбит с ног и растоптан. И кажется, не только в переносном смысле. Виктор Петрович прошел несколько «конвейеров», как это стало называться повсюду через четыре-пять лет.

Начальник производственного лагеря Павел Петрович Миллер знал Финдиакки по тюрьме. И хотя сам Миллер выдержал и конвейеры и плюхи и получил десять лет, он как-то безразлично относился к проступку Виктора Петровича. Сам же Виктор Петрович мучился своим предательством ужасно. По всем этим вредительским делам были расстрелы. Понемножку, правда, но расстреливали уже. Приехал в лагерь шахтинцев Бояршинов и тоже как будто недружелюбно беседовал с Финдиакки.

Сознание какого-то провала, нравственного падения безмерного не оставляло Финдиакки долго. Виктор Петрович (его койка в бараке стояла рядом с моей) не хотел даже работать на какой-нибудь благой, привилегированной должности, бригадиром, десятником или помощником самого Павла Петровича Миллера.

Финдиакки был человек физически крепкий, невысок, широкоплеч. Помню, немного он удивил Миллера, когда попросился в бригаду грузчиков на содовый завод. Бригада эта, не имея вольного хождения, вызывалась из лагеря на содовый завод в любое время суток для погрузки или разгрузки вагонов. Быстрота работы была тем преимуществом, которое из-за угрозы железнодорожного штрафа администрация содового завода ценила очень высоко. Миллер посоветовал инженеру поговорить с бригадиром грузчиков. Юдин, бригадир, жил тут же в бараке и расхохотался, выслушав просьбу Финдиакки. Природный пахан Юдин не любил белоручек, инженеров, вообще ученых. Но, уступая желанию Миллера, взял Финдиакки в свою бригаду.

С той поры мы встречались с Финдиакки редко, хотя и спали рядом.

Прошло какое-то время, и в Химстрой понадобился умный раб, ученый раб. Понадобился инженерный мозг. Есть работа для Финдиакки. Но Виктор Петрович отказался: «Нет, я не хочу возвращаться в мир, где мне каждое слово ненавистно, каждый технический термин будто язык стукачей, лексикон предателей». Миллер пожал плечами, и Финдиакки продолжал работать грузчиком.

Но скоро Финдиакки немножко остыл, судебная травма стала немножко сглаживаться. В лагерь прибывали другие инженеры, расколотые. К ним Виктор Петрович приглядывался. Живут и не умирают ни от собственного стыда, ни от презрения окружающих. Да и бойкота никакого нет – люди как люди. И Виктор Петрович стал немножко жалеть о своем капризе, о своем мальчишестве.

Снова вышла инженерная должность на строительстве, и Миллер – через него шло ходатайство начальнику – отказал нескольким только прибывшим инженерам. Виктор Петрович был спрошен еще раз и согласился. Но назначение вызвало резкий, дикий протест бригадира грузчиков: «Для какой-то конторской работы у меня снимают лучшего грузчика. Нет, Павел Петрович. Блат поломан. Я до Берзина дойду, а всех вас разоблачу».

Началось действительное следствие о вредительстве Миллера, но, к счастью, кто-то из прежнего начальства сделал внушение бригадиру грузчиков. И Виктор Петрович Финдиакки вернулся на инженерную работу.

По-прежнему мы стали засыпать вместе – наши толчаны стояли рядом. Снова я слышал, как Финдиакки шептал перед сном, как молитву: «Жизнь – это говно. Говенная штука». Пять лет.

Ни тон, ни текст заклинания Виктора Петровича не изменились²¹.

1967

Из сборника «Воскрешение лиственницы».

---

21 Очевидно, что Шаламов не знал послелагерной биографии героя рассказа. В 1951 г. В.П. Финдиакки был удостоен – подобно Л.К. Рамзину – Сталинской премии за технические разработки в химической промышленности. См. *Именной указатель*.

БОРИС ЮЖАНИН

В один из осенних дней тридцатого года пришел арестантский этап – теплушка номер сорок какого-то эшелона, идущего на север, на север, на север. Все пути были забиты. Железная дорога едва справлялась с перевозкой «раскулаченных» – с женами и малыми детьми «раскулаченных» гнали на север, чтобы бросить кубанцев, сроду не видевших леса, – в густую уральскую тайгу. По Чердынским леспромхозам уже через год надо было посылать комиссии – переселенцы поумирали, план лесозаготовок был под угрозой. Но все это было потом, а сейчас «лишенцы» еще вытирались украинским пестрым рушником, умывались, радуясь и не радуясь отдыху, задержке их. Поезд задерживали, он уступал дорогу – кому – арестантским эшелонам. Эти знали – их привезут и возьмут под винтовку, а потом каждый будет ловчить, сражаться за свою судьбу, «ломать судьбу». Кубанцы же ничего не знали – какой смертью они умрут, где и когда. Кубанцев всех отправляли в теплушках. И арестантские эшелоны – числом поболее – тоже отправляли в теплушках. Настоящих «столыпинских» вагонов – теплушечных было мало, и под арестантские этапы стали оборудовать, заказывать на заводах обыкновенные вагоны когда-то второго класса. Эти арестантские вагоны по той самой причине, по какой центральные части России на Колыме зовут «материком», хотя Колыма не остров, а область на Чукотском полуострове, – но сахалинский лексикон, отправка только пароходами, многодневный морской путь – все это создает иллюзию острова. Психологически иллюзии нет никакой. Колыма – это остров. С нее возвращаются на «материк», на «Большую землю». И материк, и Большая земля – это словарь повседневности: журнальный, газетный, книжный.

Точно так же за арестантским вагоном с решетками сохранилось название «столыпинский». Хотя арестантский вагон издания 1907 года совсем не таков.

Так вот, в списке теплушки номер сорок – тридцать шесть заключенных. Норма! Этап шел без перегрузки. В списке для конвоя, написанном от руки, была графа «специальность», и какая-то записка привлекла внимание учетчика. «Синеблузник! Что это за специальность? Не слесарь, не бухгалтер, не культработник, а «синеблузник». Было видно, что этим ответом на лагерную анкету, на тюремный вопрос арестант хочет утвердить что-то важное ему. Или обратить чье-то внимание.

Список был такой.

Гуревич Борис Семенович (Южанин), ст. п-ш. (литер: «Подозрение в шпионаже»), срок 3 года – немыслим для такой статьи даже по тем временам! – год рождения 1900 (ровесник века!), специальность «синеблузник».

Гуревича привели в лагерную контору. Смуглый стриженный большеголовый человек с грязной кожей. Разбитое пенсне без стекол было укреплено на носу. Какой-то веревочкой привязано еще к шее. Рубашки ни нижней, ни верхней не было, белья не было тоже. Только синие тесные хлопчатобумажные штаны без пуговиц, явно чужие, явно сменка. Все обобрали блатари, конечно. Играли на чужие вещи, на тряпки «фраера». Грязные босые ноги с отросшими ногтями и жалкая, доверчивая какая-то улыбка на лице, в крупных коричневатых, хорошо знакомых мне глазах. Это был Борис Южанин, знаменитый руководитель знаменитой «Синей блузы», пятилетие которой праздновалось в Большом театре, и недалеко от меня сидел Южанин, окруженный столпами синеблузного движения: Третьяков, Маяковский, Фореггер, Юткевич, Тенин, Кирсанов – авторы и сотрудники журнала «Синяя блуза» – глядели идеологу и вождю движения Борису Южанину в рот и ловили каждое его слово.

А ловить было что: Южанин беспрерывно что-то говорил, в чем-то убеждал, к чему-то вел.

Сейчас «Синяя блуза» забыта. В начале двадцатых годов на нее возлагалось много надежд. Не только новая театральная форма, которую несла миру революция Октябрьская, перерастающая в мировую.

Синеблузники и Мейерхольда считали недостаточно левым, и предлагали новую форму не только театрального действия «Живой газеты» – как называл свою «Синюю блузу» Южанин, но и жизненной философии.

«Синяя блуза», по мысли вождя движения, была неким орденом. Эстетика, поставленная на службу революции, приводила и к этическим победам.

В первых номерах нового литературного сборника журнала «Синяя блуза» (их вышло очень много за пять-шесть лет) авторы, как бы знамениты они ни были (Маяковский, Третьяков, Юткевич), не подписывались вовсе.

Единственная подпись: редактор Борис Южанин. Гонорары поступали в фонд «Синей блузы» – на дальнейшее развитие движения. «Синяя блуза», по мысли Южанина, не должна была быть профессиональной. Каждое учреждение, каждая фабрика и завод должны иметь свои коллективы. Самодетельные коллективы.

Синеблузные тексты требовали простых известных мелодий. Голосов не требовали никаких. Но если находился голос, талант – тем лучше. Синеблузник переводился в «показательный» коллектив. Те состояли из профессионалов – временно – по мысли Южанина.

Южанин выступил с отрицанием старого театрального искусства. Выступил резко против Художественного и Малого театра, против самого принципа их работы.

Театры долго не могли приспособиться к новой власти. Южанин заговорил от ее имени, обещая новое искусство.

В этом новом искусстве главное место отводилось театру разума, театру лозунга, политическому театру.

«Синяя блуза» резко выступала против театра переживаний. Все то, что называлось «театром Брехта», было открыто и показано Южаниным. Тут дело в том, что, найдя эмпирическим путем целый ряд художественных принципов новых, Южанин не сумел их обобщить, развить, принести на международный форум. Это сделал Брехт – честь ему и хвала!

Первая «Синяя блуза» вышла на сцену клубную, комсомольскую сцену в 1921 году. Через пять лет в России было четыреста коллективов. В качестве основной базы с круглосуточными постановками «Синяя блуза» получила кинотеатр «Ша-нуар» на Страстной площади, тот самый, что сломали летом 1967 года.

Черное знамя анархистов еще висело на доме по соседству – на клубе анархистов на Тверской, где еще недавно выступали Мамонт-Дальский, Иуда Гроссман-Рошин, Дмитрий Фурманов и другие апостолы анархизма. Способный журналист Ярослав Гамза принял участие в полемике о путях и судьбах нового советского театра, новых театральных форм.

Центральных коллективов было восемь: «Показательный», «Образцовый», «Ударный», «Основной» – так они назывались. Южанин хранил равенство.

В 1923 году на правах отдельного в «Синюю блузу» вошел театр Фореггера.

И вот при этом росте, при этом движении ширь и вглубь – «Синей блузе» чего-то не хватало.

Присоединение театра Фореггера было последней победой «Синей блузы».

Внезапно выяснилось, что «Синей блузе» нечего сказать, что театральное «левое» более тяготеет к театру Мейерхольда, к театру Революции, к Камерному театру. Эти театры сохранили и свою энергию, выдумку, сохранили свои кадры – гораздо квалифицированнее «показательных» коллективов Южанина. Борис Тенин и Клавдия Корнеева, перешедшие

позднее в «Театр для детей», – единственные имена, рожденные в «Синей блузе». Юткевич стал тяготеть к кино. Третьяков и Кирсанов – к «Новому Лефу». «Синеблузный» композитор Константин Листов и тот изменил «Живой газете».

Выяснилось также, что академические театры оправились от потрясения и согласны, и даже очень согласны обслуживать новую власть.

Зрители вернулись в залы с занавесом, где нарисована была чайка, молодежь ломилась в студии старых театральных школ.

«Синей блузе» не было места. И как-то стало ясно, что все это – блеф, мираж. Что у искусства есть свои надежные пути.

Но это было в конце, а вначале был сплошной триумф. На сцену выходили одетые в синие блузы актеры – парадом-антрэ начинали спектакль. Эти парады-антрэ были одинаковыми – как спортивный марш перед футбольными радиопередачами:

Мы – синеблузники,
Мы – профсоюзники.
Мы не баяны-соловьи.
Мы только гайки
Великой спайки
Одной трудящейся семьи.

Лефовец С. М. Третьяков был мастером на эти «гайки и спайки». Редактор «Синей блузы» тоже написал несколько ораторий, скетчей, сценок.

После парада разыгрывали несколько сценок. Актеры без грима, в «прозодежде», как после скажут – «без костюмов» – только аппликации – символы. Парад заканчивался «концовкой»:

Все, что умели,
Мы вам пропели,
Мы вам пропели все, что могли.
И безусловно, достигли цели,
Если мы пользу вам принесли.

Этот куцый мир газетных передовиц, пересказанный на театральном жаргоне, имел успех необыкновенный. Новое искусство пролетариата.

«Синяя блуза» поехала в Германию. Два коллектива во главе с самим Южаниным. В двадцать четвертом, кажется, году. В рабочие клубы Веймарской республики. Здесь Южанин встретился с Брехтом и ошеломил Брехта новизной своих идей. Ошеломил – это собственное выражение Южанина. Южанин встречался с Брехтом так часто, как можно было в те времена, полные подозрений, взаимной слезки.

Первая поездка «ударников»-рабочих за границу, кругосветное путешествие, относится к 1933 году. Там на каждого ударника был один политкомиссар.

С Южаниным политкомиссаров ездило тоже немало. Андреева Мария Федоровна устраивала эти поездки.

После Германии «Синяя блуза» двинулась в Швейцарию и, изнемогая от триумфа, вернулась на родину.

Через год Южанин повез в Германию еще два синеблузных коллектива – тех, которые не участвовали в первой поездке.

Триумф тот же. Снова встречи с Брехтом. Возвращение в Москву. Коллективы готовятся к поездке в Америку, в Японию.

У Южанина было одно качество, мешавшее ему как вождю движения, – он был плохой оратор. Не умел подготовить выступление, сразить противников в дискуссии, в докладе. А тогда такие дискуссии были в большой моде – совещание за совещанием, диспут за диспутом. Южанин был человек очень скромный, даже пулливый. И в то же время никак не хотел сыграть вторую роль, отойти в тень, в сторону.

Закулисная борьба требует много выдумки, много энергии. Этих качеств у Южанина не было. Южанин был поэтом, а не политиком. Поэт-догматик, поэт-фанатик своего синеблузного дела.

Грязный оборванец стоял передо мной. Босые грязные ноги никак не могли найти места – Борис Южанин переступал ногами.

– Блатные? – спросил я, кивая на его голые плечи.

– Да, блатные. Мне так еще лучше, легче. Загорел в дороге.

В высших сферах уже готовились распоряжения и приказы о синеблузниках – сократить им средства, снять с дотации. Уже и на театр «Ша-нуар» объявились претенденты. Теоретическая часть синеблузных манифестов становилась все бледнее и бледнее.

Южанин не привел, не сумел привести свой театр к мировой революции. Да и сама эта перспектива к середине двадцатых годов потускнела.

Любовь к синеблузным идеям! Этого оказалось мало. Любовь – это ответственность, это споры на секции Моссовета, это докладные записки, – буря в стакане воды, беседы с теряющими заработок актерами. Принципиальный вопрос – так кто же «Синяя блуза» – профессионалы или самодеятельность?

Идеолог и руководитель «Синей блузы» разрубил все эти вопросы одним ударом меча.

Борис Южанин бежал за границу.

Ребенок, он бежал неудачно. Все свои деньги он вручил какому-то матросу в Батуме, а матрос отвел его в ОГПУ. В тюрьме Южанин сидел долго.

Московское следствие дало герою новой театральной формы литер «П. Ш.». Подозрение в шпионаже и срок три года концентрационных лагерей.

«То, что я увидел за границей, – было так не похоже на то, что писали в наших газетах. Мне не захотелось быть больше устной газетой. Мне захотелось настоящей жизни».

Я подружился с Южаниным. Я смог оказать ему ряд небольших услуг – вроде белья или бани, но скоро его вызвали в управление, в Вижаиху, где был центр УСЛОНА, – работать по специальности.

Идеолог и создатель синеблузного движения стал руководителем «Синей блузы» в Вишерских концентрационных лагерях, арестантской живой газетой. Эффектный конец!

Для этой лагерной «Синей блузы» и я написал в сотрудничестве с Борисом Южаниным несколько скетчей, ораторий, куплетов.

Южанин стал редактором журнала «Новая Вишера». В Ленинской библиотеке можно найти экземпляры этого журнала²².

Имя Южанина сохранено для потомства. Великое дело Гутенберга, даже если типографский станок заменен стеклографом.

Один из принципов «Синей блузы» – использование любого текста, любого сюжета.

---

22 Свидетельство того, что Шаламов – дабы освежить в памяти те или иные детали прошлого – пользовался фондом Ленинской библиотеки (ныне – Российской государственной библиотеки).

Если полезно – и слова и музыка могут быть любых авторов. Здесь нет литературных краж. Здесь плагиат – принципиальный.

В тридцать первом году Южанина увезли в Москву. Пересмотр дела? Кто знает?

Ряд лет Южанин жил в Александрове – стало быть, дело не очень пересмотрели.

В пятьдесят седьмом году я случайно узнал, что Южанин жив – Москва двадцатых годов не могла его не знать и не помнить.

Я написал ему письмо, предложил рассказать о «Синей блузе» москвичам конца пятидесятых годов. Это предложение вызвало резкий протест главного редактора журнала – тот о «Синей блузе» и слыхом не слыхал. Я не имел возможности подтвердить собственное же предложение и выругал себя за торопливость. А потом я заболел, и южанинское письмо пятьдесят седьмого года так и лежит у меня в столе²³.

1967

Из сборника «Воскрешение листовницы»

ВИЗИТ МИСТЕРА ПОППА

Мистер Попп был вице-директором американской фирмы «Нитрожен», которая ставила газгольдеры на первой очереди Березникхимстройа.

Заказ был крупным, работа шла хорошо, и вице-директор счел необходимым лично присутствовать при сдаче работ.

На Березниках строили разные фирмы. «Капиталистический интернационал», как говорил М. Грановский, начальник строительства. Немцы – котлы «Ганомага». Паровые машины английской фирмы «Браун-Бовери», котлы «Бабкок-Вилькокса», американские газгольдеры.

Хромало у немцев – потом это все было объявлено вредительством. Хромало у англичан на электроцентрали. Потом это тоже было объявлено вредительством.

Я работал тогда на электроцентрали, на ТЭЦ, и хорошо помню приезд главного инженера фирмы «Бабкок-Вилькоккс» мистера Холмса. Это был очень молодой человек, лет тридцати. На вокзале Холмса встретил начальник Химстроя Грановский, но Холмс в гостиницу не поехал, а поехал прямо к котлам, на монтаж. Один из английских монтеров снял пальто с Холмса, надел на инженера спецовку, и Холмс провел три часа в котле, слушая объяснения монтера. Вечером было совещание. Из всех инженеров мистер Холмс был самым молодым. На все доклады, на все замечания мистер Холмс отвечал одним коротким словом, которое переводчик переводил так: «Мистера Холмса это не беспокоит». Однако Холмс провел на комбинате две недели, котел пошел, процентов на восемьдесят проектной мощности, – Грановский подписал акт, и мистер Холмс вылетел в Лондон.

Через несколько месяцев мощность котла пала, и на консультацию был вызван свой специалист Леонид Константинович Рамзин²⁴. Герой сенсационного процесса Рамзин, как и следовало по условию, не был еще освобожден, не награжден орденом Ленина, не получил еще Сталинской премии. Все это было в дальнейшем, и Рамзин об этом знал и держался на

23 Письмо Шаламова Б. Южанину не сохранилось, т.к. в квартире писателя в 1970-е годы происходили кражи. См. предисловие.

24 Данных о приезде в Березники Л.К. Рамзина (отбывавшего в это время наказание по «делу Промпартии») не имеется. Очевидно, что Шаламов здесь отдает дань художественному вымыслу.

электростанции весьма независимо. Приехал он не один, а со спутником весьма выразительного вида, и с ним же уехал. В котел, как мистер Холмс, Рамзин не лазил, а сидел в кабинете технического директора станции Капеллера, тоже ссыльного, осужденного по вредительству на шахтах в Кизеле.

Номинальным директором ТЭЦ был некто Рачев, бывший красный директор, малый неплохой и не занимавшийся вопросами, в которых он ничего не понимал. Я работал в бюро экономики труда на ТЭЦ и много лет потом возил с собой заявление кочевгаров на имя Рачева. В этом заявлении, где кочевгары жаловались на многочисленные свои нужды, была характернейшая, простодушнейшая рачевская резолюция: «Зав. БЭТ. Прошу разобраться и по возможности отказать».

Рамзин дал несколько практических советов, но весьма невысоко оценил работу мистера Холмса.

Мистер Холмс появлялся на электростанции в сопровождении – не Грановского, начальника строительства, – а его заместителя, главного инженера Чистякова. Нет ничего в жизни более догматического, чем дипломатический этикет, где форма и есть содержание. Это – догма, отравляющая жизнь, заставляет деловых людей тратить время на разработку правил взаимной вежливости, местничества, старшинства, которое исторически – не смешно, а в сущности своей – бессмертно. Так вот Грановский, хотя свободного времени у него было сколько угодно, не считал для себя вправе сопровождать по строительству главного инженера фирмы. Вот если бы сам хозяин приехал.

Мистера Холмса сопровождал по строительству главный инженер Чистяков, грузный, массивный – то, что называется в романах «барского вида». В конторе комбината у Чистякова был огромный кабинет, напротив кабинета Грановского, где Чистяков проводил немало часов, запершись с молодой курьершей конторы.

Я был тогда молод и не понимал того физиологического закона, в котором ответ на вопрос: почему большие начальники живут, кроме своих жен, с курьершами, стенографистками, секретаршами. У меня были часто дела к Чистякову, и матерился я у этой запертой двери немало.

Я жил в той же самой гостинице близ содового завода, где в одной из комнат Константин Паустовский строчил свой «Кара-Бугаз». Судя по тому, что Паустовский рассказал о том времени – тридцатый и тридцать первый год, – он вовсе не увидел главного, чем были окрашены эти годы для всей страны, всей истории нашего общества²⁵.

Здесь на глазах Паустовского проводился великий эксперимент растления человеческих душ, распространенный потом на всю страну и обернувшийся кровью тридцать седьмого года. Именно здесь и тогда проводился первый опыт новой лагерной системы – самохрана, «перековка», питание в зависимости от выработки, зачеты рабочих дней в зависимости от результатов труда. Система, которая достигла расцвета на Беломорканале и потерпевшая крах на Москанале, где и до сих пор находят человеческие кости в братских могилах.

---

25 Шаламов высказывает основную причину своего невысокого мнения о творчестве К. Паустовского, не раз отмеченного и в записных книжках (см: ВШ7, 5, 288). Холодное отношение автора «Колымских рассказов» к одному из кумиров 1960-х годов объяснялось и психологически – тем, что они в одно время, осенью 1931 г., находились на Березниковской ТЭЦ, будучи на разных ступенях социальной иерархии: один – недавним заключенным, другой – столичным журналистом. Известный очерк Паустовского «Великан на Каме», позднее переименованный автором в «Соль земли» и вошедший в его первое собрание сочинений (1958), несомненно, был хорошо известен Шаламову. В очерке обойдено массовое участие заключенных в березниковском строительстве – например уголовники здесь эвфемистически названы «бузилами». «Строчил свой «Кара-Бугаз» – вряд ли Паустовский во время короткой командировки в Березники работал над этой повестью: очевидно, что она была написана раньше, и Шаламов ориентировался по дате ее написания – 1931 год.

Эксперимент на Березниках проводил Берзин. Не сам, конечно, Берзин. Берзин был всегда верным исполнителем чужих идей, кровавых или бескровных – все равно²⁶. Но директором Вишхимза – тоже строительства первой пятилетки – был Берзин. Ему был подчинен по лагерю Филиппов – а Вишерский лагерь, куда входили и Березники, и Соликамск с его калиевыми рудниками, был огромным. Только на Березниках было 3-4 тысячи человек, на строительстве Березникхимстроя. Рабочие первой пятилетки.

Здесь, и именно здесь, был решен вопрос – быть или не быть лагерям – после проверки рублем, заработком. После опыта Вишеры – удачного, по мнению начальства, опыта – лагеря охватили весь Советский Союз, и не было области, где бы не было лагеря, не было стройки, где бы не работали заключенные. Именно после Вишеры количество заключенных в стране достигло 12 миллионов человек²⁷. Именно Вишера знаменовала начало нового пути мест заключения. Исправдома были переданы в НКВД, и те принялись за дело, воспетое поэтами, драматургами, киорежиссерами.

Вот чего не увидел Паустовский, увлеченный своим «Кара-Бугазом».

В конце тридцать первого года со мной в комнате гостиницы жил молодой инженер Левин. Он работал на Березникхимстрое как переводчик с немецкого языка и был прикреплен к одному из иностранных инженеров. Когда я спросил Левина – почему он, инженер-химик по образованию, работает простым переводчиком на триста рублей в месяц, он сказал: «Да, конечно, но так лучше. Ответственности никакой. Вот пуск откладывают десятый раз, да сто человек посадят – а я? Я – переводчик. Притом работаю я мало, времени свободного сколько угодно. Я его трачу с пользой». Левин улыбнулся.

Улыбнулся и я.

– Не поняли?

– Нет.

– А не заметили, что я возвращаюсь под утро?

– Нет, не заметил.

– Вы ненаблюдательны. Я занимаюсь работой, которая приносит мне достаточный доход.

– Что же это?

– Я в карты играю.

– В карты?

– Да. В покер.

– С иностранцами?

– Ну, зачем с иностранцами. С иностранцами, кроме следственного дела, я нажать ничего не могу.

– Со своими?

– Конечно. Здесь холостяков – тьма. И ставки большие. А денег у меня – живу и благодарю папу: он хорошо меня выучил в покер играть. Да вы не хотите ли попробовать? Я мигом научу.

– Нет, благодарю вас.

Случайно я вставил Левина в повествование о мистере Поппе, рассказ о котором я никак не могу начать.

---

26 Еще один след пристрастного отношения к Берзину, заявленного в рассказе «У стремени».

27 Единственный случай, когда Шаламов отступил от своего правила: не употреблять в рассказах количественных данных (ср: «В «Колымских рассказах» отсутствуют описания, отсутствует цифровой материал...» – эссе «0 прозе», 1965 г. – ВШ7, 5, 147). Приводимая им цифра о 12 миллионах заключенных сильно завышена. См. примеч. 72 к основным главам «Вишерского антиромана».

Монтаж у фирмы «Нитрожен» шел отлично, заказ был крупным, и вице-директор приехал в Россию сам. М. Грановский, начальник Березникхимстроя, был своевременно и тысячекратно извещен о приезде мистера Поппа. Рассудив, в силу дипломатического протокола, что он, М. Грановский, старый член партии и начальник строительства крупнейшего объекта первой пятилетки, выше хозяина американской фирмы, решил лично, на станции Усолье (позднее эта станция стала называться Березниками), мистера Поппа не встречать. Несolidно. А встретить в конторе, у себя в комнате.

М. Грановскому было известно, что американский гость едет в специальном поезде – паровоз и вагон гостя, – о времени прибытия поезда на ст. Усолье начальник строительства знал еще за трое суток по телеграмме из Москвы.

Ритуал встречи был разработан заранее – гостю подают личную машину начальника строительства, и шофер везет гостя в гостиницу для иностранцев, где уже трое суток, как комендант гостиницы, партиец-выдвиженец Цыплаков, берег для заморского гостя лучшую комнату гостиницы для иностранцев. После туалета и завтрака мистер Попп должен быть доставлен в контору, после чего должна была начаться деловая часть свидания, расписанная по минутам.

Экстренный поезд с заморским гостем должен был прийти в 9 часов утра, и еще с вечера личный шофер Грановского был вызван, проинструктирован и обматерен неоднократно.

– Может, я, товарищ начальник, с вечера пригоню машину на станцию. Там и переночую, – беспокоился шофер.

– Ни в коем случае. Надо показать, что у нас все делается минута в минуту. Поезд гудит, замедляет ход и ты подъезжаешь к станции. Только так.

– Хорошо, товарищ начальник.

Измученный многократными репетициями – машина десять раз ходила на станцию по-рожняком, шофер исчислял скорость, рассчитывал время – в ночь перед приездом мистера Поппа шофер М. Грановского заснул, и ему снился суд – или суды еще не снились в тридцать первом году?

Дежурный по гаражу, – с ним никаких доверительных переговоров начальник строительства не вел, – разбудил шофера по звонку со станции, и, быстро заведя машину, шофер помчался встречать мистера Поппа.

Грановский был человек деловой. Он пришел в этот день в свой кабинет к 6 часам, провел два совещания, три «накачки». Слушая малейший шум внизу, раздвигал шторы и выглядывал в окно комнаты на дорогу. Заморского гостя не было.

В половине десятого со станции позвонил дежурный, вызывали начальника строительства. Грановский взял трубку и услышал глухой голос с сильным акцентом иностранным. Голос выразил удивление, что мистера Поппа так плохо встречают. Машины нет. Мистер Попп просит прислать машину.

Грановский осатанел. Сбегая через две ступени и тяжело дыша, он добрался до гаража.

– Уехал в половине восьмого ваш шофер, товарищ начальник.

– Как в половине восьмого?

Но загудела машина. Шофер, улыбаясь пьяной улыбочкой, перешагнул порог гаража.

– Ты что же, так твою перетак...

Но шофер объяснил. В половине восьмого пришел московский пассажирский. С ним из отпуска вернулся начальник финансовой части строительства Грозовский с семьей и вызвал машину Грановского, как делал всегда раньше. Шофер пытался объяснить про мистера Поппа. Но Грозовский объявил все это ошибкой – он ничего не знает – и приказал шоферу немедленно ехать на станцию. Шофер поехал. Он думал, что с иностранцем отменили, и вообще, Грозовский, Грановский – он не знает, кого слушать – у него голова кругом идет.

А потом поехали за четыре километра на новый поселок Чуртан, где была новая квартира Грозовского, шофер помогал носить вещи, потом хозяева угощали с дороги...

– Разговор с тобой будет после, кто важнее на свете, Грозовский или Грановский. А пока – гони на станцию.

Шофер прилетел на станцию – еще не было десяти часов. Настроение мистера Поппа было неважное.

Шофер, не разбирая дороги, мчал мистера Поппа в гостиницу для иностранцев. Мистер Попп расположился в номере, умылся, переоделся и успокоился.

Волновался теперь Цыплаков, комендант гостиницы для иностранцев – так он назывался тогда, не директор, не заведующий, а комендант. Дешевле ли обходилась такая должность, чем, например, «директор водяной будки», – не знаю, но только называлась эта должность именно так.

Секретарь мистера Поппа появился на пороге номера.

– Мистер Попп просит завтрак.

Комендант гостиницы взял в буфете две больших конфеты без бумажек, два бутерброда с повидлом, два с колбасой, укрепил все это на подносе и, прибавив два стакана чаю – весьма жидкого, – внес в номер мистера Поппа.

Немедленно секретарь вынес поднос обратно и поставил на тумбочку у двери номера:

– Мистер Попп этого завтрака есть не будет.

Цыплаков бросился на доклад к начальству строительства. Но Грановский уже все знал, ему доложили по телефону.

– Что ж ты, сука старая, – ревел Грановский. – Ты не меня позоришь, ты государство позоришь. Сдавай должность! На работу! В песчаный карьер! Лопату в руки! Вредители! Гады! Сгною в лагерах!

Седой Цыплаков, ждавший, пока начальник отматюгается, подумал: «Верно, сгноит».

Пора было переходить к деловой части визита, и тут Грановский немного успокоился. Фирма работала на строительстве хорошо. Газгольдеры ставили в Соликамске и в Березниках. Мистер Попп обязательно побывает и в Соликамске. За этим он приехал и вовсе не хочет сказать, что он огорчен. Да он и не огорчен. Удивлен скорее. Все это пустяки.

На строительство Грановский пошел с мистером Поппом сам, отбросив свои дипломатические расчеты, отложив все совещания, все встречи.

В Соликамск Грановский сам сопровождал мистера Поппа, с ним и вернулся.

Акты были подписаны, довольный мистер Попп собирался домой, в Америку.

– У меня есть время, – сказал мистер Попп Грановскому, – я сэкономил недели две благодаря хорошей работе наших... – гость помолчал, – и ваших мастеров. Прекрасная река Кама. Я хочу поехать на пароходе вниз по Каме до Перми, а то и до Нижнего Новгорода. Это можно?

– Конечно, – сказал Грановский.

– А пароход я могу зафрахтовать?

– Нет. У нас ведь другой строй, мистер Попп.

– А купить?

– И купить нельзя.

– Ну, если нельзя купить пассажирский пароход, я понимаю, он нарушит циркуляцию по водной артерии, то, может быть, буксирный, а? Вот, вроде такой «Чайки», – и мистер Попп показал на буксирный пароход, проплывающий мимо окон кабинета начальника строительства.

– Нет, и буксирный нельзя. Я прошу вас понять...

– Конечно, я много слышал... Купить – это было бы всего проще. Я в Перми оставлю его. Подарю вам.

– Нет, мистер Попп, – у нас не берут таких подарков.

– Так что же делать? Ведь это абсурд. Лето, прекрасная погода. Одна из лучших рек в мире, – она ведь и есть истинная Волга – я читал. Наконец, время. Время у меня есть. А уехать нельзя. Запросите Москву.

– Что Москва. Далеко Москва, – процитировал по привычке Грановский.

– Ну, решайте. Я – ваш гость. Как вы скажете, так и будет.

Грановский попросил полчаса на размышление, вызвал к себе в кабинет начальника пароходства Миронова и начальника оперсектора ОГПУ Озолса. Грановский рассказал о желании мистера Поппа.

Мимо Березников ходили тогда всего два пассажирских парохода – «Красный Урал» и «Красная Татария». Рейсы Чердынь – Пермь. Миронов сообщил, что «Красный Урал» внизу, около Перми, и прибыть никак скоро не может. Сверху к Чердыни подходит «Красная Татария». Если ее быстро вернуть назад – а тут помогут твои молодцы, Озолс! – и гнать вниз без остановок, то завтра днем «Красная Татария» придет на пристань Березников. Мистер Попп может ехать.

– Садись на селектор, – сказал Грановский Озолсу, – и жми на своих. Пусть ваш человек сядет на пароход и едет, не дает тратить зря время, не останавливаться. Скажи – государственное задание.

Озолс соединился с Анновом – пристанью Чердыни. «Красная Татария» вышла из Чердыни.

– Жми!

– Жмем.

Начальник строительства посетил мистера Поппа в его гостиничном номере – комендант был уже другой – и сообщил, что пассажирский пароход завтра в два часа дня будет иметь честь принять на свой борт дорогого гостя.

– Нет, – сказал мистер Попп. – Скажите точно, чтобы нам не торчать на берегу.

– Тогда в пять часов. В четыре я пришлю машину за вещами.

В пять часов Грановский, мистер Попп и его секретарь пришли на дебаркадер. Парохода не было.

Грановский попросил прощения, отлучился и кинулся к селектору ОГПУ.

– Да еще Ичер не проходил.

Грановский застонал. Добрых два часа.

– Может быть, мы вернемся в номер и, когда пароход придет – приедем. Закусим, – предложил Грановский.

– По-завтра-каем, вы хотите сказать, – выразительно выговорил мистер Попп. – Нет, благодарю вас. Сейчас прекрасный день. Солнце. Небо. Мы подождем на берегу.

Грановский остался на дебаркадере с гостями, улыбался, что-то говорил, поглядывал на мыс в верхнем течении, откуда должен вот-вот показаться пароход.

Тем временем сотрудники Озолса и сам начальник райотдела сидели на всех проводах и жали, жали, жали.

В восемь часов вечера «Красная Татария» показалась из-за мыса и медленно стала приближаться к дебаркадере. Грановский улыбался, благодарил, прощался. Мистер Попп благодарил не улыбаясь.

Пароход подошел. И тут-то и возникла та неожиданная трудность, задержка, которая чуть не свела в гроб сердечного больного М. Грановского, и трудность, которая была преодолена лишь благодаря опытности и распорядительности начальника райотдела Озолса.

Пароход оказался занятым, набитым людьми. Рейсы были редки, людей ездила чертова гибель, и забиты были все палубы, все каюты и даже машинное отделение. Мистеру Поппу

на «Красной Татарии» не было места. Не только все билеты в каюты были проданы и заняты. В каждой каюте в отпуск в Пермь секретари райкомов, начальники цехов, директора предприятий союзного значения.

Грановский почувствовал, что он теряет сознание. Но у Озолса было гораздо больше опыта в таких делах.

Озолс поднялся на верхнюю палубу «Красной Татарии» с четырьмя своими молодцами, с оружием и в форме.

– Выходи все! Выноси вещи!

– Да у нас билеты. До Перми билеты!

– Черт с тобой, с твоим билетом! Выходи вниз, в трюм. Даю три минуты на размышление.

– Конвой поедет с вами до Перми. Я объясню дорогой.

Через пять минут верхняя палуба была очищена, и мистер Попп, вице-директор фирмы «Нитрожен», вступил на палубу «Красной Татарии».

1967

Из сборника «Воскрешение лиственницы»

ГАЛИНА ПАВЛОВНА ЗЫБАЛОВА

В первый год войны чадающий фитиль фонаря бдительности был несколько прикручен. С барака пятьдесят восьмой статьи была снята колючая проволока, и враги народа были допущены к исполнению важных функций вроде должности истопника, дневального, сторожа, которую по лагерной конституции мог занимать только бытовик, в худшем случае – рецидивист-уголовник.

Доктор Лунин, наш начальник санчасти из заключенных, реалист и прагматик, справедливо рассудил, что надо ловить момент, ковать железо, пока оно горячо. Дневальный химлаборатории Аркаалинского угольного района попался в краже казенного глицерина (медок! пятьдесят рублей банка!), а сменивший дневального новый сторож украл в первую же ночь вдвое больше – ситуация приобрела остроту. За все свои лагерные скитания я наблюдал, что каждый арестант, приходя на новую работу, прежде всего оглядывается: что бы тут украсть? Это касается всех – от дневальных до начальников управлений. Есть какое-то мистическое начало в этой тяге русского человека к краже. Во всяком случае, в лагерных условиях, в северных условиях, в колымских условиях.

Все эти моменты, развязки регулярно возникающих ситуаций и ловят враги народа. После краха карьеры второго дневального-бытовика подряд Лунин рекомендовал меня в дневальные химлаборатории – не украдет, дескать, химических сокровищ, а топить печку-бочку, да еще каменным углем, каждый заключенный по пятьдесят восьмой статье в те колымские годы мог, и умел топить квалифицированнее всякого истопника. Мытье полов по-матросски, с навязанной тряпкой на палке, было хорошо мне знакомо по 1939 году, по Магаданской пересылке. В конце концов я, знаменитый магаданский поломой, занимаюсь этим делом всю весну 1939 года, научился на всю жизнь.

Я работал тогда на шахте, выполнял «процент» – уголь не касался золотого прииска, но, конечно, о сказочной работе дневального в химлаборатории мне и не мечталось.

Я получил возможность отдохнуть, отмыть лицо и руки – пропитанная угольной пылью харкотина должна была стать светлой лишь после многих месяцев моего дневальства, а то и лет. О цвете харкотины думать не приходилось.

Лабораторией, занимавшей на поселке целый барак и имевшей большой штат – два инженера-химика, два техника, три лаборанта, – управляла молодая столичная комсомолка Галина Павловна Зыбалова, договорница, как и ее муж, Петр Яковлевич Подосенов, автоинженер, заведовавший автобазой Аркагалинского угольного района.

Жизнь вольных заключенные смотрят как кинофильм – то драму, то комическую, то видовую картину по классическому дореволюционному делению жанров для кинопроката. Редко герои кинофильма (фильмы, а не фильма, как теперь) сходят с экрана в зрительный зал электротeatра (так назывался раньше кинотеатр).

Жизнь вольных заключенные смотрят как кинофильм. Тут удовольствие особого рода. Ничего решать не надо. Вмешиваться в эту жизнь не должно. Никаких реальных проблем это сосуществование разных миров перед заключенными не ставит. Просто другой мир.

Тут я топил печи. С каменным углем надо уметь обращаться, но это наука несложная. Мыл полы. А главное, лечил свои пальцы на ногах – остеомиелит после тридцать восьмого года закрылся только на материке, чуть не к XX съезду партии. А может быть, и тогда еще не закрылся.

Перематывая чистые тряпочки, меня повязку на сочащихся гноем пальцах обеих ног, я застывал в блаженстве перед растопленной печкой, ощущая тончайшую боль, ломоту этих пальцев, раненных прииском, изувеченных золотом. Полное блаженство и требует капельку боли – об этом говорит и история общества и литературы.

Теперь у меня ныла, болела голова – о ноющих пальцах я забыл, – ощущение было вытеснено другим, более ярким, более жизненно важным.

Я еще ничего не вспомнил, ничего не решил, ничего не нашел, но весь мой мозг, его иссохшие клетки напряглись в тревоге. Ненужная колымчанину память – в самом деле, зачем лагернику такая ненадежная, и такая хрупкая, и такая цепкая, и такая всеильная память? – должна была подсказать мне решение. Ах, какая у меня была память когда-то – четыре года тому назад! Память у меня была как выстрел, если я не вспоминал чего-либо сразу – я заболел, ничем не мог заниматься, пока не вспоминал того, чего хотел. Таких случаев выдачи с задержкой в моей жизни было очень мало, считанное количество раз. Само воспоминание о такой задержке как-то подстегивало, убыстряло и без того быстрый бег памяти.

Но мой нынешний аркагалинский мозг, измученный Колымой тридцать восьмого года, измученный четырехлетними скитаниями от больницы до забоя, хранил какую-то тайну и никак не хотел подчиняться приказу, просьбе, мольбе, молитве, жалобе.

Я молил свой мозг, как молят высшее существо, ответить, открыть мне какую-то переборку, осветить какую-то темную щель, где прячется нужное мне.

И мозг сжалился, выполнил просьбу, снизошел к моей мольбе.

Что это была за просьба?

Я повторял без конца фамилию своей заведующей лабораторией – Галина Павловна Зыбалова! Зыбалова. Павловна! Зыбалова!

Где-то я слышал эту фамилию. Знал человека с этой фамилией. Зыбалов – не Иванов, не Петров, не Смирнов. Это столичная фамилия. И вдруг я, вспотев от напряжения, припомнил. Не Москву, не Ленинград, не Киев, где человек со столичной фамилией был близко около меня.

В 1929 году, по первому моему сроку работая на Северном Урале, в Березниках, я встречал на Березниковском содовом заводе экономиста, начальника планового отдела,

ссылного Зыбалова, Павла Павловича, кажется. Зыбалов был членом ЦК меньшевиков, и его показывали другим ссылкой издавала, с порога комнаты в конторе содового завода, где работал Зыбалов. Вскоре Березники были затоплены потоком заключенных разного рода – и ссылкой, и лагерников, и колхозников-переселенцев – по начавшимся громким процессам, и фамилия Зыбалова среди новых героев несколько отошла в тень. Зыбалов перестал быть достопримечательностью Березников.

Сам содовый завод, бывший Сальвэ, стал частью Берниковского химического комбината, вошел в одну из строек-гигантов первой пятилетки – Березникхимстрой, вобравшего сотни тысяч рабочих, инженеров и техников – отечественных и иностранных. На Березниках был поселок иностранцев, простых ссылкой, спецпереселенцев и лагерников. Только лагерников в одну смену выходило до десяти тысяч человек. Стройка текучести невероятной, где за месяц принималось три тысячи вольных по договорам и вербовке и бежало без расчета четыре тысячи. Стройка эта еще ждет своего описания. Надежды на Паустовского не оправдались. Паустовский там писал и написал «Кара-Бугаз», прячась от бурливой, кипящей толпы в березниковской гостинице и не высывая носа на улицу²⁸.

Экономист Зыбалов со службы на содовом заводе перешел в Березникхимстрой – там было и денег побольше, да и размах побольше, да и карточная система давала себя знать.

На Березниковском химкомбинате вел кружок экономических знаний для добровольцев. Бесплатный кружок для всех желающих. Кружок был общественной работой Павла Павловича Зыбалова, и занимался он в главной конторе Химстроя. Вот в этом-то кружке я был на нескольких занятиях у Зыбалова.

Зыбалов, столичный профессор, ссылкой, охотно и легко вел занятия. Он скучал по лекционной, по преподавательской работе. Не знаю, прочел ли он за свою жизнь одиннадцать тысяч лекций, как прочел другой мой лагерный знакомый, но что количество измерялось тысячами – это было наверняка.

У ссылкой Зыбалова на Березниках умерла жена, осталась дочь, девочка лет десяти, приходившая к отцу иногда во время наших занятий.

В Березниках меня хорошо знали. Я отказался ехать с Березником на Колыму, на открытие Дальстроя, и попытался устроиться в Березниках.

Но кем? Юристом? У меня было незаконченное юридическое образование. Не кто иной, как Зыбалов посоветовал мне принять должность заведующего бюро экономики труда (БЭТ) Березниковской теплоэлектроцентрали (ТЭЦ) в знаменитых тогда лингвистических находках, которые тут же у нас, на стройке первой пятилетки, и рождались. Директором ТЭЦ был вредитель – инженер Капеллер, лицо, прошедшее по процессам не то шахтинских, не то иных списков. ТЭЦ – это была уже эксплуатация, а не строительство, пусковой период затягивался безбожно, но это безбожие было возведено в закон. Капеллер никак не мог поставить себя – осужденного десятилетника или даже пятнадцатилетника – в тон всей этой шумной стройке, где ежедневно менялись рабочие, техники, наконец, где арестовывали и расстреливали начальников и выгружали эшелоны со ссылкой после коллективизации. Капеллер у себя в Кизеле был осужден за гораздо меньшие проступки, [чем] производственные безобразия, которые росли здесь мощной лавиной. Рядом с его кабинетом еще стучали молотки, и к котлу, который монтировала фирма «Ганомага», вызывали московскими телеграммами из-за границы лекарей.

Капеллер принял меня на работу, принял весьма равнодушно, – его занимали технические вопросы, технические трагедии, которых было не меньше экономических и бытовых.

В помощь Капеллеру от партийной организации был рекомендован в качестве помощника директора по производственным совещаниям Тимофей Иванович Рачев, малограмотный,

28 См. примеч. 25 к рассказу «Визит мистера Поппа».

но энергичный человек, поставивший главным условием «не давать глотничать». Бюро экономики труда было в подчинении Рачева, и я долго хранил у себя бумагу с его резолюцией. Кочегары подали огромное мотивированное заявление о недоплатах, о перерасчете – долго они ходили к Рачеву по этому вопросу. Не перечитывая их заявление, Рачев написал: «Зав. БЭТ тов. Шаламову. Прошу разобраться и по возможности отказать».

На эту работу я, юрист с незаконченным образованием, попал именно по совету Зыбалова:

– Смелей действуйте. Беритесь и начинайте. Если даже выгонят через две недели – раньше по колдоговору не уволят, – вы за эти две недели наберетесь кое-какого опыта. Потом поступайте опять. Пять таких увольнений – и вы готовый экономист. Не бойтесь. Если встретится что-нибудь сложное – приходите. Я вам помогу. Я-то ведь никуда не денусь. Не подлежу законам текучести.

Я принял эту хорошо оплачиваемую должность.

В это же время Зыбалов организовывал вечерний экономический техникум. Павел Павлович (кажется, Павлович) был главным преподавателем этого техникума. Мне там тоже готовили место преподавателя «гигиены и физиологии труда».

Уже я подал заявление в этот новый техникум, уже подумывал о плане первого урока, но вдруг получил письмо из Москвы. Мои родители были живы, мои товарищи по университету тоже были живы, и оставаться в Березниках было смерти подобно. И я уехал без расчета с ТЭЦ, а Зыбалов остался в Березниках.

Все это я и вспомнил на Аркагале, в химлаборатории Аркагалинского угольного района, в преддверии тайны гуминовых кислот.

Роль случая очень велика в жизни, и хотя общий мировой порядок наказывает за использование случая в личных целях, но бывает так, что и не наказывает. Этот зыбаловский вопрос надо было довести до конца. А может быть, и нет. Я уже не нуждался в то время в куске хлеба. Шахта – не прииск, уголь – не золото. Может быть, этот карточный домик не стоило строить – ветер уронит постройку, разметет ее на четыре стороны света.

Арест по «делу юристов» три года назад учил ведь меня важному лагерному закону: никогда не обращаться с просьбами к людям, которых ты лично знал по воле, – мир мал, такие встречи бывают. Почти всегда на Колыме такая просьба неприятна, иногда невозможна, иногда приводит к смерти просившего.

Такая опасность на Колыме – да и во всем лагере – существует. У меня была встреча с Чекановым, моим сокамерником по Бутырской тюрьме. Чеканов не только узнал меня в толпе работяг, когда принял в качестве десятника наш участок, но ежедневно вытаскивал меня за руку из строя, бил и назначал на самые тяжелые работы, где, конечно, и процента не могло быть у меня. Чеканов каждый день докладывал начальнику участка о моем поведении, заверяя, что уничтожит эту заразу, что не отрицает личного знакомства, но докажет свою преданность, оправдает доверие. Чеканов был осужден по той же статье, что и я. В конце концов Чеканов выпихнул меня на штрафной пункт, и я остался жив.

Я знал также полковника Ушакова, начальника розыскного, а позднее речного отдела Колымы, – знал, когда Ушаков был простым агентом МУРа, осужденным за какое-то служебное преступление.

Я никогда не пытался напомнить полковнику Ушакову о себе. Я был бы убит в самом непродолжительном времени.

Наконец, я знал все высокое начальство Колымы, начиная с самого Берзина: Васькова, Майсурадзе, Филиппова, Егорова, Цвирко.

Знакомый с лагерной традицией, я никогда не выходил из рядов арестантов, чтобы подать какую-нибудь просьбу лично мне знакомому начальнику, обратить на себя внимание.

По «делу юристов» я случайно только избежал от пули в конце 1938 года на прииске «Партизан» во время колымских расстрелов. В «деле юристов» вся провокация велась против председателя Далькрайсуда Виноградова. Его обвиняли в том, что он дал хлеба и устроил на работу своего сослуживца по факультету советского права Дмитрия Сергеевича Парфентьева, бывшего челябинского прокурора и прокурора Карелии.

Посетив прииск «Партизан», председатель Далькрайсуда Виноградов не счел нужным скрывать свое знакомство с забойщиком – профессором Парфентьевым – и попросил начальника прииска Л. М. Анисимова устроить Парфентьева на работу полегче.

Приказ был немедленно выполнен, и Парфентьев назначен молотобойцем – более легкой работы на прииске не нашлось, но все же не ветер на шестидесятиградусном морозе в открытом забое, не лом, не лопата, не кайло. Правда, кузница с хлопающей полуоткрытой дверью, с открытыми окнами, но все же там огонь горна, там можно укрыться если не от холода, то от ветра. А у троцкиста Парфентьева, у врага народа Парфентьева было оперировано одно легкое по поводу туберкулеза.

Пожелание Виноградова начальник прииска «Партизан» Леонид Михайлович Анисимов выполнил, но тут же донес рапортом по всем нужным и возможным инстанциям. Начало «делу юристов» было положено. Капитан Столбов, начальник СПО Магадана, арестовал всех юристов на Колыме, проверяя их связи, накладывая, захлестывая и натягивая аркан провокации.

На прииске «Партизан» были арестованы я и Парфентьев, увезены в Магадан и посажены в Магаданскую тюрьму.

Но через сутки сам капитан Столбов был арестован и освобождены все арестованные по ордеру, подписанным капитаном Столбовым.

Я рассказал подробно об этом в мемуаре «Заговор юристов», где документальна каждая буква.

Выпущен я был не на свободу, понимая под колымской свободой содержание в лагере же, но в общем бараке, на общих правах. На Колыме нет свободы.

Я был выпущен вместе с Парфентьевым на пересылку, на тридцатитысячную транзитку – выпущен с особым лиловым клеймом на личном деле: «Прибыл из Магаданской тюрьмы». Это клеймо обрекало меня бесконечное количество лет находиться под фонарем бдительности, на внимании начальства до тех пор, пока лиловое клеймо на старом личном деле не заменится чистой обложкой нового личного дела, нового срока наказания. Хорошо еще, что этот новый срок не был выдан «весом» – пулей в семь граммов. Впрочем, хорошо ли, – срок, выданный «весом», избавил бы меня от дальнейших мучений, многолетних, не нужных никому, ни даже мне для пополнения моего душевного или нравственного опыта и физической крепости.

Во всяком случае, вспомнив все свои скитания после ареста по «делу юристов» на прииске «Партизан», я взял себе за правило: никогда по своей инициативе к знакомым не обращаться и тени с материка на Колыму не вызывать.

Но в случае с Зыбаловой мне почему-то казалось, что я не принесу вреда хозяйке этой фамилии. Человек она была хороший, и если различала вольного от заключенного, то не с позиции активного врага заключенных – так учат всех договорников во всех политотделах Дальстроя еще при заключении договоров. Заключенный всегда чувствует в вольном оттенок: есть ли в договорах что-либо, кроме казенных инструкций, или нет. Оттенков тут много – так много, как самих людей. Но есть рубеж, переход, граница добра и зла, моральная граница, которая чувствуется сразу.

Галина Павловна, как и ее муж Петр Яковлевич, не занимала крайней позиции активно-врага всякого заключенного только потому, что он – заключенный, хотя Галина Павлов-

на была секретарем комсомольской организации Аркагалинского угольного района. Петр Яковлевич был беспартийным.

Вечерами Галина Павловна часто засиживалась в лаборатории – семейный барак, где они жили, вряд ли был уютней кабинетиков химической лаборатории.

Я спросил Галину Павловну, не жила ли она в Березниках на Урале в конце двадцатых годов, в начале тридцатых.

– Жила!

– А ваш отец – Павел Павлович Зыбалов?

– Павел Осипович.

– Совершенно верно. Павел Осипович. А вы были девочкой лет десяти.

– Четырнадцать.

– Ходили в таком бордовом пальто.

– В шубе вишневой.

– Ну, в шубе. Вы завтрак носили Павлу Осиповичу.

– Носила. Там мама моя умерла, на Чуртане.

Петр Яковлевич сидел здесь же.

– Смотри-ка, Петя, Варлам Тихонович знает папу.

– Я у него в кружке занимался.

– А Петя родом из Березников. Он – местный. У его родителей дом в Веретье.

Подосенов назвал мне несколько фамилий, известных в Березниках, и в Усолье, и в Соликамске, и в Веретье, на Чуртане и в Дедюхине, вроде Собяниковых, Кичиных, но я по обстоятельствам моей биографии не получил возможности помнить и знать местных уроженцев.

Для меня все эти названия звучали как «Чиктосы и Команчи», как стихи на чужом языке, но Петр Яковлевич читал их как молитвы, все более воодушевляясь

– Теперь все это засыпано песком, – сказал Подосенов. – Химкомбинат.

– А папа сейчас в Донбассе, – сказала Галина Павловна, и я понял, что ее отец в очередной ссылке.

Этим все и кончилось. Я испытывал истинное удовольствие, праздник оттого, что бедный мой мозг так хорошо сработал. Чисто академическое удовольствие.

Прошло месяца два, не больше, и Галина Павловна, придя на работу, вызвала меня в свой кабинет.

– Я получила письмо от папы. Вот.

Я прочел разборчивые строки крупного, вовсе не знакомого мне почерка:

«Шаламова я не знаю и не помню. Я ведь вел такие кружки в течение двадцати лет в ссылке, где бы я ни находился. Веду их и сейчас. Не в этом дело. Что за письмо ты мне написала? Что это за проверка? И кого? Шаламова? Себя? Меня? Что касается меня, – писал крупным почерком Павел Осипович Зыбалов, – то мой ответ таков. Поступи с Шаламовым так, как ты поступила бы со мной, если бы встретила на Кольме. Но чтобы знать мой ответ, тебе не надо было писать письма».

– Вот видите, что получилось... – огорченно сказала Галина Павловна. – Вы папу не знаете. Он мне не забудет этой оплошности никогда.

– Я ничего особенного вам не говорил.

– Да и я ничего особенного папе не писала. Но видите, как папа смотрит на эти вещи. Теперь уж вам нельзя работать дневальным, – грустно размышляла Галина Павловна. – Опять нового дневального искать. А вас я оформлю техником – у нас есть свободная должность по штатам для вольнонаемных. Как начальник угольного района Свищев уедет, его будет замещать главный инженер Юрий Иванович Кочура. Через него я и оформлю вас.

Из лаборатории никого не увольняли, идти мне на «живое место» не пришлось, и под руководством и с помощью инженеров Соколова и Олега Борисовича Максимова, ныне здравствующего члена Дальневосточной академии наук, я начал карьеру лаборанта и техника.

Для мужа Галины Павловны, Петра Яковлевича Подосенова, я написал по его просьбе большую литературоведческую работу – составил на память словарь блатных слов, их возникновение, изменения, толкования. В словаре было около шестисот слов – не вроде той специальной литературы, которую издает уголовный розыск для своих сотрудников, а в ином, более широком плане и более остром виде. Словарь, подаренный Подосену, – единственная моя прозаическая работа, написанная на Колыме.

Мое безоблачное счастье не омрачалось тем, что Галина Павловна уходила от мужа, кинороман оставался кинороманом. Я был только зрителем, зрителю даже крупный план чужой жизни, чужой драмы, чужой трагедии не давал иллюзии жизни.

И не Колыма, страна с чрезвычайным обострением всех сторон семейной и женской проблемы, обострением до уродливости, до смещения всех и всяческих масштабов, была причиной распада этой семьи.

Галина Павловна была умница, красавица слегка монгольского типа, инженер-химик, представительница самой модной тогда, самой новой профессии, единственная дочь русского политического ссыльного.

Петр Яковлевич был застенчивый пермяк, всячески уступавший жене – и в развитии, и в интересах, и в требованиях. Что супруги были не пара, бросалось в глаза, и хотя для семейного счастья нет законов, в этом случае, кажется, семье было суждено распадаться, как всякой семье, впрочем.

Процесс распада ускорила, катализировала Колыма.

У Галины Павловны был роман с главным инженером угольного района Юрием Ивановичем Кочурой, вернее не роман, а вторая любовь. А у Кочуры – дети, семья. Я тоже был показан Кочуре перед своим посвящением в техники.

– Вот этот человек, Юрий Иванович.

– Хорошо, – сказал Юрий Иванович, не глядя ни на меня, ни на Галину Павловну, а глядя прямо в пол перед собой. – Подайте рапорт о зачислении

Однако все в этой драме было еще впереди. Жена Кочуры подала заявление в политуправление Дальстроя, начались выезды комиссии, опросы свидетелей, сбор подписей. Государственная власть со всем своим аппаратом встала на защиту первой семьи, на которую подписывала договор с Дальстроем в Москве.

Вышние магаданские инстанции по совету Москвы, что разлука обязательно убьет любовь и возвратит Юрия Ивановича супруге, сняли Галину Павловну с работы и перевели на другое место.

Разумеется, из таких переводов никогда ничего не выходило и выйти не могло. Тем не менее разлука с любимой – единственный апробированный государством путь к исправлению положения. Иных способов, кроме указанного в «Ромео и Джульетте», не существует. Это традиция первобытного общества, и ничего нового цивилизация в эту проблему не внесла.

После отцовского ответа отношения мои с Галиной Павловной стали более доверительными

– Вот, Варлам Тихонович, этот Постников, что с руками.

Еще бы я не хотел посмотреть Постникова с руками!

Несколько месяцев назад, когда я еще ишачил на Кадыкчане, а перевод на Аркагалу – пусть в шахту, не в лабораторию – казался чудом несбыточным, именно на наш барак,

то есть палатку брезентовую, утепленную к шестидесяти градусам мороза слоем толя или рубероида, не помню, и двадцатью сантиметрами воздуха – воздушная прокладка по инструкции магаданско-московской, – вышел ночью беглец.

По Аркагале, по аркагалинской тайге, ее речкам, сопкам и распадкам проходит кратчайший путь от материка по суше – через Якутию, Алдан, Колыму, Индигирку.

Перелетный путь беглецов, его таинственная карта таится в груди беглецов – люди идут, внутренним чутьем угадывая направление. И это направление верно, как перелет гусей или журавлей. Чукотка ведь не остров, а полуостров, материком Большая земля зовется по тысяче аналогий: дальний путь морем, отправление в портах, мимо острова Сахалин – места царской каторги.

Все это знает и начальство. Поэтому летом именно вокруг Аркагалы – посты, летучие отряды, оперативка и в штатском и в военном.

Несколько месяцев назад младший лейтенант Постников задержал беглеца, вести на Кадыкчан за десять – пятнадцать километров ему не хотелось, и младший лейтенант застрелил беглеца на месте.

Что нужно предъявить в учетном отделе при розыске чуть не по всему миру? Как опознать человека? Такой паспорт существует, и очень точный, – это дактилоскопический оттиск десяти пальцев. Такой оттиск хранится в личном деле каждого заключенного – в Москве, в Центральной картотеке, и в Магадане, в местном управлении.

Не утруждая себя доставкой задержанного заключенного на Аркагалу, молодой лейтенант Постников отрубил топором обе кисти беглеца, сложил их в сумку и повез рапорт о поимке арестанта.

А беглец встал и ночью пришел в наш барак, бледный, потерявший много крови, говорить он не мог, а только протягивал руки. Наш бригадир сбегал за конвоем, и беглеца увели в тайгу.

Доставили беглеца живым на Аркагалу или просто отвели в кусты и окончательно убили – это было бы самым простым выходом и для беглеца, и для конвоя, и для младшего лейтенанта Постникова.

Никакого взыскания Постников не получил. Да никто и не ждал такого взыскания. Но разговоров о Постникове даже в том голодном подневольном мире, в котором я жил тогда, было много, случай был свежий.

Потому я, захватив кусок угля, чтобы заправить, подшуровать печку, вошел в кабинет заведующей.

Постников был светлый блондин, но не из породы альбиносов, а скорее северного, голубоглазого, поморского склада – чуть выше среднего роста. Самый, самый обыкновенный человек.

Помню, вглядывался я жадно, ловя хоть ничтожную отметку лафатеровского, ломбозовского типа на испуганном лице младшего лейтенанта Постникова...

Мы сидели вечером у печки, и Галина Павловна сказала:

– Я хочу посоветоваться с вами.

– О чем же?

– О своей жизни.

– Я, Галина Павловна, с тех пор, как стал взрослым, живу по важной заповеди: «Не учи ближнего своего». На манер евангельской. Всякая судьба – неповторима. Всякий рецепт – фальшив.

– А я думала, что писатели...

– Несчастье русской литературы, Галина Павловна, в том, что она лезет в чужие дела, направляет чужие судьбы, высказывается по вопросам, в которых она ничего не пони-

мает, не имея никакого права соваться в моральные проблемы, осуждать, не зная и не желая знать ничего.

– Хорошо. Тогда я вам расскажу сказку, и вы оцените ее как литературное произведение. Всю ответственность за условность или за реализм – что мне кажется одним и тем же – я принимаю на себя.

– Отлично. Попробуем со сказкой.

Галина Павловна быстро начертила одну из самых банальных схем треугольника, и я посоветовал ей не уходить от мужа.

По тысяче причин. Во-первых, привычка, знание человека, как ни малое, а единственное, тогда как там – сюрприз, коробка с неожиданностями. Конечно, и оттуда можно уйти.

Вторая причина – Петр Яковлевич Подосенов был хороший человек явно. Я бывал на его родине, написал для него с истинной симпатией работу о блатарях, Кочуру же я совершенно не знал.

Наконец, в-третьих, и в самых главных, я не люблю никаких перемен. Я возвращаюсь спать домой, в тот дом, в котором я живу, ничего нового в мебелировке не люблю, с трудом привыкаю к новой мебели.

Бурные перемены в моей жизни всегда возникали помимо моей воли, по чьей-то явно злой воле, ибо я никогда не искал перемен, не искал лучшего от хорошего.

Была и причина, облегчающая советчику его смертный грех. По делам собственного сердца советы принимаются только такие, которые не противоречат внутренней воле человека, – все остальное отвергается или сводится на нет подменной понятий.

Как всякий оракул, я рисковал немногим. Даже своим добрым именем не рисковал.

Я предупредил Галину Павловну, что совет мой – чисто литературный и никаких нравственных обязательств не скрывает.

Но прежде чем Галина Павловна приняла решение, в дело вмешались высшие силы в полном соответствии с традициями природы, поспешившими на помощь Аркагале.

Петр Яковлевич Подосенов, муж Галины Павловны, был убит. Композиция эскиловская. С хорошо изученной сюжетной ситуацией. Подосенов был сбит проходившей машиной в зимней темноте и умер в больнице. Таких автомобильных катастроф на Колыме много, и о возможности самоубийства вовсе не говорили. Да он и не покончил бы с собой. Он был фаталист немного: не судьба, значит, не судьба. Оказалось, очень даже судьба, чересчур судьба. Подосенова-то как раз убивать было не надо. Разве за добрый характер убивают? Конечно, на Колыме добро – грех, но и зло – грех. Смерть эта ничего не разрешила, никаких узлов не развязала, не разрубила – все осталось по-прежнему. Было только видно, что высшие силы заинтересовались этой маленькой, ничтожной колымской трагедией, заинтересовались одной женской судьбой.

На место Галины Павловны прибыл новый химик, новый заведующий. Первым же распоряжением он снял меня с работы, этого я ждал. В отношении заключенных – да и вольных, кажется, тоже – колымское начальство не нуждается в формулировках причин, да и я не ждал никаких объяснений. Это было бы слишком литературно, слишком во вкусе русских классиков. Просто лагерный нарядчик на утреннем разводе по работам выкрикнул мою фамилию по списку арестантов, посылаемых в шахту, я встал в ряды, поправил рукавицы, конвой нас сосчитал, дал команду, и я пошел хорошо знакомой дорогой.

Больше никогда в жизни Галину Павловну я не видел.

1970–1971

Из сборника «Перчатка, или КР-2».

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН И ВОРОВСКОЙ МИР

*Все они убийцы или воры,
Как судил им рок.
Полюбил я грустные их взоры
С впадинами щек.
Много зла от радости в убийцах,
Их сердца просты,
Но кривятся в почернелых лицах
Голубые рты.*

Этап, который шел на север по уральским деревням, был этапом из книжек – так все было похоже на читанное раньше у Короленко, у Толстого, у Фигнер, у Морозова... Была весна двадцать девятого года.

Пьяные конвоиры с безумными глазами, раздающие подзатыльники и оплеухи, и поминутно – шелканье затворами винтовок. Сектант-федоровец, проклинающий «драконов»; свежая солома на земляном полу сараев этапных изб; таинственные татуированные люди в инженерских фуражках, бесконечные поверки, переключки и счет, счет, счет...

Последняя ночь перед пешим этапом – ночь спасения. И, глядя на лица товарищей, те, которые знали есенинские стихи, а в 1929 году таких было немало, подивились исчерпывающе точным словам поэта:

*И кривятся в почернелых лицах
Голубые рты.*

Рты у всех были именно голубыми, а лица – черными. Рты у всех кривились – от боли, от многочисленных кровотокающих трещин на губах.

Однажды, когда идти почему-то было легче или перегон был короче, чем другие, – настолько, что все засветло расположились на ночевку, отдохнули, – в углу, где лежали воры, послышалось негромкое пение, скорее речитатив с самодельной мелодией:

Ты меня не любишь, не жалеешь...

Вор допел романс, собравши много слушателей, и важно сказал:

– Запрещенное.

– Это – Есенин, – сказал кто-то.

– Пусть будет Есенин, – сказал певец.

Уже в это время – всего через три года после смерти поэта – популярность его в блатных кругах была очень велика.

Это был единственный поэт, «принятый» и «освященный» блатными, которые вовсе не жалуют стихов.

Позднее блатные сделали его «классиком» – отзывать о нем с уважением стало хорошим тоном среди воров.

С такими стихотворениями, как «Сыпь, гармоника», «Снова пьют здесь, дерутся и плачут», – знаком каждый грамотный блатарь. «Письмо матери» известно очень хорошо. «Персидские мотивы», поэмы, ранние стихи – вовсе неизвестны.

Чем же Есенин близок душе блатаря?

Прежде всего, откровенная симпатия к блатному миру проходит через все стихи Есенина. Неоднократно высказанная прямо и ясно. Мы хорошо помним:

Все живое особой метой
Отмечается с ранних пор.
Если не был бы я поэтом,
То, наверно, был мошенник и вор.

Блатари эти строки тоже хорошо помнят. Так же, как и более раннее (1915) «В том краю, где желтая крапива» и многие, многие другие стихотворения.

Но дело не только в прямых высказываниях. Дело не только в строках «Черного человека», где Есенин дает себе чисто блатарскую самооценку:

Был человек тот авантюрист,
Но самой высокой
И лучшей марки.

Настроение, отношение, тон целого ряда стихотворений Есенина близки блатному миру. Какие же родственные нотки слышат блатари в есенинской поэзии?

Прежде всего, это нотки тоски, все, вызывающее жалость, все, что роднится с «тюремной сентиментальностью».

И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Стихи о собаке, о лисице, о коровах и лошадях – понимаются блатарями как слово человека, жестокого к человеку и нежного к животным.

Блатари могут приласкать собаку и тут же ее разорвать живую на куски – у них моральных барьеров нет, а любознательность их велика, особенно в вопросе «выживет или не выживет?». Начав еще в детстве с наблюдений над оборванными крыльями пойманной бабочки и птичкой с выколотыми глазами, блатарь, повзрослев, выкалывает глаза человеку из того же чистого интереса, что и в детстве.

И за стихами Есенина о животных им чудится родственная им душа. Они не воспринимают этих стихов с трагической серьезностью. Им это кажется ловкой рифмованной декларацией.

Нотки вызова, протеста, обреченности – все эти элементы есенинской поэзии чутко воспринимаются блатарями. Им не нужны какие-нибудь «Кобыльи корабли» или «Пантократор». Блатари – реалисты. В стихах Есенина они многого не понимают и непонятое – отвергают. Наиболее же простые стихи цикла «Москвы кабацкой» воспринимаются ими как ощущение, синхронное их душе, их подземному быту с проститутками, с мрачными подпольными кутежами.

Пьянство, кутежи, воспевание разврата – все это находит отклик в воровской душе.

Они проходят мимо есенинской пейзажной лирики, мимо стихов о России – все это ни капли не интересует блатарей.

В стихах же, которые им известны и по-своему дороги, они делают смелые купюры – так, в стихах «Сып, гармоника» отрезана блатарскими ножницами последняя строфа из-за слов:

Дорогая, я плачу,
Прости... Прости...

Матерщина, вмонтированная Есениным в стихи, вызывает всегдашнее восхищение. Еще бы! Ведь речь любого блатаря уснащена самой сложной, самой многоэтажной, самой совершенной матерной руганью – это лексикон, быт.

И вот перед ними поэт, который не забывает эту важную для них сторону дела.

Поэтизация хулиганства тоже способствует популярности Есенина среди воров, хотя, казалось бы, с этой стороны он в воровской среде не должен был иметь сочувствия. Ведь воры стремятся в глазах фраеров резко отделить себя от хулиганов, они и в самом деле – явление вовсе иное, чем хулиганы, – неизмеримо опаснее. Однако в глазах «простого человека» хулиган еще страшнее вора.

Есенинское хулиганство, прославленное стихами, воспринимается ворами как происшествие их «шалмана», их подземной гулянки, бесшабашного и мрачного кутежа.

Я такой же, как вы, пропащий,
Мне теперь не уйти назад.

Каждое стихотворение «Москвы кабацкой» имеет нотки, отзывающиеся в душе блатаря; что им до глубокой человечности, до светлой лирики существа есенинских стихов²⁹.

Им нужно достать оттуда иные, созвучные им строчки. А эти строчки есть, тон этот обиженного на мир, оскорбленного миром человека – есть у Есенина.

Есть и еще одна сторона есенинской поэзии, которая сближает его с понятиями, царящими в блатарском мире, с кодексом этого мира.

Дело идет об отношении к женщине. К женщине блатарь относится с презрением, считая ее низшим существом. Женщина не заслуживает ничего лучшего, кроме издевательств, грубых шуток, побоев.

Блатарь вовсе не думает о детях; в его морали нет таких обязательств, нет понятий, связывающих его с «потомками».

Кем будет его дочь? Проституткой? Воровкой? Кем будет его сын – блатарю решительно все равно. Да разве по «закону» не обязан вор уступить свою подругу более «авторитетному» товарищу?

Но я детей
По свету растерял,
Свою жену
Легко отдал другому.

И здесь нравственные принципы поэта вполне соответствуют тем правилам и вкусам, которые освящены воровскими традициями, бытом.

Пей, выдра, пей!

Есенинские стихи о пьяных проститутках блатные знают наизусть и давно взяли их «на вооружение». Точно так же «Есть одна хорошая песня у соловушки» и «Ты меня не любишь,

---

29 Сам Шаламов чрезвычайно высоко ценил «Москву кабацкую»: «Каждое из 18 стихотворений, составляющих этот удивительный цикл, – шедевр русской лирики» (ВШ7, 4, 577).

не жалеешь» с самодельной мелодией включены в золотой фонд уголовного «фольклора», так же, как:

Не храпи, запоздалая тройка.
Наша жизнь пронеслась без следа,
Может, завтра больничная койка
Успокоит меня навсегда.

«Больничная» койка воровскими певцами заменяется «тюремной».

Култ матери, наряду с грубо циничным и презрительным отношением к женщине-жене, – характерная примета воровского быта.

И в этом отношении поэзия Есенина чрезвычайно тонко воспроизводит понятия блатного мира.

Мать для блатаря – предмет сентиментального умиления, его «святая святых». Это – тоже входит в правила хорошего поведения вора, в его «духовные» традиции. Совмещаясь с хамством к женщине вообще, слащаво-сентиментальное отношение к матери выглядит фальшивым и лживым. Однако култ матери – официальная идеология блатарей.

Первое «Письмо матери» («Ты жива еще, моя старушка») знает буквально каждый блатарь. Этот стих – блатная «Птичка божия».

Да и все другие есенинские стихотворения о матери, хоть и не могут сравниться в популярности своей с «Письмом», все же известны и одобрены.

Настроения поэзии Есенина в некоторой своей части с удивительно угаданной верностью совпадают с понятиями блатного мира. Именно этим и объясняется большая, особая популярность поэта среди воров.

Стремясь как-то подчеркнуть свою близость к Есенину, как-то демонстрировать всему миру свою связь со стихами поэта, блатари, со свойственной им театральностью, татуируют свои тела цитатами из Есенина. Наиболее популярные строки, встречавшиеся у весьма многих молодых блатарей, посреди разных сексуальных картинок, карт и кладбищенских надгробий:

Как мало пройдено дорог,
Как много сделано ошибок.

Или:

Коль гореть, так уж гореть, стгорая.
Кто стгорел, того не подождешь.
Ставил я на пиковую даму,
А сыграл бубнового туза.

Думается, что ни одного поэта мира не пропагандировали еще подобным образом.

Этой своеобразной чести удостоился только Есенин, «признанный» блатным миром.

Признание – это процесс. От беглой заинтересованности при первом знакомстве до включения стихов Есенина в обязательную «библиотеку молодого блатаря» с одобрения всех главарей подземного мира прошло два-три десятка лет. Это были те самые годы, когда Есенин не издавался или издавался мало («Москва кабацкая» и до сих пор не издается). Тем больше доверия и интереса вызывал поэт у блатарей.

Блатной мир не любит стихов. Поэзии нечего делать в этом мрачном мире. Есенин – исключение. Примечательно, что его биография, его самоубийство – вовсе не играли никакой роли в его успехе здесь.

Самоубийств профессиональные уголовники не знают, процент самоубийств среди них равен нулю. Трагическую смерть Есенина наиболее грамотные воры объясняли тем, что поэт все-таки не был полностью вором, был вроде «порчка», «порченного фраера» – от которого, дескать, можно всего ожидать.

Но, конечно, – и это скажет каждый блатарь, грамотный и неграмотный, – в Есенине была «капля жульнической крови»³⁰.

1959

Из «Очерков преступного мира»

КАРТА

(Ранний вариант рассказа «Алмазная карта»)

В предгрозе, в тишине был слышен хруст малинника. Малинник ломали медведи. Степан Петрович знал это по легкому похрапыванию стреноженных коней, по поднятым их ушам, по робкому визгу Роланда, лайки. Степан Петрович посмотрел на бегущие быстрые тучи, недовольно тряснул седой большой головой. Он надел тяжелые золотые очки и развернул роман Поль-де-Кока, старую, бережно подклеенную французскую книжку. Сегодня воскресенье – день воспоминаний, день французского языка. Не читается. Разве прочесть библию, тоже французскую, ту, которую оставил мосье Рейно? Что-нибудь о патриархах? Степан Петрович скривил губы. Он сам был патриархом. Вот его дети: беловолосые, в синих холстинных армяках. Они валят лес, ходят за кунцей. Они не знают французского языка. Вот внучата: пасут скот, ловят рыбу. Они вовсе неграмотны: на 100 верст кругом нет школы. Нет ее с 1910 году, когда взорвали рудники, доменные печи, каменные дома, школу, больницу, поселок, склады, разобрали узкоколейку. Ребятишки играют в прятки в обломках, в руинах металлургического завода, затаянных таежной зеленью.

Ветер свистит, качая верхушки елей. Накрапывает дождь. Степан Петрович захлопывает Поль-де-Кока. Богатая была концессия. В таежной глуши бельгийские инженеры, бельгийские хозяева откупили у царского правительства право добывать чугун, сталь. По крутой, быстрой горной реке опускались баржи – «шитики», груженные рудой. Обрато вверх караваны пустых шитиков поднимали лошадыми. Немалую прибыль имели бельгийцы и не от одной железной руды. Тайком здесь, в тридевятом царстве, рыли золото, платину, Степан Петрович старый разведчик, «золотарь» знал это, и бельгийцами был обласкан. Весело жили. Две тысячи рабочих было здесь. В здешнем ресторане, в тайге пели певчие из шантанов Вены. Все прошло и ... тайгой поросло. На краю огромной, длинной ямы, которую мосье Рейно, главный инженер, назвал «экспериментальной открытой разработкой чугунной руды», сидит бурый ястреб. Да, бельгийцы делали тут большие денежки. В 1910 году кончался срок

30 Ср. в очерке Шаламова «Жульническая кровь» (1959): «Все фраера, так или иначе оказавшие помощь вору, имеют, как говорят блатари, эту «каплю жульнической крови». Это блатная подлая, снисходительная похвала всем сочувствующим воровскому закону, всем, кого вор обманывает и с которыми расплачивается этой дешевой лестью» (ВШ7, 2, 40).

концессии. Русские промышленники завидовали бельгийской удаче. И догадывались о золоте. Царское правительство не продлило концессии. Тогда бельгийцы взорвали все: печи, рудники, поселок – все, не оставив камня на камне. И ушли. Вслед за ними ушли рабочие. Жизнь кончилась. Остался только Степан Петрович. Он ждал прихода русских промышленников, он хотел продать им свои знания и еще кое-что, далеко и глубоко спрятанное. Русские промышленники медлили. Затем началась война с немцами – этой войне с врагами бельгийцев Степан Петрович глубоко сочувствовал.

Из большой семьи Степана Петровича никто не ушел на войну. Тайга закрыла выселок от рекрутского набора. Рождались дети, женились сыновья – выселок рос. По тайге прошли белые банды, остатки разгромленных армий Колчака. Степан Петрович читал библию и Поль-де-Кока. Прошли красные, партизаны, и с ними увязалась младшая, любимая дочь Степана Петровича – Анка. Потом всю семью вызвали в поселок, и по таежным тропам, на конях рержом приехала семья Степана Петровича в сельсовет. Степан Петрович послушал рассказы о новой власти, вернулся к себе и раскрыл библию. Он не поверил власти. Сыновья возили лес, привозили муку. Умерла жена, утонул сын, Степан Петрович похоронил их без попа, сам вытесал кресты. Он ловил рыбу и читал французские романы. Однажды зимой в выселок Степана Петровича пришел на лыжах молодой геолог. Он послан вести разведки. Он знает, что Степан Петрович единственный старый житель этих мест, служивший на бельгийской концессии, да еще старым разведчиком. Не расскажет ли Степан Петрович, что знали бельгийцы об этих местах? Вот он привез письмецо, которое порадует Степана Петровича. И гость протянул старику конверт с письмом Анны. Степан Петрович побледнел. Анна не погибла. Анна стала инженером, инженером-геологом и скоро будет здесь, у отца. Степан Петрович вложил письмо обратно в конверт. Женщина – инженер? Он недоверчиво покачал головой. Жена инженера? Нет, нет, Анна Степановна сама инженер, хороший инженер. Старик почему-то обиделся и на расспросы геолога о бельгийцах решительно отмалчивался. Геолог уехал, и Степан Петрович остался один со своим волнением. Он знал много. Он не сказал геологу ничего. Может быть, старик стоит за шаг от богатства? Надо посмотреть – каковы будут новые хозяева? Какова будет дочь.

Сегодня дочь приезжает. Степан Петрович нахмурил брови. Гроза! Как, с кем она, горожанка, сквозь ливень, через бурные реки? Старик одел холстяной, промасленный плащ, надвинул капюшон и пошел к реке. Исхлестанный до пузырей плетью дождя живот реки тяжело вздувался. Река, дрожа, бежала вниз – туда, где не было этого мокрого наказания. Загнанная, исполованная ветром и дождем, река хваталась за прибрежные камни, ворочала их, обрывалась и убегала дальше, разбрасывая на камнях слюну. Степан Петрович, улыбаясь, смотрел на рябью реку. Все оттремит, отшелестит. Сегодня же все будет в берегах. Гроза стихала, и радуга, упираясь одним концом в скалу, а другим уходя в нагибающуюся к горизонту тучи, горбилась над тайгой.

Дождь затих внезапно, брызнуло солнце, запели птицы, и на другом берегу из прибрежных кустов вышла девушка, держа в поводу лошадь.

* * *

Девушка стоит, щурясь от большого солнца, и глядит на сверкающую зелень родины. Солнце играет на мокрой кожаной куртке, в каплях, забившихся в желтые пышные волосы, примятые кепкой. Солнце играет на боках лошади, на еще волнующейся реке. Деревья расправляют плечи, земля поднимает к небу сияющие травинки. Девушка вспоминает

детство, четыре времени года. Откуда они приходили? Весна – с тех оврагов, у которых почернеют бока, откроют хилую прошлогоднюю травку. Осень приходила из березовой рощи – хрупкими желтенькими листочками; это – предупредительные письма осени. А за рощей растянется узкая зеленая заря. Зима шла от реки, от тонких ледяных кружев, которыми оденутся прибрежные камни по утрам. А лето? Откуда приходило лето? И не додумав, девушка поднимает голову. Ломаная линия горизонта намечена цепью гор. Эта диаграмма, эта кривая вычерчена еще в ледниковом периоде, и тысяча лет не прибавит и не убавит ни одной черты на этой диаграмме. Тысяча лет! Так говорил отец. Посмотрим, нам дана годичная командировка, чтобы переделать этот чертеж. И девушка идет впереди тянет повод лошади.

* * *

Долбленную из ствола дерева лодку «осиновку» перегоняет через реку сын Степана Петровича. Брат и сестра здороваются за руку. Анна Степановна расседлывает лошадь. Седло и вьюк втаскивают на лодку, лодка движется вперекор течению, и за лодкой на поводе плывет лошадь, задирая вверх морду. На берегу суетится Степан Петрович. Дочь целует седые, густые усы старика, и по мокрой траве они торжественно идут в избу. Степан Петрович отпирает «горку», достает старые, неприкосновенные, бельгийские чашки. На сковороде шипит хариус – горная рыба необычайного вкуса, в переднем углу чадит лампадка перед резным киотом, и Анну Степановну обступает детство. Полати, на которых было так тепло спать, пахнущая кожей сбруя на стене у двери: Анна Степановна, Анка, в изнеможении бросает руки на стол, опускает голову и засыпает. Теплые руки отца гладят Анкину голову.

* * *

Разведочная группа Анны Степановны приступила к работе. Старик бродил от вышки к вышке, приглядывался к шурфам, качал головой. И однажды, плотно притворив дверь, он положил руки на плечи Анны Степановны.

– Слушай, Анка! Во сколько обойдется вам вся разведка? Всей экспедиции? Вся подземная карта?

– Не знаю. Тысяч пятьдесят, я думаю.

– Большое дело задумала, дочь. Слушай, Анка, я знаю эту землю, Я сторожу ее сокровища двадцать лет. Здесь есть ванадий, цинк и вольфрам, здесь горбатые железные горы – руда на восемьдесят процентов железа; здесь золото, платина. Здесь богатство – мое и твое. У меня есть подземная карта – 10 лет работали бельгийские инженеры, чтобы составить ее. Я украл ее у бельгийцев. Я спрятал ее. Я уже стар. Кому оставлю? Сыновьям? Они знают только кубометры древесины, куньи шкурки. Я дам карту тебе, и ты продашь этот чертеж за тридцать тысяч. Двадцать тысяч барышу для «власти», а? Ты получишь богатство, славу, Анка.

Анна Степановна сняла дрожащие руки отца со своих плеч.

– Славу? Какую славу? – сказала она, и крупные капли пота выступили на ее лбу.

– Отдай нам карту, отец! Мы выстроим здесь в тайге солнечный город Советский Клондайк! Страна, наша страна богата! Ты сделаешь ее еще богаче, отец. Кстати – сегодня мы открываем школу, отец. Надо послать племянников.

– Я сам хочу стать богаче, – сказал старик и освободил свои руки из рук дочери. – Карты я вам не отдам.

Анна Степановна вышла. С тех пор работы шли своим порядком.

Анна Степановна перешла жить к племяннику, а старик уже не ходил смотреть на буровые работы. Так прошло лето, по первому снегу уехала Анна Степановна. Прощание отца с дочерью было теплым. Но что-то не было сказано, и оба отводили глаза в сторону. Весной Анна вернулась, и работы вновь начались. Степан Петрович постарел за один год так, что уже не мог ходить без палки. Он никуда и не ходил. Он каждый день, а не по воскресеньям, как раньше, читал Поль-де-Кока и библию. Осенью его пригласили в клуб – большая изба была клубом. Там оркестр из двух мандолин и гитары беспрерывно играл туш, и за столом президиума, крытым кумачом, сидела Анна Степановна. Вся экспедиция и много жителей ближних деревень были тут. Люди толпились около избы, но перед Степаном Петровичем расступились, и он прошел в первый ряд. Из рук в руки бережно передавался затертый номер газеты. Там было напечатано постановление правительства о награждении Анны Степановны орденом и ее портрет. Старик понял, что почет, которым окружала его толпа, был почетом дочери. Ее свет падал на Степана Петровича. Говорились сильные нескладные торжественные речи. Это был первый орден в крае, и в президиуме собрания сидели с ромбами, сидел сам председатель крайисполкома, как сказали Степану Петровичу («губернатор» – догадался старик). Степан Петрович был ошеломлен. Когда аплодисменты и крики подняли с места Анну Степановну, и она, запинаясь и краснея, благодарила и обещала работать еще больше, еще лучше, – старик вытер слезы кулаком и ушел из клуба.

Всю ночь он просидел у окна, и дождавшись, когда поблекли звезды, взял топор и тихо вышел из избы. Он положил топор в лодку, принес лом, лопату, сел в осиновку и оттолкнулся шестом от берега. Он опустил вниз по течению к большой скале с пещерой. Солнце стояло высоко, когда старик вернулся. Сыновья уже искали отца. Ни на кого не глядя, он пошел к палатке Анны Степановны. Откинув полу палатки, он протянул дочери сверток с сокровищем – с подземной бельгийской картой.

Анна Степановна стояла высокая, прямая и бледная, и руки ее дрожали, принимая сверток.

– Отец сказала она срывающимся голосом, – мы составили уже такую карту. За это мне и дали орден.

* * *

Степан Петрович всхлипывал, обняв голову дочери, и желтое вьющееся пламя волос выбивалось из старческих пальцев.

1930-е годы.

Печатается по: ВШ7, 1, 37-42.

СТИХИ О ВИШЕРЕ

Невозможно представить, чтобы Шаламов – поэт по складу своей души, писавший стихи с детства, во время своего пребывания (относительно свободного, как мы знаем) в Вишлагае совершенно забросил свое любимое занятие. В публикуемом ниже автокомментарии к стихотворению «Кама тридцатого года» он сам признавался: «Я и тогда, в тридцатом году, писал стихи о Каме, об Урале, какими я их видел тогда». Очевидно, стихи он писал в то время, когда находился в Березниковском (Лёвенском) отделении Вишлага в 1930 г., а также в Усть-Улсе в 1931 г. К глубокому сожалению, стихи эти не сохранились – они, как и все остальное, написанное им до 1937 года, – были сожжены родственниками после его ареста, приведшего на Колыму.

Но и многие годы спустя Шаламов возвращался мыслями к поре своей юности. Самое удивительное – Вишеру он вспоминал и на Колыме! Об этом свидетельствует первое из публикуемых стихотворений, найденное недавно в архиве писателя, в его самодельных, сшитых из оберточной бумаги, поэтических тетрадях 1949–1951 гг., написанных во время работы фельдшером-заключенным в таежном поселке на ключе (речке) Дусканья, где он впервые получил, как сам выражался, «право на одиночество». Стихи в этих тетрадях Шаламов в 1952 г. отправил Б. Пастернаку, но считал их не вполне совершенными, поэтому никогда не печатал. Стихотворение «Усть-Улс» примечательно не только тем, что в нем тепло вспоминается лесной поселок в верховьях реки Вишеры, где, в штрафной зоне, он провел полгода (апрель–октябрь 1931 г.). Самое важное – посвящение стихотворения. «Г.» – это, вне всякого сомнения, Галина – Галина Игнатьевна Гудзь, первая жена Шаламова, с которой он удивительным образом познакомился именно в Усть-Улсе (подробности – в предисловии), и которая в это время ждала его в Москве. Биографически ценно, что Шаламов указывает месяц знакомства («твой и мой июль»), а содержательная лирическая ценность стихотворения, конечно, – в той особой нежности, с которой поэт, недавний колымский каторжник, говорит не только о любимой жене, но и о месте первой ссылки («Китеж», «град», «деревенская Верона») – образ Усть-Улса видится ему исключительно идиллическим, лишенным какого-либо «негатива», потому что здесь он нашел свою любовь...

Стихотворение «Кама тридцатого года» было написано после возвращения с Колымы и напечатано в первом сборнике Шаламова «Огниво» (М. Советский писатель. 1961). В автокомментарии поэт прямо признался, что это – «попытка вспомнить когда-то написанные стихи». Комментарий создавался в 1969 г., когда Шаламов приволил в порядок свой поэтический архив и писал пояснения ко многим своим опубликованным стихам. Задержавшись на «Каме», он немного увлекся и написал нечто похожее на очерк. Связано это было с тем, что в это же время шла работа над «Вишерским антироманом», и некоторые факты из него вошли в очерк-комментарий. Стихотворение интересно по своему звуковому строю (что подчеркнул сам Шаламов). Несомненная находка – образ Камы как «рыжей красавицы»: известно, что вода в Каме имеет желтовато-буроватый цвет. Возможно, этот образ возник у поэта еще в 1930-м году, но использовал он его только четверть века спустя...

«На берегу многих рек я жил, был. Реки для меня были силой и символом вечного, неуклонного движения вперед, учили победе, терпению, настойчивости», – писал Шаламов И.П. Сиротинской. Глубокой философской символикой наполнено стихотворение 1957 года «Вверх по реке», впервые напечатанное в сборнике «Шелест листьев» (1964). Очевидно, что прообраз «челнока», упоминаемого здесь, – лодка-долбленка, на которой на раз плывал молодой Шаламов на Вишере, в том числе в 1931 г., перед освобождением из лагеря, «сплавлялся» вниз по реке от Усть-Улса до Вижаихи, где

находилось управление Вишлага. (В главе «Лагерная свадьба» эта лодка тоже именуется челноком). В этой же главе упоминается гидросамолет – на нем прилетало в Усть-Улс лагерное начальство, и сам Шаламов летал на нем, возможно, вместе с Э.П. Берзиным. Но в стихотворении волей Шаламова-поэта все преобразилось: челнок, движимый упорством человека, поднимается вверх по реке («по течению веков»), а гидросамолет, взлетающий над челноком (а также «электронный мир», «тяжелая вода», «пароход» и другие образы), символизируют огромные перемены, произошедшие в некогда глухом краю. Стихотворение воплощает не только натурфилософский оптимизм, свойственный Шаламову, но и его социальный оптимизм в те годы после XX съезда, когда страна освободилась от сталинского гнета и двинулась вперед. Стоит напомнить, что в том же 1957 г. он написал стихи, посвященные запуску первого советского спутника, а в 1961 г., после полета Ю. Гагарина, – свое программное стихотворение «До космодрома» с его мощным историческим обобщением, отражающим его взгляд на судьбу России в XX веке:

...Все здесь испытано, все нам знакомо,
Все – от концлагеря до космодрома.

Еще раз вспомнил свою молодость Шаламов-поэт в начале 1970-х годов, когда завершал работу над «Вишерским антироманом». В стихотворении «Правлю в Вишеры верховья», обнаруженном недавно в его архиве, он поэтически обыгрывает названия знакомых ему речек в верховьях Вишеры: Пеля, Мыка, Кутим, Ветренка, Вая. Особенно выразительны строки: «Это Пеля, это Мыка,/ Где я пел и горе мыкал». А строки: «Учащенным страстью пульсом / Билось сердце в устье Улса» – вновь напоминают читателю о его любви, о встрече с будущей женой Г.И. Гудзь. Некоторые детали, например, казалось бы, неожиданный «динамит» станут понятны при обращении к реалиям, описанным Шаламовым в рассказах, очерках и в комментариях к стихотворению «Кама тридцатого года».

Думается, что «вишерский цикл» стихов, разделенных многими годами, помогает глубже постичь причины особой привязанности Шаламова к этим страницам своей биографии и еще раз оценить его своеобразие как художника, выраженное в признании: «Границы поэзии и прозы, особенно в собственной душе – очень приближены. Проза переходит в поэзию и обратно очень часто».

Стихи печатаются по изданию: В.Т. Шаламов. Стихотворения и поэмы: В 2 т. – СПб.: Издательство Пушкинского Дома; Вита Нова, 2020. (Новая Библиотека поэта).

УСТЬ-УЛС

Г.

Навсегда в медвежьем ските
Мой и твой живет июль.
В розовом тумане Китеж,
Деревянный град – Усть-Улс.

Из глубокой шахты черной
Поднимаясь в небеса,
Я воздушных замков горных
Крепкий выстроил посад.

Деревенская Верона,
Юности моей пора,
Дай тебя на память тронуть
Острым кончиком пера.

Чтобы в пятнах, в брызгах, в кляксах,
Обойдя весь шар земной,
Сострадательная плакса
Снова встретилась со мной.

1950

В. Шаламов с женой Г. Гудзь. Середина 1930-х гг.

КАМА ТРИДЦАТОГО ГОДА

По камским берегам каемкою
Звероподобные коряги –
Сюжеты скульптора Конёнкова,
Заполонившие овраги.

По камским берегам острогами
Селенья врезаны Ермачьи
И солеварни те, что Строганов
Устраивал в краях казачьих.

По камским берегам строения,
Навек пропитанные солью,
И бархатные наслоения
Зеленой плесени Усолья.

Посад Орел, откуда начато
Завоевание Сибири,
Где гений воинства казачьего
Стоял когда-то на квартире...

Но бревна солеварен сломаны
Не топором, а динамитом,
И берега в рабочем гомоне
Торопят новые события.

Ты, Кама, рыжая красавица,
Ты заплетаешь струи в косы,
Чтоб настоящему понравиться,
Бежишь рекой звонкогосой.

1954–1957

Комментарий В. Шаламова

«Написано в 1954 году в поселке Туркмен Калининской области, близ станции Решетниково, где я жил два года после Колымы до возвращения в Москву.

«Кама тридцатого года» – попытка вспомнить когда-то написанные стихи. Мне давно хотелось оставить в своих стихах что-нибудь на память о тридцатом годе, о стройках первой пятилетки – я был тогда в Березниках и в Усолье, на Строгановских солеварнях и Любимовском содовом заводе, с которого и начал расти Березниковский гигант.

Я прошел по Каме и Вишере вверх и вниз не один раз и пешком, и конным, на плотах, на пароходе и на челноке-долбленке.

Мертвые коряги, частью вынесенные течением, а частью умершие на месте, загромождали все берега Камы – от Чердыни до Перми.

Я сам принимал участие во взрывах двух Строгановских солеварен – в Усолье и в Дедюхине. Просоленные бревна не поддавались топору. Плесень счищали лопатой, и бревна обнажились белые-белые, костяные, но вовсе не похожие на матовый желтоватый живой отблеск слоновых или мамонтовых бивней, а были похожи на человеческую руку незахороненного северного мертвеца, обнаженную руку умершего Гулливера.

Просоленные бревна строгановских времен не поддавались топору, бревно только звенело, и лезвие топора тупилось. Взрывали солеварни – динамитом.

Вот эту Усольскую плесень – ярко-ярко зеленую молодую стройку, рыжую бегущую Каму, главную реку Советского Союза, ибо нет Волги без Камы, вода реки желта от камского цвета – Кама встретила, вмешалась, покорила волжский цвет. А Кама без Волги – есть со своей отдельной гордой историей. Вот все это мне и хотелось вспомнить в стихах. Я и тогда, в тридцатом году, писал стихи о Каме, об Урале, какими я их видел тогда.

Я был в посаде Орел, в том самом поселке, где жил Ермак перед походом в славу и в смерть¹. Мне показывали его избу, где казачий атаман снимал комнату, стоял на квартире. Это не было шуткой и не было абстракцией – ведь в Строгановской солеварной шахте я спускался в забой, дотрагивался пальцем до тех самых бревен, которых касался и Ермак, – шахта узка, лестницы круты. Огромный строгановский склад на берегу Камы – высокий склад, бревна в обхват, собранные «в лапу» без единого гвоздя уральскими плотниками навечно. Ни топор, ни пила даже не царапали бревенной склад. Склад, как и солеварни, был взорван, уничтожен, – в тридцатые годы было «не до музеев».

Музей – оскорбительное название в городском и промышленном строительстве тех лет.

В отличие от многочисленных котлованов, ставших символом всякой погашенной стройки, Березниковский химвкомбинат начинался с подсыпки. На Березниках не рыли никаких ям, а ставили фундамент и засыпали все песком – с окружных гор. Желтый песок тысячи якутских лошадей возили день и ночь на строительство местной железной дороги. Эта железная дорога вела с песчаных карьеров, и песок, чтоб засыпать фундамент собственной стройки, возили с ближайшей горы – Адамовой горы.

Материала для стихотворения было достаточно, и нужно было только спичку – рифму, техническую задачу надо было себе поставить и решать стихотворную тему. Этой спичкой была рифма «Коненкова – каемкою». Дактилическая рифма – усугубляет трудность. Мягкость рифмы, ее шероховатость – своеобразная удача, находка. Для поэта внимательная работа над рифмой – признак не только культуры стиха.

Я писал «Каму» уже после того, как познакомился с отказом Б. Л. Пастернака от своих ранних стихов, с «опрошением» Бориса Леонидовича, возвратом к глазной пушкинской рифме². Я до сих пор не понимаю, как Пастернак мог думать, что на новые его пути пойдут за ним ценители его раннего творчества. Это было бы неуважением к самому Пастернаку прежде всего».

1 Посад (острог) Орел (Орел-городок) на р. Каме был основан Г.А. Строгановым в 1564 г. Отсюда, по легенде, в 1581 г. дружина казаков Ермака выступила в первый поход за Урал.

2 Под «глазной» Шаламов имеет в виду полную рифму Пушкина, не всегда рассчитанную, по его мнению, на чтение вслух. (См. эссе «Рифма» – ВШ7, 5, 38-46). В этом случае Шаламов ссылался на наблюдения А. Крученых в его работе «500 новых острог и каламбуров Пушкина» (М. 1924). Упрек Б. Пастернаку в отказе от ранних стихов (где были, по его мнению, самые важные звуковые открытия) Шаламов высказывал неоднократно, и поэтому данное стихотворение рассматривал как следование традициям раннего Пастернака в фонетическом плане.

ВВЕРХ ПО РЕКЕ

Челнок взлетает от рывков
Потоку поперек.
Вверх по течению веков
Плывет челнок.

Дрожит, гудит упругий шест,
Звенит струной,
Сама история окрест
Передо мной.

На устье – электронный мир,
Пришедший в города,
Шекспир, колеблющий эфир,
Тяжелая вода...

Еще недавно видел челн
Не цепи гор,
А золотых пшеничных волн
Земной простор.

Но мир кормилицы-земли,
Крестьянский быт –
Уже исчез внизу, вдали
И мглой покрыт.

Сейчас в охотничьем веку,
В глухой тайге
Я верю петле и силку,
Трехзубой остроге,

Шесту, что согнут словно лук,
Чтоб без весла
Был пущен тетивой рук
Челнок-стрела.

Уж недалек конец пути –
Реки исток,
И я назад могу идти
На веслах строк.

Чтоб к устью лодку привести
Речной волной
На историческом пути
Судьбы земной.

Ей даст дорогу пароход
В порту морском.
Взвьется гидросамолет
Над челноком.

Челнок взлетает от рывков
Потоку поперек,
Вверх по течению веков
Плывет челнок...

1957

Комментарий В. Шаламова

«Написано в 1957 году в Москве. Одно из «постколымских» стихотворений. Здесь – две новинки, две находки, две новых поэтических истины. Первая – челнок-стрела, пущенная тетивой рук, а вторая – путешествие вверх веков.

Удовлетворяет меня и в ритмическом отношении. Единственное мое стихотворение, которое по просьбе редактора было расширено. Сейчас печатается по первоначальному истинному тексту».

Дворцовая Служба. Вид на реку Каму.

На Каме. 1930-е гг.

* * *

Правлю в Вишеры верховья
Лоцией средневековья.

Это Пеля, это Мыка,
Где я пел и горе мыкал.

Это Ветренка и Вая,
Вся судьба моя живая

Натянулась тетивой
Среди ветра, визга, воя,

Как стрела чужого лука,
Первобытная наука.

Как стрела с чужою целью,
Заметенная метелью.

Учащенным страстью пульсом
Билось сердце в устье Улса,

Попадая на пороги,
От которых нет дороги.

Если вверх – там слишком круто
Обрывал течение Кутим.

Вниз – тебя встречают горы,
Равнодушные озера.

Это зона Робинзона,
Правят там тайги законы.

Имениты, знамениты,
Но еще до динамита.

Льдом, водой взрывают скалы
Мастера в глуши Урала.

И подскажут речке речи
Без картечи.

1973

ХРОНИКА ПРЕБЫВАНИЯ В. ШАЛАМОВА В ВИШЛАГЕ

В. Шаламов в Вишлагe. 1931 г.

Документов о пребывании В. Шаламова в Вишлага и его перемещениях по работе не сохранилось, и картина восстанавливается, исходя из текстов «Вишерского антимомана». Часть дат указана автором точно, часть – приблизительно («летом», «поздней осенью», «в конце года» и т.д.). Крайние даты – объявление приговора в Москве и возвращение в Москву – подтверждены документально.

1929, 22 марта – объявление приговора. (Выписка из протокола Особого Совещания при Коллегии ОГПУ: «Шаламова Варлама Тихоновича как соц. вредный элемент заключить в концлагерь сроком на ТРИ года»¹).

1929, 5 апреля – прибытие с ж/д этапом заключенных из Москвы в Соликамск Уральской области. Содержание в пересыльной тюрьме (бывшем монастыре).

1929, около 10 апреля – избивание на этапе начальником конвоя Щербаковым и «выстойка на морозе» за протест против произвола (заступничество за избиваемого сектанта П. Зайца).

1929, 13 апреля – прибытие пешим этапом в Вишлаг (Вижаиха).

1929, вторая половина апреля – май – общие работы на лесозаводе в Вижаихе.

1929, июнь – сентябрь – работа замерщиком, табельщиком и нарядчиком.

1929, 6 июля – пишет письмо в Коллегию ОГПУ, ЦК ВКП(б), Прокурору ОГПУ с протестом против преследования участников левой оппозиции².

1929, октябрь – участие в совещании по реорганизации лагерей, после чего Шаламов был включен в состав административно-технического персонала Вишлага.

1929, октябрь – направление в Лёнву (с 1932 г. – Березники) на должность руководителя работ во вновь организованном отделении Вишлага. За разногласия с предыдущим руководством переведен в десятники, затем стал начальником отдела труда (учетно-распределительной части, УРЧ) отделения. Участвует в организации строительства первых объектов Березниковского химкомбината.

1929, декабрь – арест из-за обнаруженных почтовой цензурой ОГПУ писем на свое имя от оппозиционеров-троцкистов. Препровождение под конвоем в управление Вишлага (Вижаиха). Ввиду недоказанности связи с троцкистами возвращен в Лёнву на прежнюю должность.

1930, январь – 1930, лето – работа в должности начальника УРЧ Березниковского отделения Вишлага. Участие в шахматном турнире и других культурных мероприятиях. Избран членом художественного совета Вишлага в Березниках.

1930, октябрь («поздней осенью») – арестован по фальсифицированному ОГПУ «делу Стукова» и препровожден в следственный изолятор Вишлага (Березники).

1930, октябрь – 1931, январь – содержание в следственном изоляторе в Березниках и в Вижаихе, с привлечением к хозяйственным работам. Освобожден вместе с другими обвиняемыми за недостаточность улик.

1931, январь – апрель – работа в управлении Вишлага в Вижаихе в должности старшего инспектора учетно-распределительного отдела (УРО, начальник Р.И. Васков). Встречи с Э.П. Берзиным, И.Г. Филипповым и другими руководителями. Полеты на гидроплане по обследованию дальних районов (возможно, полеты имели место и позднее, во время работы в Усть-Улсе).

1931, январь – поездка в составе комиссии в Чердынский леспромхоз. Знакомство с условиями жизни спецпереселенцев.

1 См. Приложение 1.

2 См. Приложение 1.

1931, апрель – за написание заявления в ЦК ВКП (б) и ГУЛАГ о тяжелом положении женщин в лагере отправлен в северную штрафную зону в п. Усть-Улс.

1931, 17 апреля – октябрь – пребывание в штрафной зоне Усть-Улс в должности заведующего учетно-распределительной частью (УРЧ) Северного района Вишлага. («Я проехал весь штрафняк, побывал на каждом участке, где работал арестант-лесоруб»).

1931, 17 мая – привлекается ОГПУ к дознанию – допрашивается в качестве свидетеля по делу В.Д. Фарфоровского³.

1931, июль – знакомится с Г.И. Гудзь, будущей женой. Пишет стихи, тексты для скетчей «Синей блузы» (не сохранились).

1931, август? – дальняя водно-пешехонная командировка, в ходе которой Шаламов осматривает руины бывшего Кутимского железодобывающего завода и знакомится с семьей Ширинкиных.

1931, сентябрь – за нарушение режима (участие в лагерной свадьбе) отправлен в изолятор на 8 дней.

1931, октябрь – по радиогамме из управления освобожден из штрафной зоны Усть-Улс и возвращен в управление Вишлага. («Сплыл в Вижаиху на челноке – 200 верст»).

1931, 11 октября – досрочное освобождение из лагеря⁴. (Участвовал ли в торжественном пуске Вишерского ЦБК 31 октября – неизвестно).

1931, ноябрь – 1932, февраль – работа вольнонаемным в должности начальника бюро экономики труда ТЭЦ Березниковского химкомбината. (ТЭЦ запущена 7 ноября 1931 г. Присутствовал ли при этом событии Шаламов, неизвестно).

1932, февраль – поездка в Москву в двухнедельный отпуск. В ходе этой поездки договорился о будущей работе в журнале «За ударничество» и навестил родителей в Вологде.

1932, февраль – возвращение в Березники и срочный отъезд в Москву в связи со вниманием со стороны ОГПУ⁵.

1932, 6 марта – принят на работу в редакцию журнала «За ударничество» (Москва)⁶.

---

3 См. Приложение 2.

4 Дата досрочного освобождения указана в материалах дела следственного дела 1929 г. См. Приложение 1. Очевидно, в ОГПУ не рассчитывали на досрочное освобождение Шаламова, т.к. 14 февраля 1932 г. вышло постановление Особого Совещания при Коллегии ОГПУ: «По отбытии срока наказания Шаламова Варлама Тихоновича выслать через ПП ОГПУ в Севкрай сроком на ТРИ года» (там же). Благодаря опозданию этого решения и бюрократической неразберихе, Шаламову удалось избежать ссылки в Архангельск, которая для всех бывших оппозиционеров заканчивалась плачевно. Подробнее: *Есипов В. Шаламов. М. 2012, 2019 (ЖЗЛ). С.109-110.*

5 См. рассказ «Рука всевышнего».

6 Дата указана в следственном деле 1937 г. См: *Шаламов В. Новая книга...С.970.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Следственное дело В.Т. Шаламова 1929 г. № 70756¹

Постановление об избрании меры пресечения

1929 г. Февраля 22 дня. Я, ст. уполн. IV Отд. ОГПУ Черток, рассмотрев дело по обвинению Шаламова Варлама Тихоновича, нашел, что в деле имеются признаки преступления, предусматриваемые 58-10 ст. УК, а потому, принимая во внимание вышеизложенное, **ПОСТАНОВИЛ:** привлечь Шаламова в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по 58-10 ст. Угол. Кодекса и изменить меру пресечения уклонения от следствия и суда содержание под стражей.

ст. ул. IV Отд. ОГПУ Черток (подпись) В. Шаламов «22/II 1929 г.»

Справка: копия настоящего постановления сообщена:

1) по месту заключения обвин. _____ при отношении от «___» _____ за №

2) согласно 160 Угол.-Процесс. Код. _____

Прокурору при отношении от «___» _____ за №

О.Г.П.У.

Отдел _____ к делу № _____ уч.-регистр.

22 февраля 1929

Протокол допроса

1929 г. Февраля мес. 29 дня, я, ст. уполн. IV Отдела ОГПУ, допрашивал в качестве обвиняемого гражданина и на первоначально предложенные вопросы он показал:

1. **Фамилия** Шаламов
2. **Имя, отчество** Варлам Тихонович
3. **Возраст (год рождения)** 1907 года
4. **Происхождение (откуда родом, кто родители, национальность, гражданство или подданство)** г. Вологда, отец до революции священник, служ. книжн. магазина, русский, СССР
5. **Место жительства (постоянное и последнее)** Садово-Кудринская, д. 19 кв. 14.
6. **Род занятий (последнее место службы должность)** безработный. Состою на бирже труда.
7. **Семейное положение (близкие родственники, их имена, фамилии, адреса, род занятий до революции и последнее время)** холост, отец Тихон Николаевич, инвалид, мать Надежда Алдровна, в Вологде, сестра Наталия Шаламова, фельдшерница в Нижнем, брат Валерий служ., где живет не знает. Сестра Галя в Сочи.
8. **Имущественное положение (до и после революции допрашиваемого и его родственников)** нет.

¹ Впервые опубликовано: *Шаламов В.* Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М.: Эксмо, 2004. Копии всех следственных дел Шаламова – 1929, 1937 и 1943 гг. из архива ФСБ хранятся в РГАЛИ (ф.2596).

9. **Образовательный ценз** (первонач. образование, средняя школа, высшая, специальн., где, когда и т. д.) среднее.

10. **Партийность и политические убеждения** бесп. ни в партии, ни в комсомоле не был.

11. **Где жил, служил и чем занимался:** а) до войны 1914 г. в Вологде, б) с 1914 г. до Февральской революции 17 года тоже. в) где был, что делал в Февральскую революцию 17 г., принимал ли активное участие и в чем оно выразилось тоже. г) с Февральской революции 17 г. до Октябрьской революции 17 г. тоже. д) где был, что делал в Октябрьскую революцию 17 года тоже. е) с Октябрьской революции 17 г. по настоящий день до 1924 года в Вологде – учился, с 24 в Москве работал на кожевенном заводе.

12. **Сведения о прежней судимости (до Октябр. революции и после нее)** нет.

13. **Отношения допрашиваемого свидетеля к обвиняемому** Записано с моих слов верно: записанное мне прочитано (подпись допрашиваемого). В. Шаламов.

Показания по существу дела.

Я считаю, что руководство ВКП (б) сползает вправо, тем самым способствует усилению капиталистических элементов в городе и деревне и тем самым служит делу реставрации капитализма в СССР. Я разделяю взгляды оппозиции. Был я арестован в засаде у Никольской.

На всякие вопросы, относящиеся к моей оппозиционной деятельности, я отвечать отказываюсь.

Допрашивал: Черток.

В. Шаламов.

29 февраля 1929

Протокол допроса Шаламова от 2.III–29 г.

Подтверждаю свое прошлое показание, что на всякие вопросы, относящиеся к моей оппозиционной деятельности, я отвечать отказываюсь.

В. Шаламов.

Допрашивал: Черток.

2 марта 1929

Ордер № 6123

Марта 1 дня 1929 г.

Выдан сотруднику Оперативного Отдела ОГПУ тов. Келпреву на производство ареста гр-на Шаламова В.Т. по адресу: В Комендатуре ОГПУ

Примечание: Все должностные лица и граждане обязаны оказывать лицу, на имя которого выписан ордер, полное содействие для успешного выполнения.

Печать.

Зам. Председателя ОГПУ Г. Ягода

Начальник Оперативного Отдела [подпись]

Справка 167.

1 марта 1929

**АНКЕТА № 952 для арестованных
и задержанных с зачислением по ОГПУ**

ОГПУ

Лица, давшие неверные показания в анкете, будут подвергнуты строжайшей ответственности.

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
1) Фамилия	Шаламов
2) Имя и отчество	Варлам Тихонович
3) Гражданин какого государства	РСФСР, СССР
4) Национальность	русский
5) Место приписки (откуда происходит)	волостной гор. Вологда
6) Возраст (год рождения)	21 лет; родился в июне месяце 1907 г.
7) Образование а) грамотен ли б) какую школу окончил а) если не окончил, то ск. класс. прош.	а) грамотен б) окончил среднюю школу а) прошел I класс высшей школы

8) Состав семьи

Степень родства	Фамилия, имя и отчество	Возраст	Занятие и место работы и должность или профессия	Место жительства (адрес)
отец	Шаламов Т.Н.	61	инвалид (слепой)	г. Вологда
мать	Шаламова Н. А.	60	дом. хоз.	-»-
сестра	Шаламова Н. Т.	28	фельдшерица	Нижн. Новг.
брат	Шаламов В. Т.	33	служащ.	Москва
сестра	Шаламова Г. Т.	30	дом. хоз.	Сочи

9) Партийная принадлежность а) в какой партии состоит б) с какого времени	б/п
10) Профессия	-
11) Род занятий и место службы в момент ареста	безработн.
12) Состоял ли на государственной службе, в каком чине	-
12) Владели ли недвижимым имуществом, каким и где	нет
14) Если не служил и не работал по найму	-

15) Если служили или работали по найму, укажите в хронологическом порядке:

Наименование учреждения или предприятия	Должность и професс.	
До 1917 года	Учился	

С 1917 г. по посл. место службы	Учился до 1923 г. 1925–1926 г. работал кожзав. Озерск Вол. ККОВ	кожзавод- рассыльн.
	С 1926 по 1928 учился в I МГУ	затем студент

Привлекался ли к воинской ответственности по суду или в администр. порядке	нет
Отношение к воинской повинности а) вооруженное звание, род оружия или специальность; б) если освобожден, то на каком основании	нет
18) Когда арестован	19. II-29
19) Кем арестован, по чьему ордеру и № ордера	Задержан в засаде
20) Где арестован: а) губ., уезд., вол., село, гор., улица и № дома; б) при каких обстоятельствах арестован (на своей квартире, в засаде, на собр. и проч.)	На Сретенке, 26
21) Когда и кем допрошен	22. II-29 следователем Чертоком
23) Место жительства перед арестом	Москва, Сад. Кудр., 19 кв. 14
22) Предъявлено ли обвинение и в чем именно	по ст. 58.10 УК

Примечание заключенного: в предъявленном обвинении по 58 ст. УК, примененном ко мне, как и к друг, т.т., разделяющим взгляды больш.-ленинц. (оппозиции), решительно не согласен и считаю обвинение клеветническим и противоречащим содержанию 58 статьи. 58-я ст. направлена против контрреволюционеров.

Подпись заключенного *В. Шаламов*

**Выписка из протокола Особого Совещания при Коллегии ОГПУ
от «22» Марта 1929 г.**

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
164. Дело по обв. гр. ШОЛАМОВА* Варлама Тихоновича, как соц. вредн. элемент	ШОЛАМОВА Варлама Тихоновича заключить в концлагерь сроком на ТРИ года.

Секретарь Коллегии ОГПУ [подпись, печать]

22 марта 1929

***

В СО ОГПУ

При сем препровождается заявление заключенного Вишерских лагерей ШАЛАМОВА Варлаама Тихоновича на распоряжение.

Приложение: Упомянутое. –

НАЧАЛЬНИК Ш-го ОТДЕЛЕНИЯ СПЕЦОТДЕЛА ПРИ ОГПУ

31 июля 1929 г.

Отдел при ОГПУ

31 июля 1929

* Описка в деле.

6.VII.29 г.

Коллегии ОГПУ ЦК ВКП(б)

Закл. 4 р. УВЛОН*
В.Т.Шаламова

Прокурору ОГПУ

Разделяя взгляды большинства ленинских оппозиционеров, я не разделил их судьбы. Брошенный в концентрационный лагерь – один – без всякой моральной и материальной поддержки – в среду уголовников, растратчиков, шпионов и контрреволюционеров – среду, с которой я не только никогда не имел ничего общего, но где можно бороться против них за партию, за советскую власть и ее политику. В обстановке полной моральной изолированности, больше того – бойкота и издевательств (именно, как разделяющий взгляды оппозиции) заставлен я отбывать срок. Нахожусь в тяжелых культурных условиях, не имея времени читать книги, газеты, журналы, совершенно от них оторванный. Решительно протестуя против подобного обращения с оппозиционером – прошу перевода для отбывания срока в политизолятор к моим товарищам, к людям, с которыми у меня общий язык. Арестован в г. Москве 19 февр. 1929 г. Получил приговор 28 марта 1929 г. В лагере с 1 апреля 1929 г. Еще раз излагаю в общем и кратком мои политические взгляды.

Напряженная политическая жизнь последних лет вынуждала каждого настоящего советского гражданина так или иначе определить свое отношение к сегодняшнему и завтрашнему дню.

С другой стороны, совершенно ясно, что партия не представляет собой замкнутой касты, что интересами партии живут не только люди, имеющие партийный билет. Любой «беспартийный» может и должен принимать участие в разрешении всех вопросов, которые выдвигает жизнь перед партией, следовательно и перед рабочим классом или вернее перед рабочим классом, следовательно и перед партией. Для всякого, кто научился знать ленинскую правду, политической осью событий последнего времени являлись взаимоотношения партии и оппозиции. Ни один человек, считающий себя ленинцем, не может говорить о второй пролетарской партии в стране в эпоху диктатуры пролетариата, т. е. обостренной борьбы с умирающим капиталистическим миром. Нельзя допускать и клеветы о том, что ВКП(б) не пролетарская партия.

Работа оппозиции и до и после XV съезда не была антипартийной работой. Содержание ее, включая самые «криминальные» методы, вроде поддержки в кратких и исключительных случаях стачек – направлены были по существу на пользу ВКП(б) как партии рабочего класса.

Вынужденная прибегнуть к «нелегальным» методам апелляции к рабочему классу – только к нему обращалась оппозиция – и не ошиблась в своей правоте. В мероприятиях последних месяцев в значительной степени участвовала ленинская оппозиция своей критикой, указаниями и работой. Решения XVI конференции, чистка партии, чистка аппарата, борьба с правым уклоном, правда, ведшая почти вслепую без названия имен, имен, которые смело называла оппозиция – представляют собой несомненно серьезные шаги руководства влево, т. е. в направлении исправления сделанных ранее ошибок. Об этих тяжелых ошибках, внутренней и внешней политики, достаточно известных, приведших к перманентному экономи-

* УВЛОН – Управление Вишерских лагерей особого назначения, с 1930 г. – УВИТЛ – Управление Вишерских исправительно-трудовых лагерей.

ческому кризису страны, затяжке мировой революции и ухудшению международного положения Коминтерна – все три следствия диалектически связаны между собой, здесь говорить я не буду. Ясно одно: эти ошибки руководство старается исправить. Но исправить сверху силами того же аппарата. Каждый большевик-ленинец обязан поддерживать все практические революционные шаги настоящего Центристского руководства, которое сейчас оголяет себя, отсекая налево и направо (больше налево, чем направо). О методе борьбы «на два фронта» достаточно хорошо сказано в письме Л. Д. Троцкого «Кризис правоцентристского блока и перспективы».

Одной рукой стараясь исправить ошибки (что невозможно без самого близкого участия широких масс рабочего класса), партруководство другой рукой посылает оппозиционеров на каторгу. Именно это в первую заставляет сомневаться в решительности взятого курса, ибо политика не может знать злобы и за каждое мероприятие, направленное к защите пролетарской диктатуры, готов бороться и борется всякий, считающий себя большевиком. Партруководство упорно толкало оппозицию на отрыв от партии. Целый ряд выступлений вождей и целый ряд репрессивных мер по отношению к оппозиционерам, вплоть до высылки Л. Д. Троцкого за границу и последующих попыток дискредитировать имя одного из вождей Октября в глазах рабочих – достаточно веское свидетельство двойственности политики партруководства. Болтовня о том, что существует или нет диктатура пролетариата – пустая болтовня, ибо мера диктатуры примеряется целым рядом отношений между СССР и капиталистическим миром в целом, долей участия рабочего класса в распределении доходов страны, степенью участия капиталистических элементов в этом распределении и степенью роста того и другого и еще целым рядом моментов.

Политика – меньше всего вопрос самолюбия. И кто не понял того, что рука оппозиции все время протянута партии – тот не понял ничего в политических событиях последних лет. Беда в том, что руководство продолжает оставаться аппаратом, несмотря на Смоленские, Сочинские, Артемовские и Астраханские дела². Я считал вместе с большинством ленинской оппозиции – единственным средством выправления курса партруководства, а следовательно, и всей советской и профсоюзной политики является глубокая внутрипартийная реформа на основе беспощадной чистки всех термидориански настроенных элементов и примиренцев к ним. Возвращение ленинской оппозиции в партию из ссылки, тюрем и каторги. И я был бы не в последних рядах той партии большевиков, которую воспитывал Ленин. Вот мои взгляды.

Закл. 4 роты Упр. Вишерских ЛагереЙ Особого Назначения.

Варлам Тихонович Шаламов.

копия верна: оперуп. УКГБ при СМ СССР

по Калининской обл. – капитан

«1» сентября 1955 г.³

1 сентября 1955

2 Дела о коррупции – *Примеч. ред.*

3 Копия письма приобщена к делу. Как участник левой оппозиции после освобождения с Колымы Шаламов находился под наблюдением КГБ. Материалы донесений секретных осведомителей КГБ за 1956–1959 гг. под заглавием «Под оком стукача» впервые были опубликованы И. Сиротинской и С. Поцелуевым в журнале «Знамя», 2001, № 6. См. также: ВШЛ, 7465-489; URL: <https://shalamov.ru/documents/11/> Анализ письма Шаламова см: Головизнин М. В. Шаламов и внутрипартийная борьба в 1920-х годах // Шаламовский сб. Вып.3. Вологда, 2002. URL: <https://shalamov.ru/research/28/> О взгляде позднего на Шаламова оппозицию 1920-х годов см. «Отдельные фрагменты рукописей» в данном издании.

УПРАВЛЕНИЕ ВИШЕРСКИХ
ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЕЙ

НАЧАЛЬНИКУ
БЕРЕЗНИКОВСКОГО
ОПЕРСЕКТОРА ОГПУ
пос. Березники

Копия: УСО ОГПУ –
г. Москва

При сем препровождается отношение УСО ОГПУ 6126 от 2.П–32 г. и личное дело 9557 на ШАЛАМОВА Варлама Тихоновича для непосредственного исполнения.

В з\к ШАЛАМОВ Варлам Тихонович освобожден из ВИШЛАГА 11.Х–31 г. и убыл в Ваше распоряжение.

ПОМ. НАЧ. УВИТ.

НАЧ. УРО УВИТ.

***

УСО ОГПУ

гор. Москва

На 5\25\16 от 4\VI-1933 г.

(и 612036 от 23/11-32 г.)

В адрес УСО, ПП ОГПУ по Уралу направлено нами личное дело а\с ШАЛАМОВА Варлама Тихоновича от 9\II-33 г. за 3222 с постановлением об объявлении последнего в розыск, т. к. ШАЛАМОВ по освобождению из лагерей ОГПУ в распоряжение Березниковского Оперсектора ОГПУ не прибыл и на территории сектора не установлен.

Копией сообщено в Ваш адрес.

НАЧ. БЕРЕЗНИКОВСКОГО
ГОРОТДЕЛА ПП ОГПУ
УПОЛНОМОЧЕННЫЙ УСО

***

ППОГПУ по Уралу
август 1932 г.
г. Свердловск

УСО ОГПУ

Москва

Копия: всем оперсекторам,
окротделам ОГПУ,
Уралобласти и ДТО ОГПУ ж. д.

ПП ОГПУ по Уралу просит принять срочные меры к розыску и задержанию⁴ Шаламова Варлама Тихоновича, 22 лет, уроженца г. Москвы, происходящего из мещан, русского, образование выше среднего, по профессии клубного работника – кожевника-дубильщика, б\д, скрывшегося на места ссылки Березниковского р-на Ос. Сов. при Кол. ОГПУ от 22\III–29 г., как соц. вред элемент в концлагерь на ТРИ года. Особ. Сов. при Кол. ОГПУ от 14\II–32 г. после отбытия наказания выслать в Севкрай на ТРИ года.

⁴ О причинах розыска Шаламова см. рассказ «Рука всевышнего».

ШАЛАМОВ 11\X-31 г., УВИТЛОМ освобожден и выбыл на жительство в Березниковский р-н.

Проходившего по линии ОО.

Основание: постановление Березниковского о\сектора ОГПУ от 8\VI-32 г.

Примечание: лит. «б» кат. 1-я.

Нач. УСО ПП ОГПУ по Уралу

Пом. уполномочен.

август 1932

***

УСО ОГПУ

гор. Москва

На 5\25\16 от 4\VI-1933 г.

(и 612036 от 23/11-32 г.)

В адрес УСО, ПП ОГПУ по Уралу направлено нами личное дело а\с ШАЛАМОВА Варлама Тихоновича от 9\II-33 г. за 3222 с постановлением об объявлении последнего в розыск, т. к. ШАЛАМОВ по освобождении из лагерей ОГПУ в распоряжение Березниковского Оперсектора ОГПУ не прибыл и на территории сектора не установлен.

Копией сообщено в Ваш адрес.

НАЧ. БЕРЕЗНИКОВСКОГО

ГОРОТДЕЛА ПП ОГПУ

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ УСО

Учраспред Вх. 7981 на 612036 от 26.4.32 г.

УПРАВЛЕНИЕ ВИШЕРСКИХ

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЕЙ

УСО ОГПУ

Гор. Москва

Отношение Ваше от 23.2.32 г. 612036, о направлении ШАЛАМОВА Варлама Тихоновича в ПП ОГПУ по СЕВКРАЮ гор. Архангельск для непосредственного исполнения нами направлено в Березниковский Оперсектор ОГПУ, так как по освобождении таковой 11.10.31 г. убыл к местожительству в пос. Березники Уралобласти, о чем Вам сообщалось 7.3.32 г. при н\№ 6437.

НАЧ. УВИТЛ ОГПУ

НАЧ. УРО УВИТЛ

26 апреля 1932

**Заключение по материалам уголовного дела
арх. № 576204; Нп № 13\1097-89**

[УТВЕРЖДАЮ]

Помощник Генерального прокурора
Российской Федерации [подпись] Н. С. Власенко
«12» апреля 2000 г.

Фамилия, имя, отчество – ШАЛАМОВ Варлам Тихонович

Год рождения – 1907 года рождения

Место рождения – г. Вологда

Место жительства до ареста – г. Москва, Садово-Кудринская, 19, кв. 14

Место работы и должность до ареста – безработный (студент МГУ 1926–1928 гг.)

(Дата ареста, каким органом осужден (репрессирован), за что или по каким статьям УК, предъявленное обвинение (инкриминированные действия), последующие состоявшегося решения по делу и мера наказания)

Арестован 29 февраля 1929 года по обвинению по ст. 58-10 (без указания части) УК РСФСР (ордер на арест от 1 марта 1929 года).

На единственном допросе 29 февраля 1929 года, проведенном старшим уполномоченным IV отдела ОГПУ, ШАЛАМОВ В.Т. показал, что руководство ВКП(б), по его мнению, «сползает вправо, тем самым способствует усилению капиталистических элементов в городе и деревне и тем самым служит делу реставрации капитализма в СССР». Далее ШАЛАМОВ В. Т. пояснил, что разделяет взгляды оппозиции, однако на все вопросы, касающиеся его оппозиционной деятельности, отвечать отказался (л. д. 6).

При заполнении анкеты арестованного 2 марта 1929 г. ШАЛАМОВ заявил, что с предъявленным ему обвинением по ст. 58-10 УК РСФСР решительно не согласен, т. к. разделяет взгляды большевиков-ленинцев, а данная статья направлена против контрреволюционеров (л. д. 11).

22 марта 1929 г., вопреки предъявленному обвинению, по постановлению Особого совещания при ОГПУ ШАЛАМОВ В. Т., как «социально вредный элемент», заключен в концлагерь сроком на 3 года. Освобожден 11 октября 1931 г. и по постановлению Особого совещания при коллегии ОГПУ от 14 февраля 1932 г. «по отбытию наказания» выслан через ППОГПУ в Северный край сроком на 3 года (данных об исполнении постановления в материалах дела нет).

Каких-либо фактических данных о ведении ШАЛАМОВЫМ В.Т. контрреволюционной пропаганды и агитации, содержащей призывы к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти, к совершению отдельных контрреволюционных преступлений или иной преступной деятельности в материалах дела не имеется. Тот факт, что он разделял взгляды оппозиции, не является уголовно наказуемым деянием. При таких обстоятельствах можно сделать вывод, что ШАЛАМОВ подвергся репрессии необоснованно, по политическим мотивам.

На ШАЛАМОВА Варлама Тихоновича распространяется действие п «б» ст. 3, ст. 5 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г.

Дело рассмотрено по обращению зам. директора Российского государственного архива литературы и искусства И. П. Сиротинской.

Справка о реабилитации приобщена к делу.

2. Протокол допроса В. Шаламова в Усть-Улсе 17 мая 1931 г.

Публикуемый ниже материал представляет собой транскрипцию отдельного листа из архивно-следственного дела Фарфоровского Владимира Дмитриевича⁵, хранящегося в Пермском государственном архиве новейшей истории (ПермГИАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 14947, л. 51, 51/об). Лицевая сторона листа представляет собой бланк протокола допроса с отпечатанными типографским способом графами; оборотная сторона листа содержит текст, написанный от руки. Материал представляет собой протокол допроса от 17 мая 1931 года заключенного Шаламова В. Т., работавшего на указанную дату заведующим учетно-распределительной частью (УРЧ) Северного района Управления Вишерского исправительно-трудового лагеря (УВИТЛ). Допрос производил уполномоченный следственной части информационно-следственного отдела (ИСО) ОГПУ А. Касумов. Сохранены орфография и сокращения подлинника.

Публикуется впервые. Публикация С.Ю. Агишева.

1931 г. Мая 17 дня. Я, уполном. следчасти И.С.О.

УВИТЛ ОГПУ Касумов допросил в качестве свидетеля
Нижепоименованного заключенного который показал:
Фамилия, имя и отчество Шаламов Варлаам Тихонович
Год рождения 1907

Место рождения г. Вологда

Национальность русск

Семейное положение женат [1]

Происхождение: рабочий, крестьянин, прочий класс (подчеркнуть)

Образование: неграмотный, низшее, среднее, нез высшее (подчеркнуть).

Профессия литработник [2]

Место работы и должность зав УРЧ Севрайона

Трудовая категория 1 [3]

Прежняя судимость нет.

Кем, когда, за что и на какой срок осужден ОГПУ в марте 1929 г.

как соцпред эл. на 3 г. по делулевой оппозиции

С какого времени в лагере 13-IV-29.

Дисциплинарные взыскания нет

Показания по существу дела:

Назначение на должн. зав УРЧ Севрайона получил по распор. Нач. УРО УВИТЛ.

Исполнение обязанностей вступил 19-IV-31 г. В У. Улс прибыл 17-IV-31 г.

Прием по распор. Зам. нач. р-на производился рапортами. Состояние УРЧ к моменту приема было следующим: 1) делопроизводство – хаос, много неподшитых неразобранных бумаг, бумаги искались по памяти, что и вынудило меня спешно создать новую опись дел – произвести расшивку всех дел и новую раскладку.

⁵ См. ниже комментарий к публикации.

2. Учет работал совершенно ненормально – отсутствовали данные чуть не на 2000 чел. (не было сведений по УРО и задержалась высылка картотеки) и никаких шагов к получению к-либо матер. с мест хотя бы с личного опроса – не делалось. Говорить о к-либо успешной оперативной работе при таком сост. учета – конечно, было нельзя, также и вести статистики – даже грубой. Мне кажется, что возможно при таком состоянии учета, что даже к-ры[4] могли проходить по рубрике «Сведений нет». Случаев таких я не знаю, но возможны. Особой картотеки к-ров, которую вполне можно было составить не было (она сделана только теперь).

3. В использовании рабсилы УРЧ не играл большой <самостоятельной> роли – переброски людей шли по линии техчасти и только проводились через УРЧ.

Работа выявления отдельных специалистов шла самотеклом – помимо УРЧ – по отдельн. именованным заявкам, а в УРЧ свед. о специалистах настоящих не было. Это давало возм. и «блата» и подбора своих.

Устранить это можно было только путем квалиф. комиссий.

4. Учет движения был поставлен так, что на <нрзб.> не хватило 17 чел. – по выяснению оказалось, что большая часть их не один месяц назад убыла в УВИТЛ и т. п. Правда, в этом особенной вины со стороны УРЧ нет, т. к. плохо и неверно сообщали участки.

5. На загруженность аппарата к-рами в части счетной и санитарной я указывал в рапорте, копия которого имеется у Вас. Есть также к-ры и на хозяйственных. Как, кем и когда они были назначены – установить по делам УРЧ нельзя.

<подпись В. Т. Шаламова>

Допросил <подпись Касумова>

Согласно базе данных «Жертвы политических репрессий. Территория Пермского края 1918–1980-х гг.» (<https://www.permgaspri.ru/repress/index.php?id=29047>), Фарфоровский Владимир Дмитриевич, 1888 года рождения, уроженец Рыбинской волости, был осужден по ст. 58-10 на 5 лет ИТЛ и отбывал срок заключения в Северном заготовительном районе УВИТЛ, центром которого являлся п. Усть-Улс. Вновь арестован ОГПУ 12.06.1931 по обвинению в антисоветской агитации и антисоветской деятельности (ст. 58-10, 11) и вскоре расстрелян. Об этом можно судить по дате прекращения дела 26.12.1931. Реабилитирован Прокуратурой Пермской области 29.04.2004. Более подробные сведения о В.Д. Фарфаровском – <http://demetra.yar.ru/index.php/nekouzskij-rajon/istoricheskie-persony/414-farfarovskij-vladimir-dmitrievich-1888-1930-novomuchenik>

Как можно понять, Шаламов допрашивался в период «разработки» ОГПУ дела Фарфоровского, еще до ареста последнего. Поскольку в протоколе фамилия Фарфоровского не упоминается, очевидно, что основной интерес следователя состоял в выяснении того, как УРЧ ведет учет деятельности «казров», т.е. контрреволюционеров. Ответы Шаламова ясно показывают ситуацию: он, недавно назначенный на должность зав. УРЧ, только начал разбираться с запущенными делами и, выполняя служебную инструкцию, все же успел составить картотеку «казров». Очевидно, следователь был удовлетворен этим (иначе дело могло закончиться плохо и для Шаламова). Не исключено, что этот формальный по существу повод к допросу имел со стороны следователя ОГПУ и другой мотив: «прощупывание» настроений у осужденного за участие влевой («троцкистской») оппозиции, к тому же направленного в штрафной Северный район за письмо в ЦК ВКП(б) и ОГПУ о положении женщин в лагере. Все это лишний раз свидетельствует, что Шаламов все время пребывания в Вишлагае находился под особым вниманием ОГПУ (см. *Хронику пребывания В. Шаламова в Вишлагае*).

Очевидно, что В.Д. Фарфоровского Шаламов не знал и никакого отношения к его печальной судьбе не имел. С другой стороны, дело Фарфоровского показывает правоту слов Шаламова (в главе «В лагере нет виноватых») о том, что «следы кровавых расправ» – «были, не могли не быть». Расстрелы по политическим мотивам, санкционированные ОГПУ, совершались тайно, в других местах.

Примечания

[1] В данный период Шаламов был не женат. Возможно, он желал продемонстрировать следователю свою «взрослость», поскольку документы на брачные отношения в те годы не требовались.

[2] «Литработник», вероятно, тоже употреблено для солидности в глазах следователя. Следует заметить, что литработниками в те годы назывались журналисты. В 1928 г. Шаламов некоторое время работал журналистом в радиогазете «Рабочий полдень» (см. воспоминания «Несколько моих жизней» – ВШ7, 4, 306), а в Усть-Улсе писал скетчи для «Синей блузы».

[3] Первая трудовая категория присваивалась заключенным, которых медицинская комиссия признавала физически здоровыми.

[4] «К-ры» («казры», от КР) – сокращенное (устное и письменное) именование «контрреволюционеров» (осужденных по ст. 58-10 и другим пунктам этой статьи).

3. Письма инженера В.П. Покровского из Вишлага

В «Вишерском антиромане» (очерк «Вредители и грызуны») и в рассказе «У стремени» В. Шаламов пишет об инженере Покровском, с которым встречался в Вишлага, а затем, в середине 1960-х годов, в Москве. При этом очевидно, что московская встреча, сопровождавшаяся спором о личности Э.П. Берзина, стала одним из толчков к пересмотру Шаламовым своего отношения к бывшему директору ВИШХИМЗа и Дальстроя. О самом Покровском писатель отзывался довольно пренебрежительно, видя в нем представителя технической интеллигенции, которой, по его убеждению, в гораздо меньшей степени пришлось испытать давление власти в сталинскую эпоху, нежели интеллигенции гуманитарной. Между тем фигура В. П. Покровского и его судьба заслуживают большого интереса. Немало сведений о нем приведено в книге А.М. Покровского «Из Петербурга в Петербург. Неформальные воспоминания» (СПб. Издательские решения, 2017). Владимир Павлович Покровский (1893–1973) окончил Тенишевское училище (1911) и Институт гражданских инженеров (1914); в 1914–1917 годах – поручик лейб-гвардии конно-гренадерского полка. В 1920-х годах – инженер ленинградского завода «Гидравлика». Арестован 19 февраля 1931 года по делу контрреволюционной группы бывших офицеров царской армии, приговорен к 10 годам лагерей; 25 августа 1932 года освобожден условно и назначен на работу в Особый гидро-технический отдел Техотдела ОГПУ в Москве (т.н. «шарашка»). К сожалению, подробные сведения о его биографии, особенно поздней, пока не разысканы, однако известно, что еще в 1920-е годы В.П. Покровский принадлежал к кругу близких знакомых известной поэтессы и переводчицы Анны Радловой, связанной, в свою очередь, с кругом поэта О.Э. Мандельштама и его жены Н.Я. Мандельштам⁶. В связи с этим не исключено, что с В.П. Покровским Шала-

6 Брат О.Э. Мандельштама Евгений Эмильевич Мандельштам (1898–1979), был близок семье Радловых (женат первым браком на сестре А. Радловой).

мов встретился в 1960-е годы, благодаря своему знакомству с Н.Я. Мандельштам (версия требует дополнительного исследования).

Наибольший интерес для нашего издания имеют два письма В.П. Покровского, написанные из Вижайки и Березников в 1931 г. Письма адресованы его первой жене Евгении Александровне Покровской-Жиряковой. Они дополняют важными деталями сведения об условиях в Вишлага, приводимые Шаламовым. (Публикуется с некоторыми сокращениями по: **Покровский А.М.** Из Петербурга в Петербург. Неформальные воспоминания. СПб. Издательские решения, 2017. С. 30-31).

«<6.06.1931>

От заключенного Покровского В. П. 39-ой роты.

Дорогая Женя, я приехал в место назначения. Мой адрес – Уральская обл., Чердынский район, Вижайка, 1-е отделение Вишерского Исправительного Трудового лагеря ОГПУ, заключенному Влад. Павл. Покр.

Лагерь в хорошем сухом месте, рядом две реки, Вишера и Вижайка. Я вполне здоров и чувствую себя хорошо. Работа на открытом воздухе. Я очень этим доволен. С некоторым удивлением узнал, что я еще не старый. Доказательство этому то, что из нашей компании человек в 60 только два или три сильнее меня и только один выносливее. На докторском осмотре меня признали вполне здоровым.

У меня довольно много просьб. Во-первых, мне нужны новые очки. Очки для дальнозоркого стекла +3,0 <нрзб>, расстояние между зрачками 61 или 62 миллиметра.

Во-вторых, мне бы нужно иметь чайник для кипятку. Постарайся, пожалуйста, послать, и лучше не маленький, конечно, металлический.

С большими сапогами не торопись, т.к. сейчас сухо и, кроме того, здесь выдают ботинки рабочего типа.

Штаны, пожалуйста, пошли, а пальто без моего письма не высылай.

Из мелочей мне нужно: 1) зубную щетку с футляром, по возможности, 2) мыла (если трудно доставать, лучше всего хозяйственное в белых кусках, марка «60%»), 3) мыльницу металлическую, 4) почтовой бумаги и конвертов, 5) химический карандаш.

Из еды я прошу чеснок, сахарный песок и шпиг, если легко купить.

Кажется, ничего не забыл. Теперь еще важное дело. Я очень дорожу моими таблицами для водопроводных расчетов. Нужно собрать следующие: 1) на белой бумаге таблица расчета для водопроводных труб по формуле Гангилье-Куттера – 1 экземпляр, 2) на синьках таблицы для расчета водопроводных труб по форм. Дарси-Базена – 2 экз., 3) на синьках таблицы для расчета канализационных труб по формуле Гангилье-Куттера – комплект, связанный в трубочку. Если не все они дома, пускай мой сослуживец Павел Александрович Сперанский соберет их среди моих бумаг на заводе. И пускай он соберет мои оставшиеся на заводе книги. Часть книг наверняка осталась на заводе, а таблицы, даже если и все дома, попроси его проверить, он это сделает лучше, чем Ты (Кроме того, на заводе остались штаны из прозодежды, вот подходящая вещь, чтобы прислать сюда). Но ни книги, ни таблицы без моего письма не посылай.

Ты мне пиши почаще и лучше всего открытки. Я буду писать регулярно раз в месяц. Телеграммы буду посылать в случае экстренных просьб (Кстати, забыл попросить тройной одеколон, борную, марганцовку и вату). Посылки сюда не ограничены, поэтому, если все, что я попросил, удастся собрать одновременно... <нрзб>... можно послать две посылки сразу.

Целую крепко, Ловдий»⁷.

7 Имя «Ловдий», от английского «Love Dear», как поясняет А.М. Покровский, имеет истоки в совместном изучении супругами Покровскими английского языка в 1920-е годы.

«От з/к 6-ой роты Покровского В. П.

Дорогая Женя,

как нарочно, перед письмом порезал палец, поэтому напишу крупно короткое письмо. Живу по-прежнему, должность «прораб» Санит.-Технич. Отдела. Дела и беготни все прибавляется. Но не теряю надежды наладить работу отдела так, чтобы не опуститься <?>. Главная трудность работы состоит в том, <что> в связи с налаживанием новой фабрики часто возникают нестандартные и в то же время срочные работы. Здесь выделяется хлор, – надо останавливать делаемую работу и спешно устраивать вытяжную вентиляцию; там получается слишком густое известковое молочко, – откладываем текущие дела и подтягиваем водопровод. Пока я служил в проектном бюро, у меня были, как ты помнишь, длинные и довольно спокойные вечера. Теперь у меня вечера короткие, да и вечерами иногда занимаюсь. Иногда бывают аварийные работы, тогда приходится и ночью не спать. Но зато у меня положение самостоятельное и способы работать разнообразные, – то сидеть в конторе и считать, то спешно вести пять телефонных разговоров подряд; то распоряжаться, то смотреть на работу и быстро выдумывать изменения и улучшения.

Здоров я по-прежнему вполне. Плохо, что из-за занятости уже три недели не занимаюсь английским языком. Но номер американского журнала со статьей о водопроводах в условиях вечной мерзлоты ты мне все-таки пошли. Кроме того, попроси Алекс. Васильевича <по-видимому, Ливеровского⁸> достать материал о вечной мерзлоте, – распределение температур по глубине и по временам года, толщину слоя, строительные приемы и прочее. Вместо гидравлики Дегта другую <книгу> мне не покупай, у меня есть хорошая.

Я очень мало знаю про наших. Попроси Анну <Радлову⁹> писать мне часто открытки. Я получил от нее ее письмо и две открытки. И получил две посылки, одну с пальто, другую с костюмом. Поблагодари ее за это и за деньги.

Целую тебя.
Ловдий».

---

8 Александр Васильевич Ливеровский (1867–1951) – бывший министр путей сообщения Временного правительства, привлеченный в 1922 г. Ф.Э. Дзержинским к консультационной работе в ВСНХ, стал со временем одним из крупнейших советских специалистов в области строительства железных дорог. В.П. Покровский являлся племянником его жены. Как можно предполагать, влияние А.В. Ливеровского помогло переводу В.П. Покровского в 1932 г. из Вишлага в ОКБ ОГПУ («шарашку») в Москву и в дальнейшем уберечь от репрессий.

9 Анна Радлова (Дармолатова, 1891–1949) была близкой подругой Е.А. Покровской-Жиряковой. В 1926 г. вышла замуж за брата В.П. Покровского Корнелия Павловича (1891–1938). См. воспоминания художницы О. Гильдебрандт в кн: Кузмин М. Дневник 1934 года. СПб. Изд-во Ивана Лимбах, 1998. О творчестве и судьбе Анны Радловой, умершей в Волголаге под Рыбинском, см: Юрьев О. Третья богородица // Новый мир, 2016, № 2.

4. Документы о Вишлаге из архива Красновишерского городского округа.

В фондах архивного отдела Красновишерского городского округа сохранился ряд ценных документов начала 1930-х гг., проливающих свет на деятельность Вишлага (начальник И.Г. Филиппов) и его взаимодействие с дирекцией ВИШХИМЗ под руководством Э.П. Берзина и сменившего его в 1932 г. Д.С. Соколовского. Первый из документов (договор о хозяйственных отношениях между Вишлагом и ВИШХИМЗ) ранее цитировался в некоторых работах, в полном виде публикуется впервые. Три других документа ранее нигде не приводились. Как представляется, все они служат красноречивым свидетельством того, что система работы с заключенными в Вишлагe носила рационально-гуманистический характер, подчиняясь принципам оплаты по труду. Этому же принципу соответствовало и наказание за плохой труд (о чем ярко свидетельствует документ 3). Очевидно, что материалы, относящиеся ко второй половине 1931–1932 годам, т.е. к периоду более высокой упорядоченности дел на строительстве и эксплуатации Вишерского ЦБК, не могут рассматриваться как свидетельство о положении дел в 1929–1930 годы, которым в основном посвящены страницы «Вишерского антиромана» В. Шаламова. Тем не менее в ряде случаев документы могут дополнить или скорректировать факты, приводимые писателем.

Документ 1

УТВЕРЖДАЮ: БЕРЗИН
1.IX.1931 г.

ДОГОВОР

Пос. Красновишерск.

Августа 15 дня 1931 года.

Мы, нижеподписавшиеся, 1-е Отделение Вишерских Исправительно-Трудовых ЛагереЙ ОГПУ, именуемое в дальнейшем ВИШЛАГ, в лице врид. Начальника 1-го Отделения тов. КУДРЯВЦЕВА Василия Дмитриевича, действующего на основании приказа от 15-го июля 1931 года по 1-му Отделению ВИТЛ за № 128, с одной стороны, и Вишерские Целлюлозно-Бумажные и Химические заводы, именуемые в дальнейшем ВИШХИМЗ, в лице Заведующего Сектором Труда и Рационализации тов. ИОНОВСКОГО М.К., действующего на основании приказа от 12 апреля с.г. за № 84, с другой стороны, исходя из необходимости урегулировать отношения между указанными двумя организациями на началах хозяйственного расчета, заключили настоящий договор о нижеследующем:

А. Введение

1. ВИШЛАГ предоставляет ВИШХИМЗу для использования в предприятиях и учреждениях последнего рабочую силу – заключенных 1-го Отделения. Количество рабочих, условий работы, нормы, срок выполнения заданий и оплата этой рабочей силы регулируются настоящим договором.

2. ВИШЛАГ предоставляет ВИШХИМЗу рабочую силу в количестве 200 000 отработанных человеко-дней ежемесячно, причем отклонение от этого количества допускается не выше 5% в ту или другую сторону.

Увеличение и уменьшение количества рабочих сверх указанных пределов может быть произведено лишь по дополнительному взаимному соглашению договаривающихся сторон.

3. В случае необходимости значительных изменений в количестве занятой рабсилы стороны, заинтересованная в этом изменении, обязана предупредить об этом не позже, чем за две недели до срока изменения.

4. В отношении использования предоставляемой рабочей силы устанавливается различный порядок для следующих категорий:

- а) служащих и инженерно-технического персонала;
- б) штатных и квалифицированных рабочих;
- в) рабочих, занятых на массовых работах.

5. Все заявки на рабочую силу, учет занятой рабсилы и расчеты по ее предоставлению ведутся отдельно по Управлению строительства ВИШХИМЗ и по эксплуатационным предприятиям комбината.

Б. Служащие и инженерно-технический персонал

6. ВИШЛАГ принимает на себя обеспечение потребности ВИШХИМЗа в служащих и инженерно-техническом персонале в пределах имеющихся в его распоряжении заключенных, могущих быть использованными на указанных работах.

7. ВИШЛАГ обязуется всемерно содействовать ВИШХИМЗу в укомплектовании его кадров высококвалифицированными специалистами из заключенных.

8. Всех заключенных указанной в п. 7 квалификации, могущих быть использованными на работе в ВИШХИМЗ, последний оформляет в качестве постоянных служащих, тарифицирует наравне с вольнонаемными специалистами и оплачивает по особой сетке, прилагаемой к настоящему договору.

9. Работники из заключенных оплачиваются с момента приступа их к работе на ВИШХИМЗе. Работники, зачисленные на испытание на установленный правилами срок, по тем или иным причинам не принятые на постоянную работу, оплачиваются по низшему разряду и ставке соответствующей должности.

В. Штатные рабочие

10. Условия найма и использования на работах ВИШХИМЗа штатных квалифицированных рабочих и младшего обслуживающего персонала регулируются наравне с вольнонаемными на основании договора.

11. Квалификация и разряд для квалифицированных рабочих устанавливаются паритетной квалификационной комиссией, состоящей из представителей ВИШХИМЗа и ВИШЛАГа.

12. Все рабочие и служащие, принятые на постоянную работу в ВИШХИМЗ, закрепляются за последним и могут быть сняты с работы только по согласованию с ВИШХИМЗом или же при наличии у ВИШЛАГа специальных административных соображений.

13. В отношении условий труда, подчинения правилам внутреннего распорядка и др., все штатные заключенные приравниваются к вольнонаемным работникам ВИШХИМЗа.

Г. Предоставление массовой рабсилы.

14. Ежедневно не позднее 18-ти часов или раз в 5-ти дневку за день до начала последней, Сектор Труда и Рационализации ВИШХИМЗа дает заявку на потребное количество рабсилы на следующий день. Заявка вручается Заведующему отделом внешних работ 1-го Отделения ВИШЛАГа или лицу им уполномоченному. Вышеупомянутая заявка служит основанием для раскомандирования рабочих бригад по работам.

15. Раскомандирование производится лицом, назначенным от ВИШЛАГа.

16. Заявки даются по форме, установленной ВИШЛАГом при участии Сектора Труда и Рационализации ВИШХИМЗа.

17. ВИШЛАГ не принимает и не выполняет никаких заявок на рабсилу помимо Сектора Труда и Рационализации ВИШХИМЗа. Рабсила, предоставленная в обход этого пункта, оплате не подлежит.

18. Ежедневно представитель ВИШЛАГа производит сверку учетных материалов по выходам и использованию рабсилы. Основным документом учета признается табель ВИШХИМЗа. Представитель ВИШХИМЗа подписывает ежедневно рабочие сведения ВИШЛАГа, представляя фактическое число работавших в точном соответствии с табелем. О всяком расхождении с табелем и рабочими сведениями делается специальная оговорка. Табель ВИШХИМЗа ежедневно подписывается представителем ВИШЛАГа.

19. Окончательная сверка табелей и установление точного числа отработанных человеко-дней производится по истечении месяца и должна быть закончена не позднее 4-го числа следующего месяца.

Д. Использование массовой рабсилы.

20. Вся рабсила, предоставляемая ВИШЛАГом для массовых работ, должна быть использована ВИШХИМЗом на сдельных работах. На поденных работах может быть использовано ВИШХИМЗом не более 5%; в случае, если число работающих поденно будет больше 5%, то излишек оплачивается по сдельному заработку сдельно работавших.

21. В случае, если окажется, что высланная ВИШЛАГом рабсила не может выполнить установленные нормы, ВИШХИМЗ оплачивает только фактически произведенную работу по расценкам отдельных работ.

22. Предоставляемая ВИШЛАГом рабсила должна быть разбита по бригадно и прикреплено на ВИШХИМЗом к определенным объектам работ.

23. Бригады должны быть сформированы ВИШЛАГом в среднем по 30 человек в бригаде. Каждая бригада работает под руководством бригадира. Оплата работы бригадиров производится ВИШЛАГом за счет общего сдельного заработка бригады.

24. Рабочие, используемые поденно, оплачиваются по первому разряду тарифной сетки.

25. На всех рабочих и служащих ВИШХИМЗа из числа заключенных распространяются все установленные законом нормы и условия труда, техники безопасности, санитарии и гигиены, работы на вредных производствах, правила внутреннего распорядка и др.

Е. Учет выработки.

26. На все работы, производимые согласно настоящему договору, ВИШХИМЗ выдает каждой бригаде наряды заблаговременно и не позже, чем в течение 2-х дней с момента приступа к работе. В наряде должны быть указаны точные задания, срок и цена. Если же в процессе

работ произошли какие-либо изменения, выдается дополнительный наряд, посылается извещение об отмене наряда и т.д.

27. Производитель работ ВИШХИМЗа или лицо, в ведение коего наряжается рабсила, ежедневно выдает представителю ВИШЛАГа справку по прилагаемой форме. Справка составляется в 3-х экземплярах, из коих один остается в делах прораба ВИШХИМЗа и служит ему основанием при составлении акта замера, который составляется за каждые 10 дней.

28. Акт замера, подписанный производителем работ ВИШХИМЗа, или лицом, в распоряжении которого по заявкам Сектора Труда и Рационализации наряжается рабсила, является бесспорным документом для расчета.

29. Акты замера составляются в 3-х экземплярах, из коих один прорабом ВИШХИМЗа направляется в бухгалтерию ВИШХИМЗа, второй выдается представителю ВИШЛАГа и третий оставляется в делах прораба ВИШХИМЗа.

Ж. Условия расчета.

30. Полный расчет за рабсилу за данный месяц должен производиться следующим порядком:

а) не позднее 7-го числа следующего месяца должны быть вручены отдельными участками Заведующему отделом внешних работ ВИШЛАГа акты замера по исполненным работам за прошлый месяц, а также табеля на штатных служащих и рабочие листки – расчеты на штатных рабочих специалистов, сдельщиков и одиночек.

б) финчасть 1-го отделения ВИШЛАГа не позднее 12 числа представляет планово-финансовому сектору ВИШХИМЗа или ФСО Управления строительства счет на рабсилу, который акцентируется ВИШХИМЗом в 3-х дневный срок.

ПРИМЕЧАНИЕ: оформление актов замеров по Строительству производится силами и аппаратом ВИШЛАГа с оплатой выполненной работы Управлением строительства ВИШХИМЗ.

31. Кроме оплаты труда рабочих и служащих ВИШХИМЗ оплачивает ВИШЛАГу на организованные и другие расходы 8% по эксплуатации и 11% по строительству со всей суммы зарплат рабочих и служащих.

32. Помимо указанных процентов ВИШХИМЗ оплачивает ВИШЛАГу стоимость спецодежды, полагающейся по колдоговору на все количество фактически отработанных человеко-дней. Расчет по спецодежде производится ежемесячно.

ВИШЛАГ обязуется полностью снабжать рабочих из заключенных спецодеждой, полагающейся по колдоговору для вольнонаемных рабочих тех же категорий.

В случае выдачи спецодежды Управлением Строительства или ВИШХИМЗом, таковая относится полностью за счет ВИШЛАГа с обязательным незамедлительно по выдаче уведомлением Финотдела ВИШЛАГа при авизо, с указанием фамилии, имени и отчества лиц, коим выдана спецодежда. Извещение ВИШХИМЗ делает ВИШЛАГу во всяком случае не позже 5-ти дневного срока с момента выдачи спецодежды.

ПРИМЕЧАНИЕ: 1. Для цехов Целлюлозно-Бумажной фабрики и для рабочих пожарной охраны ВИШХИМЗ предоставляет спецодежду непосредственно, не оплачивая ВИШЛАГу ее стоимость.

2. В связи с настоящим договором отменяется пункт протокола от 18.IX.30 г. о бесплатном предоставлении ВИШХИМЗом электроэнергии ВИШЛАГу.

33. На массовых работах (вне заводских помещений) инструмент для работ предоставляется ВИШЛАГом в необходимом количестве. За инструмент, предоставляемый ВИШЛАГом, ВИШХИМЗ оплачивает ему компенсацию в размере нормальной амортизации этого инструмента применительно к отдельным видам работ. В случае выдачи инструмента Управлением

Строительства или ВИШХИМЗом, стоимость его относится за счет ВИШЛАГА с обязательным незамедлительно, но не позже 5-ти дневного срока со дня выдачи уведомлением финчасти 1-го Отделения при авизо, с указанием имени, отчества и фамилии лиц, получивших инструменты.

34. Оплата сверхурочных работ, оплата простоев не по вине рабочего и др. производится на тех же основаниях, что и для вольнонаемных рабочих.

35. За работу в праздничные дни ВИШХИМЗ производит оплату по колдоговору.

36. Простои по ни от кого не зависящим причинам (форс-мажор) и по вине администрации ВИШХИМЗа оплачиваются по колдоговору.

37. В отношении оплаты брака и порчи материалов, удержаний за утерю, поломку и преждевременный износ оборудования, рабочие ВИШЛАГА приравниваются к вольнонаемным, причем ответственность за их действия несет ВИШЛАГ.

38. Выплата премиального вознаграждения заключенным за выполненную ими работу производится ВИШЛАГом. Также ВИШЛАГом производятся и все другие выплаты заключенным, как то: сверхурочных, особых премий за преподавательскую работу и др. Никаких оплат заключенным ВИШХИМЗ непосредственно не производит.

3. Руководство массовыми работами.

39. Вся работа, производимая рабочими ВИШЛАГА, выполняется исключительно по заданиям и техническим указаниям руководящего персонала ВИШХИМЗа (прораб, его помощники, десятники).

40. Заведующий отделом внешних работ и его помощники, десятники и бригадиры ВИШЛАГА несут ответственность за правильное и своевременное выполнение переданных через них заданий.

41. ВИШЛАГ сообщает ВИШХИМЗу фамилии руководящего персонала до бригадиров включительно.

42. Нормы для расчетов и определения сроков работы на всех видах строительства устанавливаются ВИШХИМЗом согласно республиканским нормам и расценкам.

Нормы для расчетов и определения сроков работы на эксплуатационных работах устанавливаются по существующим на этот счет нормам для вольнонаемных рабочих.

Нормы для индивидуальной выработки отдельных заключенных устанавливаются ВИШЛАГом по его усмотрению.

И. Пеня и возмещение убытков.

43. За непредоставление предусмотренной настоящим договором рабочей силы, а равно и неиспользование предоставленной рабочей силы, виновная сторона оплачивает другой пению из расчета среднего заработка на все количество непредоставленной или неиспользованной рабочей силы.

44. Определение среднего заработка производится путем деления валового заработка (включая начисления) за предшествующий месяц на число отработанных в этом же месяце человеко-дней всех рабочих и служащих.

45. Во всех остальных случаях простой по вине ВИШЛАГа (невыполнение норм и проч.) ВИШЛАГ возмещает ВИШХИМЗу убытки (оплата простоя судов, механизмов и проч.). Простой судов, механизмов и проч. по вине ВИШХИМЗа ВИШЛАГом не оплачивается.

ПРИМЕЧАНИЕ: в отношении штатных рабочих и служащих оплата за простой, неполное использование и др. регулируются колдоговором.

46. Взыскание пени и убытков производится на основании актов, составляемых представителями обеих сторон. Причем ни одна из сторон не имеет права отказаться от подписания акта, а может лишь внести в него свои замечания.

47. В пятидневный срок со дня подписания настоящего договора стороны сообщают друг другу списки лиц, уполномоченных на подписание тех или иных актов.

48. Уплата пени и возмещение убытков производится немедленно по составлении актов. В спорных случаях вопрос разрешается комиссией, образуемой из представителей ВИШЛАГа и ВИШХИМЗа на паритетных началах.

К. Дополнительные пункты.

49. Обе договаривающиеся стороны обязуются принять все меры к выполнению заданий по росту производительности труда, зарплаты и снижению себестоимости.

50. В видах обеспечения наибольшей эффективности труда заключенных ВИШЛАГ обязуется разработать систему мероприятий, стимулирующих наибольшее использование рабочей силы. Эти мероприятия (система премирования, бытовое обслуживание, административные мероприятия и т.п.) подлежат согласованию с администрацией ВИШХИМЗа.

51. В целях обеспечения условий, способствующих развитию соцсоревнования и ударничества, ВИШЛАГ обязан предоставить ударникам льготы бытового характера. Объем и характер охваченных льгот устанавливается ВИШЛАГом при участии ВИШХИМЗа, при чем самое предоставление этих льгот производится ВИШЛАГом по представлению ВИШХИМЗа.

52. В случае использования рабсилы не по специальности ВИШЛАГ имеет право отозвать тех или иных рабочих с ВИШХИМЗа, заменив их другими с не меньшей трудоспособностью.

53. Настоящий договор заключается на срок с 1-го сентября по 31-е декабря 1931 года.

54. Цена настоящего договора определяется в сумме двух миллионов рублей.

55. Споры про настоящему договору разрешаются Комиссией, образуемой из представителей ВИШЛАГа и ВИШХИМЗа на паритетных началах.

56. Настоящий договор вступает в силу по утверждению его Начальником ВИШЛАГа и ВИШХИМЗа.

Врид. Начальника 1-го Отделения ВИТЛ – ВИШЛАГ КУДРЯВЦЕВ

Зав. Сектором Труда и Рационализации – ВИШХИМЗ ИОНОВСКИЙ

**Архивный отдел администрации Красновишерского городского округа.
Ф.205.0п.1.Д.5.Л.1-5.**

Документ 2

ПРИКАЗ

ПО УПРАВЛЕНИЮ ВИШЕРСКИМИ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫМИ ЛАГЕРЯМИ ОГПУ

Пос. Красновишерск

№ 21

16 февраля 1932 г.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ДЕЖУРНЫЙ ПО УВИТЛ – МУХИН

В целях сохранения здоровья и работоспособности заключенных, следующих этапом, ПРИКАЗЫВАЮ:

Начальникам Отделений ВИТЛ ОГПУ тщательно проверять и добиться неуклонного соблюдения нормы ежедневной выдачи этапного пайка, а именно:

хлеба ржаного .....1000 гр.
рыбы ..... 0,400 гр.
сахара ..... 0,050 гр.
на одного заключенного.

При следовании по этапу СОЛИКАМСК-ВИЖАИХА и обратно отпускать ежедневно на каждого этапированного заключенного из расчета на ПЯТЬ дней:

хлеба ..... 800 гр.
крупы ..... 100 гр.
рыбы ..... 300 гр.
сахара ..... 50 гр.
растит. масла ..... 18 гр.
овощи ..... 300 гр.
соль ..... 20 гр.

Часть отпускаемого пайка выдается в сухом виде на руки заключенным, а именно: хлеб 800 гр., рыбы 300 гр. и сахара 50 гр. Часть идет в котел: крупы 100 гр., растительного масла 18 гр., овощей 300 гр., соли 20 гр. и выдается в виде горячего блюда на этапных пунктах в МОШЕВЕ, ТАТАРСКОМ, ГУБДОРЕ и ФЕДОРЦОВОЙ дважды: один раз вечером после прибытия этапа и другой раз утром перед его уходом.

Начальнику Вижаихинского Отделения организовать выдачу горячих ужинов и завтраков в селе ГУБДОРЕ и ФЕДОРЦОВОЙ, а Начальнику Ленвенского Отделения в МОШЕВЕ и ТАТАРСКОМ.

Об исполнении донести.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ

ФИЛИППОВ

**Архивный отдел администрации Красновишерского городского округа.
Ф.205.0п.1.Д.5.Л.228,229.**

Документ 3

ПРИКАЗ

ПО УПРАВЛЕНИЮ ВИШЕРСКИМИ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫМИ ЛАГЕРЯМИ ОГПУ
Пос. Красновишерск № 27 27 февраля 1932 г.

Ответственный дежурный по УВИТЛ – ТАРСКИЙ

При проверке выработки норм отдельных бригад лагпункта ЧУРОЧНАЯ выявлено, что большая часть бригад, состоящая исключительно из контрреволюционных элементов, осужденных по 58 ст. на 10 лет, физически вполне здоровых, имеющих 1-ю категорию – выполняет норму как максимум на 30-40%, в то время как наряду с ними трудколлектив, состоящий

почти целиком из осужденных по бытовым статьям, социально близкий элемент Советской власти, физически по категоричности стоящий ниже, выполняет норму на 100% и более.

Из этого следует, что упомянутая группа, попав в Лагерь, не бросила свои контрреволюционные вредительские действия против Советской власти и задалась целью организованным порядком сорвать государственную важнейшую программу лесозаготовок. Дабы безотлагательно положить предел этим безобразиям, ПРИКАЗЫВАЮ:

Бригаду в количестве 8 человек, во главе с бригадиром РЯЗАНЦЕВЫМ, выполняющую самую низкую норму – 30-40%, очевидно являющуюся в то же время главарями всей группы, арестовать и предать суду Коллегии. Для чего предлагаю ИСО провести самое тщательное расследование, в недельный срок закончить дело и представить мне на утверждение. При следствии не ограничиваясь одной бригадой проверить всю группу.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ – Ф И Л И П П О В .

Архивный отдел администрации Красновишерского городского округа.
Ф.205.Оп.1.Д.5.Л.254.

Документ 4

ПРИКАЗ № 132
ПО УПРАВЛЕНИЮ ВИШЕРСКОГО ЦЕЛЛЮЛОЗНО-БУМАЖНОГО КОМБИНАТА
ИМ. МЕНЖИНСКОГО

16 мая 1932 г.

г. Красновишерск

З/к работникам Водного транспорта МУШНИКОВУ С.Я., ОГВОЗДИНУ И.А., ПОТРЕСОВУ К.М., КОВИНУ А.И. и НОЗДРИНУ И.К., проводшим в ударных темпах всю навигацию 1931 года и проявившим себя преданными делу работниками в период судоремонта 1931–1932 гг., успешно в срок проводшим работу по переводу на хозрасчет паровых судов флота, а также работавшим в деле переподготовки кадров водников, объявить благодарность с выдачей премиальных в размере:

МУШНИКОВУ С.А. .... 65 руб.
ОГВОЗДИНУ И.А. .... 35 руб.
КОВИНУ А.И. .... 25 руб.
НОЗДРИНУ И.К. .... 20 руб.
ПОТРЕСОВУ К.М. .... 20 руб.

Просить Начальника Вижаихинского отделения УВИТЛ ОГПУ занести настоящий приказ в личные дела упомянутых з/к.

Директор комбината

СОКОЛОВСКИЙ

Архивный отдел администрации Красновишерского городского округа.
Ф.205.Оп.1.Д.7.Л.70.

Константин ОСТАЛЬЦЕВ,
начальник архивного отдела администрации
Красновишерского городского округа

ВИШЕРСКИЙ КРАЙ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Красновишерский городской округ (с 1941 г. по 2006 г. – Красновишерский район, с 2006 по 2019 гг. – Красновишерский муниципальный район) находится на северо-востоке Пермского края. Административным центром округа является город Красновишерск.

Красновишерский район был образован 13 января 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР путем выделения его из состава Чердынского района [1.Л.1.]. Районным центром стал поселок Красновишерск, которому указом Президиума Верховного Совета РСФСР 2 июля 1942 г. был присвоен статус города [2.Л.6.].

Фрагменты истории до XIX века

История округа, который в XIX – начале XX вв. неофициально назывался Вишерским краем, уходит своими корнями в далекое прошлое. Задолго до XX в. на его территории жили люди. Особенностью является то, что он расположен на древней границе расселения двух народов – коми-пермяков и манси.

Уникальной достопримечательностью Вишерского края и главным свидетельством того, что он был заселен еще в глубокой древности, является камень Писаный, расположенный между поселком Акчим и деревней Писаная в среднем течении реки Вишера на правом ее берегу. На этой скале сохранились рисунки, выполненные в эпохи неолита, энеолита, бронзы, раннего железного века и средневековья, то есть, в 5 тыс. до н.э. – 2 тыс. нашей эры.

Существование в древности поселений на берегах реки Вишера доказывается также археологическими раскопками. В гроте камня Бычок, что на правом берегу Вишеры, обнаружена стоянка древних людей, относящаяся к V–III вв. до нашей эры. А в пещере Темная (расположена примерно там же) обнаружено жертвенное место, датируемое V–IV вв. до нашей эры.

В X–XIV вв. поселения в Вишерском крае были основаны представителями финно-угорских народов, что доказывается также археологическими раскопками.

В XI–XII вв. начинается проникновение русского населения на территорию Верхнего Прикамья, территория которого получает название Пермь Великая. Вишерский край в течение нескольких веков входил в состав Перми Великой.

В XIII–XV вв. стали строиться поселения, многие из которых известны и в настоящее время. По переписи 1579 г. в писцовых книгах упоминаются такие населенные пункты Вишерского края как погост Губдор (современное село Губдор), деревни Язва (современное село Верх-Язьва), Немзя (существует в настоящее время), Нестерова, починок Орефин (ныне – деревня Арефина).

По переписи 1624 г. к ним добавляются новые: деревня Ивановская, починки Федорцов (ныне деревня Федорцова), Бычков (ныне – деревня Бычино), Кичигино и другие населенные пункты.

Река Вишера XIV–XVI вв. была главной дорогой в Сибирь. Протяженность этой дороги составляла более 2000 верст. По этой дороге в Западную Сибирь продвигались военные и торговые экспедиции. Вишерская дорога утратила свое значение в конце XVI века, когда была открыта более короткая дорога от Соли Камской, получившая название по фамилии ее открывателя Артемия Бабинова – Бабиновская.

Одним из древнейших поселений Вишерского края является село Морчаны. Его название упоминается в грамоте, которую Вишерские вогулы (манси) отправили царям Ивану и Петру в 1689 г. с просьбой закрепить за ними охотничьи и рыболовные угодья.

Между Писаным камнем и Моховым находилась деревня Акчим – древнейшее поселение на Верхней Вишере. С конца 1940-х гг. в деревню Акчим стали приезжать диалектологические экспедиции Пермского государственного университета. Оказалось, что жители этой отдаленной деревни, занятые испокон веков охотой, рыбной ловлей и лесозаготовками, сохранили типичную северорусскую речь. В 1984 г. в результате более чем тридцатилетней работы был начал издаваться многотомный «Акчимский словарь», в котором объяснения значений слов дополняются цитированием живой обиходной речи носителей говора.

Большую роль в истории Вишерского края сыграло металлургическое чугуноплавильное производство, начало которому было положено еще в середине XVII в. Красноборским чугуноплавильным заводом, находившимся на правом берегу Вишеры, в 18 километрах от современного Красновишерска. В 1890 г. на территории Вишерского края был построен Кутимский чугуноплавильный завод. В 1897 г. было создано «Волжско-Вишерское горное и металлургическое акционерное общество», в состав которого входили представители французского капитала. В 1898 г. силами акционерного общества были построены еще несколько чугуноплавильных заводов, в том числе Вижахинский, находившийся у впадения речки Вижаихи в Вишеру и закрытый в 1907 г. Именно на месте бывшего Вижахинского чугуноплавильного завода и был впоследствии построен Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат.

Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат в истории Вишерского края

В начале XX в. Вишерский край входил в состав Чердынского уезда Пермской губернии, и представлял собой отсталую окраину Российской империи. Согласно «Списку населенных мест Пермской губернии», изданному в Перми в 1905 г., из 23 волостей Чердынского уезда на долю Вишерского края приходились четыре: Верх-Язьвинская, Губдорская, Морчанская, Сыпучинская, и поселок Кутимского завода, в состав которых входили 107 населенных пунктов с населением около 13 тысяч человек. Плотность населения была небольшая: ОКОЛО 1 человека на квадратный километр [3].

В 1917 г. в Вишерском крае, как и во всей России, была установлена Советская власть.

Коснулись Вишерского края и события гражданской войны. Так, с декабря 1918 г. по июль 1919 г. юго-западная часть Вишерского края была захвачена войсками адмирала Колчака [1.Л.62].

Однако основные события, которые привели к созданию Красновишерска и волею которых здесь, на Вишерской земле оказался Варлам Шаламов, произошли в 20-е – 30-е гг. XX в.

История Красновишерска и Красновишерского городского округа тесно связана со строительством и работой Вишерского целлюлозно-бумажного комбината.

В июне 1924 г. в журнале «Бумажная промышленность» была напечатана статья «Перспективы русской бумажной промышленности», в которой автором сделан анализ состояния бумажной промышленности в СССР. Было отмечено, что с конца 1923 г. выявился резкий рост потребления бумаги в СССР, отмечалась отсталость русской бумажной промышленности. Это, по мнению автора, «неизбежно приведет к импорту бумаги». Сделан вывод, что нужны средства на развитие существующих жизнеспособных предприятий и «на постройку новых, чтобы полностью покрыть не только теперешний, но и всякий будущий спрос на бумагу» [4.С.285.]. Статьей было дано направление на строительство новых целлюлозно-бумажных предприятий в СССР. Но о возможных местах будущего строительства в статье не говорилось.

В 1925 г. Народным комиссариатом по военным и морским делам было принято решение о строительстве Вишерских целлюлозно-бумажных химических фабрик и заводов. Проект получил сокращенное название ВИШХИМЗ. Был создан трест «ВИШХИМЗ», который первоначально относился к военно-хозяйственному управлению при начальнике снабжения Рабоче-крестьянской Красной Армии [5.С.4.]. При Главном Военно-хозяйственном управлении РККА была организована проектная ячейка «Вишхимз», которая установила производственное задание для комбината и составила предварительные наброски проекта [6.Л.2 об.]. Интерес военных к строительству комбината объясняется, видимо, тем, что целлюлоза является сырьем для производства бездымного пороха.

В 1926 г. в СССР начинается разработка I пятилетнего плана хозяйственного развития СССР, в котором было отмечено, что развитие целлюлозно-бумажной промышленности должно происходить на Урале: «Целлюлозно-бумажное производство на Урале, в виду наличия здесь дешевого древесного сырья, должно получить широкое распространение в предстоящем пятилетии. В связи с общим планом развития целлюлозно-бумажной промышленности в СССР надлежит запроектировать постройку двух целлюлозно-бумажных комбинатов общей производительностью около 120 тыс. тонн бумаги; один из этих комбинатов должен быть в районе Тавды и другой – в Камском районе».

Первоначально проект «ВИШХИМЗ» не вошел в первый пятилетний план хозяйственного развития СССР. Во-первых, сказывалась отдаленность будущего места комбината. В короткий северный навигационный период до него можно было добраться только по реке. А расстояние по грунтовой дороге до ближайшей железнодорожной станции Солеварня составляло 140 километров.

Второй проблемой было отсутствие рабочей силы для строительства комбината.

Однако работы по подготовке к строительству комбината продолжались. «28 ноября 1925 г. Народным Комиссариатом по земельным делам СССР были переданы в аренду тресту «Вишхимз» сроком на 30 лет лесные массивы площадью почти 10 тыс. квадратных километров в северной части Средне-Уральской области, в Верхнекамском округе. Эти лесные массивы расположены по обоим берегам реки Вишеры и ее притоков, а центр в месте существовавшего лесопильного завода и запроектированного целлюлозно-бумажного комбината» [6.Л.11 об.].

Одновременно здесь было создано Вишерское отделение Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН), заключенные которого и занимались всеми работами. «По косвенным данным можно предположить, что на 1926/27 операционный год... численность заключенных должна была составить 1200 человек [5. С.5.].

В 1927 г. начальником строительства комбината был назначен Эдуард Петрович Берзин, сотрудник ОГПУ при Совете Народных Комиссаров (правительстве) СССР, ста-

рый чекист, участник гражданской войны, воевавший в дивизии латышских стрелков [5.С.6.]. В том же году трест «Вишхимз» был передан в ведение ОГПУ [5.С.8.]. Подготовительные работы по строительству комбината продолжались.

«Выбор места постройки целлюлозно-бумажного комбината в Вишерском районе Свердловской области на левом берегу реки Вишеры у устья реки Вижаихи на площадке разрушенного металлургического завода французского акционерного общества, на расстоянии 140 км. По грунтовой дороге от ближайшей ж.д. станции Солеварня обуславливался следующими предписаниями:

1. Наличие в районе строительства большого количества древесины.
  2. Целесообразность использования на месте отходов 4-х рамного лесопильного завода и строящегося там же 2-х рамного лесозавода для целлюлозно-бумажного производства.
  3. Наличие дарового топлива – опилок и отбросов указанных выше лесопильных заводов.
  4. Наличие хорошего качества без содержания железа воды реки Вишеры.
  5. Наличие в этом районе хорошего качества и дешевого известняка и доломитов.
  6. Возможность спуска щелоков непосредственно в р. Вишеру, так как вниз по течению р. Вишеры на протяжении 75 км. от намеченного места нет ни одного населенного пункта.
  7. Близостью (140 км. по грунтовой дороге и 256 км. по водному пути) Березниковского химического завода, поставщика ряда химикатов для целлюлозно-бумажного комбината.
  8. Благоприятными условиями осуществления строительства на выбранной площадке:
    - а) наличием достаточно хорошо для начала работ оборудованных механических мастерских, кирпичного завода, лесопильного завода, деревообделочных мастерских и прочих подсобных предприятий;
    - б) наличием водного и конного транспорта;
    - в) наличием большого количества рабочей силы, обеспеченной жилыми помещениями (лагерь ОГПУ);
    - г) возможностью по указанным выше причинам постройки в данном месте целлюлозно-бумажного комбината в более короткие сроки, с затратой меньших средств, чем на других площадках [6. Л.1,3,11 об.,12.].
- «Отдаленность комбината от потребляющих центров обусловила выбор ассортимента продукции – чисто целлюлозная высокосортная бумага, которая смогла бы выдержать стоимость далекой перевозки. К этому же побуждало хорошее качество Вишерской воды» [6. Л.12.].
- Учитывая все положительные и отрицательные факторы строительства, Совет Труда и Оборона СССР принимает постановление от 13 июня 1928 г., которым «было утверждено строительство Вишерского целлюлозно-бумажного комбината в две очереди:

Э.П.Берзин. 1926 г.

а) первая очередь – на производство печатной бумаги в количестве 17 400 тонн в год;

б) вторая очередь – на производство писчей бумаги в количестве 11 100 тонн в год.

Срок выполнения постройки первой очереди комбината был установлен в течение двух лет» [6. Л.12.].

Вишерский комбинат задним числом включают в план первой пятилетки. Предприятие получает порядковый номер – 518-й.

«В июле 1929 г. организовывается Проектное бюро «Вишхимз» в Москве для разработки проекта комбината. К ноябрю 1929 г. создается эскизный проект, составляется смета и были получены первые ассигнования на постройку. Этот эскизный проект был положен в основу технического проекта комбината, разработка которого завершена к маю 1930 г. Техническим проектом установлена мощность первой очереди – 20 тысяч тонн бумаги № 1 в год» [6. Л.12.].

«В декабре 1929 г. комиссия в составе: Э.П. Берзина, инженеров Готмана и Д.С. Соколовского выехала в Америку и Западную Европу для ознакомления с производством высокосортной бумаги» [6.Л.12 об.]. Они ознакомились с работой целого ряда лучших предприятий Германии и США и учли последние достижения западноевропейской и американской техники при проектировании.

«По возвращении из Америки в Берлин комиссия занялась размещением заказов на оборудование. Заказ на бумажную машину был передан фирме «Фюльнер», предоставившей 2-х летний кредит. Заказы на оборудование паросиловой, насосной станций и механического завода размещались за границей главным механиком П.П. Кузнецовым. За границей были также размещены заказы на оборудование силовой станции, целлюлозного завода и разное вспомогательное оборудование» [6.Л.12 об.].

В марте 1930 г. комиссия вернулась в Москву и были развернуты работы по составлению рабочего проекта [6.Л.12 об.]. Ведущим автором проекта комбината был дипломированный инженер Дмитрий Степанович Соколовский. Помощником начальника строительства был назначен Алмазов (Алмастьян) Завен Арменакович. Под его руководством были досрочно закончены работы по составлению проекта комбината, проводившиеся силами молодых советских инженеров.

«Промышленное строительство комбината началось в апреле 1930 г. Ввиду запоздания с развертыванием строительных работ в начале сезона, ряд корпусов пришлось оканчивать зимой 1930–1931 гг. в тепляках. Зимой же в тепляках было начато строительство зданий паросиловой и насосной станций. Доставка оборудования для комбината началась в навигацию 1930 г. Часть оборудования была отправлена в 1930–1931 гг. от Соликамска по сухому пути, а все остальное оборудование было доставлено в навигацию 1931 г.» [6. Л.12 об.].

«Монтаж фабрики начался с паросиловой станции и целлюлозного завода в январе 1931 г. К монтажу бумажной машины приступили в марте 1931 г. Для монтажа импортного оборудования прибыло около 30 монтеров инофирм. С бумажных фабрик Советского Союза было привлечено большое количество советских монтеров» [6. Л.13].

«Строительство комбината происходило в чрезвычайно трудных условиях Северного Урала, оторванности от железной дороги, короткого навигационного времени, малонаселенности края, трудности заброски строительных материалов и т.п.» [6. Л.13].

За подготовку кадров на Вишерском комбинате отвечал болгарский политэмигрант Мирче Колев Ионов (Ионовский). Благодаря его деятельности уже в 1930 г. начала действовать школа фабрично-заводского ученичества. Основная подготовка кадров для

комбината производилась в Сясьском целлюлозном заводе и на фабрике «Сокол» Вологодской губернии.

На комбинате работали как вольнонаемные (приезжие и из числа местного населения), так и заключенные, о чем свидетельствуют приказы по личному составу и списки работников [7.Л.17, 74, 74 об.]. При этом оклады заключенных были не ниже, чем оклады вольнонаемных, а иногда и выше [8.Л.240-242.].

15 августа 1931 г. между 1-м отделением УВИТЛ и ВИШХИМЗом «исходя из необходимости урегулировать отношения между указанными двумя организациями на началах хозяйственного расчета» был заключен договор, который регулировал предоставление 1-м отделением УВИТЛ ВИШХИМЗу рабочей силы из числа заключенных: «количество рабочих, условия работы, нормы и срок выполнения заданий, и оплату этой рабочей силы» [10.Л.5.]. См. Приложение 4.

«Комбинат был построен в небывалый в бумажной промышленности рекордный 18-ти месячный срок» [6.Л.13.] и пущен в эксплуатацию 1 ноября 1931 года. «Вишерскому целлюлозно-бумажному комбинату было присвоено имя тов. Менжинского. В апреле 1932 г. комбинат был передан из ведения ОГПУ бумажной промышленности (Союзбумага) с производственной программой на 1932 г. в 15 410 тонн при проектной мощности в 20 000 тонн бумаги» [6.Л.13.].

В архивном отделе администрации Красновишерского городского округа хранятся уникальные документы – фотонегативы на стекле, на которых запечатлено строительство ВЦБК и поселка «Вишхимз». Фотографии, напечатанные с фотонегативов, позволяют окунуться в атмосферу строительства, увидеть, как вырастали цеха комбината, как шел монтаж оборудования, как строился поселок, и, самое главное – увидеть лица людей, которые строили комбинат и работали на нем в последующие годы [11.]. (Часть фотографий использована в данном издании – *прим. ред.*).

Первыми героями труда на предприятии стали: заведующий целлюлозным заводом К.А. Вейнов, прораб четвертого строительного участка Ф.З. Максов, помощник прораба первого строительного участка М.А. Заборенок, мастер целлюлозного завода И.В. Власенко, заместитель начальника строительства З.А. Алмазов и другие. Около 150 человек по окончании стройки получили различные награды.

В ознаменование пуска комбината 31 октября 1931 г. вышел приказ Главного управления лагерей ОГПУ, согласно которому 261 заключенный получили досрочное освобождение, а многим заключенным сокращены сроки заключения.

Сразу после постройки ВЦБК, в ноябре 1931 года, Берзин был назначен директором треста «Дальстрой». Успешно использовал там опыт, полученный в ходе строительства ВЦБК. В 1935 г. он был награжден орденом Ленина. Впоследствии Берзина постигла судьба многих людей того времени. В 1937 г. он был арестован как «шпион иностранных разведок» и расстрелян в 1938 г.

Уезжая из Красновишерска, Берзин писал: «Оставляя Вишхимз, приношу всем работникам Вишхимза свою благодарность за совместную работу по пути социалистического освоения Вишерского края, индустриализации и культурного подъема одной из отсталых окраин Советского Союза. Надеюсь, что работники Вишхимза будут продолжать развитие Вишерского края теми же темпами, которыми было осуществлено строительство комбината, и обеспечат ему место, соответствующее его естественным богатствам» [12.Л.174].

Э.П. Берзина на посту директора комбината сменил Абрам Наумович Пемов – с октября 1931 по май 1932 г. До этого он занимал пост начальника снабжения. В 1932 г. он по приглашению Берзина уехал в трест «Дальстрой», работал там начальником управления по добыче полезных ископаемых. Был арестован и расстрелян в 1938 г.

Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат был принят комиссией Народного комиссариата лесной промышленности СССР в период с 24 октября – 15 ноября 1936 г. после того как комбинат вышел по итогам работы 1935 г. на проектную мощность – 20 тыс. тонн бумаги в год [6.Л.2.].

В течение нескольких десятилетий Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат (с 1976 года – завод) достойно работал и оставался основным градообразующим предприятием Красновишерска. Выйдя на проектную мощность в 1935 г., в 1940–1941 гг. выпускал уже более 25 тонн бумаги.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. комбинат, несмотря на объективные трудности и снижение выпуска бумаги до 15-17 тысяч тонн, продолжал трудиться и выпускал такие виды бумаги как печатная, писчая, картографическая, светочувствительная, тетрадная, оберточная.

На базе вакуумированного в 1941 г. оборудования Ленинградской фабрики «Техбумага» был построен новый цех для выработки светорулонов – светоцех. В нем организована выработка парафинированной бумаги для упаковки бумаги и светорулонов, что улучшило сохранность продукции [13.Л.143.]

В механической мастерской для нужд комбината были освоены изделия, которые ранее не производились: линзовые компенсаторы, фундаментные плиты для лесорамы, ленточные транспортеры для химикатов, разрыватели для листовой целлюлозы, стиральные и чесальные машины для пимокатных мастерских и другие [14.Л.32-33.]. В ТЭЦ был установлен второй турбогенератор.

Многие работники комбината ушли на фронт, а те, которые оставались на предприятии, достойно трудились во фронтовых и комсомольско-молодежных бригадах.

По итогам работы в декабре 1943 г. коллектив комбината получил премию Народного комиссариата бумажной промышленности СССР. Премия, а также переходящее Красное

Развалины цехов бывшего ВЦБЗ.

Знамя Всесоюзного Центрального Совета профсоюзов были получены в сентябре 1944 года. В сентябре 1944 г., а также в июле – августе 1945 г. ВЦБК было вручено переходящее Красное Знамя Государственного Комитета Оборона СССР [15.Л.118, 14.Л.21.].

1609 работников Вишерского целлюлозно-бумажного комбината были награждены орденами и медалями за доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг [16.].

В 1945 г. комбинат получил и успешно выполнил государственное задание по изготовлению специальной бумаги для печати собрания сочинений В.И. Ленина.

После Великой Отечественной войны Вишерский комбинат приобретал все большую известность в стране. Вместе с ним росли и развивались город и район.

В 1953 г. была установлена вторая буммашина по производству оберточной бумаги. В 70-е гг. началась постепенная замена устаревшего оборудования, но этот процесс так и не был завершен. Производство бумаги в эти годы выросло до 43 тысяч тонн в год. В 1981 г. за трудовые успехи и в честь 50-летия Вишерский целлюлозно-бумажный завод был награжден орденом Знак Почета.

В 90-е гг. работа ВЦБЗ заметно ухудшилась. В связи с новыми экономическими условиями началась реорганизация предприятия. В 1993 г. ВЦБЗ был реорганизован в открытое акционерное общество (ОАО) «Вишерабумпром». В 2003 г. ОАО «Вишерабумпром» после процедуры банкротства было ликвидировано. На производственной базе создано новое предприятие ООО «Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат», которое в свою очередь ликвидируется в 2004 г. и на его базе создается ООО «Вишерская бумажная компания». Данное предприятие в 2007 г. фактически прекратило деятельность, и в 2008 г. было окончательно ликвидировано. Так закончилась история предприятия, давшего жизнь Красновишерску и Красновишерскому району.

Красновишерск. Город-лагерь и город-сад.

Параллельно строительству комбината строился и рабочий поселок, который первоначально во всех проектах назывался «Поселок Вишхимз». Одной из важнейших особенностей истории поселка является то, что он, как и Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат, был построен силами заключенных Вишерского лагеря, который был создан специально для этих целей в 1926 г. Сначала это было 4-е (Вишерское) отделение Соловецких лагерей особого назначения, которое в 1928 г. было преобразовано в самостоятельное Управление Вишерского лагеря особого назначения, а в 1929 г. – в Управление Вишерского исправительно-трудового лагеря. Вишерский лагерь сыграл огромную роль в будущем образовании и развитии Красновишерского района. Силами заключенных, их тяжелым трудом производилась заготовка леса как строительного материала, а в будущем и как сырья для производства целлюлозы. С этой целью на территории Вишерского края создавались многочисленные командировки, лесозаготовительные пункты, многие из которых в последующие годы стали крупными поселками. На карте Красновишерского леспромхоза за 1932 г. (то есть, во время существования лагеря) таких командировок, лесозаготовительных пунктов и поселков насчитывается 54 [17.Л.1.]. Таким образом, территорию будущего Красновишерского района фактически осваивали заключенные Вишерского лагеря. Руководством лагеря был создан опытный сельскохозяйственный участок, где изучались возможности развития земледелия в условиях местного климата. В лагере был построен кинотеатр, носивший название «УВЛОН ОГПУ» по своей принадлежности. Через него лагерь выполнял воспитательную, культурно-просветительскую функции. Кроме кинотеатра в поселке был построен клуб имени Дзержинского.

Г.И. Бокий, известный чекист, член коллегии ОГПУ, на объединенном собрании Вишерской заводской ячейки ВКП(б) и ячейки ВКП(б) Вишерского отделения УСЛОН о Вишерском комбинате сказал так: «...это своеобразный комбинат, не будь здесь Лагеря, не было бы и Завода, не начни военвед постройки заводов, не было бы смысла открывать тут Лагерь» [18.С.46.]. Сначала на территории будущего Красновишерска был построен лагерь, а потом уже сам поселок.

Количество заключенных Вишерского лагеря постоянно увеличивалось в связи с активизацией строительства завода, с увеличением масштаба лесозаготовок. Позднее в связи с тем, что расширялась география Вишлага, его заключенные строили «ВИШХИМЗ», Березниковский химкомбинат, занимались лесозаготовками, сплавом леса, добывали уголь в Кизеловских шахтах, начинали строительство Краснокамского целлюлозно-бумажного комбината.

Количество заключенных Вишерского лагеря возросло с 1200 в 1926 г. до 39 000 в 1931 г.

Первое отделение лагеря находилось в черте поселка. На его территории было построено более 80 деревянных зданий, в числе которых 60 барачков, остальные – административные и хозяйственные [19.Л.1.]. После ликвидации лагеря в 1934 году все его имущество, в т.ч. и лагерные бараки, были переданы комбинату. В бараки были поселены рабочие. А территория бывшего лагеря была названа поселком имени Максима Горького, всем улицам которого было присвоено имя этого пролетарского писателя: 1-я им. М. Горького, 2-я и т.д. до 6-й [20.Л.1.].

В настоящее время от лагеря ничего не осталось. На его месте строится индивидуальное жилье. Но само существование лагеря на территории Красновишерска оставило неизгладимый след в памяти людей. Последние лагерные бараки на территории города сохранялись до конца 90-х годов, и в них жили люди. До сих пор понятие «лагерь» живет в сознании людей и не только старшего поколения. А само слово «лагерь» сохранилось в лексиконе жителей города до сих пор.

Первый вариант Генерального плана поселка «Вишхимз» был утвержден начальником строительства Э.П. Берзиным 10 марта 1930 г. [21.Л.1.] Красновишерск, согласно этим планам и их описанию, вполне подпадает под концепцию вновь создаваемых социалистических городов (соцгородов), изложенную в книге архитектора Н.А. Милютин «Проблемы строительства социалистических городов», изданной в 1930 г. [22.С.20-24.] Красновишерск был идеальным местом для проектирования соцгорода. Над ним не довлело дореволюционное буржуазное прошлое. Он создавался почти на пустом месте: рядом были село Морчань, три небольшие деревни и площадка разрушенного металлургического завода французского акционерного общества.

Градообразующим предприятием стал Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат. Поселок был спроектирован отдельными зонами или участками [23.Л.1.]. Комбинат был расположен в промышленной (заводской) зоне поселка. Жилая зона спроектирована севернее комбината, выше его по течению Вишеры. Между комбинатом и жилой зоной спроектирован парк культуры и отдыха, для которого был оставлен участок соснового бора на высоком берегу Вишеры. В парке планировались театр, Дом искусств, центральная библиотека, клуб, спортивные площадки [24.Л.1.].

«Планировка поселка была принята социалистическими кварталами. Каждый квартал должен был состоять из 6 жилых деревянных 12-ти квартирных домов с объединением их во 2-ю очередь кирпичными блоками с расположением в них культурно-бытовых учреждений (клуб, столовая, детсад). Благоустройство поселка предусматривало водопровод, канализацию, освещение. Улицы по поселку предусматривались трех типов: бульварные – шириной 40 м и поселковые – шириной 20 м и 15 м с устройством зеленых насаждений, газонов, тротуаров и палисадников перед зданиями» [6.Л.34 об.].

Первоначально планировалось построить 42 деревянных 12-ти квартирных жилых дома, 1 – 4-х квартирный жилой дом и общежитие на 46 человек.

Отдельно была спроектирована хозяйственно-снабженческая зона, в которую должны были войти сельскохозяйственное предприятие (частично расположенное на правом берегу Вишеры – опытно-полеводческое хозяйство), коммунальные предприятия, склады, товарная пристань, бойня, хлебозавод, и другие предприятия местного значения. Зона располагалась южнее комбината [23.Л.1.].

Южнее хозяйственно-снабженческой зоны был выделен участок предполагаемой колонизации площадью 15 гектар [23.Л.1.]. Примечательно, что в начале 70-х гг., когда на Вишеру приехали нефтяники, именно на этом участке был построен поселок Нефтяников.

Восточнее комбината и жилой зоны был спроектирован железнодорожный городок. Планировалась постройка железной дороги. «Намеченная к постройке железная дорога Кутим – Красновишерск – Язьва – Соликамск свяжет комбинат нормальным ж.д. путем с внешним миром» [25.Л.48; 26.Л.1.; 27.Л.1.]. Однако железная дорога не была построена.

В январе 1931 г. поселок «ВИШХИМЗ» получил официальный статус рабочего поселка и наименование Красно-Вишерск. Поначалу название поселка писалось через

Рабочие у наката бумажной машины.
1930-е гг.

дефис. 3 февраля 1931 г. состоялась первая сессия Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, и был избран поселковый Совет [23.Л.1-3.].

Перед вновь избранным Советом стояли многочисленные задачи по организации жизни и быта в поселке. По решению различных вопросов поселковый Совет работал в тесном взаимодействии с дирекцией ВИШХИМЗа и с руководством УВИТЛ, о чем говорят многочисленные архивные документы. Взаимодействие осуществлялось по самым разным вопросам: по вопросам строительства комбината, по содержанию в чистоте и порядке улиц, помещений, уборных в поселке; по соблюдению правил пожарной безопасности в поселке, на комбинате и в помещениях УВИТЛ, по регистрации граждан, проживающих на территории поселка, по организации работы системы образования и здравоохранения и другим [23.].

Руководством поселка составлялись проекты будущего устройства Красновишерска. В 1932 г. архитектором-художником Вишкомби-

ната А. А. Тиминским был разработан новый проект г. Красновишерска [26.Л.1.27.Л.1.], который был подробно описан в газете «Красная Вишера» от 15 июня 1932 г. Статья называлась «Здесь будет город-сад» с подзаголовком «Будущий большой Красновишерск». В статье писалось: «Красно-Вишерск проектируется как социалистический город-сад высококультурного типа... Проект рассчитан в своем первоначальном ядре на 50 000 жителей, с возможностью дальнейшего расширения...» [29.С.3.]. Кроме этого по данному проекту предполагались особые кварталы для учреждений различного типа: административных, детских, торговых, учебных заведений и других. А средствами сообщения предполагались несколько автобусных и трамвайных линий. Трамвайные линии, как и железная дорога, также не были построены.

К 1936 г. были построены: жилые дома разных типов (108 – приспособленные под квартиры, 15 – 4-х квартирных, 57 – 8-ми квартирных, 11 – 12-ти квартирных), семилетняя школа (кирпичная), здание почты (кирпичное), больничный городок, школа ФЗУ, клуб, гостиница, баня, прачечная, столовая, 4 котельных. Однако «фактически соцпоселок осуществлен со значительными отклонениями, как в части объемов строительства, так и в планировочной части» [6.Л.34.]. Это было отмечено комиссией Народного комиссариата лесной промышленности СССР при приемке ВЦБК в октябре – ноябре 1936 г.

В акте комиссии отмечено: «При строительстве комбината обеспечение рабочей силой намечалось по линии ВИШЛАГ, вследствие чего площадь запроектированного поселка утверждена в количестве 42-х 12-ти квартирных домов, что могло обеспечить лишь ИТР комбината. Имеющаяся жилплощадь не обеспечивает рабочих и ИТР комбината» [6.Л.34 об.]. Осуществленная часть поселка с общей жилой площадью около 43 тыс. кв. м. при фактическом наличии населения около 17 тыс. чел. является совершенно недостаточной. На 1 человека в среднем приходится 2,53 кв. м. жилой площади при норме 6 кв. м., а для ИТР – 9 кв. м. Недостающая жилая площадь составляла более 25

тыс. кв.м (при имеющейся общей жилой площади около 43 тыс. кв. м.). Жилой фонд представлял собой дома разного типа в общем количестве 191, 44 временных каркасных барака (износ – более 50%) и 2 общежития на 290 чел.

«Благоустройство поселка почти не осуществлено... Дороги в поселке отсутствуют. Водопровод осуществлен со значительными отклонениями от проекта (вместо постройки отдельной станции для питьевого водоснабжения построен временный водопровод от общей насосной станции комбината)... Канализации в поселке не имеется» [6.Л.36.]. В 1932, 1934 гг. в поселке произошло несколько вспышек эпидемий сыпного и брюшного тифа [30.Л.1,2.].

В поселке не было построено специальных зданий для детских учреждений. Клуб временной каркасной конструкции был пригоден только для кинопоказа, а для кружковой работы – нет. Таким был Красновишерск в 1936 г.

В довоенные, военные годы и первое послевоенное десятилетие в городе мало что изменилось. Только в 1956 г. был построен Дом культуры бумажников, который, к сожалению, сгорел во время пожара в 2016 г., не дожив до своего 60-летнего юбилея. В начале 60-х годов методом народной стройки была построена дорога-брусчатка.

Дальнейшее строительство в городе велось в соответствии с Генеральным планом, разработанным в 1960 г. Работавшая в те годы председателем райисполкома Антонина Петровна Заболотных вспоминала: «До этого город строился беспорядочно. Отдельные кварталы деревянных домов размещались вкривь и вкось, на дворы наступали огороды, сарай, дровяники... Генеральный план четко определил районы застроек, типы возводимых зданий, направление центральных магистралей, места закладки парков, аллей, спортивных площадок, торговых баз, лодочной станции» [31.Л.18.]. Во многом генеральный план был составлен на основе предыдущих планов города. Результаты строительства к началу 70-х гг. были значительны: «На 15 тысяч жителей – 3 средние и 2 восьмилетние школы, техникум, музыкальная школа, дом пионеров, дом спорта, больничный городок, профилакторий, 7 клубов, прекрасный Дом культуры бумажников, телевизионный узел, просторный и удобный специализированный магазин «Юбилейный» [31.Л.72.] и многое другое.

Началось интенсивное строительство водозабора, хозяйственно-бытовой канализации с очистными сооружениями. В 60-е – 70-е гг. были построены и сданы в эксплуатацию несколько детских садов, кинотеатр «Комсомолец», в 1965 г. построена детская музыкальная школа, Дом пионеров и школьников. В 1966 г. закончена реконструкция взлетно-посадочной полосы, построено здание аэропорта. В 1972 г. сдан в эксплуатацию современный мост через реку Язьва. В 1974 г. был открыт памятник-мемориал воинам-красновишерцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. В 1975 г. построена гостиница, в 1981 г. – новое здание для центральной городской библиотеки, в 1984 г. – новое здание поликлиники. Возведены новые помещения хлебозавода, сберегательной кассы, парикмахерской. В 1980 г. был создан краеведческий музей на общественных началах, который в настоящее время приобрел статус муниципального учреждения.

В 70-е – 90-е гг. город значительно вырос. Наряду с тем, что осталось от прошлого, появились новые микрорайоны кирпичных и панельных жилых домов. Построено здание крупнейшей в районе средней школы № 8. Продолжалось деревянное жилищное строительство (поселок Космонавтов, улицы Молодежная, Строителей). Строились и вводились в действие предприятия торговли и общественного питания. Многие было сделано методом народной стройки. В 70-е – 80-е гг. в городе выросли целые микрорайоны кирпичных и панельных жилых домов. В 1991 г. был создан завод «Вишерский», ставший жемчужиной не только района и Урала, но и всей России.

В настоящее время строительство продолжается. В 2010 г. построено здание детской школы искусств. В 2014 – крытая ледовая площадка. В 2020 г. построено новое здание старейшей в городе средней школы № 1. Активно строятся индивидуальные жилые дома, торговые центры. Планировка города в основном сохранилась та, что была принята в 30-е гг., хотя с тех пор в лице города многое изменилось. Население Красновишерска в настоящее время составляет около 16 тысяч человек.

От Красновишерского района к Красновишерскому городскому округу

В ходе строительства комбината шло освоение территории будущего Красновишерского района. Сначала в этом сыграл большую роль Вишерский лагерь, отделения и командировки которого создавались по берегам реки Вишеры и ее притоков. В 1932 г. был создан Красновишерский леспромхоз, в ходе деятельности которого создавались многочисленные поселки лесозаготовителей. Первым директором леспромхоза стал Козлов Александр Леонтьевич (1906–1979), впоследствии управляющий трестом «Уралзападолес», заместитель начальника управления «Главлеспром» СССР. А первыми рабочими леспромхоза стали заключенные Вишерского лагеря. К началу декабря 1932 г. был построен 21 поселок. Леспромхоз раскинулся на сотни километров.

Первоначально вся территория Вишерского края входила в состав Чердынского района. Однако и строительство комбината, и создание леспромхоза, и развитие всей инфраструктуры определили промышленный характер территории, тогда как Чердынский район оставался сельскохозяйственным. Кроме этого все вопросы строительства и работы ВЦБК решались через Москву, минуя Чердынский райисполком. Этим определялась значительная степень самостоятельности руководства ВЦБК и Красновишерска.

В 1939 г. в документах отдела статистики наличествует документ под названием «Сведения о наличии населения по Красновишерскому району на 17 января 1939 г.» [32.Л.1-3]. То есть, Красновишерского района формально еще не существовало, однако фактически он уже подразумевался, и даже подсчитывалось его население. Население составляло 38539 человек. Из них в Красновишерске проживало 13712 человек, на селе – 15827. Около 10000 человек были трудпоселенцы – в основном из раскулаченных крестьян.

13 января 1941 г. произошло закономерное событие – Указом Президиума Верховного Совета РСФСР «Об образовании новых районов в составе Молотовской области» был образован «Красновишерский район с центром в рабочем поселке Красновишерск за счет разукрупнения Чердынского района» [1.Л.1.]. С образованием района были созданы органы Советской власти: избран районный Совет депутатов трудящихся, создан исполнительный комитет (райисполком) и его отделы, назначены конкретные лица на руководящие должности.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 февраля 1941 г. был установлен административно-территориальный состав Красновишерского района: рабочий поселок Красновишерск и сельские советы – Антиповский, Бычинский, Велгурский, Верх-Язьвинский, Говорливский, Губдорский, Кузнецовский, Нижне-Язьвинский, Ораловский, Сыпучинский, Суибский, Талавольский, Тимино-Бельювский и Усть-Улский, выделенные из состава Чердынского района [1.Л.23.].

Позднее административно-территориальный состав района неоднократно менялся. Сельсоветы переименовывались, населенные пункты переходили в состав соседних районов и наоборот.

Население вновь созданного района было представлено 25 национальностями и составляло около 40 тыс. человек, в число которых входили около 10 тыс. трудпоселенцев. В составе района было 105 населенных пунктов [1.Л.63-68.].

Главными промышленными предприятиями в 1941 г. были Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат и Красновишерский леспромхоз.

Сельским хозяйством на территории района занимались 44 колхоза. Они были образованы в период с 1929–1936 гг. Во время войны количество колхозов уменьшилось до 38. В дальнейшем количество колхозов продолжало уменьшаться, а в 1968 г. на базе оставшихся колхозов были созданы совхозы «Бумажник» и «Вишерский».

Торговлю в районе осуществлял отдел рабочего снабжения (ОРС) бумкомбината, в 1944 г. был создан ОРС Красновишерского леспромхоза.

В годы Великой Отечественной войны более пяти тысяч красновишерцев ушли на фронт. Около трех тысяч из них погибли, защищая Родину. Участники Великой Отечественной войны были награждены многочисленными орденами и медалями. Пятеро красновишерцев получили высокое звание Героя Советского Союза.

Те, кто остались, помогли фронту трудовыми делами. В годы войны руководство и трудовые коллективы района работали над тем, чтобы как можно больше дать фронту и стране продовольствия и сырья.

Именно в суровые дни войны, 2 июля 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР поселку Красновишерску был присвоен статус города.

В 1947 г. 5152 жителя Красновишерского района были награждены медалью «За трудовую доблесть в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [34].

После Великой Отечественной войны Вишерский комбинат приобретал все большую известность в стране. Вместе с ним росли и развивались город и район. В 50-е – 60-е гг. росло население района. В 1962 г. число жителей достигло максимальной цифры и составило более 43 тыс. человек. Количество населенных пунктов в районе составило более 160.

В 70–80 гг. количество населения снизилось и держалось стабильно около 30 тыс. человек. В последующее время количество населения продолжило снижаться и в настоящее время составляет около 19 тыс. человек.

В годы Великой Отечественной войны на Урале были найдены алмазные месторождения. В 1946 году создается первое в СССР предприятие алмазодобывающей промышленности – прииск «Уралалмаз». Первоначально управление прииска находилось в поселке Куся Горнозаводского района. В 1961 г. оно было переведено в Красновишерск. В 1962 г. была пущена первая Вишерская драга. В этом же году было закончено строительство поселка «Алмазный». 1962 г. – время возрождения заброшенного ранее поселка Северный Колчим. Здесь начался монтаж сразу двух драг. В эти же годы алмазниками велось интенсивное строительство в Красновишерске. Возводилось жилье, помещение автогаража, цеха ремонта горного оборудования. С этого времени прииск «Уралалмаз» на многие десятилетия связал свою судьбу с Красновишерским районом и внес большой вклад в его развитие. Так в 1976 г. силами прииска «Уралалмаз» для города была построена средняя школа № 8, построены школы в деревне Паршаковой, в поселке Северный Колчим, новые жилые дома. А в 1998 г. прииск подарил городу здание спортивного комплекса с плавательным бассейном и спортивным залом. В 2014 г. после нескольких реорганизаций алмазодобывающее предприятие было закрыто.

В конце 60-х гг. в Красновишерском районе были открыты нефтяные месторождения. В 1969 г. было образовано Красновишерское управление разведочного бурения. Нефтяники построили целый поселок в южной части города. Управление, где работали более 1200 человек, вело активную производственную деятельность на территории района до 1995 г. В Красновишерске нефтяниками был построен самый крупный и современный детский сад № 15. В конце 90-х гг. управление разведочного бурения было закрыто.

Кроме бумажной, алмазной и нефтяной отраслей промышленности в районе развивается лесозаготовительная отрасль. Красновишерский леспромхоз, образованный в 1932 г., претерпел множество реорганизаций. Все его преемники в итоге были ликвидированы, а лесозаготовками в настоящее время в Красновишерском городском округе продолжают заниматься индивидуальные предприниматели. По подсчетам экономистов Красновишерский район за все годы своего существования дал стране более 50 миллионов кубометров леса.

В 1991 г. в связи с распадом Советского Союза, упразднением Советской власти и образованием Российского государства произошла реформа органов местного самоуправления. Были ликвидированы: Красновишерский районный Совет народных депутатов и его исполнительный комитет, Красновишерский городской Совет народных депутатов и его исполнительный комитет, сельские Советы народных депутатов и их исполнительные комитеты. В 1992 г. были образованы администрация Красновишерского района и администрации сельсоветов.

В 2006 г. Красновишерский район стал называться муниципальным. А вместо администраций сельсоветов были назначены администрации сельских поселений Красновишерского муниципального района.

В 2019 г. произошла новая крупная реорганизация органов местного самоуправления. 25 марта 2019 г. был принят Закон Пермского края № 371-ПК «Об образовании нового муниципального образования Красновишерский городской округ». Этим законом ликвидированы Красновишерское городское поселение и все сельские поселения Красновишерского муниципального района, а также сам Красновишерский муниципальный район. Образован единый Красновишерский городской округ, объединяющий в себе все населенные пункты. История Вишерского края продолжается.

Список источников и литературы

1. Архивный отдел администрации Красновишерского городского округа. Ф.1.Оп.1.Д.1.
2. Там же. Ф.21.Оп.1.Д.35.
3. Список населенных мест Пермской губернии. Пермь, 1905. Источник: <https://istmat.info/node/53948>
4. Н. Вельский. Перспективы русской бумажной промышленности. //Бумажная промышленность, № 6. Москва. Июнь1924.
5. Л.А. Обухов. История строительства Вишерского целлюлозно-бумажного комбината. // Хрупкая летопись: фотоальбом. – Пермь, 2012.
6. Ф.205.Оп.1.Д.1778.
7. Там же. Д.1.
8. Там же. Д.10.
9. Ф.21.Оп.1.Д.2.
10. Ф.205.Оп.1.Д.5.
11. Ф 187.Оп.1.Д.1-425.
12. Ф.205.Оп.1.Д.4.
13. Там же. Д.1802.
14. Ф.205.Оп.1.Д.1812.
15. Там же. Д.1809
16. Ф.1.Оп.1.Д.23.
17. Ф.80.Оп.2.Д.3.
18. Л.А. Обухов. Из истории строительства Вишерского целлюлозно-бумажного комбината и Вишерского лагеря // «Города несвободы»: Материалы международной научно-практической конференции.– Красновишерск, 2012.
19. Ф.21.Оп.3.Д.16.
20. Там же. Д.51.
21. Там же. Д.3.
22. Н.А. Милютин. «Проблемы строительства социалистических городов. Основные вопросы рациональной планировки и строительства населенных мест в СССР».– Государственное издательство.– Москва – Ленинград. 1930. Источник: arch-grafika.rusfolder.net
23. Ф.21.Оп.3.Д.2.
24. Там же. Д.18.
25. Ф.205.Оп.1.Д.20а.
26. Ф.187.Оп.3.Д.418.
27. Ф.21.Оп.3.Д.14.
28. Ф.187.Д.403.
29. 70 ярких лет, весен и зим: юбилею Красновишерска посвящается: Буклет.– Красновишерск, 2012.
30. Ф.21.Оп.1.Д.3.
31. Ф.140.Оп.1.Д.3.
32. Ф.50.Д.3.
33. Ф.1.Оп.1.Д.9а.
34. Ф.1.Оп.1.Д.54

Именной указатель

В указатель вошли персоны, упомянутые в основном тексте и редакциях «Вишерского антимана», а также в предисловии, примечаниях и Приложениях. Из «Колымских рассказов» указаны реальные лица, имевшие отношение к Вишере. Среди заключенных (сокр.: «з/к») указаны, как правило, осужденные по различным пунктам 58-й статьи. Кроме того, фигурируют наиболее крупные уголовники. Все это имеет целью дать ориентиры для поиска дополнительных материалов, могущих быть достаточно интересными. Той же цели служит упоминание сотрудников ОГПУ и лагерной администрации. Фиксация литературных имен раскрывает широкий круг интересов писателя. Аннотации даны к персонам, имевшим наиболее важное значение в жизни Шаламова и отразившимся в той или иной мере в его других произведениях.

Агранов Яков Саулович (1893–1938, расстрелян) – видный сотрудник ЧК-ОГПУ-НКВД, «куратор» творческую интеллигенцию. – 36, 39

Агриколянский – уполномоченный Березниковского ОГПУ. – 90, 93, 96

Адамсон – комендант Бутырьской тюрьмы в 1929 г. – 37, 157

Александров Дмитрий Николаевич – з/к, бывший штабс-капитан царской армии, дежурный комендант Вишлага. – 54, 116-118, 126-128, 160

Алешко-Ожевский Павел Григорьевич – з/к, работник отдела труда Вишлага. – 50, 178

Алмазов (Алмазян) Завен Арменакович (1898–1940) – заместитель начальника строительства ВИШХИМЗ. С конца 1931 г. – помощник директора Дальстроя и начальник московского представительства Дальстроя, замещал Э.П. Берзина во время отпуска. В 1935 г. награжден орденом Ленина. Расстрелян в Москве в 1940 г. – 26, 282

Ангельский – з/к, бывший поручик царской армии. – 31, 33, 62, 169

Андреев Леонид – писатель и драматург. – 99

Андреев Федор – з/к, бухгалтер Вишлага. – 114-116

Антонов Александр Степанович (1889–1922) – руководитель Тамбовского восстания 1921 г. – 108-110, 190-192

Аристархова Екатерина – з/к, подруга В.Шаламова. – 11, 130, 175-176

Атаманов – начальник экономического отдела ОГПУ в Березниках. – 17, 142-143

Афиногенов А. – драматург. – 113

Ахматова А. – 145-146

Балашов – заместитель начальника Березниковского отделения Вишлага. – 113-114

Берзин Эдуард Петрович (1893–1938, расстрелян) – начальник строительства Вишерских химических заводов (ВИШХИМЗ) в 1927–1931 гг. и государственного треста «Дальстрой» в 1931–1937 гг. Родился в Старо-Пебальской волости (Латвия) в крестьянской семье. После школы изучал малярное дело в Риге. В 1910–1914 гг. учился в Берлинском королевском художественном училище в Германии. Вернулся в Латвию и был призван на военную службу. В составе Видземского латышского стрелкового батальона участвовал в боях на фронтах Первой мировой войны. Награжден Георгиевским крестом 4-й степени и серебряной нагрудной медалью «За усердие». После Октябрьской революции участвовал в формировании 1-го легкого артиллерийского дивизиона Латышской стрелковой советской дивизии (начальник дивизии – И.И. Вацетис). Дивизия состояла из 9 стрелковых полков, сведенных в 3 бригады, кавалерийского полка, 6 артиллерийских дивизионов, инженерных и технических подразделений. Летом 1918 г. Э.П. Берзин сыграл решающую роль в подавлении левозсеровского мятежа в Москве

и разоблачении «заговора Локкарта», за что был награжден именным оружием. В ноябре 1918 г. принят в ряды ВКП (б). С декабря 1918 г. сражался в рядах Красной армии на Западном и Юго-Западном фронтах. Принимал участие в боях под Каховкой и Перекопом. Затем служил в штабе Армии, был сотрудником ИККИ (Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала) и спецотдела ВЧК-ОГПУ. В 1927 г. внес предложение в ВСНХ СССР о строительстве Вишерского целлюлозно-бумажного комбината на Урале. В 1929 г. выезжал в Германию и в США для закупки оборудования. По завершении строительства Вишерского ЦБК награжден нагрудным знаком Почетного работника ВЧК-ОГПУ (1932 г.).

14 ноября 1931 г. назначен директором «Дальстроя» – государственного треста по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы, созданного по решению Политбюро ЦК ВКП (б). В бухту Нагаева (Магадан) прибыл на пароходе «Сахалин» 4 февраля 1932 г. Для обеспечения планируемых работ на территориях, где ранее практически не было населения, в апреле 1932 года был создан Севвостлаг – Северо-восточный исправительно-трудовой лагерь (СВИТЛ), входивший в структуру Дальстроя, но формально подчинявшийся Постоянному представительству ОГПУ по Дальневосточному краю (позднее – Управлению НКВД по Дальневосточному краю). Деятельностью Дальстроя, опиравшейся на труд заключенных, были заложены основы производственной, социальной и других инфраструктур современной Магаданской области. Уже в 1936 г. по добыче золота Дальстрой догнал один из самых продуктивных районов США – Калифорнию, а по размерам годового прироста металла превзошел его. В целом, Дальстрой добывал ежегодно около 40% от общей добычи золота в СССР. В 1935 г. за перевыполнение плана добычи золота большая группа работников треста была награждена правительственными наградами, в том числе Э.П. Берзин – орденом Ленина. Имел звание дивизионного интенданта. 4 декабря 1937 г. выехал в отпуск на «материк». 19 декабря арестован недалеко от Москвы, на станции Александров. 1 августа 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР «за измену родине», «подрыв государственной промышленности», «организационную деятельность, направленную на свержение существующего строя», приговорен к расстрелу. В этот же день расстрелян. Реабилитирован 4 июля 1956 г.

Одной из причин гибели Берзина стали многочисленные клеветнические доносы на него. Однако уничтожение столь авторитетного и ответственного работника, руководителя «валютного цеха» страны, не могло произойти без санкции Сталина. Сталин был знаком с протоколом допроса Берзина, представленного ему Н.И. Ежовым (РГАСПИ, ф. 17, опись 171, ед. хр. 345, л.л.56-86). Протокол оформлен 25 марта 1938 г., но на самом деле представлял отредактированный результат многочисленных предшествующих допросов Берзина с применением пыток следователями НКВД Ильищиком и Шнейдерманом. Следователи разрабатывали выгодный Сталину сценарий «латышского национализма» в биографии Берзина, якобы связывавшего его с германской и японской разведками (Берзин «показывал», что был «завербован» для антисоветской деятельности в 1918 г. одним из руководителей ВЧК Я.Х. Петерсом, в 1926 г. – членом ЦК ВКП(б), заместителем председателя Совета народных комиссаров СССР Я.Э. Рудзутак; следует заметить, что к тому времени Я.Х. Петерс, Я.Э. Рудзутак и многие другие деятели латышского происхождения были арестованы и вскоре расстреляны). О фальсификации показаний Берзина ярко свидетельствуют фразы протокола о том, что в период строительства Вишерского ЦБК он «по заданию Рудзутака» создал на комбинате «диверсионную группу», а в период Дальстроя по его же заданию «сколотил антисоветскую организацию с целью срыва плана добычи золота», готовил «восстание для захвата Колымы Японией во время войны» и т.д.

В некоторых современных источниках, например, в Википедии, Берзин характеризуется как «один из организаторов и руководителей системы ГУЛАГа», что в корне неверно. На двух своих главных постах – директора ВИШХИМЗ и директора Дальстроя – Берзин являлся хозяйственным руководителем с особыми полномочиями, постоянно контактировал с ОГПУ, но вопросами

формирования лагерной системы не занимался. До известной степени Берзин разделял пространственные в 1930-е годы представления об эффективности дешевого труда заключенных (о чем он заявлял в отчете, направленном в ЦК ВКП (б) в 1934 г.: «Использование исключительно организованного труда заключенных на золотодобывочных работах, без сомнения, будет способствовать дальнейшему удешевлению производства»¹). Однако дальняя перспектива освоения Севера виделась им совершенно иначе – и на Вишере, и на Колыме он ратовал за всемерное развитие колонизации. В «Генеральном плане развития народного хозяйства Колымской области 1938–1947 гг.», подписанном Берзиным, говорилось: «Одним из труднейших вопросов освоения Колымы, является вопрос кадров... Общая установка генерального плана – на вольнонаемное население. К 47-му году мы должны прийти со 100-процентной вольнонаемной рабочей силой. До этого неизбежно значительное участие заключенных. Их число возмывается до 1942 г., после чего начнет падать. Одновременно с этим в течение 3-й пятилетки должна происходить значительная колонизация заключенных. В 4-й пятилетке колонизация развивается, лагерники постепенно переходят в колонисты. Колонисты же пополняют после окончания срока кадры вольнонаемной рабочей силы с «материка». (Бацаев И.Д., Козлов А.Г., Дальстрой и Севвостлаг ОГПУ-НКВД СССР в цифрах и документах. Магадан, 2002. Ч.1. С. 303-304). – 6, 17-26, 42, 49, 52, 54, 60, 64, 69, 73-78, 80-82, 101, 103-105, 108, 120, 123, 125, 127, 133-137, 150-151, 155, 157, 169-170, 183, 201-206, 209-215, 222, 228-229, 244, 253, 266, 269

Берман Матвей Давыдович (1898–1939, расстрелян) – с июля 1930 г. – заместитель начальника, с июля 1932 до 1937 г. – начальник Главного управления лагерей ОГПУ-НКВД. – 55, 80-82, 87, 92, 96, 101, 116, 205

Берия Лаврентий Павлович (1889–1953, расстрелян) – в 1938–1945 гг. нарком НКВД. – 39

Бладзевич Петр – сотрудник Березниковского ОГПУ, начальник 3 отдела. – 68-69, 173

Блок А. – 175

Блюменфельд Бениамин Маркович (1884–1947) – шахматист и теоретик шахмат, дядя М.А. Блюменфельда. – 131

Блюменфельд Марк Абрамович (1903–1937, расстрелян) – з/к, участник левой оппозиции, начальник планово-экономического отдела Вишлага в 1931 г. Автор (вместе с Шаламовым) заявления в ЦК ВКП(б) с протестом против унижения женщин в лагере (апрель 1931 г.). После этого работал редактором газеты Вишлага «Темп». В приказе Э.П. Берзина от 12 августа 1931 г. упоминается как член президиума комиссии по работе над перспективным планом развития Вишерского района. Расстрелян в Москве в 1937 г. – 33-34, 130-133, 135-140

Бокий Глеб Иванович (1879–1937, расстрелян) – видный сотрудник ЧК-ОГПУ-НКВД, «курировал» Соловецкий лагерь и Вишлаг. – 47-48, 94, 166, 286

Бонч-Осмоловский Николай Георгиевич (1883–1968) – художник, был репрессирован. – 161

Бояршинов Николай Прокофьевич (1878–1934) – з/к, бывший главный инженер треста «Донуголь», осужденный по «шахтинскому процессу». – 98, 202, 206, 215

Брик О.М. – теоретик ЛЕФа. – 136

Будзко Петр Петрович (1888–1938) – з/к, инженер-строитель. Взят Берзиным на Колыму, являлся начальником строительного сектора Дальстроя, строил порт Нагаево. Расстрелян по «делу Берзина». – 18, 36, 77, 179, 200-202

Бульгчев Михаил – з/к, осужденный за убийство жены. – 151

Вальденберг – начальник производственно-технического отдела Вишлага. Взят Берзиным на Колыму, работал зав. секретариатом треста Дальстрой. Судьба неизвестна. – 18, 52, 65, 68, 69, 157, 169, 171, 173

1 История сталинского ГУЛАГа. Собр. документов: В 7 т. М.: РОССПЭН. 2004. Т. 3. С. 395. Имелась в виду эффективность в сравнении с работой бригад старателей. Документ подписан также помощником Берзина Л.М. Эпштейном, по-видимому, автором экономических расчетов по этому поводу.

Васьков Родион Иванович (1891–1961) – начальник УРО Вишлага. Взят Берзиным на Колыму. В 1932–1934 гг. начальник Севвостлага, в 1934 г. заменен И.Г. Филипповым и выехал на материк. О причинах недовольства Берзина работой Васькова можно судить по акту ревизии, составленному И.Г. Филипповым и помощником Берзина З.А. Алмазовым 28 ноября 1934 г. и касавшемуся положения в отдаленных лагерях: «Палатки, где живут з/к, не отоплены и не остеклены, печи неисправны, света днем и по вечерам нет, полы отсутствуют, просушить промокшую обувь и одежду негде, бани не везде есть и люди живут в грязи... Люди едят в большинстве случаев из консервных банок или по несколько человек из одного бачка. Хлеб выпускается сырой... Отмечается также целый ряд других безобразий, которые легко могут быть устранены в порядке повседневной работы. Дальстрой и УСВИТЛ располагают достаточным количеством всех видов снабжения, могущим удовлетворить лагерное население, и лагерь снабжен всем необходимым и лучше, чем какие-либо другие лагеря НКВД...» (*Козлов А.Г. Из истории колымских лагерей (1932–1937 гг.) // Краеведческие записки. Вып. XVII. Магадан, 1991. С. 77-78*). Впоследствии работал в системе НКВД-МВД. В январе 1953 г. был осужден за «злоупотребление служебным положением» на 5 лет, но освобожден по амнистии. Подробнее: *Галкова И. Родион Васьков – герой прозы В. Шаламова. – URL: <https://shalamov.ru/research/400/>. – 18, 91, 103-104, 106, 109, 133, 229, 253*

Важминов – з/к, бывший чекист, начальник КВЧ (культурно-воспитательной части) в Усть-Улсе. – 125, 127-130

Вениаминов Александр Александрович – з/к, секретарь общей части Северного отделения Вишлага. – 77, 78, 118, 127-128, 130

Вилемсон – начальник геологической партии. – 70, 120-121, 183-187

Волков-Ланниг Леонид Филиппович (1903–1985) – журналист, историк фотоискусства. – 107, 136, 180

Вышинский Андрей Януарьевич (1883–1954) – юрист, в 1925–1928 гг. ректор Московского университета, где учился Шаламов, с 1931 г. – Прокурор РСФСР, в 1935–1939 гг. – Прокурор СССР. – 150, 165, 169

Гаранин Степан Николаевич (1891–1950) – в 1937–1938 гг. начальник Управления Северо-Восточных исправительных лагерей (УСВИТЛ). – 152, 157, 206

Гарнави Михаил Наумович (1897–1964) – артист «Синей блузы», конферансье. – 111

Гейне Г. – 98

Гёте И.В. – 152

Гинце Владимир Александрович (1902–1986) – з/к, пилот гидроплана, на котором летал Э.П. Берзин (а также В. Шаламов). В 1928–1930 гг. – летчик-испытатель научно-испытательного института ВВС. 4 декабря 1930 г. коллегией ОГПУ был осужден по ст. 58-7 УК РСФСР за «вредительство». С 1931 года – летчик-заключенный при ведомственном аэродроме «Карпушевка» (у одноименной деревни Усть-Цилемского района современной Республики Коми). В том же 1931 году первым в условиях Заполярья проложил воздушную трассу Ухтпечлага: Архангельск – Чибья – Воркута. В ходе труднейшего полета имел на борту гидросамолета марки «Юнкерс-20» помимо себя еще двух человек. В 1940–1953 гг. – летчик-испытатель последовательно Московского авиационного института, Саратовского и Долгопрудного авиазаводов. В частности, испытывал серийные самолеты Як-6, По-2, Ту-2 и Пе-8. В годы Великой Отечественной войны был восстановлен в статусе военнслужашего, последнее воинское звание – капитан, был удостоен орденов Красной Звезды, Знак Почета и нескольких медалей. С 1953 года – инспектор Министерства авиапромышленности СССР. В 1960-е гг. В.А. Гинце присутствовал на открытии музея планеризма в Коктебеле и до 1970-х гг. его часто видели там отдыхающим. Скончался в 1986 г. и похоронен в пос. Коктебель. (Сведения – URL: www.polarpost.ru/forum/). К последним фактам нельзя не добавить, что В. Шаламов в октябре 1974 г. по путевке Литфонда

отдыхал в Доме творчества писателей в Коктебеле. Вероятность случайной встречи с В. Гинце исключена, иначе о ней бы остались следы в архиве писателя. Тем не менее второе – на этот раз символическое – пересечение судеб бывших вишерцев все-таки произошло: под впечатлением наблюдений за полетами планеристов в Коктебеле Шаламов написал стихотворение «Планерская – мое название» со строками: «Все Коктебели, Коксагзыз / Отступят пред тобой, планер./ Что ищет путь воздушной визы / В волне феодосийских бризов, / Воздушных ям, / Воздушных нор...» – Шаламов В.Т. Стихотворения и поэмы: в 2 томах. СПб.2020 (Новая Библиотека поэта). Т.2. С.260). – 18, 23, 26, 120, 127, 203

Глухарев Николай Иванович – з/к, начальник отдела труда Вишлага в 1929 г. – 49-52, 60

Гомер – 54

Грановский Михаил Александрович (1893–1938) – с 1930 г. начальник строительства, с 1932 г. директор Березниковского химкомбината. В 1934 г. был делегатом XVII съезда ВКП(б). В 1937 г. арестован, в 1938 г. расстрелян вместе с большой группой видных деятелей партии и государства, включая Э.П. Берзина. Список подлежащих расстрелу лично подписали Сталин и Молотов). – 92-93, 95, 111, 220-226

Гудзь Галина Игнатьевна (1909–1986) – первая жена В. Шаламова. – 8-9, 118, 176, 244-246, 254

Гудзь Игнатий Корнильевич (1871–1939) – ответственный работник Наркомпроса РСФСР, тесть В. Шаламова. – 118

Гумилев Н. – 83

Гурко И.В. – генерал-фельдмаршал во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – 102-103

Дзержинский Ф.Э. (1877–1926) – председатель ВЧК и ОГПУ (1917–1923), председатель ВСНХ – Высшего Совета народного хозяйства СССР (1924–1926). – 15, 18, 201, 214, 268

Добровский – ответственный редактор журнала «За овладение техникой», где работал Шаламов в 1933 г.; был репрессирован. – 88, 156

Достоевский Ф. – 71, 156

Егоров – зам. начальника УРО Вишлага. Был взят Э.П. Берзиным на Колыму. Судьба неизвестна. – 18, 43, 54, 104, 106, 229

Ежов Николай Иванович (1895–1940, расстрелян) – в 1936–1938 гг. нарком внутренних дел СССР. – 19, 20, 82, 204-205

Есенин С. – 42, 235-239

Желябов А.И. (1851–1881) – руководитель «Народной воли». – 91

Жигалев – следователь Березниковского отделения ОГПУ. – 89-90, 93, 102

Жидков – з/к, начальник санчасти, бывший сотрудник царской охраны. – 51, 99-100, 200

Жорес Жан (1859–1914) – французский социалист. – 103

Журавлев – з/к, бывший полковник белой армии, начальник сплавных работ в Северном отделении Вишлага. – 51, 68, 124

Зяц Петр – з/к, сектант. – 17, 44, 146, 252, 196-197, 204

Зубакин Борис – поэт. – 129

Зощенко М. – 175

Зыбалов Павел Осипович (1889–1948) – ссыльный, инженер-экономист Березниковского химкомбината. В 1913–1916 гг. учился на историко-филологическом факультете Московского университета, затем был мобилизован в армию, окончил школу прапорщиков. В гражданскую войну воевал на стороне белых, был эвакуирован из Крыма в Константинополь и до 1927 г. жил в Праге. Там окончил политехнический институт. В 1927 г. восстановлен в правах гражданства и вернулся в Россию. В 1928–1929 гг. работал стажером химкомбината городского банка. С июня 1929 г. по ноябрь 1933 г. – экономист Березниковского химкомбината. Последние годы жизни работал начальником планового отдела Лутугинского чугунолитейного завода в Луганской области. Все эти данные почерпнуты из личного дела П.О. Зыбалова, хранящегося в Российском

государственном архиве экономики (Ф.8879. Оп.3; благодарим за помощь в разыскании дела С.М. Соловьева). Поскольку в анкете Зыбалова записано «под судом и следствием не состоял», очевидно, что он подвергся административной высылке из Москвы. О принадлежности Зыбалова к партии меньшевиков и вхождении в ЦК этой партии сведений не имеется. Возможно, в личных разговорах с Шаламовым в Березниках он говорил о своих симпатиях к меньшевикам в годы учебы в МГУ. Биография П.О. Зыбалова, как и его дочери Галины Павловны Зыбаловой, героини одноименного рассказа Шаламова, требует дополнительного исследования. – 63, 137, 227-231

Зиновьев Г.З. (1883–1936, расстрелян) – деятель большевистской партии. – 103

Игнатъев Алексей Алексеевич (1877–1954) – генерал, граф, автор мемуаров «Пятьдесят лет в строю». – 53

Иноземцев Иван Дмитриевич – з/к, помощник П.П. Миллера, осведомитель. – 66, 83-84, 141

Иноземцев Николай Иванович – з/к, бывший главный инженер Мотовилихинского завода. – 72, 202

Кант И. – немецкий философ. – 168

Капеллер Вильгельм Александрович (1880–1937, расстрелян) – з/к, инженер, осужденный за «вредительство», начальник ТЭЦ Березниковского химкомбината в 1931–1937 гг. – 69-70, 139-140, 143, 228

Каппель В.О. – генерал белой армии. – 124

Карлов – з/к, уголовник-рецидивист. – 54-55

Карновский – з/к, начальник санчасти. – 51, 100, 105

Киров Сергей Миронович (1886–1934) – с 1930 г. член Политбюро ЦК ВКП(б), с 1934 г. – секретарь ЦК ВКП(б). Убийство Кирова 1 декабря 1934 г. послужило поводом для начала массовых репрессий. – 180, 205, 213

Козубский Остап Семенович – з/к, заместитель начальника отдела труда Вишлага. – 50, 52-53

Колесниченко Раиса – з/к, делопроизводитель. – 129

Корнилов Л.Г. – генерал. – 53, 207

Костерин Алексей Евграфович (1896–1968) – журналист и писатель, был репрессирован.) – 39

Костерина Нина Алексеевна (1921–1941) – дочь А.Е. Костерина, автор «Дневника». – 39, 41

Кропоткин П.А. (1842–1921) – революционер и ученый. – 103, 107

Крупская Н.К. – 118

Крыленко Н.В. (1885–1938, расстрелян) – с 1928г. прокурор РСФСР, с 1931 г. – нарком юстиции РСФСР, с 1936 г. – нарком юстиции СССР. – 150, 165

Кудрявцев Василий Дмитриевич (у Шаламова ошибка памяти – Николаевич) – начальник первого (Вижаихинского) отделения Вишлага. – 105-107, 269, 274

Кузнецов Павел Павлович – з/к, сослуживец Шаламова по отделу труда, любитель театра. – 66, 73, 80, 83-84, 86, 89, 94, 98-99, 104-105, 114, 207

Курилка (Курилко) И. А. – комендант пересыльного пункта в Соловецком лагере, прославившийся своей жестокостью. Расстрелян в 1929 г. – 52, 60, 170

Лазарсон Борис Маркович – з/к, инженер, начальник строительства в Лёнвенском (Березниковском) отделении Вишлага. – 65-67, 79-80, 82, 94, 171-172

Лапин Эрнест Оттович (1892–1938, расстрелян) – начальник водного транспорта Вишлага. Взят Э.П. Берзиным на Колыму. Работал начальником морского транспорта Дальстроя. В 1935 г. награжден орденом Трудового Красного Знамени. – 26

Лафатер И.К. (1741–1801) – швейцарский писатель и ученый, заложил основы криминальной антропологии и физиогномики. – 64

Левин Лев – переводчик в Березниках. – 138, 142, 222

- Ленин В.И.** – создатель Советского государства. – 7-8, 15, 40, 61, 63, 110, 118, 177-178, 214, 260
- Лехт Фридрих Карлович** (1887–1961) – советский художник. В 1930–1932 неоднократно был на строительстве Березниковского химкомбината, где сделал большую серию графических и живописных работ. – 24, 62, 64, 79, 86, 138
- Ливеровский А.В.** (1867–1961) – русский и советский инженер путей сообщения. – 268
- Лимберг** – один из заместителей Э.П. Берзина в управлении Вишлага. Судьба неизвестна. – 52, 60-61, 157, 168-169, 170
- Лимберг**, жена Лимберга. – 170
- Локкарт Р.Б.** – британский дипломат. – 18, 52, 201, 205, 209, 211, 214
- Львов Г.Е.** – князь, министр-председатель Временного правительства в 1917 г. – 120, 184
- Майсурадзе Александр Николаевич** (1897–1938, расстрелян) – з/к, осужден как «социально-вредный элемент». Сослуживец Шаламова по УРО Вишлага. В 1931 г. досрочно освобожден. Взят Э.П. Берзиным на Колыму, работал начальником УРО Севвостолага. – 18, 26, 54, 104, 106, 108-109, 133-134, 138, 206, 229
- Майеровский (Першин)** – з/к, крупный вор-рецидивист. – 56, 189
- Маржанов Федор Иванович** – з/к, делопроизводитель. – 50-51
- Маяковский В.** – 100, 216-217
- Менжинский В.Р.** (1874–1934) – председатель ОГПУ (1926–1934). – 178, 276
- Мережковский Д.** – 36
- Миллер Павел Петрович** – з/к, бывший начальник Самарского военного строительства, осужденный за «вредительство». Начальник производственного отдела Березниковского отделения Вишлага. Судьба неизвестна. – 16, 66-67, 72-73, 78-80, 82-88, 89-94, 96, 102, 104, 140-141, 172, 174, 193, 202, 215
- Мордухай-Болтовский Владимир Дмитриевич** (1884 – начало 1960-х гг.) – з/к, из дворянской семьи, окончил Петербургский институт инженеров путей сообщения. В 1920-е гг. входил в состав комиссии по строительству ВСНХ СССР. Благодаря знакомству в детстве с председателем ВЦИК М.И. Калининым пользовался его покровительством, тем не менее был осужден за «вредительство». На строительстве Вишерского ЦБК пользовался большим авторитетом как специалист. Автор идеи устройства «тепляков» на стройке, что помогло вести работы в зимнее время. Взят Э.П. Берзиным на Колыму. Работал начальником управления строительства Дальстроя. Избежал расстрела по «делу Берзина». Биография требует дополнительного изучения. – 18, 200, 202
- Муравьев** – начальник управления Вишлага в 1929 г. – 52
- Нестеров Иван Степанович** – комендант Вижаихинского отделения Вишлага. – 44-45, 105-107, 167, 198, 204
- Нечаев С.Г.** (1847–1882) – русский революционер-нигилист и авантюрист. – 71
- Николай II** – 53, 207
- Никулин Лев** (1891–1967) – писатель. – 101-102
- Новиков** – з/к, инженер. – 87-88, 141
- Овидий Назон Публий** – древнеримский поэт. – 178, 206
- Ожегов С.И.** – лингвист. – 55
- Озол** – начальник отдела ОГПУ в Березниках. – 143-144, 225-226
- Окулов Алексей Иванович** (1880–1939) – деятель революции и писатель. Репрессирован. – 53
- Оле (Ойле)** – комендант Холмогорского лагеря. – 59, 157
- Омельянович** – заместитель начальника Березникимстроя М.А. Грановского. – 95
- Осипенко Иван Зиновьевич** (1882–?) – з/к, завхоз Вишлага, бывший секретарь петроградского митрополита Питирима. – 89-90, 93, 101-102, 206

Орджоникидзе Григорий (Серго) Константинович (1886–1937) – нарком РКИ (рабоче-крестьянской инспекции) в 1926–1930 гг. и тяжелой промышленности в 1932–1937 гг., председатель ВСНХ СССР в 1930–1932 гг. Приезжал в Березники. – 24, 109–110, 190, 192

Павлов Карп Александрович (1895–1957) – директор колымского Дальстроя с декабря 1937 до октября 1939 г. Этот период стал пиком массовых репрессий на Колыме. – 73, 152, 213

Павловский Иван Анатольевич – з/к, бывший царский офицер, осведомитель. – 37, 66, 80, 82–83, 89, 92, 102–103

Пастернак Б. – 9, 14, 66, 119, 244, 248

Паустовский К. – 13, 221–222, 228

Пекерский – бывший сотрудник ОГПУ. – 89, 97, 102

Пемов Абрам Наумович (1895–1944) – в 1928–1931 гг. заместитель начальника строительства Вишерского ЦБК. Взят Берзиньим на Колыму. В 1935 г. начальник Горного управления Дальстроя, в 1938 г. заместитель начальника Дальстроя. Умер в заключении. – 284

Перовская С.Л. (1851–1881) – народоволка. – 91

Песнякевич – следователь Березниковского отделения ОГПУ. – 199–200, 203

Пестель П.И. (1793–1826) – декабрист. – 71, 212

Пешин Петр Иванович – з/к, бывший ректор Свердловского партинститута. – 59–60, 210

Питерский – з/к, предшественник Шаламова по должности в Березниках. – 63–66, 171

Питирим (Окнов) Павел Васильевич, 1858–1920) – митрополит Петроградский и Ладонский, поддерживал Гр. Распутина. – 101–102

Плеве – з/к со сроком 10 лет. – 92, 199

фон Плеве В.К. (1846–1904) – директор департамента полиции и министр внутренних дел России. Убит эсером Е. Созоновым. – 92

Погодин Н. (1900–1960) – советский драматург, автор пьесы «Аристократы». – 24, 57, 163

Покровский Владимир Павлович (1893–1973) – з/к, инженер. Окончил Тенишевское училище (1911) и Институт гражданских инженеров (1914); в 1914–1917 годах – поручик лейб-гвардии конно-гренадерского полка. В 1920-х годах – инженер завода «Гидравлика». Арестован 19 февраля 1931 года по делу контрреволюционной группы бывших офицеров царской армии, приговорен к 10 годам лагерей; 25 августа 1932 года освобожден условно и назначен на работу в Особый гидротехнический отдел Техотдела ОГПУ в Москве. Биография требует дополнительного изучения. В 1960-е годы Шаламов встречался с ним в Москве. – 20, 77, 99, 104–105, 167–168, 178–179, 266–268, 201–204

Попермейстер – з/к, сидевший с Шаламовым в Бутырской тюрьме. – 40

Призьба – сотрудник центрального аппарата ОГПУ. – 104

Радек К.Б. (1885–1939) – деятель большевистской партии. – 139

Радова Анна – поэт, переводчик. – 266, 268

Раевский – з/к, бывший царский офицер, командир 9 роты Вишлага. – 46

Раковский Христиан Георгиевич (1873–1941) – активный участник левой оппозиции, автор «Письма о причинах перерождения партии и государственного аппарата», написанного в ссылке в Астрахани в 1928 г. («Заявление Раковского»). – 46, 140

Рамзин Леонид Константинович (1887–1948) – видный ученый-теплотехник, осужденный по делу «Промпартии». См. справку на с. 70 данного издания. – 70–71, 73, 125, 140, 146, 206, 215, 220–221

Распутин Григорий Ефимович (1869–1916) – «старец», друг семьи императора Николая II. – 89–90, 93, 101

Рачев Тимофей Иванович – один из руководителей строительства в Березниках. – 143, 221, 228–229

Ремарк Э.М. – немецкий писатель. – 134

- Ромашов Б.** (1895–1958) – советский драматург. – 124
- Рубинштейн Дмитрий** Леонович (1876–1937) – петербургский банкир, приближенный Г. Распутина. – 102
- Руденко** з/к, бывший жандармский полковник. – 50, 178
- Руссо Жан-Жак** – 70, 121, 185
- Рыков Алексей Иванович** (1881–1938) – председатель Совнаркома СССР в 1924–1930 гг. – 63
- Рындаков Сергей** – з/к, уголовник. – 97, 133
- Самойленко-Гольдман** – з/к, аферист. – 73-74, 98
- Свешников** – з/к, инженер. – 70
- Сиротинская Ирина Павловна** (1932–2011) – хранительница литературного наследия В. Шаламова. – 6, 9, 11, 12, 27-33, 175, 177, 244, 260, 263
- Смилга И.Т.** (1892–1837, расстрелян) – деятель левой оппозиции в 1920-е гг. – 140
- Созонов Егор Сергеевич** (1879–1910) – эсер-террорист. – 132
- Соколовский Дмитрий Степанович** – ведущий автор проекта и главный инженер строительства ВИШХИМЗ в 1927–1931 гг., в 1932 г. – директор ВИШХИМЗ. – 269
- Солженицын А.** – 10, 13-14, 25, 70, 161
- Сольве Эрнест** (1838–1922) – бельгийский ученый-химик, совладелец фирмы «Любимов, Сольве и Ко», владевшей содовым заводом в Березниках. – 62
- Спартак Николай Петрович** – комендант Северного отделения Вишлага в 1931 г. – 117
- Спиридонова Мария Александровна** (1884–1941) – член ЦК партии левых эсеров. – 132
- Сталин Иосиф Виссарионович** (1878–1953) – с 1922 г. генеральный секретарь ВКП(б). С 1941 г. председатель Совета министров СССР. – 6-9, 15-16, 20, 23, 26, 40, 41, 61, 69-70, 97, 150, 156, 177-178, 200, 204-206, 212-214
- Степанов Михаил Степанович** – з/к, бывший эсер, делопроизводитель Соловецкого лагеря. – 108-110, 189-192
- Степанов** – начальник Северного лесозаготовительного отделения Вишлага. – 116, 127
- Стуков Михаил Васильевич** – начальник Березниковского отделения Вишлага. Судьба неизвестна. – 16, 43, 66-68, 73, 77, 79-82, 84-85, 90-93, 96, 98, 100, 102, 104, 131, 135, 137, 141, 144, 172, 174, 193-194, 204, 253
- Тамарин-Мерецкий Александр Александрович** (1882–1938) – з/к, агроном «сельхоза» Вишлага (Опытного поля, где выращивались овощи для снабжения лагеря и района). В добавление к справке на с.207 данного издания приведем сведения, опубликованные в 1990 г. дочерью М.А. Тамариной: «А.А. Тамарин родился в 1882 г. в Крыму в семье дворянина, офицера в отставке, участника обороны Севастополя 1854–1855 гг. Закончил императорский Лесной институт по специальности учений-растениевод. На средства Ялтинского земства в 1906–1907 гг. продолжал образование во Франции. С 1914 г. по 1917 г. был военным корреспондентом, выезжал на Галицийский, Кавказский фронты. Последний чин – поручик. После Октябрьской революции командовал отрядом Красной гвардии, с 23 февраля 1918 г. был на высших командных должностях (комдив, комкор, командарм Отдельной Бухарской армии). Служил в Средней Азии по ликвидации басмачества. Был уволен в запас по болезни в 1925 г. Жил в Москве, работал профессиональным журналистом-литератором, постоянно сотрудничал в ряде московских газет. В апреле 1927 года отец был арестован, по постановлению Особого совещания ОГПУ заключен в концлагерь сроком на 3 года. Отбывал заключение в 4-м отделении Соловецкого концлагеря – Вишлага, где в 1929 г. познакомился с В.Т. Шаламовым. Накануне освобождения постановлением ОГПУ от 7 октября 1929 г. был повторно осужден к 7 годам. 3 октября 1932 г. был освобожден из мест заключения с правом проживания по всей территории Советского Союза, включая Москву. В Москву он не вернулся, а принял предложение Э.П. Берзина и переехал в Приморье на станцию Океанская под Владивостоком. Работал по договору с «Дальстроем» по

организации опытных сельхозов в Приморье. В 1934–1935 гг. был членом Владивостокского райисполкома. Постановлением ВЦИК СССР от 22 марта 1935 г. с него была снята судимость. 14 мая 1938 г., находясь в отпуске в Москве, был арестован по делу Берзина – «Дальстрой». Погиб в возрасте 56 лет, пережив Берзина на полтора месяца». («Книжное обозрение», 1990, 18 мая). Биография А.А. Тамирина требует дополнительного исследования, в том числе в части его журналистско-литературной деятельности. – 18, 19, 26, 33, 52–55, 75, 207–214

Татаринцев – з/к, московский инженер. – 99

Теплов – заместитель начальника Вишлага. – 46, 52, 59–60, 133, 135, 169, 210

Тимофеев Леонид Иванович (1903–1984) – литературовед. – 55

Третьяков Сергей Михайлович (1892–1937, расстрелян) – писатель, деятель ЛЕФа. – 136

Троцкий Л.Д. – лидер левой оппозиции в 1920-е гг. – 27, 110, 177–178, 205, 260

Тухачевский М.Н. (1893–1937, расстрелян) – военачальник. – 108, 191

Ушаков Константин Васильевич – сотрудник МУРа, осужденный за служебное преступление. В Вишлаге занимал должность начальника третьего (особого) отдела ОГПУ. Позднее работал в системе Дальстроя. Ср. приказ директора Дальстроя К.А. Павлова 9 марта 1939 г.: «Начальником отдела УТРО НКВД по борьбе с побегами и лагерным бандитизмом назначить тов. Ушакова К.В.» – *Бацаев И.Д., Козлов А.Г.* Дальстрой и Севвостлаг ОГПУ–НКВД СССР в цифрах и документах. Магадан. СВКНИИ ДВО РАН. 2002. Ч.1. С.338. – 64, 68–69, 89, 172–173, 203, 229

Фарфоровский Владимир Дмитриевич (1888–1931) – з/к, бывший священник Ярославской губернии. Отбывал срок по ст.58-10,11 в Северном лесозаготовительном районе Вишлага. – 254, 264–266

Федорова Зоя Петровна – з/к, зубной врач из Ростова (фамилия упоминается в черновиках). – 132

Федорович – з/к, профессор в Березниках. Вероятно, перепутана фамилия, т.к. характеристика Шаламова не соответствует личности Федоровича Иосифа Иосифовича (1875–1937, расстрелян) – горного инженера, одного из организаторов горноспасательного дела в России, осужденного по «шахтинскому процессу» и делу «Промпартии». – 140–142

Филиппов Иван Гаврилович (1884–1940) – начальник Вишлага с мая 1929 по июнь 1932 г., заместитель Э.П. Берзина по лагерю. Родился в г. Свияжск Рязанской губернии. Окончил уездное училище. Работал на Путиловском заводе в Петербурге. В 1914–1917 гг. рядовой, ефрейтор запасного полка. Член ВКП(б) с 1917 г. С 1918 г. – в ВЧК, сотрудник особого отдела 1 армии. В 1922–1929 гг. – сотрудник и начальник III отделения спецотдела ОГПУ. Член комиссии по досрочному освобождению заключенных Соловецкого лагеря. Награжден нагрудным знаком почетного работника ВЧК–ОГПУ. С 1934 г. начальник Севвостлага на Колыме, сменив на этой должности Р.И. Васькова. Арестован по «делу Берзина» 17 декабря 1937 г. Умер во время следствия в Магаданской тюрьме 8 мая 1940 г. Вопреки утверждениям Википедии, «активного участия в сталинских репрессиях» не принимал. В следственных показаниях Филиппова от 22 декабря 1937 г., добытых путем пыток, фантастика смешана с реальностью, тем не менее реальность – гуманное отношение к заключенным (как и на Вишере) – проступает вполне явно: «...Вредительство по линии лагеря проводилось под моим и Берзина непосредственным руководством. До декабря сего года на Колыме фактически концентрационных лагерей не существовало, несмотря на то, что сюда присылались за самые опасные контрреволюционные преступления. Охрана лагерей была лишь формальной – сторожевых вышек не было, да и сейчас их, кроме Магадана, нигде нет (в Магадане вышки построены 25–27 ноября с.г.). Заключенные лагерники свободно передвигались. Мы считали заключенных на Колыме своими людьми и старались всемерно улучшить их материально-бытовое положение...». (*Козлов А.Г.* Из истории колымских лагерей (конец 1937–1938 гг.) // Краеведческие записки. Вып. XIX. Магадан, 1993. С.123. Подробнее см: *Есипов В.* Как включить дифференциатор?

(Начальник лагеря И.Г. Филиппов: глазами Шаламова и глазами современных «энциклопедистов») – URL: <https://shalamov.ru/research/428/>. – 18-20, 22-23, 26, 49, 56, 60, 64, 75, 90, 103-105, 118, 134, 136, 169, 222, 229, 253, 269, 275-276

Финдики Виктор Петрович – з/к, инженер, лауреат Сталинской премии второй степени за 1950 г. в области химии и химической технологии. (Фигурирует в списке лауреатов, опубликованном в газете «Правда» 16 марта 1951 г.). Биография требует дополнительного изучения. – 71-72, 202, 214-215

Фридланд (Фридланд) Лев Семенович (1888–1960) – врач-венеролог, автор популярной книги «За закрытой дверью» (1927). – 119

Фрунзе М.В. (1885–1925) – революционер, военачальник, в 1925 г. председатель Реввоенсовета СССР, нарком по военным и морским делам. – 108

Ходе-Долецкий – з/к, участник левой оппозиции. – 135

Хрипок – начальник конвоя Березниковского отделения Вишлага. – 64

Цветаева М. – 129

Цветаева А. – 129

Цирко Федор – з/к, бывший начальник погранзаставы, осужденный за служебное преступление. Взят Э.П. Берзиным на Колыму. Судьба не установлена. – 42, 229

Целовальникова Александра (Шура) – з/к, нарядчица. – 91

Черток – следователь московского ОГПУ. – 36, 39, 255-256, 258

Чистяков – главный инженер строительства в Березниках. – 95, 221

Шанин А.М. (1894–1937, расстрелян) – руководитель комиссии ОГПУ по расследованию злоупотреблений в Соловецких лагерях в 1929–1930 г.г. – 52

Шахильдян Ваган Пирумович (1931–1938, расстрелян) – в 1930–1934 гг. секретарь Березниковского райкома ВКП(б). – 92, 95, 111

Ширинкин Степан Петрович – бывший служащий бельгийской (французской) концессии. – 10, 70, 121-122, 185, 254

Шмидт Николай Павлович (1883–1907) – фабрикант, участник революции 1905 г., оставивший наследство РСДРП. – 112

Шмидт Петр Петрович (1867–1906) – лейтенант Черноморского флота, один из руководителей Севастопольского восстания 1905 г. – 112

Шор – з/к, зав. подсобными предприятиями Вишлага. – 91-92, 200

Шрейдер Ю.А. (1927–1998) – философ, знакомый В. Шаламова. – 18, 28-29, 154

Щербаков – начальник конвоя Вишлага. – 42-45, 67, 132, 145-146, 164, 195-197, 253

Эккерман – секретарь И.-В. Гёте. – 152

Элькин – сотрудник администрации Вишлага. – 136

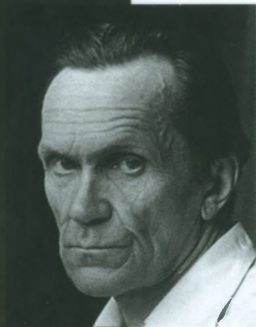
Энвер-паша (1881–1922) – османский военный и политический деятель, один из участников и идеологов геноцида армян в 1915 г. В 1921–1922 гг. руководил басмаческим движением. – 53-54, 208, 211

Эпштейн Лев Маркович (1899–1941) – консультант и начальник планового отдела строительства ВИШХИМЗ. Взят Э.П. Берзиным на Колыму. С 1933 г. помощник директора Дальстроя по экономике. В 1935 г. награжден орденом Красной Звезды. Арестован по «делу Берзина» 5 декабря 1937 г. Покончил жизнь самоубийством во время следствия. – 18, 19, 169

Южанин (Гуревич) Борис Семенович (1896–1962) – з/к, создатель движения «Синей блузы». – 76, 111, 126, 129, 216-220

Ягода Генрих Григорьевич (1891–1938, расстрелян) – с 1927 г. заместитель председателя и начальник секретно-политического отдела ОГПУ, в 1934-1936 гг. нарком внутренних дел СССР. – 82, 256

Ярошенко Н.А. (1846–1898) – русский художник. – 161

Что мне дала Вишера?
Это три года разочарований
в друзьях, несбывшихся детских
надежд. Необычайную уверенность
в своей жизненной силе. Испытанный
тяжелой пробой – начиная с этапа из
Соликамска на Север в апреле
1929 года, – один, без друзей и
единомышленников, я выдержал
пробу – физическую и моральную.
Я крепко стоял на ногах и не боялся
жизни. Я понимал хорошо, что жизнь –
это штука серьезная, но бояться ее
не надо. Я был готов жить.

Варлам Шаламов

ISBN 978-5-6047513-0-5

9 785604 751305